

Международный проект в сфере публичной дипломатии «Точки Роста» – комплекс образовательных мероприятий, в рамках которого молодым участникам демонстрируются преимущества Евразийского экономического союза и Союзного государства России и Белоруссии. Проект реализуется АНО «Институт Русского зарубежья» совместно с партнёрскими организациями с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

В сборнике экспертно-аналитических материалов проекта за 2020–2021 гг. представлены тексты выступлений, докладов, лекций экспертов, а также статьи, содержащие итоги форсайт-сессии и исследований методом экспертного опроса и фокус-групп, представляющие взгляд молодых участников проекта на современные проблемы и будущее евразийской интеграции. В итоговом экспертном докладе, подготовленном по результатам ситуационного анализа, содержатся практические рекомендации для государственных органов, евразийских наднациональных структур, научно-экспертных организаций и иных центров принятия решений.

На фото – эксперты проекта во время проведения ситуационного анализа «Точки Роста: Евразийская повестка 2030».

ТОЧКИ РОСТА: Евразийская повестка – 2030

ТОЧКИ РОСТА

Евразийская повестка

2030

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

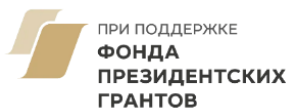

ISBN 978-5-91556-749-7

100-летию Евразийства посвящается

Ассоциация содействия развитию
интеграции, социально-культурному и
дипломатическому сотрудничеству

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

ТОЧКИ РОСТА: Евразийская повестка – 2030

*Сборник экспертно-аналитических материалов
Международного проекта
в сфере публичной дипломатии «Точки Роста»
2020 – 2021 гг.*

Москва, 2021 г.

ББК 66.4

Т 643

Оргкомитет проекта «Точки Роста»:

С.Ю. Пантелеев (председатель), Д.Э. Зинковская, С.С. Луц.

Сборник издан с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов

Редакционная коллегия:

Ф.А. Гайда, А.В. Гуцин, Д.Г. Евстафьев, Б.В. Межуев, С.Ю. Пантелеев (ответственный редактор), В.А. Сапрыка, Е.В. Шавина.

ТОЧКИ РОСТА: Евразийская повестка – 2030; Сборник экспертно-аналитических материалов Международного проекта в сфере публичной дипломатии «Точки Роста» 2020 – 2021 гг. / Отв. ред. С.Ю. Пантелеев. – Москва: Институт Русского зарубежья, 2021. – 457 с. ISBN 978-5-91556-749-7

В сборнике экспертно-аналитических материалов Международного проекта в сфере публичной дипломатии «Точки Роста», реализуемого АНО «Институт Русского зарубежья» совместно с партнёрскими организациями с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов, представлены материалы мероприятий, проведённых в 2020-2021 гг., а также итоговый экспертный доклад, подготовленный по результатам ситуационного анализа «Точки роста: Евразийская повестка 2030». В издании, наряду с текстами экспертов, отражены результаты проведённых с молодыми участниками проекта фокус-групп и форсайт-сессии, представлен взгляд молодёжи на проблемы евразийской интеграции и желаемое будущее Евразийского союза к 2030 г.

Сборник ориентирован на студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников, экспертов в области международных отношений, политологов и политиков, всех, интересующихся вопросами евразийской интеграции, геополитики и современного Евразийства.

© Коллектив авторов, 2021

© АНО «Институт Русского зарубежья», 2021

Содержание

Предисловие.....	11
I. Пандемия коронавируса, мировой экономический кризис, ЕАЭС и ЕС: победа изоляционизма?.....	20
<i>Сергей Пантелеев, Сергей Луц</i> «В условиях пандемии ЕАЭС брошен беспрецедентный вызов».....	20
<i>Роман Гришенин</i> «Евразийская интеграция может пойти более быстрыми шагами».....	23
<i>Пётр Петровский</i> «Коронавирус – не причина, а катализатор экономического кризиса».....	25
<i>Дмитрий Евстафьев</i> «Коронавирус захватил пространство культуры, которая считалась основной для глобализации».....	31
<i>Айк Халатян</i> «Успех Евразийской интеграции будет зависеть от того, насколько Россия сможет стать сильной».....	35
<i>Борис Межуев</i> Остров Россия?.....	37
<i>Алексей Дзермант</i> «Нынешний кризис – «момент истины» для Евразии».....	42
<i>Фёдор Гайда</i> «Раннее средневековье снова наступает».....	45
<i>Станислав Бышок</i> «Прыжок на месте». Национализм и глобализация в мире после коронавируса.....	49
<i>Надежда Бабурова</i> «Социальная взаимопомощь – делать то, что полезно для каждого».....	56
<i>Олег Сулица</i> Нынешний кризис и точки роста.....	58
<i>Сергей Пантелеев</i> «Здравствуй, дивный новый мир!».....	61
II. Мир после коронавируса – Евразийская повестка 2030.....	65

<i>Сергей Пантелеев</i> О дураках, дорогах и молодых солдатах Евразии.....	65
<i>Дмитрий Евстафьев</i> «Превратить евразийство в практическую концепцию».....	68
<i>Александр Гуцин</i> «Альтернативы нашей интеграции нет».....	72
<i>Пётр Петровский</i> «Найти себя в высокотехнологичном развитом обществе Евразии».....	80
<i>Юрий Шевцов</i> За российским ядерным щитом.....	83
<i>Борис Межуев</i> Человеческое измерение для Евразии.....	86
<i>Алексей Дзермант</i> Балтийская Русь: модель для сборки.....	91
<i>Станислав Бышок</i> Наш интеграционный проект – это не «Ноев ковчег».....	94
<i>Фёдор Гайда</i> Прорыв дадут воля и творческий порыв.....	98
<i>Айк Халатян</i> «Наша интеграция не должна зависеть от субъективных факторов».....	102
<i>Александр Носович</i> «Мы присутствуем при конце Атлантической эпохи нашей истории».....	105
<i>Роман Гришенин</i> «Один из ключевых недугов ЕАЭС – недостаточная медийность и гласность».....	110
<i>Сергей Пантелеев</i> «Евразийская повестка 2030: жить, создавать семьи, рожать детей, строить дома и выращивать деревья».....	114
III. Точки Роста Евразийской интеграции.....	118
«Точки Роста – Белоруссия».....	118
<i>Дмитрий Евстафьев</i> Мир на пороге «коалиционной полицентричности».....	118
<i>Алексей Дзермант</i> «Борьба идёт не за государство, а за его превращение в зону хаоса».....	124
<i>Сергей Пантелеев</i> О евразийских ценностях, национализме и дружбе народов.....	127
«Точки Роста – Казахстан».....	130

<i>Марина Лапенко</i> Российско-казахстанское приграничье и новый формат Евразийства.....	130
<i>Алибек Тажибаев</i> Как совместить национальную идею, межнациональную дружбу, строительство большого евразийского пространства?.....	133
<i>Борис Межуев</i> Четыре идеи Достоевского как шанс для Евразии.....	137
<i>Дмитрий Евстафьев</i> «Неважно на каком языке кричать о свободной кассе в Макдональдс».....	141
«Точки Роста – Киргизия».....	146
<i>Станислав Епифанцев</i> Сотрудничество стран ЕАЭС в гуманитарной сфере: новые возможности для развития человеческого капитала.....	146
<i>Юрий Шевцов</i> «Выбор Киргизии в пользу России нужно уважать».....	153
<i>Станислав Бышок, Фёдор Гайда, Сергей Пантелеев</i> Экспертный баттл «Глобализация vs Традиция».....	156
«Точки Роста – Армения».....	169
<i>Александр Гуцин</i> Конфликты на постсоветском пространстве и будущее Евразийской интеграции.....	169
<i>Айк Халатян</i> «Вопрос в том, быть или не быть России на Южном Кавказе».....	178
<i>Роман Гришенин</i> «Воевать – грешно!».....	184
«Точки Роста – Россия».....	187
<i>Фёдор Гайда</i> «Евразийские ценности важны в планетарном масштабе».....	187
<i>Алибек Тажибаев</i> «Дружба Достоевского и Валиханова – новая грань анализа евразийской интеграции»..	190
<i>Марина Лапенко</i> «Важно принять нашу историю во всей ее сложности и полноте».....	192
<i>Алексей Дзермант</i> «Думать о том, что наша объединённая Евразия может дать человечеству».....	194
<i>Александр Гуцин</i> «Образование и наука должны пониматься как экспорт ценностей и идей».....	197

<i>Борис Межуев</i> «Евразийство представляет собой сопротивление бунту против пространства».....	199
<i>Сергей Луц</i> «Нашей интеграции нужны практические результаты».....	201
<i>Михаил Сеницын</i> О некоторых аспектах исторической и образовательной политики в Евразии.....	203
<i>Александр Носович</i> Феномен Калининграда и военно-оборонительная ценность евразийского проекта.....	208

IV. «Точки Роста» Евразии в условиях пандемии: 2020-2021..... 211

<i>Дмитрий Евстафьев</i> «Постглобализация подарила нам очень серьезный шанс на интеллектуальное лидерство».....	211
<i>Станислав Бышок</i> «Zoom – общий для европейцев и евразийцев».....	215
<i>Алексей Дзермант</i> «Характеристика евразийских государств – предельная хрупкость».....	218
<i>Борис Межуев</i> «Смирись, гордый человек...».....	221
<i>Марина Лапенко</i> «Когда мы работаем с молодёжью, очень важно быть на их волне».....	224
<i>Сергей Луц</i> «Нам нужно больше историй успеха»..	228
<i>Фёдор Гайда</i> «Наш мир всё больше являет собой разрыв между словами и делами».....	230
<i>Александр Гуцин</i> «Постсоветского пространства больше нет».....	234
<i>Михаил Сеницын</i> «Не нужно евразийской идеей затмевать образ России».....	236
<i>Роман Гришенин</i> «Молодёжи нужны полезные навыки».....	239

V. Евразия: «Точки Роста» и вызовы будущего – повестка 2030..... 240

<i>Дмитрий Евстафьев</i> Евразия 2030: вызовы сегодня для результата послезавтра.....	240
---	-----

<i>Александр Гуцин</i> Будущее Евразийской интеграции в контексте современных геополитических процессов.....	249
<i>Евгения Шавина</i> Стратегия опережающего развития стран ЕАЭС.....	257
<i>Фёдор Гайда</i> Евразийский союз: история, опрокинутая в будущее.....	264
<i>Борис Межуев</i> Метафора «Евразийской Атлантиды» в прошлом, настоящем и будущем.....	278
<i>Алексей Дзермант</i> Каким должно быть евразийство в XXI веке?.....	290
<i>Юрий Шевцов</i> Евразийская политическая аналитика: опыт глобального прогнозирования.....	302
<i>Сергей Пантелеев, Виктор Сапрыка, Александр Пастюк</i> К результатам форсайт-сессии «Евразийская повестка 2030».....	316

VI. «Точки Роста»: историческая политика, ценностные и мировоззренческие основания Евразийской интеграции..... 332

<i>Сергей Пантелеев</i> Общее дело против ложного национализма. К 100-летию Евразийства.....	332
<i>Алексей Авдонин</i> «Основными драйверами роста будут являться люди».....	343
<i>Пётр Петровский</i> «Мы должны научиться принимать решения на наднациональном уровне».....	348
<i>Айк Халатян</i> «Важно уметь доносить до людей информацию о плюсах евразийской интеграции».....	352
<i>Максим Крамаренко</i> Нам нужна визуализация «Евразийской Мечты».....	355
<i>Фёдор Гайда</i> Исторические основания евразийской интеграции.....	360
<i>Андрей Никифоров</i> Современное евразийство: взгляд из Крыма.....	369

<i>Евгения Шавина</i> Евразийская интеграция: потенциал развития и точки роста.....	384
<i>Виктор Сапрыка, Александр Пастюк</i> Ценностные и мировоззренческие основания Евразийской интеграции (результаты исследования методом фокус-группы).....	389
VII. Точки Роста: Евразийская повестка 2030. Доклад-отчёт по итогам ситуационного анализа, проведённого экспертами проекта «Точки Роста» в г. Коломна 17 августа 2021 г.	424
Об авторах.....	454

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изданием сборника экспертно-аналитических материалов за 2020-2021 гг. Институт Русского зарубежья подводит итоги первого этапа Международного проекта в сфере публичной дипломатии «Точки Роста», который реализуется с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Это было очень непростое время пандемии коронавируса, серьёзно повлиявшей и на содержание, и на формат, и на сроки реализации проекта.

Изначально идея запуска проекта состояла в проведении в течение первого полугодия 2020 г. двух мероприятий – Международного форума «Точки роста: историческая политика, ценностные и мировоззренческие основания Евразийской интеграции» в г. Минск и Международного форума «Евразия: "Точки Роста" и вызовы будущего – повестка 2030» в г. Псков. Однако пандемия и связанные с ней ограничения – закрытие границ, карантинные меры, запрет на проведение публичных мероприятий и пр. – внесли существенные изменения в ход реализации проекта.

Международный проект «Точки Роста» задумывался как комплекс образовательных мероприятий, на которых его молодым участникам – студентам-международникам, молодым общественникам, политикам и предпринимателям, будут продемонстрированы преимущества Евразийского экономического союза и Союзного государства России и Белоруссии.

Планировалось, что молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет при поддержке экспертов примут участие в креативной разработке «точек роста» евразийской интеграции – гуманитарных, социально-экономических и технологических решений, направленных на развитие евразийских интеграционных проектов.

На международных форумных площадках, организованных в рамках «Точек Роста», должна была пройти серия тренингов и мастер-классов, лекций и семинаров, форсайт-сессий и фокус-групп. Работа экспертов с молодёжью предусматривалась в формате «диалог на равных», что должно было стать отличительной чертой проекта.

Невозможность проведения мероприятий в привычном очном формате поставила оргкомитет перед выбором – ждать, когда пандемия пройдёт, или попытаться в этих новых условиях, характерной чертой которых стала полная неопределенность и невозможность даже краткосрочного планирования, пытаться выстроить то, что возможно «здесь и сейчас».

Ранее запланированные мероприятия в Минске и Пскове по согласованию с Фондом было решено переносить на более поздний срок, сконцентрировавшись на формировании содержательной повестки посредством работы с участниками и экспертами в дистанционном режиме.

29 апреля 2020 г. состоялся первый круглый стол в режиме онлайн **«Пандемия коронавируса, мировой экономический кризис, ЕАЭС и ЕС: победа изоляционизма?»**, основными задачами которого стало формирование экспертного пула проекта и уточнение в связи с очевидными изменениями в мировой политико-экономической повестке содержания запланированных очных мероприятий.

5 июня на втором дистанционном круглом столе **«Мир после коронавируса – Евразийская повестка 2030»** эксперты впервые отработали механизм диалога в режиме онлайн с молодыми участниками. На мероприятии оформилась в своей основе экспертная команда проекта, ставшая в дальнейшем его «визитной карточкой».

Развернувшийся с августа 2020 г. в Белоруссии политический кризис поставил под вопрос саму возможность проведения форума в Минске. К неопределенности, связанной с коронавирусом, добавились ещё и политические потрясения, вскоре развернувшиеся и на Южном Кавказе (война в

Нагорном Карабахе, сентябрь-ноябрь 2020 г.), и в Киргизии (революция 5-15 октября 2020 г.). Таким образом в октябре 2020 года три из пяти государств, входящих в ЕАЭС, переживали острый политический кризис, внутри союза в связи с пандемией были перекрыты границы, разрушены привычные логистические связи, значительная часть общества пребывала в состоянии депрессии, страха и уныния.

В этих условиях возникла идея проведения **Онлайн-марафона проекта «Точки Роста»** как серии дистанционных площадок в рамках общего мероприятия, каждая из которых была бы посвящена отдельному государству ЕАЭС, а в целом подчеркивала бы связность Евразийского союза, солидарность и взаимоподдержку между гражданами его государств. 27-30 октября были проведены 4 онлайн-сессии («**День Белоруссии**», «**День Казахстана**», «**День Киргизии**», «**День Армении**»), а 3 ноября, накануне Дня народного единства, прошла «пленарная» часть онлайн-марафона, которая позиционировалась как «**День России**», с участием партнёров, экспертов проекта, молодых участников из всех стран.

Работа с молодыми участниками была организована посредством создания в странах и регионах т.н. «удалённых групп» молодёжи, каждая имеющая своих «координаторов», ответственных за регистрацию, сбор, участие и выполнение «домашнего задания». «Удалённые группы» были созданы в Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Армении, а также в Москве, Пскове и Луганске в среднем по 20 человек и более. «Координаторами» выступали преимущественно преподаватели вузов или лидеры молодёжных организаций. Тематика каждой онлайн-сессии имела «страновую специфику», совмещая в повестке дня как актуальные социально-политические вопросы, так и долгосрочную общую ценностную интеграционную проблематику.

Были апробированы различные, наиболее подходящие дистанционному режиму, форматы общения экспертов-спикеров с молодыми участниками – «экспертная дискуссия»,

«вопрос-ответ», «домашнее задание», «семинар», «презентация», «экспертный баттл». Символичным стало проведение пленарного заседания как «Дня России» накануне Дня народного единства.

Онлайн-марафон стал центральным событием первого этапа реализации проекта, общее количество его участников превысило 220 человек, оно вызвало широкий общественный резонанс в государствах ЕАЭС и российских регионах. Одним из важнейших достижений мероприятия стало то, что материалы экспертной программы проекта были рекомендованы рядом вузов в России и за рубежом в качестве методических материалов для учебного процесса по теме международных отношений и Евразийской интеграции. Количество откликов в СМИ превысило 100 публикаций (не считая социальных сетей), в том числе в таких изданиях, как Forbes. В результате проведения онлайн-марафона в странах ЕАЭС была выстроена «сеть» «удалённых групп» молодёжи с координаторами.

При подведении итогов «онлайн-марафона» в «День России» участниками впервые была высказана мысль о том, что фирменным стилем проекта «Точки Роста» становится «синергия» и «кумулятивный эффект», позволяющие аккумулировать творческую энергию экспертов и молодёжи и в сложных условиях социальной разобщённости направить их на восстановление и укрепление **социальной связности**.

С целью подведения итогов реализации проекта в 2020 г. при участии Фонда Горчакова 29 декабря было проведено первое очное мероприятие – **экспертный круглый стол ««Точки Роста» Евразии в условиях пандемии: 2020-2021»**. Проведение «живого» экспертного круглого стола сыграло важную роль и с точки зрения консолидации экспертной команды, и с точки зрения планирования работы на втором этапе его реализации, став точкой отчета в процессе постепенной «развиртуализации» проекта.

Начало массовой вакцинации, постепенная нормализация ситуации с пандемией, снятие большей части ограничений позволили в 2021 г. вернуться к привычному очному формату проведения мероприятий, дополнив его опытом работы в онлайн-режиме.

26-29 апреля 2021 г. в старинном русском городе Псков в очно-дистанционном формате состоялся **Международный форум «Евразия: "Точки Роста" и вызовы будущего – повестка 2030»**. Особенностью Форума стала его «футурологическая» тематика и нацеленность программы на формирование позитивного образа будущего Евразийской интеграции («Евразийская повестка – 2030»). Помимо прослушивания футурологических лекций и их обсуждения с известными, уже полубившимися, экспертами, молодых участников ждали мастер-классы, политические и экономические игры, а также большая форсайт-сессия, в ходе которой они сформулировали своё видение Евразийского союза к 2030 г.

26-29 июля в столице Белоруссии г. Минске состоялся **Международный форум «Точки Роста: историческая политика, ценностные и мировоззренческие основания Евразийской интеграции»**, программа которого гармонично соединила ценностную и историческую повестку с практической направленностью. Ребята получили возможность вместе с известными политиками и политологами принять участие в заседании Экспертного клуба Союзного государства, ощутить себя настоящими политиками в ходе стратегической игры, сформулировать свой взгляд на евразийские ценности методом фокус-групп. На большом ситуационном семинаре участники проекта и эксперты подвели итоги более чем годового интеллектуального марафона «Точек Роста» и совместной работы над «Евразийской повесткой – 2030».

Эти наработки легли в основу проведения итогового экспертного мероприятия проекта. 17 августа при гранто-

вой поддержке Фонда публичной дипломатии им. А.М.Горчакова в г. Коломна Московской обл. в рамках **международной экспертной сессии «Точки роста – Коломна»** (16-19 августа 2021 г.) силами ведущих экспертов проекта был проведен **ситуационный анализ «Точки роста: Евразийская повестка 2030»**, по итогам которого был подготовлен одноименный **Доклад**. Итоговый документ содержит анализ современных процессов на евразийском пространстве и места в них молодёжи, представляет сценарии развития ситуации в Евразии к 2030 году, а также даёт практические рекомендации, позволяющие, по мнению экспертов проекта, системно укрепить позиции России, наполнить интеграционные процессы в Евразийском союзе реальным содержанием и направить творческую энергию молодёжи на созидание желаемого евразийского будущего.

В настоящем сборнике экспертно-аналитических материалов Международного проекта в сфере публичной дипломатии «Точки Роста» за 2020–2021 гг. представлены тексты выступлений, докладов, лекций экспертов, а также статьи, содержащие итоги форсайт-сессии и исследований методом экспертного опроса и фокус-групп, представляющие взгляд молодых участников проекта на современные проблемы и будущее евразийской интеграции. Сборник завершается публикацией итогового Доклада, содержащего практические рекомендации для государственных органов, евразийских наднациональных структур, научно-экспертных организаций и иных центров принятия решений.

Структура сборника построена по хронологически-содержательному принципу, который позволяет читателю последовательно ознакомиться с экспертными материалами мероприятий, состоявшихся в рамках проекта, название которых совпадает с разделами настоящего издания.

Хотелось бы особо отметить, что проект «Точки Роста» возник в результате обобщения опыта сотрудничества Ин-

ститута Русского зарубежья с различными международными площадками, экспертными и молодёжными. Среди них особое место занимают: форум «**Лидер XXI века**» (организатор – молодёжная общественная организация «Русь молодая», Республика Беларусь), **Школа международной интеграции и приграничного сотрудничества** (организатор – АНО «Институт приграничного сотрудничества и интеграции», г. Белгород), Международный проект **#ProОраторство** (организатор – АНО «Институт социально-креативного развития актива», Ставропольский край), **Всемирный молодёжный форум российских соотечественников** (организатор – Федерация «Союз соотечественников», г. София, Болгария), Летняя школа для студентов Донбасса в Коломне «**Русский мир: идентичность, традиция, культура**» (организатор – Фонд «Русский мир»), объединение экспертов «**Ливадийский клуб**» (Республика Крым), программа «**Экспертная мобильность**» Фонда Горчакова.

Прежде всего хочется выразить огромную благодарность **Фонду президентских грантов** за поддержку проекта и проявленное его сотрудниками внимание, такт и понимание, готовность к совместному решению проблем во время пандемии, что позволило несколько раз внести изменения в проект, продлить сроки его реализации, издать настоящий итоговый сборник работ.

Благодарю соорганизаторов «Точек Роста» – *Д.Э. Зинковскую* и *С.С. Луца*, знающих все секреты эффективных проектов для молодёжи.

Особые слова благодарности – экспертной команде проекта, внесшей определяющий вклад в его успех, и лично *Ф.А. Гайде*, *Р.Н. Гришенину*, *Г.А. Гумамян*, *А.В. Гущину*, *А.В. Дзерманту*, *Д.Г. Евстафьеву*, *С.В. Епифанцеву*, *М.Б. Крамаренко*, *М.В. Лапенко*, *Б.В. Межуеву*, *А.Р. Никифорову*, *В.А. Сапрыке*, *М.В. Сеницыну*, *А.Т. Тажимаеву*, *А.Г. Халатян*, *Е.В. Шавиной*, *Ю.В. Шевцову*.

Отдельная благодарность за поддержку проекта: Комитету по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и лично первому заместителю председателя комитета, сенатору *В.М. Джабарову*; Псковской городской думе и лично главе города *Е.А. Полонской* и начальнику отдела зарубежных связей и Ганзейского движения *Т.В. Пустошкиной*; Псковскому государственному университету и лично ректору *Н.А. Ильиной*; Фонду поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова и лично исполнительному директору *Л.В. Драчевскому*; Администрации городского округа Коломна и лично заместителю председателя Совета депутатов, спецпредставителю Фонда «Русский мир» *Н.В. Братушкову*; Луганскому государственному университету им. Владимира Даля и лично ректору *В.Д. Рябичеву* и проректору по научно-педагогической, социальной и воспитательной работе *С.С. Ковалёнку*; Российскому экономическому университету им. Г.В. Плеханова и лично ректору *И.В. Лобанову*; Российскому университету дружбы народов и лично ректору *О.А. Ястребову* и проректору по международной деятельности *Л.И. Ефремовой*; руководителю Центра поддержки деятельности некоммерческих организаций и гражданских инициатив, федеральному эксперту РАНХиГС *Р.А. Миретиной*; профессору Института права и национальной безопасности РАНХиГС *Н.И. Харитоновой*.

И, конечно, огромное спасибо нашим координаторам и молодым участникам проекта из России, Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии и других государств, тем, кому удалось принять участие в мероприятиях проекта очно, и тем, кто в силу пандемии пока ограничился дистанционным форматом. Особо хочется отметить команды из РЭУ им. Г.В. Плеханова, ЛГУ им. Владимира Даля, ПсковГУ, Российско-Армянского университета (г. Ереван), дистанционную активность студентов и магистрантов из Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева

(г. Нур-Султан), и из Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова.

2021 год стал годом больших юбилеев, связанных с тематикой и философией проекта «Точки Роста». Наше «футурологическое» мероприятие в древнем Пскове мы посвятили 800-летию русского национального героя, князя Александра Невского, геополитический выбор которого определил евразийское будущее России. На форуме в Минске уделялось много внимания проблемам, связанным с последствиями распада СССР – случившегося 30 лет назад события, названного «крупнейшей геополитической катастрофой XX века» (В.В. Путин). Международная экспертная сессия «Точки Роста – Коломна», в ходе которой был проведен ситуационный анализ по «Евразийской повестке – 2030» и подготовлен итоговый доклад, была посвящена 200-летию Ф.М.Достоевского, образ которого в рамках проекта стал одним из символов общих евразийских ценностей.

В 1921 г. в столице Болгарии г. София вышел сборник статей русских интеллектуалов под названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Это событие считается точкой отчета в истории, пожалуй, самой оригинальной отечественной философской и геополитической школы. Сборник материалов проекта «Точки Роста» посвящается 100-летию юбилею Евразийства.

Сергей Пантелеев

I. ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА, МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС, ЕАЭС И ЕС: ПОБЕДА ИЗОЛЯЦИОНИЗМА?

*Материалы круглого стола, состоявшегося
28 апреля 2020 г. в режиме онлайн*

Сергей Пантелеев, Сергей Луц

«В условиях пандемии ЕАЭС брошен беспрецедентный вызов»

Сергей Пантелеев: Наш круглый стол проходит в рамках Международного проекта в сфере публичной дипломатии «Точки Роста», реализуемого с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

Изначально мы планировали проводить наши мероприятия не онлайн, а в привычном офлайн-режиме, но события, связанные с пандемией коронавируса и введенными из-за этого ограничениями, заставили нас пересмотреть формат работы и пока, до снятия ограничений, сосредоточиться на дистанционных мероприятиях.

Организатором мероприятия выступает АНО «Институт Русского зарубежья» совместно с нашими белорусскими партнёрами – Ассоциацией «Содействие развитию интеграции, международному социально-культурному и деловому сотрудничеству». Я буду вести круглый стол из Москвы, а из Минска – С.С. Луц.

Сергей Луц: Несколько слов о самом проекте. Зарожден он в белорусско-русском формате ещё в прошлом году, но ситуация с пандемией коронавируса даже актуализировала те задачи, которые мы перед собой ставили. Абсолютно не случайное название «Точки Роста», потому что все мы понимаем, что всё актуальней становится тема дальнейшего развития Евразийского Экономического Союза, то,

по каким направлениям будет реализовываться сотрудничество, какой это будет союз, какое будущее нас всех ждет. В сегодняшней ситуации эти вопросы становятся ещё более злободневными. Пандемия – это вызов безопасности, это закрытие границ. Иначе видятся вопросы цифровизации, дальнейшего технологического развития. Ещё более проблемными становятся вопросы логистики, то, за что мы так боролись – за свободное движение людей, капиталов и услуг. Очевидно, что в условиях пандемии ЕАЭС брошен беспрецедентный вызов.

Целью не только круглого стола, но и всего проекта, мы видим поиск путей выхода из этого, но не только с точки зрения борьбы с вызовами, но и с позиции дальнейшего взгляда «за горизонт». Это проект не столько про прошлое, сколько про будущее. Про то, что нас сплотит, объединит по разным направлениям.

Сергей Пантелеев: Но сегодня, всё же, хотелось бы сосредоточиться на актуальной повестке, так как наш второй круглый стол в онлайн-формате будет посвящен именно проектированию будущего. А сегодня предлагаем обсудить то, что мы уже имеем в ситуации с коронавирусом, каковы уже зримые изменения, как себя чувствует евразийская интеграция и что происходит в Европе, можно ли вообще сейчас сравнивать интеграционный опыт ЕС и ЕАЭС.

Онлайн-формат мы хотели бы использовать и для того, чтобы евразийская молодёжь, которая является нашей основной целевой группой, ребята, которые приедут в Минск и Псков, когда ситуация стабилизируется, могли бы использовать наши экспертные наработки для подготовки участия в проекте «Точки Роста».

Итак, сегодня на обсуждение выносятся следующие вопросы:

1. Как ограничительные меры по борьбе с коронавирусом отражаются на интеграционных объединениях – опыт ЕС и ЕАЭС.

2. Ценности интеграции в условиях вынужденного социального разобщения – гуманитарная составляющая кризиса.

3. Информационная составляющая общемирового карантина: масс-медиа и информтехнологии.

4. Экономическая составляющая общемирового кризиса: что умирает и что рождается?

«Евразийская интеграция может пойти более быстрыми шагами»

Хочу поблагодарить организаторов мероприятий за чрезвычайно актуальное, очень правильно и своевременно сформулированное название. Сейчас, действительно, самое время для того, чтобы порефлексировать в отношении того, как мы будем жить дальше.

Я имею в виду и то, что будет происходить в рамках интеграционного процесса под названием ЕАЭС, и то, чему нас учит опыт Европейского союза в плане борьбы с пандемией. Евразийские средства массовой информации полны сообщений о том, что Европейский союз испытывает существенную проверку на прочность, которая (хотя я и боюсь гадать на кофейной гуще), думаю, приведет действительно к неким существенным трансформациям внутри ЕС. По крайней мере, количество стран, недовольных общеевропейскими мерами, принимаемыми в борьбе с пандемией, действительно растет, и, скорее всего, это недовольство каким-то образом на нем скажется, но уже после пика коронакризиса, как это сейчас принято называть.

Тем не менее, уверен, что для Евразийского экономического союза, для нашего интеграционного объединения, это действительно также очень серьезный вызов. Он свидетельствует о том, что мы, наверное, недостаточно много сделали за годы, в течение которых идём по пути интеграции, для того, чтобы выработать некую собственную матрицу для борьбы с такими угрозами, как коронавирус.

В первую очередь я хочу сказать, что мы, в действительности, «позже начали», Европейский союз стартовал с достаточно существенным гандикапом, но, тем не менее, мы видим: те достижения, которые мы уже имеем, говорят о том, что, несмотря на временное закрытие границ, по сути —

запрет на передвижение между странами-участницами Евразийского экономического союза, мы всё-таки ещё сохраняем прочные экономические и политические связи.

Перед пандемией мы много дискутировали о том, в какой степени следует делегировать государственные функции, государственные полномочия, суверенные полномочия на наднациональный уровень. То, что происходит сейчас, на мой взгляд, свидетельствует о том, что мы подобные полномочия делегировали в недостаточной степени.

Делегирование их в большей степени (я опять же, боюсь выглядеть предсказателем), возможно приведет к тому, что Евразийская интеграция пойдет более быстрыми шагами, для того чтобы быть способной более организованно и адекватно отвечать на вновь возникающие вызовы и угрозы.

К примеру, т.н. «закрытие границ» между Беларусью и Россией обусловлено в первую очередь, на мой взгляд, политической рассогласованностью и разными подходами к стратегии борьбы с пандемией.

Понимаем, что сейчас страны-участницы и государства, которые стоят в преддверии, и возможно впоследствии будут рассматривать возможности вступления в Евразийский Союз, очень внимательно будут рассматривать каждый наш шаг, предпринятый во время коронакризиса.

В завершении ещё раз хочу поблагодарить организаторов сегодняшнего мероприятия за отличную возможность подискутировать, каким будет будущее и Европейского союза, и Евразийского союза, без углубления в конспирологию и прожектёрство. Спасибо огромное.

**«Коронавирус – не причина,
а катализатор экономического кризиса»**

Когда я готовился к этому выступлению, то посмотрел какие прогнозы и модели выхода из коронакризиса имеются. Как минимум в Российской Федерации я выделил три: доклад Глазьева, доклад Иноземцева и компании либеральных экономистов из Высшей школы экономики, и доклад Колганова и Бугалина, более левых экономистов. И на сегодняшний день фактически мы можем говорить о разделении взглядов на коронакризис на две большие группы.

Первая группа – это группа государственных и левых экономистов-социологов, а вторая – группа либеральных экономистов. Но, как ни странно, их разногласия носят в большинстве своем разногласия в вопросе причины этого коронакризиса, нежели разногласия по тем моделям и тому, как надо решать этот вопрос. Почему? Потому что, даже несмотря на свои либеральные взгляды, Иноземцев и его команда, они приходят к тем же выводам, как решать сегодняшний вопрос. А именно – усиление социальной роли государства, регуляция экономики, в том числе стимулирование спроса населения. То есть такой классический, кейнсианский подход.

Но всё-таки я бы хотел немножко с другого начать.

Коронавирус на самом деле не является причиной, а выступает только как катализатор экономического кризиса.

Ещё задолго до появления коронавируса в середине и во второй половине 2019 года, ведущие фабрики мысли и аналитические центры, в том числе МВФ, Всемирный банк, JP Morgan Chase, агентство АКРА, прогнозировали к концу 2020 года экономический кризис, который выводили из следующих показателей:

- рекордный мировой долг – 188 триллионов \$ на конец 2019 года, что составляет 230% мирового ВВП;

- развитие дисбаланса в перепроизводстве, который проявился перенасыщенностью премиальных рынков и дефиците инвестиции. От этого распространялись торговые войны, протекционизм, призванные сконцентрировать инвестиционный торговый капитал у себя в стране, и создать более выгодные торговые условия своим производителям, через соответствующие заградительные барьеры для других;

- критическое состояние фондовых рынков. Из-за ухода инвесторов фондовые рынки наводнили индексные, биржевые и другие пассивно-управляющие фонды. Для поддержания цены акций многочисленные компании искусственно занимались, ещё даже в начале 2020 года, в январе – феврале месяце, манипуляциями на фондовом рынке, создавая ажиотаж. К примеру, манипуляции акциями компании Boeing в январе – феврале 2020 года.

Данные факторы также сопровождалась политическими рисками Брекзита, наращивания санкционного противостояния, неразберихой с перспективами выборов в США, нефтяными торговыми войнами.

Как итог – общее замедление экономики мира, наиболее сильное с 2008 г.

Это, наверное, такая белорусская точка зрения прозвучит, но есть второй фактор, который нас удивляет.

Действия в борьбе с коронавирусом не пропорциональны его опасности.

Мы исходим из того, что, согласно эпидемиологической науке, порогом объявления эпидемий выступает заражение 5 и более процентов населения страны или регионов. Второе – согласно классификациям опасности COVID-19 имеет второй класс опасности, что намного ниже, нежели пневмония, холера, оспа, корь, но немного выше, чем грипп, который имеет третий класс опасности. Третье – смертность от COVID-19 составляет в два раза меньше в мировом разрезе, чем от пневмонии. В Беларуси эта цифра составляет 79 человек на сегодняшний день, то есть 0,65% от всех инфицированных. Ну, и четвертое – вызывают вопросы методы

подсчета больных и смертельных случаев в отдельных странах. В частности, в Италии, Испании, Франции сегодня в умершие от коронавируса, записываются практически все умершие. Имеется общая установка считать причиной смерти коронавируса. Как это объясняют медики, из-за нехватки мощностей.

Возникает вопрос: а как действия, направленные на борьбу с коронавирусом, будут влиять на интеграцию и экономическое развитие, содействовать изменению правил глобализации?

Во-первых, это усиление протекционизма, обрыв производственных цепочек, замораживание мировой торговли, потребность в кратчайшие сроки производить продукцию, требующуюся для борьбы с коронавирусом у себя в стране, сделали предпосылки для фактического и экономического закрытия этих стран. Очевидно, имевшаяся до этого тенденция протекционизма теперь оформится. Процесс выведения стран капиталистического ядра производства с третьих стран. Концентрацией производственных цепочек в одной или в нескольких близких государствах. Развитым экономикам придётся пересмотреть выбор в имеющейся дилемме – дешёвая рабочая сила, или роботизация – автоматизация. Имеются основания, что западные страны скорее сделают ставку на концентрацию производства у себя при их либо глубокой роботизации, либо массового привлечения дешёвой рабочей силы в виде мигрантов.

Во-вторых, это лоббирование мировыми корпорациями, списание долгов государствами или их реструктуризация на фоне кризиса. Предкризисное состояние, наличие финансовых пузырей, которые имели предбанкротное состояние, на фоне коронакризиса получают возможность списать экономические неудачи на субъективный фактор и попытаться этим компаниям использовать государственные механизмы помощи для поддержания себя на плаву.

Третье – это риски использования помощи для установления политического доминирования. Карантинные потери сейчас будут использоваться по установлению управленческого и финансового контроля кредиторами над государствами и гражданами с более слабыми системами. Уже сейчас банковский сектор в странах Запада пытается массово кредитовать население под невыгодные условия. То же самое касается и государств. Можете обратить внимание на дискуссию Европейского союза по поводу помощи странам юга. ФРГ и Нидерланды не спешат идти на помощь, так как заинтересованы дождаться окончательного результата кризиса и только после этого выработать механизмы помощи, выгодные для себя прежде всего.

Также имеется их чёткое желание использовать греческий опыт в оказании помощи. То есть, имеются риски, что в рамках Европейского союза будет происходить передел собственности и сфер влияния посредством приватизации, реструктуризации, других механизмов. Италии, Испании и другим пострадавшим странам могут навязываться механизмы внешнего финансово-экономического управления.

Отдельно следует сказать о перспективах использования подобных механизмов в отношении развивающихся стран, которые в большинстве своем и будут пострадавшими от пандемии. Во-первых, из этих стран ещё в конце 2019 г. намечался массовый отток капитала, который с пандемией только усилился.

Очевидны попытки нового геополитического передела сфер влияния.

Тут можно сказать про использование дефицитов ресурсов и технологий для установления политического доминирования, а также усиления своего присутствия. Помощь, как я уже говорил – механизмы кредитования и инвестиций как средства политического давления. Усиление геополитической борьбы между США и КНР. И мы видим, какая идёт пропагандистская информационная война.

Нерешенные вопросы с перепроизводством, дефицитом инвестиций, а также тенденции по выводу технологических цепочек из развивающихся стран.

Если говорить о ЕАЭС, то я выделил бы риски.

Прежде всего – углубление противоречий внутри Евразийского экономического союза. Которые имелись и без коронакризиса, и которые усилятся этим коронакризисом.

Это нерешенность вопросов по наиболее болезненным темам формирования ЕАЭС до 2025 года. Это создание рынков нефти, газа, энергоносителей, транспорта, финансов. Это дефицит финансов и инвестиций в ЕАЭС и потребность вкладывания средств в кооперацию, создание совместных технологических цепочек. Это выведение западными инвесторами части технологических мощностей из ЕАЭС, который мы можем прогнозировать на фоне общих тенденций. Это обострение противоречий между различными типами экономик стран-участниц ЕАЭС.

И на этом фоне, на сегодняшний день, нам бы хотелось понять, как это решить. Я помню, когда начинался коронавирус, несмотря на то, что в рамках Евразийского экономического союза есть постановление № 149 от 2016 года, все страны, которые ввели режим обсервации, фактически его проигнорировали. Это говорит о том, что мы подписываем соглашения, договоры – но, к сожалению, о них либо забываем, либо не выполняем, либо ставим их не в приоритет. Напомню, что это решение просто-напросто регулировало введение обсервационных и карантинных мер.

Что надо сделать для Евразийского экономического союза, чтобы выйти из этих противоречий?

Во-первых, определить приоритетность. Мы говорили, что работаем сейчас в американской программе... Поэтому, на мой взгляд, приоритетность должна быть обрабатывающей промышленности полного цикла перед сырьевой сферой, сборочными предприятиями разной степени локализации.

Второе – это приоритет производств государственной формы собственности.

Третье – запрет использования валют третьих стран при торговых операциях внутри Евразийского союза.

Четвертое – формирование единых социальных стандартов с высокой степенью социальной защищенности.

Пятое – модернизация налоговых стандартов стран-участниц ЕАЭС для нивелирования оттока капитала и стимулирования снижения разрыва в доходах.

Шестое – наделение контрольными полномочиями наднациональных органов ЕАЭС, призванных как раз не допускать нарушения договора и иметь реальные механизмы его реализации.

Вот, на мой взгляд, те шесть пунктов, которые, на сегодняшний день, могут стимулировать развитие Евразийской интеграции в тяжелых, на мой взгляд, условиях, в посткоронавирусный период.

**«Коронавирус захватил пространство культуры,
которая считалась основной для глобализации»**

Мне, действительно, очень приятно выступать, не смотря на все технические сложности. Сразу видно, насколько высок интеллектуальный уровень этой дискуссии. И слава Богу, что мы его поддерживаем. Потому что то, что мы сейчас наблюдаем в социальных сетях, говорит о довольно серьезной интеллектуальной деградации целых сегментов российской политологии, да и в целом науки. Я пока про Россию говорю.

Не претендуя на какие-то суперкрупные обобщения – несколько достаточно коротких тезисов.

Первое. Это кризис, который происходит в определенное время и в определенном пространстве. По поводу времени – нам пока ещё достаточно сложно говорить. Во всяком случае – если не вставать на позицию отсутствия коронавируса, или того, что в пандемии есть плод большого воображения людей, решивших заняться информационными манипуляциями, то пока никто не может ответить чётко на вопрос «что это такое?». У меня даже по этому поводу с некоторыми нашими российскими вирусологами в больших чинах произошло публичное выяснение отношений. А главное – мы не можем ответить на вопрос, «а будет ли вторая волна?».

Поэтому время, вероятнее всего, – тот элемент неопределенности, который у нас есть. И мы с ним бороться не можем.

А вот пространство – это вполне понятно. Давайте посмотрим какое пространство захватил этот самый коронавирус. Он захватил прежде всего урбанизированное пространство. Это пространство мегаполисов, или как это в случае с Францией, Италией, Бельгией – относительно компактно расположенных поселений.

Грубо говоря, он захватил пространство той самой культуры, которая считалась основной для глобализации. Едва ли мы вернемся после окончания, даже если эта волна будет одна, одной волны коронавируса к ситуации, когда эта социальная жизнь восстановится. Для западной культуры, в особенности – для Соединенных Штатов, Великобритании, Германии, это будет очень чувствительно. Это будет чувствительно даже для России. Беларусь, например, будет менее чувствительна, потому что мегаполис условно в Беларуси только один. А, например, в Великобритании – Великобритания фактически состоит из этих мегаполисов, которые перетекают один в другой.

А главное то, что для глобализации мегаполис – фактически единственная, безальтернативная форма определения организации комфортной социальной жизни.

Это, конечно, будет история очень сложная. Один из главных вызовов будущего мира. Нас он, к счастью, касается в меньшей степени.

Второй элемент пространства. Собственно, какой регион в настоящее время меньше всего в новостях? Тот регион, где больше всего идёт война – Ближний Восток. На сегодняшний день мы не знаем вообще количество зараженных там. Более того, не далее, чем вчера, прочитал очень научную статью, вернее – с научными терминами, о том, что, оказывается, представители арабских народов не болеют коронавирусом... Ну, дай Бог. Второй регион, который на сегодняшний день не затронут коронавирусом – Африка, в которой тоже уже много лет, если не постоянно, идёт война. Количество заболевших коронавирусом в Африке, что называется, по некоторым странам не превышает количество людей, которые погибли в одном каком-нибудь военном столкновении. Поэтому – «война войной, а обед по расписанию».

То есть, в том пространстве, в котором действует коронавирус, никакие процессы, связанные с переделом геоэкономических зон, с военными конфликтами в действительности не прекратились.

Не поверите, в Саудовской Аравии болеет коронавирусом значительная часть королевской семьи, причём это, видимо, реальный факт. А ровно тут же за границей, в Йемене – нулевой уровень заболеваемости коронавирусом. Но ведь, видимо, просто они умирают от других заболеваний, от заражения свинцом там и так далее...

Но тем не менее это говорит о том, что коронавирус, или то, что мы называем коронавирусом, в действительности... когда выяснится, что это такое, мы будем очень сильно удивлены, и очень опечалены. У каждого из нас есть эта гипотеза в голове, просто мы боимся её произнести.

Таким образом, этот коронавирус поразил территорию стран, которые считались наиболее успешными.

США обрушил – экономического наследства Трампа больше не существует. Европа – да, конечно, стагнация в Европе, вернее – в Германии, в промышленном секторе была зафиксирована в середине 2019 года. Первый раз за много лет наши замечательные, честные немцы-статистики не смогли нарисовать экономический рост. Но, видимо, совсем дела были плохи, что вот ну никак не удавалось вывести это даже чуть выше нуля. Но тем не менее в социально-экономическом плане это были успешные страны.

Южная Корея, Япония... Кстати говоря, в Японии пошла вторая волна – они её не называют второй волной, но это вторая волна. Китай – эпидемия возникла в динамично развивающемся мегаполисе. Почему-то коронавирус не возник в Синьцзян-Уйгурском автономном округе, не возник на границе с Российской Федерацией, где много сельских районов. Он возник в индустриальном, в инновационном центре Китая – провинции Ухань. Город Ухань, соответствующая провинция – это же инновационный центр. Поэтому вот здесь, конечно, пространство посткоронавируса будет очень сильно изменено.

Ну а теперь – несколько маленьких «камушков»...

Первый «камушек». А возможна ли в новых условиях экономическая интеграция без политической? На мой взгляд – нет,

потому что мы в любом случае упрямся в наличие политических ограничений экономической деятельности. Почему?

Потому что ни одно государство после того, что произошло сейчас, ни одно серьезное государство не решится разместить значимый элемент технологической цепочки у себя не на национальной территории.

Второй момент. Мы сейчас на американской платформе коммуницируем, но проблема в том, что мы не просто коммуницируем на американской платформе, а мы находимся внутри американоцентричного информационного общества, интерфейса между человеком и неким набором данных, как хотите это называйте. Это американоцентричная система. Вот теперь вопрос – а если мы в неё внедрим наши евразийские технологии, американоцентричность как-то изменится? Отнюдь, как говорил один российский политический деятель. Поэтому китайский путь в организации информационного общества будет становиться всё более и более привлекательным.

Ну и последний «камушек» вам с горы. А что нужно спасать сейчас? Вот смотрите на то, что происходит в развитых странах, что является приоритетом для спасения – социальные структуры или экономика? Мы понимаем, что, например, применительно к Западной Европе, к Европейскому Союзу, да и даже к США – это вещи, которые всё более и более расходились. В ряде европейских стран, у той же Италии, социальные институты сдерживали экономическую конкурентоспособность. В США – ещё нет, а в Италии – уже да. Что должны делать политические элиты этих стран? Спасать комфортный социальный мир? А квалифицированного потребителя? Как нам тут некоторые пытались всё подбросить... Или мы должны спасать экономику по максимальному, если хотите – китайскому, критерию эффективности? То есть, грубо говоря, сбрасывать балласт. И это вопрос опять политический и нет на него ответа...

Нет сейчас ни у кого никаких ответов, а если есть – то они публично не произносятся. Они пока в стадии осмысления.

«Успех Евразийской интеграции будет зависеть от того, насколько Россия сможет стать сильной»

Я бы хотел заострить больше внимания на тех проблемах, которые в связи с коронакризисом ожидают государства ЕАЭС и вообще все страны мира. Это, в первую очередь, внутривластные проблемы. И в этой связи я иногда даже, когда с коллегами обсуждаем ситуацию, шучу, что сейчас все оппозиционеры благодарят бога, что в этой ситуации они находятся в оппозиции, и могут спокойно критиковать и не нести никакой ответственности за решения, которые будут принимать власти.

Очевидно, что какие бы решения не принимали власти, всё равно любая страна мира будет нести огромные потери, будет очень мощный удар по экономике и социалке, и, естественно, недовольство населения будет аккумулироваться против власти.

Когда мы ведем речь о том, какие внешнеполитические развития будут после этой пандемии коронавируса, мне кажется, в выигрышах будут те страны, которые с минимальными потерями выйдут, сохраняют большее количество ресурсов и эти ресурсы будут им позволять бороться за влияние на соседние, или далёкие от себя регионы.

Армения является одной из арен противостояния Евразийской и Европейской интеграций. И опять переходим к старой проблеме ЕАЭС, о которой много раз, когда был на подобных мероприятиях, и что-то подобное говорил.

Во многом успех Евразийской интеграции будет зависеть от того, как Россия решит свои внутренние проблемы, насколько она сможет стать сильной, будет ли у неё что-то, что можно предложить своим соседям.

Очень надеюсь, что всё-таки это ей удастся.

Вот такой прогноз, который интересно будет потом обсудить, узнать мнение коллег из других стран. Мне кажется,

в ближайшие месяцы нас ждет активизация внутривнутриполитической жизни во всех странах, определенные акции недовольства, протесты. В Армении это уже наглядно чувствуется, даже по соцсетям. Я предполагаю, что после отмены режима чрезвычайного положения – не исключено, что начнутся акции протеста. Количество их участников резко увеличится, и тут власти будут в очень сложной ситуации, как с этими людьми поступать, потому что ресурсы будут ограничены – всем помочь не удастся. Всем большое спасибо.

Борис Межуев

«Остров Россия»?

Я посмотрю на проблему нынешнего кризиса через призму, может быть, чуть-чуть идеологическую, политико-философскую, в меньшей степени экономическую. Хотя, разумеется, кое-какие моменты, связанные с экономикой, в определенной степени придётся мне тоже затронуть. Самое первое – недостаток оценки происходящего заключается в том, что все воспринимают ситуацию линейно. Что если что-то негативно проявилось в период кризиса, ну скажем – дефицит европейской солидарности, то это означает, что дальше, в после-карантинное время, эти негативные тенденции продолжатся. На самом деле ситуация развивается по-другому. Часто бывает, что какие-то негативные тенденции проявляются в период кризиса, а по разбору полётов побеждает как раз обратный тренд. Поэтому очень сложно сказать, какие тренды победят, какие проиграют.

Но что-то уже сказать можно.

Мне кажется, есть чётко и ясно три проигравших в период кризиса.

Первые проигравшие, об этом сейчас модно стало говорить – это Малое государство.

Действительно мы практически нигде не видим никаких вообще даже поползновений на воскрешение хоть какой-то либертарианской идеологии. Была идея, что либертарианство строит «прекрасный новый мир», но об этом сейчас даже смешно вспоминать. Видимо не случайно первым заразившимся коронавирусом среди политиков-американцев был один из лидеров либертарианцев сенатор Рэнд Пол. Сейчас, по-моему, совершенно очевидно, что невозможно себе представить идею отстранения от государства, автономии от него, как предельной цели.

Все требуют от государства помощи и обсуждают вопрос, кому надо приоритет на эту помощь оказать – предпринимателям или простым работникам. Причём видно, как в России в основном оказывают помощь работникам и не очень поощряют предпринимателей, которых заставляют платить за сохранение рабочих мест. В Америке наоборот – оказывают помощь бизнесу, чем вызывают недовольство людей, которые представляют наемный труд. Но, тем не менее, все говорят только о том, как обеспечить помощь. В том числе и те люди, которые год назад говорили о том, что нужно заниматься борьбой за минимальное налогообложение и минимальную степень зависимости от государства. То есть Большое государство по факту победило.

Вместе с Малым государством жертвой эпидемии стал Большой город, о чем говорил Дмитрий Геннадиевич – идея о том, что развитие должно осуществляться в мегаполисах, что только мегаполисы являются центром развития, центром глобального мира. Что то развитие, которое мы видим сейчас в Москве, является самым лучшим...

Удар был нанесен не только по большим городам, но по самой идее Большого города как какого-то центра прогресса, как единственно возможного катализатора прогресса.

Я думаю, следствием этого станет какая-то философия сосредоточения в малых городах, в малых локальностях, в локальных политиках. С одной стороны, здесь есть идея включенности в политику, а не сохранения от неё. Идея не либертарианская, а коммунитаристская. И мы видим, как коммунитаристские идеи снова оживают в мире. С другой стороны, представление о том, куда ведет развитие через большие города в случае пандемии, террористических атак... Тем более, если я правильно понимаю намеки, до сих пор не очень понятно является ли это вообще естественно возникшей эпидемией, или же вариантом террористической атаки какой-то одной из стран против другой страны.

Вторая мысль действительно очень верная – идея интеграции. Я думаю, в результате этих событий будет очень серьезное переосмысление идеи интеграции как идеи чисто экономической. Особенно на европейском пространстве. Ясно, что без чувства солидарности (это ощущается не только в России, но и во всём мире, это самое главное), без мысли о том, что есть какая-то идентичность, говорить о какой-то интеграции бессмысленно.

Интеграция на основе выгоды, а не на основе идентичности, мне кажется, действительно, уходит в прошлое.

Мы не видели серьезных региональных перегородок в отдельных странах, ни в России, ни в США. Нигде не было каких-то серьезных попыток одного региона оградиться от другого. Но попытка оградиться от другой страны, в Европе в особенности, очень ярко проявилась. Хотя ещё некоторое время назад говорили, что в Европе страна и регион – это уже практически одно и то же. Была идея Европы регионов, интеграции регионов. Всё это оказалось абсолютным мифом. И главным образом здесь, конечно, не материальные причины, а причины чисто духовные, потому что сопричастность оказалась институционализована на уровне национальных государств, а не на уровне регионов, не на уровне Европы в целом.

Мне кажется неким стимулом к этой национальной политической интеграции станут блоковые различия.

Мы живем либо накануне очень сильного столкновения между Китаем и Западом, между Китаем и США, либо ещё более сильной интеграции между этими двумя гигантами.

Сейчас стоит выбор, и этот год будет годом этого выбора, между направлением в сторону какой-то сумасшедшей интеграции этих двух гигантов, конвергенции – правильной сказать – и интеллектуальной, и политической, и смысловой, и экономической безусловно. Либо всё-таки победит конфронтация. Я думаю, именно это будет тестироваться в ноябре 2020 г. на американских выборах.

В любом случае те, кто не принадлежат ни к первому, ни ко второму гиганту, кто не входит в сферу их влияния, окажутся в ущерб. Либо они станут полем соперничества между этими двумя державами, либо они станут сателлитами какой-то из одной сторон.

Соответственно для России сейчас возникает вопрос, может ли она в точном смысле слова, как говорил Вадим Цымбурский, стать «Островом Россия»?

В данном случае эта метафора приобретает вполне конкретный смысл – сможет ли Россия стать неким выделенным полем, не входящим ни в консорциум между двумя державами, ни в поле их столкновения?

Соответственно любая интеграция России с любыми другими государствами, включая Белоруссию, будет совершенно ясно иметь этот смысл. Сможет ли возникнуть «Третий мир», или «Второй мир». «Второй мир» – если такая интеграция между США и Китаем возможна, и Третий мир – если возникнет конфликтное поле.

Тут возникают проблемы экономической слабости, потому что пока совсем непонятно как, собственно говоря, каждое из этих государств может стать мотором экономического развития, учитывая, что недостаточность товара совершенно ясна – ни одно из наших государств не является промышленным гигантом. Но тем не менее.

Конечно, возникнет проблема для Европы, для государственного Европейского союза. Захотят они в это включаться или нет? Оставаясь под риском, что они включатся в поле этого противостояния.

То, что эти два варианта так или иначе проявятся, мне кажется совершенно очевидным. Следя за американской политической повесткой, я даже не вижу нейтральных мнений. Эти две крайности очень заметны – либо партия войны, пусть даже не горячей, а холодной войны между США и Китаем, либо партия возвращения к глобализации 2.0.

Нейтральная точка зрения практически отсутствует. Отсутствует точка зрения, что можно обойти эти крайности.

Вопросы политической интеграции, вопросы Евразийского союза и вопросы вообще экономического развития в России нужно рассматривать скорее через призму того или другого варианта. Более реалистично, конечно, что победит всё-таки партия войны. По логике истории, как оно всегда было в прошлом. Но, учитывая, что за партией мира тоже стоят серьезные деньги, серьезное влияние, серьезные интеллектуальные и иные вложения, нельзя исключать и второго варианта тоже.

Вопросы информационного освещения. Здесь есть сейчас большой недостаток, особенно на центральном ТВ, с социальных сетей тут взять нечего. На центральном телевидении преобладает тема «кто виноват?» – кто «изобрел вирус», кто это всё запустил и т.д. Это вообще вопрос излишний и нас это не должно касаться, потому что любой вариант, кто из них виноват, для нас будет означать примерно одно и то же...

Таким образом, три вывода:

Первый – уход в прошлое классического либерализма, либертарианства и т.д. Это уже пережиток какого-то определенного периода. В том числе и тот классовый социализм богатых, который стоял в основе постоянного сопротивления Соединенных Штатов серьезной реформе медицинского обслуживания.

Второе – это кризис урбанизма.

И третье – потребность в некой политической интеграции, в интеграции на основе идентичности, на основе солидарности, а не на основе экономической выгоды.

Вот эти три фактора, мне кажется, и будут главными.

Нынешний кризис – «момент истины» для Евразии

Хотелось бы продолжить некую логическую линию предыдущих ораторов. Во-первых, про блоковое мышление и вообще глобальную конфигурацию, которая, естественно, отразится на наших интеграционных союзах.

Мне кажется, действительно, сейчас стоит говорить в какой-то блоковой парадигме. То есть, Евразийский Союз, Китай, Запад (коллективный или не совсем коллективный). Здесь ещё нужно учесть то, о чем говорил предыдущий выступающий. О том, что внутри каждой из стран существуют некие элитные группы, партии, которые ведут свою игру, имеют союзников в разных странах, и, естественно, имеют разные цели.

Как минимум, мы имеем в мировых элитах, в том числе американской, европейской, российской, китайской, условно говоря, партию глобальную, которая настроена на создание некоего глобального мира с едиными правилами, в основном в торговле. Назовем по-военному их «синими».

Есть, условно говоря, партия таких, кто настаивает на альтернативном глобальном капитализму некоем пути, хотя бы со спецификой своей, национальной. С элементами и плана, и рынка. Это то, что в Китае реализуется, и назовем их условно «красными».

И есть те силы, которые хотели бы, наверное, существования в каких-то замкнутых пространствах, в своих, если не островах, то таких замкнутых мирах, где будут культивироваться, может и в заключительных формах каких-то, своя идентичность, национальная там, этнокультурная, цивилизационная. В частности, наверное, у Трампа есть такие устремления, или у тех сил, которые за ним стоят (радикальные республиканцы). Очевидно, в Европе такие есть. Есть такие силы и в России. Назовем их «черными».

И вот между ними существует различная конфигурация. То есть, в России клан либеральный, за которым стоят финансовые круги, они естественно хотели бы большей связи с теми глобалистами на Западе и в США, ну, потому что это связано с правилами, которые они приняли, впитали с молоком матери, когда становились специалистами. Есть явные кланы, назовем их национал-патриотами, которые хотят либо более суверенной экономики, либо опереться на Китай. В России, в частности, такие настроения популярны, в Беларуси тоже они весьма очевидны. Мы видим, что сейчас кризис высвечивает борьбу этих всех сил друг с другом за, скажем, видение будущей конфигурации.

Какие шансы есть у нас в евразийском пространстве? Мне кажется, действительно, стоит пытаться, и в этом есть смысл, выстраивать собственный полюс, собственное пространство на основе технологического потенциала, который у нас есть.

Если его не будет хватать, как многие эксперты в России говорят, то придётся, наверное, сотрудничать с Китаем. В этом смысле, понятно, ища формулу взаимодействия, когда, скажем так, не даешь полностью подчиниться логике доминирования в этой сфере (я имею в виду в технологической). Ну и это, безусловно вызов и задача для нас всех.

И в этом смысле я думаю, что в рамках евразийского пространства, оно чем интересно на сегодняшний день, оно, по крайней мере, ещё этот шанс не закрыло. В нем ещё есть эти потенции. Потенции к росту тоже есть. Сегодня, кстати, парламент Узбекистана принял решение о том, что Узбекистан становится наблюдателем в Евразийском Союзе. И, по крайней мере, это хоть какое-то поступательное движение к расширению. Понятно, что там очень осторожно будут к этому относиться, но, тем не менее, всё равно вот прирастание Евразийского пространства такими партнёрами и союзниками это уже позитивный шаг, и вместе наш потенциал увеличивает.

Но мне кажется сейчас в момент кризиса, что это «момент истины», когда мы увидим, кто чего стоит, кто за что выступает. Те силы в элитах, среди экспертов, журналистов, лидеров мнений, на мой взгляд, которые достаточно чётко, ясно озвучивают свою позицию, которая может нас усилить в качестве полюса, они сейчас пытаются громогласно об этом заявлять.

Думаю, дискуссия Глазьева с Центробанком России тоже об этом же. Это, по сути, публичный конфликт, который проявился. И мы очень хорошо видим, какие мотивы, какие силы, какие идеи стоят за каждым из публичных лидеров, которые проговаривают ту или иную позицию. И в этом смысле, на мой взгляд, стоит ориентироваться на тех спикеров, на их планы, на стратегии (они тоже уже есть в публичном пространстве), которые позволяют нам выйти из вот этой конфронтации, возможно между Китаем и Западом, усилив свой полюс. Они проговаривают конкретные методы для этого.

Я думаю, что в каждой из наших стран есть те силы, которые могут за это выступать. И я просто призываю, скажем, эти усилия с одной стороны отслеживать, а с другой анализировать хотя бы на нашем экспертном уровне для того, чтобы мы понимали, какая игра идёт, и кто на чьей стороне выступает.

«Раннее средневековье снова наступает»

Я историк. И прошу то, что я говорю, воспринимать именно как некую речь историка. Как и свойственно, опять же, историкам, я болею ретроспективным взглядом и с ним активно борюсь. Но, тем не менее, всё равно им болею. Я неизбежно совершенно с чем-то сравниваю всегда, и все тенденции, которые прослеживаю, я прогнозировать скорее могу из нашего коллективного исторического опыта.

Так вот, первое, что, собственно говоря, на мой взгляд бросается в глаза, в связи с этим кризисом. Причём, я полностью согласен с коллегами, тут нужно воспринимать этот коронакризис как составную часть гораздо более глобальной ситуации, не только экономического кризиса, а на самом деле кризиса, я даже не знаю, хочется сказать какого-то кризиса человечества, потому что он имеет огромное количество составляющих.

Этот кризис показывает, или ещё раз доказывает, что прогресс по большому счету человеческую природу не меняет. А если и меняет, то какие-то проявления человеческой природы, что скорее человек склонен себя более с плохой стороны показывать.

Его некоторая изнеженность, связанная с улучшением его жизни, провоцирует его на какие-то плохие проявления в случае, если его начинают чего-то лишать. И речь идёт не просто о каких-то там карантинах или чего-нибудь ещё, а во всех остальных аспектах это тоже проявляется.

Конечно, на самом деле сейчас имеем дело с какими-то новыми совершенно проявлениями такой старой штуки, которая называется диктатура. При этом, что интересно, она сейчас проявляется под какими-то гуманистическими лозунгами. Не то, чтобы это совсем уж новость, но тем не менее всё-таки современная ситуация показывает, что

диктатуру можно выстроить под самыми разными лозунгами. Под лозунгами свободы, под лозунгами гуманизма, под чем угодно. Любые лозунги годятся, если они позволяют усилить контроль над сознанием, над людьми и так далее.

Мы видим, как современные информационные технологии позволяют усиливать панические настроения. Мы видим на самом деле, как можно выстраивать технологии травли, как можно шельмовать благополучно совершенно. Мы видим, как сейчас воспринимается опыт Швеции, или, например, опыт Беларуси.

Вот интересно в этой связи отметить, как ведет себя наша российская оппозиция, которая у нас всегда билась за свободу, а сейчас как-то стихла (я, конечно, специально каждого не отслеживаю). Но, похоже, методичка работает. То есть, скажем так, они сразу бы обвинили бы российское правительство в ограничении свобод, если бы их хозяева дали бы такую отмашку. А поскольку их хозяева сами ограничивают свободы, то, соответственно, этого не происходит.

Что касается современной ситуации в целом, так сказать, глобальных сравнений, то на самом деле первое, что приходит на ум, именно глобально – сравнение с ранним средневековьем, которое, похоже, снова наступает. Что я тут имею в виду? Я имею в виду, что все те значимые вещи, глобальные значимые вещи, на которых держался мир, они всё больше и больше начинают напоминать симулякры.

И я боюсь, что мы очень скоро столкнемся с тем, что просто какие-то очень значимые для нас вещи, которые мы воспринимаем просто как само собой разумеющееся, они просто рухнут в ближайшее время. И, в частности, я не знаю, можно здесь приводить пример того же Евросоюза. Но мне кажется, что это будет не только Евросоюз.

Что касается тенденции развития кризиса, этого общего глобального кризиса, не только связанного с вирусом, то, конечно, вот эти изоляционистские тенденции, конечно,

только первая фаза. Собственно говоря, мы эту первую фазу можем наблюдать на примере очень разных кризисов, которые имели место, в первую очередь, конечно, в 20 веке, когда, собственно говоря, мир уже стал единым, в том числе экономически единым.

В чем заключается суть этого изоляционизма? Это означает, что каждый начинает работать на износ с учетом существующих у него возможностей. И этими возможностями никто ни с кем не делится, никто не предоставит кому-то, что у него есть в избытке. Наоборот, определенная такая натурализация происходит. Но это закончится, и, соответственно, мы вот уже говорили о малых странах, к сожалению, для малых стран это закончится раньше.

Следующее, что будет происходить, это, собственно говоря, слияния и поглощения. Оно может происходить в очень жёсткой форме. Я не знаю, честно говоря, в этой связи, что будет с Евросоюзом. Мы видим, что это слияние и поглощение в рамках Евросоюза возможно только, скажем так, если Германия будет определенным образом как-то себя вести. Но мы видим, что Германия себя сейчас невнятно ведет. Хотя, если послушать, что там Меркель периодически выходит из забытья и говорит, она периодически начинает апеллировать к германскому порядку и чему-то там ещё. Какие-то очень знакомые слова начинают раздаваться. Не знаю, к чему это приведет, но в любом случае, Евросоюз, мне кажется, рано или поздно уйдет в прошлое, если Германия не захочет его реформировать.

Что касается нашего Евразийского Союза, то в этой связи хочу отметить очень важную тенденцию. Это касается в первую очередь тенденции российских коллег. Вот мы можем очень активно критиковать наше российское правительство или какие-то его структурные подразделения. Нам не нравятся те или иные аспекты политики, которые осуществляются. Но когда наши белорусские братья начинают

говорить то же самое, мы почему-то это очень плохо воспринимаем.

И вот в этой связи я бы хотел отметить, что, если мы сейчас не поймем, что наша интеграция может осуществляться только через идею всеобщего блага, с учетом, на самом деле, всех мнений, которые на нашем пространстве евразийском существуют, мы ни к чему хорошему не придём.

Если наш Центробанк будет просто указывать всем, что делать (а ему тоже кто-то будет откуда-то указывать), то хуже будет не только Белоруссии, хуже будет и нам же самим. И вот в этой связи, я уверен, что у нас нормальная интеграция и нормальный выход из кризиса возможен, если мы будем друг друга слушать, а не начинать какую-то сумасшедшую конкуренцию внутри нашего потенциального интегрированного пространства.

То, что слушать мы друг друга можем только через создание определенных эффективно действующих институтов политической интеграции, это совершенно очевидно. То есть, иными словами, на самом деле политическая интеграция в каком-то смысле является противовесом экономической интеграции. В экономической интеграции побеждает кто? Кто сильнее. Политическая интеграция позволяет немножко это всё сбалансировать. Это было бы очень хорошо. Вот таков мой тезис.

«Прыжок на месте». Национализм и глобализация в мире после коронавируса

Два основных полюса, которые мы рассматриваем и которые уже обсуждались, – глобализм и национализм. Что из этого победит, что, наоборот, уйдет немного в сторону? Несмотря на то, что у нас называется дискуссия «Точки Роста», я бы назвал свое выступление, может быть несколько контринтуитивно, «Прыжок на месте». Объясню почему. Коллеги много говорят относительно того, что национализм в разных формах скорее будет доминирующим, наиболее, что называется, победившим среди проигравших в посткоронавирусном мире.

Для того, чтобы понять, куда мы идем в плане национализма, необходимо посмотреть на собственно националистических акторов в Европе и Великобритании – на националистические, они же правопопулистские, партии.

Во-первых, на их риторику в контексте коронавируса, последние два-три месяца. Во-вторых, на динамику их электорального роста или падения. Весьма любопытно, если мы посмотрим на самые разные правопопулистские партии.

Я не так давно исследовал западноевропейские партии, то есть партию Brexit в Великобритании, партию «Национальное объединение» – Франция, «Фламандский интерес» – Бельгия. Северную Европу – «Шведские демократы» и Партия финнов. Центральную и Восточную Европу – польская правящая партия «Право и справедливость», правящая партия Венгрии – «Фидес», Германия – «Альтернатива для Германии». Южная Европа – это итальянская «Лига» и молодая, но уже достаточно популярная испанская партия Vox.

Вот что удивительно – партии из разных частей Европы, но их риторика в отношении коронавируса и в отношении правительств абсолютно идентичная, помимо двух

партий, которые являются партиями власти, о них чуть позже поговорим.

Абсолютно все оппозиционные правые популисты, по крайней мере те, которых я рассматривал, говорят ровно те вещи и дают те рецепты, абсолютно те, которые они давали и до собственно наступления пандемии. А именно: необходимо усилить контроль границ, необходимо снизить иммиграцию, необходимо поддерживать внутреннюю экономику, необходимо поддерживать единство населения, общую культуру, а правительство, мол, всё делает не так, меры недостаточны. Об этом говорят абсолютно все. Более того, интересно наблюдать – в России скорее есть такая же тенденция обвинять власть (в соц. сетях, насколько это релевантно, мы пока не можем сказать), но наоборот – в том, что у нас слишком жёсткие меры самоизоляции.

Так вот, что касается Европейского союза и Великобритании, то там абсолютно все правые популисты обвиняют правительство именно в том, что там недостаточно жёсткие эти меры, недостаточно жёстко там следят за соблюдением правил самоизоляции, недостаточно рано начали работу, недостаточно денег выделяется, как всегда, на медицину. И кстати, значительная часть правых популистов – опять же это началось не с короны, а это началось раньше, – конечно же, говорят, о том, что Китай имеет определенное касательство не только к зарождению коронавируса. Это, наверное, в принципе, общее место, потому что если у вас одновременно в городе есть лаборатория, где коронавирус изучают и одновременно есть рынок, где миллион лет продавали летучих мышей, то вряд ли эти летучие мыши виноваты в том, что этот коронавирус распространился. Наверное, виновата лаборатория.

Но дело не в этом. Дело в разных формах ксенофобии, которые эти же правопопулистские партии уже демонстрировали в контексте того, что главную опасность для Европы представляет не столько Россия, сколько Китай, причём именно в силу

его экономической мощи и усиливающегося экономического влияния в Европе.

Правопопулистские партии говорили об этом, и продолжают говорить в контексте коронавируса. Насколько я могу судить, и левопопулистские партии, «центральные популистские», и непопулистские партии, и вообще любые политические объединения, основанные на идеологии, конечно, считают, что их идеология является ответом на все вопросы. Нужно, мол, достаточно тщательно работать в том направлении, которым завещали отцы-основатели той или иной идеологии, тогда вы справитесь абсолютно со всеми кризисами.

Абсолютно все правопопулистские партии, как находящиеся в оппозиции, каких большинство, так и находящиеся у власти в Польше и в Венгрии, критикуют Европейский союз. Это характерно для евроскептиков – евроскептики всегда критикуют Европейский союз. Сегодня критикуют из-за того, что они называют «отсутствием солидарности».

Мы ведь понимаем, что, когда, скажем, итальянцы или испанцы критикуют Европейский союз из-за отсутствия солидарности – это на самом деле (если переводить это многозначное слово на русский язык) означает отсутствие помощи конкретно этим странам. То есть почему-то считается – опять же, с точки зрения политической полемики, это вполне допустимо, – что когда коронавирус случился у всех, богатые страны ЕС в лице Германии и других должны все свои усилия предоставить для того, чтобы помочь соответственно Италии и Испании.

Насколько такие тенденции роста недовольства Евросоюзом приведут к выходу из Евросоюза других стран – помимо Великобритании, которая ушла по другим причинам? Я думаю, что нет такой вероятности. Почему? Сейчас, действительно, по социологии мы видим, что Италия – единственная страна Европейского союза, где количество

людей, которые выступают за выход из ЕС, впервые превысило количество людей, которые выступают за то, чтобы остаться в составе Союза.

Во-первых, разумеется, это то, что мы называем эмоциями. Во-вторых, если мы посмотрим, скажем, мотивацию тех, кто голосовал в Великобритании за выход из ЕС, и тех, кто сейчас говорит, что возможно Италия выйдет из ЕС, то мотивация будет прямо противоположная. Британцы говорили, если переводить на простой язык: оставьте нас в покое, нам не нужен Брюссель, нам не нужны ваши законы, нам нужен контроль границ, то есть требовали «ухода объединенной Европы» из Великобритании.

А чего же требуют наиболее пострадавшие от коронавируса страны, та же Италия? Они как раз обижаются на Европейский союз за то, что к ним «не пришли». То есть британцы требовали, чтобы Европа ушла, а итальянцы требуют, чтобы она пришла – проявила большую солидарность, оказала помощь. Никто ведь не обвиняет Евросоюз в целом в том, что это он виноват в коронавирусе.

Интересная позиция от двух правопопулистских партий, находящихся у власти, т.е. венгерского «Фидеса» и польского «Права и справедливости». Они, разумеется, партию власти не критикуют, поскольку сами являются властью. Но, конечно, они тоже говорят о том, что мало есть солидарности внутри Европейского союза. Одновременно, как и все остальные правые популисты, они, конечно, продолжают также свою стандартную риторику, а усиление своих политических позиций стремятся увязывать непосредственно с коронавирусом.

На середину и конец мая планируются президентские выборы в Польше [затем они были перенесены на конец июня – прим. ред.], которые оппозиция требует перенести из-за коронавируса. А власть настаивала на том, что нужно провести, и даже быстро через парламент они протащила закон, который позволяет всем полякам голосовать на выборах по почте. Соответственно, опять же, мотивируя это тем,

что, если перенести выборы на осень, то никто не знает, будет ли осенью вторая волна коронавируса.

Та же самая примерно ситуация в Венгрии. Там тоже партия власти «Фидес» через парламент передала большие полномочия премьер-министру Виктору Орбану. Он же, наоборот, отменил все выборы на время действия карантинных мер по коронавирусу, за что был подвергнут критике венгерской оппозиции, а также некоторых европейских структур. Но, опять же, и «Фидес» и «Право и справедливость» – это две партии, которых ещё до коронавируса и внутренняя оппозиция, и либеральная, и центристы обвиняли в чрезмерной концентрации власти в их руках.

То есть все националистические правопопулистские акторы (по крайней мере, которых мы рассматриваем) стоят на тех же позициях, предлагают ровно тот же рецепт, что предлагали до коронавируса.

Что касается возможности их какого-то взрывного роста. Пока, если мы посмотрим на социологию по Европе, нет никакого взрывного роста правых популистов. Они либо примерно на тех же позициях, плюс-минус несколько процентных пунктов занимают, что и, скажем, 1 января 2020 г. – может быть чуть-чуть выше, чуть-чуть ниже. А вот как раз правящие партии, например – партии власти в Германии или президент во Франции – резко поднялись. Если посмотрим рейтинги ХДС/ХСС, то сейчас партия по сравнению с 1 января поднялась на 10 процентных пунктов. Или, скажем, президент Макрон, не самый популярный президент во Франции, но тем не менее с 1 января он поднялся на 8 процентных пунктов, что тоже для него является весьма хорошим результатом.

Хочу такую мысль подчеркнуть, которая, может, лежит на поверхности. Мы и до коронавируса существовали в мире, где сосуществуют национализм, национальные границы, национальная идентичность, национальное правительство – и глобализм, о чем сегодня и говорилось.

Тот факт, что мы с вами сегодня здесь собрались (*конференция проходила на платформе ZOOM – прим. ред.*), имеет место благодаря глобальным средствам коммуникации. Если мы хотим представить глобализм как-то наглядно, что можно «пощупать», это как раз оно и есть. То есть не какие-то глобальные корпорации, тайные элиты, о которых мы читали в странных книжках, а вот это.

И страшно предположить, что у нас Skype отменят, отменят интернет, отменят быстрый денежный перевод между странами, отменят Netflix и пр.

Завершу своё выступление четырьмя пунктами о том, что показала пандемия коронавируса.

Первый пункт, который является для некоторых контринтуитивным. На самом деле, если мы примем его, то мы многое поймем из того, что сейчас происходит. Это то, насколько на сегодняшний день высока цена человеческой жизни.

Здесь говорили о том, что прогресс не меняет человека. Да, прогресс не меняет человека, но человек сам меняет себя и свои установки, в том числе и по отношению к жизни, исходя из новых доминирующих диалогических концепций. Действительно, правильно говорят, что коронавирус не является самым смертельным вирусом в истории человечества, даже из тех, что сейчас есть на планете. Тем не менее, важен просто тот факт, что первая реакция государств была такая, что, если мы можем сохранить хотя бы несколько жизней, если мы знаем, что есть такой вирус, давайте мы немножко отодвинем в сторону экономику, а людей поставим в положение самоизоляции и посмотрим, как это будет.

Понятное дело, что если просматривать это всё на более дальние перспективы, то может быть, действительно, в долгосрочной перспективе это было неправильным решением, но, тем не менее, это решение, которое диктовалось, в демократических странах прежде всего, конечно же, заботой непосредственно о жизнях. Исходя, так скажем, из логики

«делай, что должен, будь, что будет». Если есть возможность сохранить одну жизнь сегодня, а не десять через год, то вы сохраняете одну жизнь сегодня.

Это первый пункт – выросла цена жизни. Отсюда иначе ведут себя государства, нежели они себя вели бы 100 лет назад по отношению к сохранению этой одной жизни.

Второй пункт – это подчеркнутая важность границ, даже в тех регионах, где границы, казалось, отменены Шенгенским соглашением. Тем не менее оказалось, что это такая штука весьма важная. И в общем-то оказалось, что их можно охранять при необходимости, если есть такое желание.

Третий пункт – это то, что государства оказались весьма устойчивыми. То есть нигде, ни в государствах первого мира, ни в государствах третьего мира, не происходит настолько глобальных протестов или сползания в хаос. Что можно было бы представить, если мы смотрим на мир как-то слишком пессимистично. Нигде ничего не произошло, президенты на месте, правительства на месте, полиция на месте, армия на месте, из крана течет вода, интернет тоже течет у нас, поэтому мы с вами сейчас общаемся, в магазинах есть продукты, везде.

Четвертый пункт – люди у нас в стране и за рубежом, в принципе, оказались гораздо более в целом законопослушными, чем предполагалось. У нас же тоже есть в России внутренний расизм, когда говорят, что наш народ «не тот», что наш народ «снова пойдёт на шашлыки». Тем не менее, один раз сходил народ на шашлыки, были введены более жёсткие запреты, более жёсткий карантин, самоизоляция, всё – народ перерастал ходить на шашлыки. Люди и законопослушны в целом, но также и не враги самим себе и своему здоровью.

Поэтому вот такая вот финальная мысль: как глобализм останется, никуда не денется (интернет-то работает), так и национализм также никуда не денется, конечно же. Будем, как раньше, сосуществовать в рамках национальных государств и глобального мира.

**«Социальная взаимопомощь – делать то,
что полезно для каждого»**

Кризис – это замечательная ситуация, которая заставляет нас посмотреть на то, как мы живем здесь и сейчас, не оценить то, как жили прежде, не оценить то, как мы могли бы жить в будущем, а оценить то, как мы действительно живем здесь и сейчас.

И здесь социальный и экономический вопросы имеют очень большое значение, они друг с другом связаны, и в тот момент, когда у нас достаточно денег и достаточно ресурсов, как в личном кармане, так и в государственном, на реализацию всех своих интересов, и когда мы не замечаем того, что мы имеем, мы это перестаем ценить и начинаем хотеть и требовать большего и большего.

С одной стороны, это хорошо, это позволяет развиваться, идти дальше, создавать что-то интересное, но с другой стороны недооценка того, что мы имеем здесь и сейчас, формирует предпосылки к деградации этого самого наличествующего элемента. Касательно той же системы здравоохранения, которая существует в России и Европе.

Пандемия коронавируса показала, что система здравоохранения, заточенная под здоровое общество, под профилактику, под то, чтобы люди не болели, оказалась не вполне эффективной, просто потому что она не учла того, что есть элементы, которыми мы не можем управлять.

И она ставит вопрос о том, что для нас важнее, гуманитарная составляющая или экономическая, к чему мы готовы, к каким потерям мы действительно готовы.

Сейчас мы выбрали гуманитарную реакцию сегодняшнего дня, а могли бы выбрать реакцию завтрашнего дня, но на мой взгляд, если мы чуть-чуть отстранимся, то окажется, что ни одна, ни другая реакция не окажутся хорошими, в

полной мере гуманитарными. Мы можем стать на позицию социал-дарвинизма и воспринять вирус в качестве инструмента, который дает возможность отсоединить наиболее слабых членов общества, так как болеют старые, имеющие хронические заболевания, те, кто слабы. Цинично заметить, что временами случаются в истории человечества подобные несчастья. Эта позиция будет исключительно освистана, но и она, наверное, имеет право на существование.

Есть и другой подход, исключительно гуманитарный, потому что каждый из нас человек, каждый из нас хочет жить, каждый из нас хочет дожить до старости и, войдя в эту старость, быть человеком удовлетворенным, не стараться идти к смерти шаг за шагом, не надеется, что я умру сегодня вечером, потому что я устал, я уже старый, больше нет сил. Нет, я хочу быть уверенным, что каждый мой день будет насыщенным и целостным, это супергуманитарная позиция той самой социальной политики, в которой мы сейчас живем и пребываем.

Позиция той социальной политики, в которой мы сейчас живем, высочайшее достижение XX века, которое необходимо сохранять и продлевать. Вопрос лишь в том, чего она будет стоить, как долго мы сможем её продлевать и сохраняли ли она в перспективе.

Мы сидим на карантине, старательно пытаемся его соблюдать, не нарушать, осознавая последствия как для себя, так и для всех, кто окружает нас, понимая, что каждый выходящий из дома подвергает риску не только себя, но всех остальных. Это замечательная черта социальной солидарности, социальной взаимопомощи. Социальная взаимопомощь заключается не в том, что ожидать помощи взамен на личную выгоду, а в том, чтобы делать то, что полезно для каждого.

И это та позиция, которая должна активно поддерживаться и транслироваться, так как внутри нашего государства присутствуют социальные элементы, которые позволяют нам активно взаимодействовать, поддерживать друг друга.

Нынешний кризис и точки роста

Срез текущей ситуации с точки зрения экспертного сообщества сейчас очень важен, потому что дальнейшее развитие пандемии и последствий не совсем понятно, все социальные, экономические и политические процессы были вынуждены протекать в новой плоскости. То, что произошло в мире, как правильно спикеры заметили, стало лакмусовой бумажкой для региональных объединений (ЕС, ЕАЭС и др.), и в рамках этой встречи очень важно, в том числе, посмотреть, как проявились скорости решений различных в вопросах.

1. Как ограничительные меры по борьбе с коронавирусом отражаются на интеграционных объединениях – опыт ЕС и ЕАЭС.

Первое проявление региональных скоростей реакции было очень разное везде. Все показали свои «бицепсы» самостоятельности принятий решений как в Европейском Союзе, так и на евразийском пространстве, также и в реакции различных регионов в РФ. Как результат, как точка роста, здесь мы считаем, есть именно т.н. «импортозамещение» в различных географических регионах в экономическом, политическом, гуманитарном плане. То, о чем коллеги говорили – это понимание собственных сил, необходимости большей независимости в различных скоростях, это и для отдельных стран и регионов и для блоковых объединений в стране, связанными политическими или военными или экономическими задачами. Я думаю, что здесь точка роста – это именно лакмусовая бумажка проблем, которые потом регионы смогут исправить в будущем. Например, у кого-то была медленная реакция в плане финансовых решений.

2. Ценности интеграции в условиях вынужденного социального разобщения – гуманитарная составляющая кризиса.

Второй аспект, это проявление национальной культуры в процессе введения запретных мер, характеры исполнения

карантина. Все спикеры затронули этот вопрос в гуманитарном плане, если вы помните, реакция общества в разных странах на запрет была разной, – то есть, кто-то их игнорировал, а кто-то нет. Вспомните, например, какая была скорость закрытия общественных учреждений в Испании, Италии, России и Китае. Где-то это было постепенным, а не сразу, в Англии закрыли многие организации, но не закрыли пабы до последнего. Здесь, как точка роста, это, в будущем, возможно, организация процесса общественных ограничений с учетом культурных особенностей. То есть, тех же запретительных мер, они могут иными быть совсем, в будущем. То есть то, что для Сингапура хорошо, может быть не совсем хорошо для Рязани. Или наоборот. Соответственно, эти точки роста могут привести, в будущем, наше общество к более быстрым и эффективным решениям.

3. Информационная составляющая общемирового карантина: масс-медиа и информтехнологии.

Третье, это информационная составляющая всего этого процесса, здесь, конечно, выход в онлайн.

Выход в онлайн – не только технологическая ситуация, во многом это ломка стереотипов для большого пласта нашего общества.

Вы знаете, что у нас есть различные поколения, для многих – это дополнительная нагрузка, это оценка эффективности онлайн продуктов. Здесь важно, что именно произошло для нас, кто занимается общественной дипломатией, это глобализация международных онлайн-контактов. Особенно в гуманитарной сфере, включающий международные молодёжные контакты, ЕС, евразийские, белорусские контакты различные. То есть, какая здесь точка роста может быть? Заморозка международных молодёжных контактов может усилить значимость подобных кампаний. Это повышение уровня организации мероприятий, отбора участников, в будущих проектах.

Из негативных последствий, конечно, перезагрузка и, отчасти, обнуление среднесрочных процессов общественной дипломатии. То есть, та динамика, которую набрали

наши общественные организации, Фонд поддержки публичной дипломатии им. Горчакова, это большое количество региональных мероприятий, очень качественных, динамика подключения регионов к проектам, конечно, немного спала и надо смотреть, как в гуманитарной сфере будут развиваться, в том числе, оффлайн проекты в будущем.

Также, как негативная точка роста – это временное нивелирование результата с прошлого нэтворкинга. То есть, то, что было установлено у нас с вами ранее, сейчас, конечно, утратились возможности дополнительного молодёжного нэтворкинга из-за пандемии. То есть, то, что мы, кирпич за кирпичиком, выстраивали через личные встречи и настоящие контакты, сейчас, конечно же, будет отчасти забыто, потому что онлайн общение не может заменить полноценного диалога и эффективных будущих проектов.

4. Экономическая составляющая общемирового кризиса: что умирает и что рождается?

Что касается экономической составляющей, здесь, конечно, очень много было сказано и я бы сказала так, что, здесь важно, что очевидно. Это спад экономики в целом, отдельных стран, зависимых от цен на нефть и тех стран, которые сильно зависят от сферы услуг, от туризма. Такие есть примеры в Евросоюзе, в Евразийском союзе такие страны есть, которые зависят от сферы услуг сильно.

Соответственно, здесь точка роста может быть для более сильных стран. Это усиление зависимости слабых стран от сильных. То есть, сближение некоторых государств, которые отдалялись от потенциальных доминантов, может быть усилено кредитованием, другими процессами, перекредитованием. Но, с другой стороны, эти страны могут приблизиться немножко в ту сторону, не в которую хотели или открыто заявляли. Такие риски возможны, как мы считаем, в экономической сфере.

Таким образом, я бы хотел выделить такие точки роста, как импортозамещение, как учет культурной составляющей в гуманитарной сфере, увеличение количества и, может быть, качества общественной дипломатии, усиление связи между слабыми и сильными независимыми государствами.

«Здравствуй, дивный новый мир!»

Возвращаясь к тем вопросам, которые мы выносили на повестку дня нашего мероприятия, я попытаюсь резюмировать и обратить внимание на то, что было сказано. Четыре пункта, которые были предложены для обсуждения, мы, фактически, все так или иначе раскрыли.

Первое. Ограничительные меры по борьбе с коронавирусом – как они отражаются на наших интеграционных объединениях?

Много было сказано по поводу нынешнего положения Европейского Союза и сравнения с нашими евразийскими делами. Всё-таки, это мое мнение, здесь есть одна большая разница. Мы, в нашем экспертном кругу, часто критикуем наши евразийские структуры за меньшую эффективность по сравнению с европейскими. Если европейская бюрократия – притча во языцех, то у нас бюрократии институционально не меньше, но точно меньше вовлечения горизонтальных начал, участвующих в интеграции. Но, всё-таки, наша евразийская интеграция связана с первостепенной ролью Российской Федерации и, скорее, идёт по возрастающей. Хотя очень многие с этим и будут спорить, так как проблем много, и они очевидны. И здесь тот самый вопрос о постановке ценностной парадигмы. Скорее, этот вопрос, точнее – его не решение до сих пор, связано с болезнями роста. Конечно, вопрос о новом понимании силы – будут ли государства, входящие в Евразийский союз, воспринимать Россию именно как центр силы, вокруг которого они готовы объединяться? И какова должна быть эта новая сила России?

Наше развитие и наше будущее, я уверен, именно в интеграции, а не в самоизоляции. Но развитие по прежней бюрократической модели, без подключения горизонтальных начал, уже невозможно.

То, что касается Европейского Союза. Те проблемы, которые сегодня обозначены, в том числе – перекрытие границ, споры, связанные с тем, а насколько нужна Европе ЕСовская бюрократия, скорее говорят о системных проблемах в Евросоюзе. Может быть, потому что мы с Фёдором Гайдой оба историки, здесь я солидарен. Всё-таки, здесь идёт другой процесс – общая тенденция укрепления национальных государств дальше будет проявляться в большей степени.

И, тем более, для нас важными становятся рассуждения о ценностной основе нашей евразийской интеграции. **Это второй пункт повестки дня – ценности интеграции в условиях вынужденного социального разобщения, гуманитарная составляющая кризиса.** Сегодня, мне кажется, как раз, этот блок был проговорен и обсужден, может быть, в меньшей степени, хотя, целый ряд положений, связанных даже не с национальными началами, но наднациональными, для евразийской интеграции были обозначены. В том числе и проявление той солидарности, которая сегодня работает для всех наших государств. Да, для всех было шоком перекрытие границ, достаточно жёсткое, с Белоруссией, в самом начале введения ограничительных мер. Но дальнейшая ситуация, как она развивается, расставит всё по своим местам. Даже то, что сегодня мы в таком, российско-белорусском формате, с привлечением наших экспертов из других государств Евразийского Экономического Союза, обсуждаем эти вопросы и готовимся к нашим очным встречам. Насытившись этой энергетикой работы на удаленке, тем более будет приятно работать в личном контакте. И вопрос обсуждения ценностной повестки евразийской интеграции необходимо будет продолжать с точки зрения того, насколько то, что нам является привычным, когда начинаем говорить «Евразийство», насколько оно вообще может быть востребованным, при нашем движении дальше.

Мы сейчас готовимся, уже отмечаем 100-летие Евразийского движения. Являются ли те идеи, которые

были высказаны ещё классическими евразийцами, применимыми к современной евразийской интеграции? Либо в каком виде они могут быть применимы?

Следующий, **третий пункт – информационная составляющая общемирового карантина: масс-медиа и информтехнологии.** Да, информационную политику, информационное освещение нынешних событий, мы достаточно подробно осветили. Но, мне кажется, есть вопросы развития информтехнологий, развития, на новом уровне, масс-медиа, которые требуют дальнейшего осмысления. Да, мы сегодня все находимся в онлайне. И это очень удобно для проведения подобных мероприятий. Но я, с одной стороны, подчеркиваю, что онлайн здесь является необходимым дополнением, в нынешних условиях невозможности общаться в оффлайн режиме, но, тем более, нам нужно будет более эффективно подходить к мероприятиям, при личном контакте, традиционным мероприятиям.

И сегодня для евразийской интеграции и для нашей молодёжи, в особенности, которая сидит постоянно в сети, которая, зачастую, намного лучше, чем старшее поколение, работает с этими продвинутыми технологиями, наверное, для них открываются какие-то новые возможности. Более динамичные, более технологичные. И это будет связано, в том числе, и с карьерным ростом, потому что проблема социальных лифтов, давайте признаем, до последнего времени, как в Российской Федерации, так и, наверное, белорусские коллеги где-то со мной согласятся, в целом, на нашем евразийском пространстве, она есть.

Может быть нынешние изменения позволят открыться социальным лифтам и дать перспективу молодёжи. И об этом тоже нужно говорить.

Дмитрий Геннадиевич Евстафьев сказал о том, что американский ZOOM, на платформе которого мы общаемся, задает определенные, не наши, рамки, из которых нам не вырваться. Матрично задает. Конечно, так.

Но у русской культуры есть удивительная способность принимать любые формы, не меняя собственного содержания. И эту нашу, во многом не оцененную до сих пор способность, нам надо использовать и при работе с информационными технологиями.

Ещё по информации. Дискуссионный момент – какое место занимает в нынешней истории с коронавирусом информационная манипуляция. Есть, ведь, мнение, что то, что происходит сегодня – это такая новая технология войны. Более прогрессивная, с меньшими издержками, чем при войне традиционной, но решающая вопросы, которые обычно решаются через потери человеческие, экономические, политические. А потом на этой основе происходит некая глобальная перестройка. Об этом, наверное, тоже стоит упомянуть, и как-то в процессе дискуссии на эту тему порассуждать.

Наконец, последний момент – **экономический**. Да, может быть, рождается новый технологический уклад и в нем, как раз, эти все моменты, связанные и с информационными технологиями, с интеллектуальными вещами, будут определяющими. А уж тема искусственного интеллекта, о котором мы сегодня не вспоминали, честно говоря, в какой-то степени может быть и пугающей, но открывающей новые возможности.

Резюмируя, хотел бы сказать: «Здравствуй, дивный новый мир!». Хочется верить, что он будет не такой, как у Хаксли, хотя реальность антиутопии мы на себе уже, пожалуй, ощутили. Но мы к новому миру готовимся, и постараемся, чтобы он был для нас успешным. Для нас, для России, Белоруссии, для всего Евразийского пространства.

II. МИР ПОСЛЕ КОРОНАВИРУСА – ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОВЕСТКА 2030

*Материалы круглого стола,
состоявшегося 5 июня 2020 г. в режиме онлайн*

Сергей Пантелеев

О дураках, дорогах и молодых солдатах Евразии

Если в прошлый раз мы обсуждали вопросы текущей повестки дня, хотя всё равно, заглядывая вперед, то сегодня мы хотели бы совсем вперед посмотреть – вперед на 10 лет, как минимум. И поэтому тема нашего сегодняшнего мероприятия звучит «Мир после Коронавируса – Евразийская повестка 2030».

Какие вопросы мы сегодня собираемся обсуждать?

Первый и, наверное, самый главный. Мы очень любим рассуждать о том, что России не хватает позитивного образа будущего. Я думаю, что полностью это применимо и к нашей евразийской интеграции. Есть ли позитивный образ будущего у Евразийской интеграции? И когда мы формируем вот эту «Евразийскую повестку 2030», то, прежде всего, мы подразумеваем под этим то, каким мы хотели бы видеть наш интеграционный проект через 10 лет. Так каким он должен быть?

Соответственно, что может мешать реализации того позитивного образа, который мы хотели бы создать, найти... Какие здесь есть риски, какие угрозы, и что нам здесь может помешать?

И, наконец, третий момент. Он сформулирован достаточно прямолинейно, может быть – даже провокативно, намерено провокативно. Звучит этот вопрос следующим образом: «Нужна ли евразийской интеграции молодёжь, и нужна ли молодёжи евразийская интеграция?».

Почему это сформулировано так провокативно? Мы знаем, что много проходит международных молодёжных мероприятий, и мы на словах уделяем много внимания этим вопросам. Но очень важно спросить у самой молодёжи – она интересуется евразийской интеграцией? Молодёжи нужна евразийская интеграция? Для чего мы используем сегодня молодёжные проекты с точки зрения их реализации? Как думает о них сама молодёжь?

Формируя для себя вводную часть и отвечая на эти три вопроса, я вспомнил известную поговорку, крылатое выражение: «В России есть две главные беды – дураки и дороги». Часто это выражение приписывают то ли Карамзину, то ли Гоголю, на поверку оказывается, что, скорее всего, Задорнов где-то в 80-х годах это сказал, приписал либо тому, либо другому. Ну, как бы такой мем получился, прижился... И, наверное, он к нашей евразийской интеграции тоже вполне применим.

Потому что я абсолютно считаю (и в этом отношении полностью согласен с классическими евразийцами), что без России Евразии в принципе нет, и, соответственно, без России никакой евразийской интеграции быть не может. Поэтому если проблемы России такие ключевые, то, наверное, такие ключевые проблемы и у нашего большого евразийского пространства.

Так вот по поводу дорог. Ну дороги то, слава Богу, сейчас у нас строятся. Но вопрос ведь ещё в том, для чего мы строим эти дороги? Вот кто по этим дорогам пойдет-поедет? Мы сможем, например, сесть утром в Москве в автомобиль и вечером оказаться в Ереване, приняв там участие в открытии какого-то нового евразийского мозгового центра? Либо мы строим дороги для того, чтобы по ним прошли молодые (у нас молодёжное мероприятие) солдаты Евразии, в красивых стройных рядах. Тоже вариант, в принципе...

По поводу дураков. С дураками, конечно, проблема есть всегда. Я думаю, не только в России, не только в Евразии. В Европе тоже, и в Америке, как мы видим. Это общая

проблема. Но только – как мы эту проблему собираемся решать?

Коллеги, особенно старшего поколения, я думаю, помнят хорошо песню группы «Машина времени» под названием «Битва с дураками». Можно, например, применить метод Макаревича в борьбе с дураками. И на выходе мы получим, наверное, вполне ожидаемую картину. В принципе, в этой замечательной песне методология обозначена.

А можно по-другому поступить. Можно поступить путём создания тех же мозговых центров развития новой экономики знаний, создания большого Евразийского Проекта, современного и открытого миру. И это будет путь борьбы с дураками.

Я думаю, что каждый из нас сегодня попытается обозначить свой путь решения этих проблем. И попытается сформировать тот образ позитивного будущего Евразии, который ему близок.

Но, при этом, дорогие друзья, заканчивая свое вводное выступление, я поделюсь с вами некими секретами. В прошлый раз наш разговор мне очень понравился. Более того, как вы все заметили, мы долго потом публиковали текст каждого выступления, народ обсуждал это всё в Фейсбуке... Но поскольку, естественно, мероприятие у нас нацелено на молодёжную аудиторию, я интересовался у нашей молодёжной публики: «А что вы думаете о нашем первом мероприятии?».

И я, честно говоря, удивился. То, что казалось нам крутым, суперинтересным, молодёжь восприняла иначе: «Собрались старики, умные разговоры провели, а вот как-то без драйва...не хайпово». В этот раз, дорогие друзья, я думаю, что мы, благодаря нашей молодёжи, в том числе, добавим драйва и, может быть, даже, немного хайпа.

Дмитрий Евстафьев

«Превратить евразийство в практическую концепцию»

Давайте посмотрим, что мы увидели за прошедший (со времени первого круглого стола – прим. ред.) месяц. Первое – мы увидели, что ключевым фокусом всех изменений, всё-таки, является не экономика, которая на сегодняшний день есть не самая важная величина. Вы заметьте, что все спасают экономику, но что-то она плохо спасается. Причём – и на национальном, и на глобальном уровне. Обратите внимание, как меняются цифры прогнозируемого экономического спада. Всё то же самое 5 лет назад – и все бы бегали тут по потолку и кричали: «Катастрофа, катастрофа!». А сейчас, вроде бы, и ничего... Но главные изменения – в социальных процессах.

То, что происходит в Соединенных Штатах, никакого отношения к расовому вопросу не имеет. Точнее – имеет, конечно, но – отдаленное отношение. Это, прежде всего, показатель дискуссии тех деструкций, тех социальных институтов, которые у них существовали, и замещение их в целом ряде локаций некими неформальными институтами. Поэтому главное – это борьба за новую социальность.

Второе – идеология имеет значение.

Идеология будет одним из важнейших факторов, который определит способность той или иной политической элиты на национальном уровне выйти из этого кризиса.

За счет экономики из этого кризиса не выйдет ни одна национальная элита. Ни одна, даже китайская элита, не будет способна выйти из нынешнего состояния за счет экономики. Это им американцы очень хорошо объяснили. Это пункт номер два.

И – пункт номер три. Мы все говорили, что у нас потерянное поколение – молодёжь. И отчасти это так. У нас же

фактически полтора-два поколения молодёжи выпали из социальной жизни. Но посмотрите... Ровно то же самое происходит во всех странах, которые относили себя, условно или безусловно, к Западному миру. И, если вы думаете, что вот так же рассуждают умные люди в тех же западных элитах, вы очень сильно ошибаетесь.

Я думаю, что мы в ближайшие лет десять будем иметь, действительно, битву за молодёжь.

Теперь перевернем монетку. Евразийство сегодня стоит перед очень тяжелым выбором. Оно может остаться теоретической концепцией, и мы будем периодически тут собираться, обсуждать, вспоминать великих евразийцев прошлого, от Данилевского до Гумилева... Это нормально. Но евразийство, как бюрократическая концепция, собственно, что мы наблюдали последние несколько лет, – умерло.

Дальше на бюрократическом уровне евразийство существовать не может. Нам нужно превратить евразийство в практическую концепцию.

И нам, и вам, прежде всего, молодым, нужно думать, что такое евразийство в практическом плане.

Практическое евразийство – это не круглый стол, особенно виртуальный. Практическое евразийство – это осуществление социально значимых мероприятий в поле. Практическое евразийство, извините, с моей точки зрения (я человек старорежимный), это были комсомольские стройки. Практическое евразийство – это было межкультурное взаимодействие народов большой Евразии в университетах. Да и в армии...

В чем проблема наших взаимоотношений, например, с очень многими государствами? Для молодого поколения... Для меня, например, украинец – это одно, и я его по одному представляю. Вот, например, для моего сына, которому 20 лет, он этого украинца представляет совершенно по-другому. И он не имеет особенного опыта взаимодействия с

украинцами. За исключением опыта взаимодействия с украинскими «гастарбайтерами». И то же самое касается нас. И то же самое касается взаимодействия, например, с казахами. Даже с белорусами, хотя здесь ситуация наша легче.

Поэтому евразийство можно спасти только через реализацию значимых экономических проектов, где будет работать и зарабатывать, и расти, и расти профессионально, и расти социально молодёжь. Все эти абстрактные бюрократические социальные, кадровые лифты, они плохо получают даже на национальном уровне. На общеевразийском уровне это получается очень смешно.

Наше евразийство, в самое ближайшее время, если мы хотим сохранить его для нашей молодёжи, должно стать экономизированным. Мы должны думать, что такое экономическое евразийство.

И последнее, что я вам хочу сказать. Чем дальше, тем больше становится понятно, что у нас может не быть будущего на ином уровне, через иные механизмы, чем механизм евразийской интеграции. Я всегда был таким, что называется, геополитическим радикалом, с этой точки зрения. Но ситуация по нашим границам превосходит все мои ожидания. Достаточно просто посмотреть, что происходит на среднем Востоке, что происходит у китайцев, какие там процессы. Поэтому выжить просто через эту нашу замечательную многовекторность – не получится.

Кстати, даже если посмотреть, что происходит в Европе. Посмотрите, как перекидываются в Европу американские протесты. А взрывного материала в Европе, даже в Восточной Европе, гораздо больше, чем в США, и он гораздо более опасен в действительности, стратегически.

Поэтому для нас евразийская интеграция во многом является самозащитной.

Но другой вопрос, что она в достаточной степени уже дискредитирована. И на старом контенте, на старом содержании в новом пространстве она просто нежизнеспособна.

Кто должен придумать новое содержание евразийства? А вот вы (*молодёжь – прим. ред.*) и должны. Мы в какой-то мере свою функцию выполнили, мы спасли евразийство как концепцию, как идею, как память об истории, как память, в том числе, о Советском Союзе. А вам его двигать дальше, потому что мы, к сожалению, мое особенно поколение, отягощены и поражением 1991-го года, и трагедией 1993-го года в России, и сыты нулевыми. А вы в гораздо большей степени свободны от этих комплексов, вам, собственно говоря, и двигаться дальше. Потому что, объективно, это будет ваше время. Вы сможете осмыслить Евразийство в цифровом пространстве. На что я, например, если сказать честно, не очень способен. А вам это придётся делать.

«Альтернативы нашей интеграции нет»

Безусловно «коронакризис» является маркером. Не столько причиной, сколько маркером тех изменений, которые сегодня происходят на евразийском пространстве, да и вообще в мире. Потому что мы говорили и в прошлом году, что экономический кризис, так или иначе, грядет, и он будет сильно отличаться от того кризиса, который был в 2008-ом году, и от его последствий. Но он, как всегда, наступил для многих неожиданно. Несмотря на то, что к нему готовились.

Тем не менее те проблемы, о которых мы сегодня говорим применительно к евразийскому пространству и к нашему видению евразийского пространства, в них по сути ничего нового нет. И «коронакризис» где-то, в каких-то моментах, это подсветил, выступил катализатором нашей мысли. Но системно, по-моему, ничего не изменилось.

Если мы говорим о прогнозе, отвечая на вопрос, относительно того, готовы ли элиты евразийского пространства к технологическому прорыву, то, на мой взгляд, пока не готовы.

Четыре пространства, которые являются стратегической целью, несмотря на некоторый прогресс, не просто до сих пор не построены, но в полном смысле слова не построено ни одно из них.

Самые крупные страны союза завязаны на экспорт минерального сырья, за последние годы есть лишь косметические и ситуативные изменения с точки зрения структуры экономики стран ЕАЭС, прежде всего, это касается Казахстана и России, в то время как Беларусь имеет всё более диверсифицированный экспорт. Большой урон по процессу евразийской экономической и социальной интеграции в этом контексте был нанесен выпадением из него Украины с ее большим на момент 2012-2013 гг. промышленным потенциалом.

Прирост ВВП стран ЕАЭС сегодня очень невысок, около 1% по итогам 2019 г. – лидеры при этом Армения и Кыргызстан, в то время как локомотивы интеграции отстают и от них. Численность населения также сокращается, только в Казахстане и Кыргызстане идёт рост и превышение показателей по сравнению с показателями накануне распада СССР. Проблемой ЕАЭС сегодня также является крен экономики участников союза в сторону внешних рынков, прежде всего Китая и ЕС, а также очевидная нехватка капиталовложений, которая диктует всё большую важность развития и функционирования фондов стратегического развития интеграции. В условиях, когда ресурсы Евразийского банка довольно ограничены, остро ощущается нехватка инвестиций.

При девальвации определенный эффект замещения был за счет российского рынка, но видно, что внутриотраслевая торговля не достигала высоких показателей, что обуславливает доминирование инерционного сценария развития евразийской интеграции. В период с 2015 по 2019 год торговля товарами внутри ЕАЭС увеличилась. Более того, в 2018 году ЕАЭС получил современный таможенный кодекс. Однако эти относительные успехи были нивелированы сохраняющимися изъятиями и продолжающимися торговыми спорами между государствами-членами, нетарифными ограничениями, а также односторонними контрсанкциями.

К сожалению, прежде всего именно динамика мировых цен влияет на рост внутренней торговли, а вовсе не эффект ЕАЭС. По экспорту и импорту товаров для России лидирует ЕС, а ЕАЭС занимает не более 5-6%. Таким образом, одной из ключевых проблем союза является – низкая социально-экономическая связанность его членов, при наблюдаемом ощущении преваляции в торговле стран ЕАЭС внерегиональных акторов, таких как ЕС и КНР.

В глобальном плане проблемы ЕАЭС заключаются в различном видении союза его членами будущего самого союза, что, в частности, отчетливо проявилось в позиции относительно перспектив и алгоритмов создания единого рынка нефти и газ, что вылилось в серьезную дискуссию в ходе недавнего заседания Высшего совета ЕАЭС и общее охлаждение российско-белорусских отношений.

Совокупная доля ЕАЭС в мировом ВВП сегодня очень мала и составляет примерно 2,5%. С одной стороны, это указывает на то, о чем говорят исследователи либерального направления – на то, что альтернативным полюсом с такими показателям в условиях формирования в мире новой биполярной экономической и военно-политической структуры не стать. Однако, это вовсе не означает, что цель создания ЕАЭС в том, чтобы сугубо повышать конкурентоспособность на внешних рынках, тем более в условиях стратегически асимметричности интересов ЕС и ЕАЭС и того, что никаких особо конкурентных преимуществ при гипотетическом и маловероятном равноправном партнёрстве и соглашении с ЕС не будет, а в том, чтобы в новых условиях мировой конъюнктуры наращивать товарооборот, уметь насыщать свой рынок, создавать и развивать промышленную кооперацию внутри союза. Безусловно, сегодня надо признать, что постсоветская Евразия находится на периферии трансформационных глобальных тенденций. Прежний особый характер социально-экономической модели региона практически размывается. Возрастает риск разрыва его между конкурирующими центрами экономического и политического влияния.

Конечно, некоторые элементы качественного развития могут быть обеспечены и без углубления интеграции, но стратегически этого мало в условиях предпосылок новой биполярности и всё большего превращения евразийского пространства в пространство конкуренции.

Пока же приходится констатировать, что в ЕАЭС нет парадигмы будущего на основе общей промышленной политики, отсутствует долгий горизонт планирования, и это во многом проблема элит стран членов союза.

Трудно с уверенностью сказать о том, что они будут готовы к той интеграции, о которой говорили мои коллеги. Трудно с уверенностью сказать, что это будет быстро реализовано. Совершенно ясно, что та сырьевая модель развития, которая сегодня господствует на евразийском пространстве (в том числе я имею в виду и Россию, и Казахстан, конечно, как членов ЕАЭС), она имеет очень серьезные ограничения. Если мы говорим о действительно полноценной интеграции и выходе на новый уровень, на уровень нового технологического плана.

Первое, что нужно делать, это, конечно, упор на производственное развитие, на создание внутрорегиональных циклов и цепочек добавленной стоимости, о чем Пётр Сергеевич говорил. И понятно, что это будет встречать, безусловно, противоречие со стороны ядра (ядерного элемента мирового). Но, тем не менее, альтернативы здесь нет. Можно это называть по-разному: реиндустриализацией или новой индустриализацией и так далее.

Но без этого мы, конечно, нашу евразийскую интеграцию не перезапустим. Она будет, так сказать, в вялотекущем режиме существовать какое-то ещё время. Постоянно, кстати говоря, будучи подверженной политическим рискам.

Второй вопрос – это, конечно, вопрос социальный. Здесь я согласен с тем, что сказал господин Евстафьев, но я бы, конечно, так не отрывал социальное от экономического. Потому что в конце господин Евстафьев тоже сказал, что, собственно, в новом экономическом проектировании и есть залог развития Евразийского Союза. То есть социальное и экономическое здесь идут бок о бок. И те же комсомольские стройки, и те же университетские программы, которые были в советское время. Они же имели большое экономическое значение. Они

же были не оторваны от реальности и были, зачастую не для того, чтобы кого-то где-то занять ради формы. Они реально помогали экономическому развитию. За послевоенные годы на Дальнем Востоке были построены десятки городов. А образование было ориентировано на ту структуру рынка труда, которая была тогда. Поэтому для меня вот здесь есть параллель. Хотя согласен, безусловно, с тем, что социальная составляющая очень важна. И мы это видим на примере тех же Соединенных Штатов сегодня, какие процессы происходят. Потому что в корне их лежат не только, так сказать, расовые противоречия, которые многие десятилетия уже были, но и социальные проблемы, проблемы неравенства.

И проблема неравенства, помимо производственности и реиндустриализации, является очень серьезной, важной для евразийского пространства.

Поэтому второй момент, помимо новой производственной политики, создания региональных цепочек, это стремление к преодолению неравенства. Соответственно, нужно менять в определенной степени и экономическую модель развития вообще, как развития всего Союза, так и отдельных национальных государств внутри Союза. Потому что, в конечном итоге, развитие нашей интеграционной группировки, безусловно, так или иначе, связано с развитием наших национальных экономик.

Если говорить о более конкретных вещах, то это, конечно, решение вопроса, связанное с нетарифными ограничениями. Это попытка создания (уже надо было давно это сделать) единого сельскохозяйственного рынка. Это, конечно же, развитие перерабатывающих отраслей, обрабатывающей промышленности, транспортной инфраструктуры.

Да, это же не просто дорога, вдоль дороги надо выстраивать целую систему инфраструктурных проектов. Тогда это действительно будет серьезная транспортная инфраструктура, которая будет выполнять не просто смысл перегона транзита, а носить смысл, безусловно, и внутреннего развития.

Ещё это вопрос технических регламентов.

То, что касается молодёжи. Являясь представителем сферы образования, я наблюдаю, что молодёжь мало знает, честно говоря, о нашем союзе вообще. Даже студенты-международники четвертого-пятого курсов, которые напрямую не занимаются евразийским пространством, Евразийским Союзом, у нас, по крайней мере, затрудняются с ответом на вопрос о том, что такое современная евразийская интеграция. Да слышали, да интеграционная группировка, но реального осознания, что это, к сожалению, нет.

И здесь мы вплотную подходим к вопросу гуманитарной интеграции. А дальше это вопросы идентичности, о чем вот коллеги и господин Дзермант много и очень хорошо пишут. Потому что мы видим, что пока, к сожалению, элиты многих стран не готовы к решению вопросов, связанных с гуманитарной интеграцией. И последнее выступление президента Казахстана отчасти тоже свидетельствовало об этом.

В целом, говоря о собственном видении проблемы развития нашей интеграции, я бы определил ее так.

Первое – это производственная кооперация развития обрабатывающих отраслей и выход на новый технологический уклад. Поэтому нужна консолидация и общее понимание элитой того, как это решать. Это создание единых рынков, это создание внутрорегиональных цепочек добавленной стоимости. Это выход на полноценную гуманитарную интеграцию в нашем Евразийском союзе.

Конечно, современные процессы, которые происходят в мире, во многом могут нам в чем-то и помочь. То, что, на первый взгляд, мы видим серьезную деструкцию в США. И неизвестно, как это будет развиваться. Мы видим, что надежды на институты, о которых мы часто говорили, применительно к США, что институты выправят многое, любой кризис – это уже, на самом деле, не настолько однозначно, и неоднозначность этого, так скажем, увеличивается.

Поэтому в условиях, когда кризис переходит из периферии в ядро мирсистемы – на Запад, альтернативы нашей интеграции нет. И понимать будущее нашей страны только сугубо в меркантилистском национальном ключе, что мы замыкаемся в национальных рамках, а не в ключе регионализации, было бы, мне кажется, очень серьезной ошибкой.

По-моему, как стоял вопрос о создании межрегиональной группировки, эффективной для России, и через это транслирование своего мирового значения в разных смыслах этого слова, так и стоит. И, собственно, «коронакризис» сегодня только подтвердил это. К сожалению, пока в рамках Евразийского Союза даже на техническом уровне борьбы с эпидемией мы пока не смогли быстро сформировать общий поведенческий вектор. Чем скорее мы это научимся делать, тем лучше будет для нас. И от этого зависит, в том числе, наше национальное развитие.

Для реализации задач евразийской интеграции на современном этапе нужно формирование нового союзного мышления. Россия в состоянии обеспечить развитие евразийской интеграции и укрепление своей позиции регионального лидера посредством создания стимулов для своих союзников как в области безопасности, сохраняя свое значение как ее гаранта, так и в области экономики. Для этого важно трансформировать свою экономическую систему и экономическую политику в сторону суверенизации и построения смешанной экономики, на основе принципов многоукладности, расширения государственного кредитования промышленности, развития потенциала внутренних инвестиций, стимулирования развития высокотехнологичных производств и внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости, союзного импортозамещения и согласованного выхода на рынки третьих стран. При этом важно приоритетное внимание к таким сферам как цифровизация и развитие возобновляемых источников энергии,

которые давно следует перестать воспринимать не как вызов для ТЭК, а начать воспринимать как широкое поле потенциальных возможностей. Особое место должно при этом быть уделено новым концепциям и практикам урбанизации и демографии, через развитие потенциала Сибири, Дальнего Востока, с возможным рассмотрением вопроса о переносе геоэкономического центра страны на Восток. При этом важно, чтобы такой переход, такой рывок не остался бы на бумаге, а реально бы способствовал политике стимулирования рождаемости, плоскостному развитию с усилением внутреннего межрегионального единства, отказу от концепций агломераций с пустыми пространствами между ними.

Всё это может стать шагами к созданию своего варианта социально-экономического строя с усилением элементов национального и союзного стратегического планирования, который позволит не просто обеспечить укрепление региональной интеграции и обеспечить интенсификацию социокультурного взаимодействия, но и даст возможность не опоздать к моменту перехода на новый технологический уклад и не оказаться в качестве сырьевой периферии в процессе нового витка НТР и структурной технологической перестройки, происходящей в современном мире.

**«Найти себя в высокотехнологичном
развитом обществе Евразии»**

Приветствую всех на нашей конференции. Хочу высказать слова приветствия от директора Института философии Национальной академии наук Беларуси Лазаревича Анатолия Аркадьевича. Он, к сожалению, не смог сегодня выступить в связи с государственными экзаменами, которые принимает в Академии управления, но при этом просил пожелать всем участникам круглого стола плодотворной работы, потому что прогностика, проектирование, и, вообще футурология является одной из главных составляющих деятельности Института философии НАН Беларуси. Поэтому наш круглый стол, особенно в случае коронакризиса и всех сложных перипетий, очень и очень важен, и востребован.

Возвращаясь к теме нашего круглого стола.

Во-первых, если мы посмотрим на евразийскую интеграцию, вообще на евразийский континент, то мы должны выявить определенный тезис, что, всё-таки, у нас имеются базовые диалектические противоречия в рамках нашей интеграции. И вообще в рамках евразийского континента. Почему? Первое противоречие (я про него ещё года 3 назад писал), думаю, что сейчас оно достаточно сильно обостряется в связи с коронакризисом, – это противоречие диалектическое между суверенитетом и капиталом. У нас имеются определенные суверенные игроки. У нас имеется интеграция, которая является механизмом сохранения и приумножения суверенитета в современном глобализирующемся мире. И, в принципе, евразийскую интеграцию формировали исходя из этого посыла.

С другой стороны, у нас имеется международный глобализирующийся капитал, который противоречит суверену, суверенитету и реализации этого суверенитета. Почему?

Потому что любой суверенитет является барьером на пути к либеральной западноориентированной глобализации. Особенно у нас. Из этого следует и второй мой тезис. Это, так называемая, конкуренция интеграционных проектов Евразии.

Мы, всё-таки, не должны забывать, что, не смотря на то, что у нас имеется один Евразийский союз, игроков, претендующих стать центрами евразийской интеграции, на евразийском континенте достаточно много.

Кроме России и Евразийского союза у нас имеется Китайская Народная Республика, которая вкладывает достаточно много средств в свой проект «Один пояс и один путь». Я думаю, что коронакризис только усилит эту роль Китая. Это Турция – давайте не забывать, что Турция также желает быть одним из центров евразийской интеграции.

И это, конечно же, Европейский союз. Как бы Европейский союз ни крутил, ни вертел, его определенные амбиции включают, в том числе, и особую политику в рамках евразийского всего континента. Мы посмотрим и на определенную политику ЕС в отношении стран Центральной Азии, Турции и других.

Отсюда и ещё один момент, который вытекает из этого противоречия «суверен-капитал», противоречия, кто будет центром евразийской интеграции...

Третье противоречие – это, конечно, противоречие между производителями высокотехнологичных товаров и добывающих сырьё компаний.

Какой сегмент экономики у нас будет определяющим – наукоемкий или сырьевой? От этого зависит и другой вопрос. Будем ли мы ядром, или будем периферией? Наши страны, наша евразийская интеграция.

Почему? К примеру, противоречие между Китаем и Соединенными Штатами Америки начались именно как раз тогда, когда Китай начал создавать полностью закрытые и возобновляемые технологические цепочки, которые напрямую конкурентны западным технологическим цепочкам. И

США логично увидели это. Мы увидели то же самое... Будем видеть в отношении наших стран, если будем создавать в рамках Евразийской интеграции такие же самые самостоятельные конкурентные технологические цепочки, воспроизводимые. У нас будут собственные технологии.

И вот этот уход от сырьевой «голландской» болезни Евразии для нас, на мой взгляд, является одной из основных задач, которые как раз и будут усиливать именно субъектность, суверенитет стран Евразийского союза и являться инструментом ухода от имеющегося полупериферийного или даже периферийного для некоторых участников состояния.

И если говорить, уже подводя итог, то именно эти вопросы, как это ни странно, на сегодняшний день и находятся на повестке дня ЕАЭС и Союзного государства. И, в том числе, вопрос евразийского партнёрства, о котором Владимир Путин объявил, и вопрос сопряжения «Одного пояса и одного пути» с ЕАЭС.

Я бы хотел подчеркнуть, что если мы думаем о проекте Евразия и создаем какой-то образ Евразии, мы должны исходить из его эвристической ценности. Как методологи науки любят говорить.

Вырабатывать определенные конкретные предложения, конкретные механизмы, которые будут усиливать нашу технологическую самостоятельность, выводить нас в ядровое состояние, а не периферийное.

И если молодые хотят найти себя в Евразии, то должны рефлексировать, анализировать и предлагать те модели и возможные механизмы евразийской интеграции, которые были бы действенны, функциональны исходя из географических и социально-экономических особенностей континента и обществ, его населяющих.

За российским ядерным щитом

У нас определён прогнозный период – Евразия в 2030 году. Что мы можем получить к 2030 году и, прежде всего, что вы, как более молодые люди, следующие поколения за мною, получите к 2030 году, к чему вы должны готовиться?

К 2030 году некоторые вещи мы можем прогнозировать. Первое: это военную безопасность России и, связанных с Россией, союзных ей стран. Особенно в связи с совсем недавним решением по применению ядерного оружия Россией. Это означает, я могу долго рассказывать, но напомню вам, что в России сегодня к 2020 году реализована ключевая часть программы перевооружения армии с 2015 до 2020 года. Эта программа вышла на финишную прямую и была успешно (в целом успешно) реализована. То есть, если в 2015 году новая техника и вооружение составляли в российской армии 30%, то сегодня 70%, в стратегических ядерных силах – 90%. Это означает, что на ближайшие 10 лет до 2030 года, нашего прогнозного периода, мы защищены.

Это огромное, громадное достижение. В мире нет, кроме Соединённых Штатов, стран, о которых это можно сказать. Значит, под защитой этого щита можно примерно прогнозировать вызовы, с которыми мы должны справиться, имея вот эту стратегическую принципиально важную защиту. Я бы их также видел, прежде всего, в военном ключе.

Из них я бы обратил внимание на, прежде всего, ситуацию по всему южному периметру российской границы и связанных с нею стран.

Мы видим, что произошло сегодня с пандемией, она усугубила все те проблемы, которые и так были в мире и, в том числе, на Ближнем Востоке. Ситуация в этом регионе и так была где-то военной, где-то предвоенной. Сегодня этот регион вбивается в каменный век со страшной силой, а это означает, что оттуда будут исходить всё новые и новые, прежде всего – военные, угрозы.

Я думаю, что мы все, и вы прежде всего, как люди молодые, должны готовить себя к тому, чтобы найти своё место в общем строю, в отражении или хотя бы предотвращении тех угроз, которые скапливаются на юге. Каждый продумает себе сам своё место, но надо помнить о том, что никто не избежит участия в этом процессе, слишком много там угроз.

Другой момент, на который я хочу обратить внимание, более позитивный. Это то, что накапливается за щитом, который сегодня создан Россией для себя и союзников, какой потенциал есть у России двигаться дальше. Собственно, зачем это всё, кроме самосохранения, зачем вся эта программа перевооружения, сопротивления всем вызовам, с которыми мы сталкиваемся?

Мне кажется, что внутри России накапливаются и, к концу текущего десятилетия выйдут на поверхность как минимум два грандиозных события, касающихся всей планеты. Первое из них, я могу ошибаться, но мне представляется, что я прав, – это Россия к 2030 году должна иметь конкурентоспособный реактор на быстрых нейтронах.

Сегодня Россия – единственная страна в мире, которая запустила в 2015 году в сеть, то есть в промышленную эксплуатацию, на Белоярской АЭС действующий реактор на быстрых нейтронах.

Этот реактор работает, это означает, что речь идёт не о каком-то прорывном фундаментальном открытии, которое может быть, может – нет, речь идёт о том, чтобы в течение менее чем 10 лет сделать этот проект уже конкурентоспособным.

Что из этого следует? Я назову всего лишь одну цифру. Сегодняшняя традиционная атомная энергетика использует для изготовления топлива для АЭС примерно 1-1,5% того урана, который добывается. Столько содержится в добытом уране необходимого изотопа, из которого делается ядерное топливо. Реактор на быстрых нейтронах позволяет использовать практически все 100% добываемого урана, а это означает, что можно использовать для изготовления топлива для этого реактора даже отходы от традиционных атомных электростанций.

То есть к концу 2030 года Россия может получить в распоряжение грандиозный, просто сегодня даже сложно оценить экономические последствия, но грандиозный по эффективности источник энергии, который позволит России его конвертировать и в геополитические, и в иные какие-то свои новые позиции в мире. А где Россия, там и её союзники.

Ещё один момент, на который я хочу обратить внимание, который вызревает за вот этим щитом ныне созданным и эффективным. Это всё, что касается регуляции климата или то, что в России почему-то, не любя говорить о климате, называют освоением Арктики.

Глобальное потепление высвобождает огромные ресурсы в тех регионах, которые раньше были очень труднодоступны или вообще недоступны для эксплуатации.

Но вместе с получением ресурсов в Арктике, новых ресурсов или удешевлённых в добыче, Россия получает и инструменты для влияния на глобальный климат, беспрецедентные, каких нет ни у одной другой страны мира.

Для того, чтобы вы поняли о чём речь: скажем, в Европейском союзе перед началом пандемии в ходе подготовки к новой семилетней финансовой перспективе примерно четверть всех расходов закладывались на преодоление последствий глобального потепления. То есть в распоряжении у России в течение этих 10 лет окажется возможность влияния на развитие всех регионов планеты, включая и самые развитые регионы.

Я думаю, что всем нам, вам, прежде всего, как молодым людям, надо ориентироваться примерно вот на такую перспективу. В течение 10 лет вы должны дорасти до своих 40-45 лет и там, когда в этом возрасте вы уже достигните социального уровня, который даёт вам доступ к управлению обществом, вот на этом уровне вам надо будет решать проблемы, которые появятся там и использовать те возможности, которые будут новыми, более мощными, чем те, которыми обладаем, например, мы, наше поколение сегодня.

Человеческое измерение для Евразии

Я начну с конкретных, может быть очень простых вещей, а потом выскажусь по поводу глобальной повестки.

Что касается вещей простых. Мы живём в России, то есть кто-то из нас живёт в России, кто-то в Беларуси. В русском культурном пространстве, в восточнославянском пространстве. И наше славянское мышление предполагает, что каждая идея для нас должна иметь личное воплощение. Образ Евразийского союза как проекта должен иметь за собой какое-то конкретное лицо. Не обязательно нашего современника, возможно, какого-то человека из прошлого.

Слово «евразийство» имеет неприятную маркировку в русском рациональном сознании, в русской философии, потому что со времен евразийцев повелось, что главным евразийцем был Чингисхан.

Так, собственно, и называлась книга основателя-евразийца Николая Сергеевича Трубецкого – «Наследие Чингисхана». И этот Чингисхан, надо признать, изрядно испортил репутацию евразийства, потому что Чингисхан в нашей культурной памяти это в первую очередь битва при Калке, после которой победители – монголы – пировали на телах живых русских воинов. И чтобы кто ни говорил, при слове «евразийство» вспоминается Чингисхан, а при слове «Чингисхан» – финал битвы при Калке, где монголами командовали полководцы Чингисхана. Если надеяться на торжество нашего объединения, необходимо задействовать какой-то другой, более позитивный образ. Другое человеческое измерение.

Конечно, такая персонализация не всегда помогает. Например, у русско-украинских отношений было много позитивных образов. Самый очевидный – Гоголь – просто лучший из лучших брендов для русской Малороссии. Но не

помогло. Бандера и Петлюра победили Гоголя. Но во многом в этом виноваты те, кто слишком мало говорил о Гоголе, мало экранизировал Гоголя, плохо развивал идеи Гоголя. Но и для русско-белорусского, потенциально евразийского объединения должен быть свой Гоголь.

Я вижу три таких персонажа, которые могли бы быть использованы в качестве позитивных образов.

Во-первых, это фигура **Петра I**, который, на самом деле, как доказывал в своей «Морфологии геополитики» В.Л. Цымбурский, был первым евразийским царем. Несмотря на то, что евразийская историософия отрицала позитивную роль его преобразований. Но, по большому счету, вся его деятельность была связана с выстраиванием Евразийского мира в рамках империи. Он создавал именно Евразийскую империю, учащуюся у Запада, но геополитически ориентированную на русский Восток. Собственно, переосмысление роли Петра в качестве евразийского императора, мне кажется, имело бы какой-то смысл.

Вторая фигура – **Фёдор Михайлович Достоевский**, род которого, как известно, идёт из Белоруссии, но сам он является великим русским писателем. Если Гоголь не удался в качестве символа русско-украинского объединения, то может быть Достоевский удастся в качестве символа объединения русско-белорусского. Следующий год – год Достоевского, 200-летия со дня рождения и 140-летия со дня кончины – вполне мог бы стать в то же самое время и годом укрепления русско-белорусского союза.

Третий – это сам **Вадим Леонидович Цымбурский**, автор концепции «Острова России» и вышеупомянутой «Морфологии российской геополитики». Он родился во Львове, но всю жизнь считал себя белорусом, потому что провёл детские и школьные годы в Могилёве. Создал геополитическую модель «Острова России», но считал, что Белоруссия и Россия – две составляющие единого «Острова». И в этом

смысле он, в смысле его геополитическая концепция, конечно, могла бы быть символом нашей интеграции.

Я выбрал трёх наиболее интересных мне персонажа. Наверное, если кто-то проникнет в историю, поразмыслит – он увидит что-то другое.

Достоевский, кстати, служил вместе с казахским писателем Чоканом Валихановым, он считал, что место России – в Азии, где мы дома.

Если нужно искать какой-то позитивный бренд в лице человека, органично вмещающего в себя русскую, белорусскую и казахскую идентичность, то Достоевский подходит идеально.

Теперь о глобальном. Один из методологических моментов, касающихся нашей дискуссии, заключается в том, что нам надо пересмотреть понятие «глобализация». Дело в том, что в прежнем варианте понимания слово «глобализация» начнет уходить из лексикона. Я вдруг задумался, когда впервые услышал это слово? Не когда оно появилось (сам термин вроде бы 1952 года, но тогда он не выходил за пределы науки), а когда он вошел в широкий лексикон. Я его впервые услышал в 2000 году. Может быть, кто-то – раньше. Но к этому моменту я год в Америке прожил, но там ни разу не слышал этого слова.

В связи с чем оно появилось? На этот вопрос есть ясный и недвусмысленный ответ.

Термин «глобализация» стал распространяться как своего рода пиар-прикрытие одной акции – принятия Китая во Всемирную торговую организацию.

Принятие, как вы помните, состоялось в декабре 2001 года. Но все 90-е годы – это событие готовилось, снимались все юридические и экономические препятствия к этому, устранялись идеологические контраргументы. Именно так создавался ныне уходящий в прошлое глобальный мир.

Сегодня, если мы почитаем американскую прессу разных направлений, не обязательно республиканскую, то мы

увидим, что глобализация именно в этом смысле уже признается ошибкой. Совет по международным отношениям – влиятельный мозговой центр Америки – выпустил только что доклад за авторством республиканца Роберта Блэкуэла и демократа Томаса Райта, в котором говорится о двух главных ошибках США после конца Холодной войны. Одна из них – военное вторжение в Ирак, другая – принятие Китая в ВТО.

Таким образом, на мой взгляд, глобализация сейчас будет подвергаться серьёзному пересмотру. Причём вне зависимости от того, какая партия победит на выборах в ноябре 2020 года – демократы или республиканцы. Конвергенция с Китаем признана ошибкой, новая Холодная война – трагической неизбежностью. Другое дело, что едва ли на смену глобализации придёт экономический национализм, хотя Россия хотела бы на это надеяться. Но экономический национализм слишком слабая идеология для противодействия коммунистическому гиганту и для утверждения новой гегемонии. Победит, скорее всего, как выразился американский политолог Майкл Линд, «блокополитика» – разделение мира на конкретные военно-хозяйственные блоки. Предположительно, американский, китайский, российский и, возможно, индийский.

И вот когда обозначатся два главных полюса новой Холодной войны – то есть Вашингтон и Пекин, возникнет вопрос, сможет ли наша идеология, даже самая замечательная, удержать нас от идеологического конфликта, обусловленного тяготением разных культурных, хозяйственных и политических сил к разным полюсам?

Главной опасностью тогда будет «украинизация» России, ее превращение в огромный лимитроф, испытываемый на раскол. Все говорят об украинизации США, но украинизация России может привести к ещё худшим последствиям.

Но есть ли у нас способность избегать ненужных союзов с одним полюсом именно для того, чтобы не провоцировать внутренних оппонентов на альянс с другим?

В контексте этого очень важно, какую идеологическую форму примет евразийская парадигма? Сможет ли она иметь такую привлекательность, такую убедительность, такой набор мягкой силы и экономических приоритетов, чтобы выступить силой, удерживающей страну от внутреннего раскола? Нужно уже сейчас думать об этом.

Конечно, здесь масса других моментов, которые возникают. Например, вопрос о воспитании молодёжи, то, что я называю консервативным Просвещением. Разумеется, молодёжь открыта будущему, она всегда будет стремиться найти внешнюю идею, чтобы противопоставить её миру взрослых. А если у взрослых какая-то жёсткая идеология, они будут стремиться разбить её с помощью новых прогрессивных идей.

Нужно, чтобы сама российская культура породила критику наличной реальности, чтобы элемент критики был институционализирован в отечественной социальной системе.

Как это можно сделать. Разумеется, с помощью институтов Просвещения, таких как университет. В мире, где не просто знание, но любое высказывание часто имеет свою цену, университет должен оставаться бастионом не ангажированного знания, а это можно сделать только при сопротивлении как пропаганде, от кого бы она ни исходила, так и постмодернизму, то есть фактически – пост-просвещению.

Вот от того, будет ли реализован проект консервативного Просвещения на уровне высшего образования, во многом и зависит будущее русско-белорусского цивилизационного блока.

Балтийская Русь: модель для сборки

Я, наверное, продолжу некоторый такой «футурологический пафос». И учту то, что мы говорим о будущем Евразийского союза. Я хотел бы представить его в виде некоего большого проекта, который, естественно, имеет разные региональные измерения. Всё-таки Евразия – большая. И в данном случае я хотел поговорить о пограничье с Европой и Западом, на котором находится громадная территория и России, и Беларуси.

Я хотел бы сказать об этом северо-западном месторазвитии Евразии и о его будущем. Это, действительно, очень важно, потому что, так или иначе, сейчас мы находимся в периоде такой острой конкуренции, даже можно сказать конфронтации двух блоков.

Мы видим, что, по сути, блоковое противостояние уже охватило всё пограничье – от Финляндии до Молдавии. И Украина выступает как маркер того, что противостояние уже прорывается в горячую фазу.

Исходя из этого можно проектировать будущее.

Я недавно познакомился с очень интересными планами градостроителей, архитекторов Петербурга и Ленинградской области, которые пытаются планировать развитие агломерации на перспективу 10-15 лет. Это дало мне некоторое знание и толчок к собственным размышлениям. Это планирование и развитие, особенно региональное и особенно в стыке с, условно говоря, геополитическими турбулентными регионами, мне кажется очень важным аспектом развития Евразийского союза.

Градостроители Петербурга предусмотрели планирование роста самой Петербургской агломерации, затем кластерное развитие прилегающих территорий. Мне очень понравилось, что они стали проводить связи, в том числе

логистические, демографические, социальные, во-первых, с близлежащими древними городами России, такими как Псков и Новгород. Туда включили также в качестве перспективы республику Беларусь. Правда, говорили об этом вскользь, не развивая этот проект.

Вот тут у меня как раз родилась идея, которая сегодня даже имеет какие-то реальные основания – развитие этого северо-западного региона Евразии, который я назвал как «Балтийская Русь», в качестве некоего единого плана.

То есть плана, который включает, безусловно, развитие Петербурга и всех возможностей, которые с ним связаны – транспорт, логистика, образование. Затем исторический кластер – фактор формирования определенной идентичности среды населения через туризм, историческое образование.

Древние города Северной Руси – Изборск, Псков, Новгород, Полоцк, Витебск, Минск, Гродно – стоило бы тоже рассматривать в качестве некоего единого кластера для региональной связанности. Ну и затем, конечно, логистические, военные дела – это, в принципе, связь всего региона (от Петербурга через Беларусь до Калининграда) самыми разнообразными и связями, и проектами. То есть это та самая Балтийская Русь, которую мы реально имеем, и которая ещё не связана.

При этом я напомним, что сейчас активно лоббируются Постоянным Комитетом Союзного государства создание проекта высокоскоростной магистрали Гамбург – Петербург, которая, естественно, будет пролегать через территорию Беларуси. Это один из элементов подобного проектирования, когда на, допустим, высокоскоростные магистрали, или любые другие логистические пути, можно накладывать культурологические, образовательные, социальные проекты.

В данном случае, мне кажется, в нашем регионе всё ещё не хватает подобного комплексного сочетания, с одной стороны – базиса, либо экономического, либо логистического,

и настройки – то есть гуманитарного сопровождения и выстраивания политики идентичности.

Если бы нам удалось этот регион, Балтийскую Русь, завязать в некий единый узел, связать его с тем же Берлином, Германией, продавить Польшу, чтобы она всё-таки была не блокирующим фактом, мы бы смогли выйти из этого конфронтационного периода, потому что создание такого проекта позволило бы убрать эти заглашки.

С другой стороны, мы бы создали у себя, на нашей территории, некое новое месторазвитие, которое было бы определенной компенсацией, потому что мы потеряли Украину надолго, на десятилетия. Это было бы пунктом развития весьма отличительным в положительную сторону от Прибалтики, Китая, даже от Скандинавии. Потому что у нас была бы развита логистика, и мы бы смогли в этом северном кластере Балтийской Руси через связанность университетов, самых разнообразных молодёжных, социальных или иных инициатив, развивать нашу собственную идентичность.

По-моему, очень важно создать, например, какую-нибудь особую связь между вузами, студентами, учеными Минска и Петербурга, Калининграда, подключить древние города в некую общую сеть. Я думаю, такие кластеры как Балтийская Русь, которая мне пришла в голову, следовало бы сделать, конечно, на каждом пограничье, то есть в степном регионе, на Кавказе и т.д.

Что касается Северо-запада Евразии, в будущем, через 10-15 лет, такие комплексные кластеры должны быть месторазвитиями Евразии, несмотря на те потери и конфликты, которые сейчас мы наблюдаем.

Наш интеграционный проект – это не «Ноев ковчег»

Начну с предложения. Много говорили относительно того, что необходим образ общего привлекательного будущего в рамках Евразийского союза. Собственно говоря, для того, чтобы был хороший образ будущего, должен быть, как правильно сказали, хотя бы образ понятного и привлекательного настоящего. А есть ли у нас образ Евразийского союза в настоящем? Даже если мы возьмем, собственно, лейбл Евразийского союза, посмотрим на него: согласитесь, что он менее привлекателен и менее запоминающийся, чем, скажем, лейбл Европейского союза. Наверняка, даже не все ребята, которые нас сегодня смотрят, знают, что у Евразийского союза есть символика.

С точки зрения вовлечения молодёжи, это первая идея, простая и совершенно не требующая затрат, – конкурс на ребрендинг в молодёжной среде стран, которые входят в ЕАЭС. Это само по себе, безотносительно идеологии, – такой хороший современный технократический подход. То есть, даже если вы, может быть, не слышали о евразийской интеграции, но втягиваетесь в процесс изготовления каких-то визуальных рядов, это может помочь вам включиться в политическую, экономическую или идеологическую дискуссию в отношении этой интеграции.

Ещё один интересный момент, который у некоторых спикеров проскальзывал, и, мне кажется, его нужно ещё раз подчеркнуть – это то, что, когда мы говорим про молодёжную среду – молодёжь у нас, как мы поняли, это возраст «35 минут», я в нее уже не вхожу, но нахожусь очень близко. В рамках молодёжной среды характерные для более старшего поколения размышления на тему «чем русская душа отличается от европейской, западной души, что такое евразийская душа...» на самом деле вовсе не имеют смысла.

Потому что, если мы возьмем социологию (я немного почитал литературу по социологии Беларуси, России и Казахстана на предмет того, чего же хочет молодёжь) – спойлер: хочет она того же самого, чего хочет молодёжь в ЕС или США. Молодёжь, живущая в сельской местности, хочет перебраться в город, молодёжь, которая живет в городе, хочет перебраться в столицу, и все вместе, конечно, хотят иметь хорошую работу, семью, какие-то обеспеченные социальные гарантии и т.д.

В этом смысле, когда мы говорим о том, как бы нам сделать наши интеграционные процессы более привлекательными, очевидно, нужно не пытаться изобрести колесо, а просто посмотреть, как работает такой же проект Европейского союза – посмотреть, какие программы есть у них. И повторить у себя.

Все здесь присутствующие, думаю, знают такое магическое слово «Эразмус». Что касается системы образования, почему бы не включить такой «Эразмус» у нас в рамках нашей системы образования?

Вот и я, как раз, думая про «Эразмус», вспомнил, что, на самом деле, в контексте Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь мы находимся в некоторой степени даже в худшем положении, чем с Евразийским союзом, потому что у Союзного государства нет даже плохой символики. У ЕАЭС есть плохая, но у нас нет даже и такой.

Как мы можем, скажем, воспитывать лояльность к каким-то наднациональным идеям или образованиям, если они даже чисто физически или на уровне символов не представлены?

Что касается некоторых перспектив, планирование на 10 лет – дело, конечно, хорошее, но, насколько я могу судить, и как пишут многие умные люди, – максимум хорошего прогнозирования – это 5 лет, причём не в рамках ЕАЭС, а вообще. То есть, если вы очень умный, на 5 лет вы спрогнозируете, на 10 – конечно, сложно.

Однако, можно сказать о том, что, когда мы пытаемся понять, какие существуют факторы привлекательности ЕАЭС, мы понимаем, что есть ещё и другие где-то на нашей периферии интеграционные процессы – китайские интеграционные процессы и, соответственно, западноевропейские интеграционные процессы.

Что является для нас конкурентным преимуществом? Я найду вот с какой стороны – в рамках «Холодной войны», отголоски которой мы и сейчас наблюдаем, было два проекта: западный американский и коммунистический советский (и околосоветский). Сейчас мы видим, по большому счёту, тоже два центра – китайский и снова американский, но мы в этих центрах уже не участвуем.

Но что интересно? Если мы посмотрим сейчас на наиболее передовую коммунистическую или, правильнее сказать, посткоммунистическую страну – Китай и на наиболее передовую капиталистическую страну – Соединенные Штаты, мы увидим, что сейчас они не настолько антагонистичны, насколько были в 1950-60-е годы. Коммунистический Китай одновременно имеет огромный частный сектор – большая часть тех гаджетов, с которых мы сейчас общаемся, «made in China», и это, как раз, произошло из-за того, что коммунистический Китай открылся глобальному миру.

Но ведь то же самое мы видим, если мы говорим про Соединенные Штаты: несмотря на капиталистическую структуру этой страны, там также существуют широкие социальные гарантии населению, опять же, несмотря на то, что некоторая часть населения бунтует, это население не перестает пользоваться теми социальными благами, которые есть у Соединенных Штатов – совершенно не социалистического государства.

Поэтому, заканчивая свое выступление, в контексте возможностей для евразийской интеграции я вижу, что мы продолжаем развиваться в рамках мира, который в значительной степени интегрирован и в значительной степени не

основывается на противостоянии каких-то больших идеологических или экономических систем.

Потому что, на самом деле, в экономическом плане страны большие и сильные более-менее становятся похожи друг на друга. Разумеется, в некоторых странах есть доминирование государственного сектора, в каких-то – доминирование, соответственно, частного сектора.

Тем не менее, мы в итоге приходим к тому, что наш интеграционный проект, ЕАЭС, не является неким «Ноевым ковчегом», когда вокруг хаос, безобразия, либо капитализм, либо коммунизм, либо социализм, а мы свой, третий путь, выбираем. Мысль моя весьма проста: не нужно пытаться изобретать велосипед или колесо, нужно просто брать и пользоваться тем, что уже создано.

Люди, как оказалось, везде одинаковые. Во всяком случае – молодёжь, которая, как мы выяснили, везде хочет одного и того же. Ну так давайте пытаться давать им то, чего они хотят!

Прорыв дают воля и творческий порыв

Буквально четыре тезиса. Далеко не всегда хочется спорить. Ведь, действительно, колеса не нужно изобретать. И, кстати, колесо ведь уже изобрели на нашем евразийском пространстве. Поэтому будем им пользоваться. Кстати говоря, его надо запатентовать.

Ещё раз отмечу, что я всё-таки историк, поэтому всё время буду высказываться с этой позиции.

Наше Евразийское пространство возникло не при Чингисхане. Конечно, не Чингисхан тут у нас всё обустроил, потому что на самом деле возникло это всё по крайней мере лет за тысячу до самого Чингисхана.

Перемещения на огромном пространстве от Забайкалья до Дуная – это перемещения, которые постоянно происходили вообще за весь обозримый период времени. В этом смысле мы – самое большое, и, судя по всему, самое древнее из крупных мировых пространств. Не только самое крупное, но и самое древнее – я говорю про две тысячи лет как минимум.

Если бы Сергей Юрьевич пригласил сюда археологов, они бы рассказали про то, что культурный обмен происходил ещё в эпоху палеолита на всем этом пространстве. То есть, мы совершенно естественным образом сложились очень давно и раньше, чем все остальные. Вот о чем нужно говорить и от чего отталкиваться.

В этом пространстве, конечно, и наша сила, и наша слабость, само собой разумеется. И понятно, что это пространство нас немного угнетает. Но, при всём при этом, тоже напомним, что самые протяженные торговые пути – это наше пространство, самые протяженные железные дороги в мире – наше пространство, и, кроме того, кладовая природных ископаемых – тоже наше пространство.

Кстати говоря, нет ничего плохого в «дорогах и дураках». И у дураков есть сильные стороны. В том смысле, что, если посмотреть на наши местные сказки, то у нас своё понимание дураков.

Дурак – это не тупой человек, отнюдь. Дурак – это, кстати говоря, предельно инновационный человек, у него действует смекалка. А дураком ему приходится быть, потому что само это огромное пространство создает невиданное количество разных ситуаций, и в этих ситуациях приходится постоянно действовать. Соответственно, мы не можем действовать по схеме, мы должны действовать по смекалке.

Вот эта наша непредсказуемость является нашей сильной стороной. Соответственно, многовековой опыт показывает, что это пространство может быть субъектным. В конце концов, империи в зоне рискованного земледелия создавали в мире только у нас и больше нигде. Нет такого опыта у других.

С другой стороны, понятно, что это пространство прекрасно может существовать как периферия – его разрывают, его растаскивают. На самом деле, я думаю, что его в близкой перспективе никто из внешних сил не сможет отхватить и просто так переваривать. Не получится.

Что можно сделать? Можно разорвать. Однако от того, что его разорвут, никому из нас лучше не будет. Всем нам будет только хуже. Все мы превращаемся в глобальную периферию в самом плохом смысле этого слова. Это наша реальная альтернатива.

Кто в этой связи может работать на разрыв? Ну, понятно, что на самом деле, тот же самый Евросоюз уже заглотить большую часть нашего пространства не может в принципе. Я, конечно, не имею в виду в банальном смысле слова, оккупацию или ещё что-то подобное. А вот, скажем так, переориентацию части нашего пространства на себя Европа уже не в состоянии осуществить, она просто этого не переварит.

Могут, на самом деле, что-то подобное делать Китай или США – работать именно на разрыв нас. Вот сегодня упоминалась Турция. Мне кажется, что интеграция Турции в наше пространство – скорее позитив, чем несет какие-то опасности, нам не стоило бы этого бояться.

Упомяну санкции буквально одной фразой: «Мы опасны тем, что против нас санкции вводят». Простите меня, против нас санкции веками вводят. Это совершенно нормально.

То есть, как только мы являем субъектность, против нас сразу начинают вводить санкции. Так вот и живём уже много-много времени. Чего уж тут бояться? Причём, обращу внимание, что санкции против нас вводят не потому, что мы что-то там сделали, а просто потому, что мы представляем собой потенциальных конкурентов, вот и всё. То есть это не мы инициируем эти санкции, нам просто отвечать на них надо.

Несколько коротких замечаний.

Я бы ещё раз актуализировал свой тезис, высказанный в прошлый раз о том, что наша ближайшая перспектива должна быть связана, в том числе, и с политической интеграцией. Почему? В этом, на мой взгляд, прямо заинтересованы те участники евразийской интеграции, которые не являются самыми сильными в ней, потому что политическая интеграция является в каком-то смысле балансом в отношении к экономической. Политическая интеграция неизбежно будет происходить. Мир развивается таким образом, что она будет происходить. Я имею в виду то, что называется «слиянием-поглощением».

Соответственно, не самые мощные участники евразийской интеграции прямо заинтересованы в том, чтобы эта интеграция происходила через дискуссию. Тут нельзя терять времени, потому что через какое-то время она будет происходить уже не через дискуссию.

И последнее, что я скажу, обращаясь к молодёжи.

Очень важно, конечно, создавать высокий социальный стандарт, это верно, правильно. Но, мне кажется, что главный тезис в отношении молодёжи сейчас должен быть следующим.

Мы живём в мире, который всё динамичнее и динамичнее. Я могу точно сказать, как человек, которому уже не 35, а немножечко больше – то, что мы сейчас проходим за месяц, в конце двадцатого века проходили за год. Всё очень убыстряется. Это дает перспективу для молодёжи. И молодёжь должна это очень хорошо понять.

А заодно понять вот что: никогда ни одно поколение не делало прорыва, если оно, в первую очередь, рассчитывало на социальные стандарты. Прорыв делают те люди, которые рассчитывают на волю, на творческий порыв. Они потом себе эти стандарты и создадут. Но сперва должны быть воля и творческий порыв.

**«Наша интеграция не должна зависеть
от субъективных факторов»**

Что касается позитивного образа Евразийского союза через 10 лет. Я думаю, что главная цель должна быть уже сейчас, должна внушаться людям, создавать имидж Евразийского союза, что он позволяет всем нам, всем странам жить лучше, чем мы могли бы жить, если бы каждый самостоятельно действовал в экономике, политике. При этом, хотя об этом не говорят, я, как журналист, всегда отмечаю, что многие руководители наших стран часто подчеркивают, что Евразийский союз – это чисто экономический союз, но при этом почему-то забывают, что те же самые страны, плюс Таджикистан, которого можно рассматривать как кандидата на будущее вступление в ЕАЭС, они также и члены ОДКБ (Организации Договора о коллективной безопасности). Поэтому такое лавирование: как только речь заходит о политике – мы исключительно экономический союз, а затем в рамках ОДКБ зачастую избегают тесного сотрудничества, этого быть не должно.

Мне кажется, что Евразийский союз должен поставить перед собой цель через 10 лет быть таким же мощным экономически и развитым союзом, как и Европейский союз.

Я понимаю, что многих вещей, которые есть там, мы, может, и не достигнем, но к этому нужно стремиться. И вдобавок к этому – нам надо сотрудничать более тесно в военно-политической сфере, чтобы, опять же, проводя аналогии, выйти в ОДКБ хотя бы на уровень НАТО по осуществлению общей политики и сотрудничества в военно-политической сфере.

Касательно проблем, которые могут возникнуть перед ЕЭАС, рисков и вызовов. Одним из главных пунктов я отмечаю политическую систему наших стран. В большинстве

стран ЕАЭС очень многое решает руководитель государства. Да, при желании это способно обеспечить более быстрые темпы роста интеграции, но, к сожалению, бывают случаи, когда у глав государств резко меняются приоритеты, цели, которые они ставят. Точно такие же проблемы могут возникнуть у Евразийского экономического союза. Поэтому, я считаю, необходимо добиться того, чтобы эта интеграция шла по всем фронтам, была независима от конкретного человека, стоящего во главе государства.

Представим, что какая-то страна вышла из ЕС только потому, что на президентских выборах победил какой-то конкретный человек. И если мы проведем аналогию с Брекситом, мы вспомним, что референдум в своих политических целях решил организовать человек, который позже сам же и признался, что у него и в мыслях не было, что страна действительно выйдет из ЕС. Это оказалось для него сюрпризом.

Поэтому нужно, чтобы была интеграция общая, чтобы она шла на всех уровнях, чтобы мы не зависели от каких-то субъективных факторов: например, симпатии или антипатии конкретных лиц во главе государства.

Что касается молодёжи – естественно, куда без неё: потому что та молодёжь, которая сейчас, через 10 лет она будет на «средних» звеньях руководства, а, может быть, даже на более высоких. Потому что, например, в Армении министры, депутаты – довольно молодые люди, не исключено, что и в других странах такое тоже будет – я имею в виду возможность карьерного роста.

Необходимо заранее готовить молодёжь к тому, что ЕАЭС – это надолго, а не какой-то краткосрочный проект, в который вошли ряд стран, чтобы решить какие-то проблемы. Чтобы они понимали, что ЕАЭС – это надолго, надо учиться жить при нём, строить карьерные планы при нём, научиться работать при нём.

А для этого нужно больше различных молодёжных программ – и образовательных, и научных, и пр. Чтобы люди могли реализовать себя в рамках ЕАЭС. Например, что в любой момент, к примеру, армянский студент может поехать в Россию, Беларусь, Казахстан, учиться там в вузе, реализовать какой-то свой научный проект с коллегами из этих стран. Чтобы они понимали, что надо учиться вместе, жить и работать.

Поэтому необходимо активно работать во всех сферах, со всеми слоями населения, в том числе – с молодёжью, а с ней даже активнее, потому что, как я уже сказал, она действительно сможет что-то решить в политике в будущем. Поэтому с ней нужно быть более осторожным и более активно работать.

«Мы присутствуем при конце Атлантической эпохи нашей истории»

Моя новая книга «33 наивных вопроса о “Восточном партнёрстве”» в широком смысле посвящена путям развития постсоветского пространства в турбулентном XXI веке. Одна из ее глав посвящена Евразийскому экономическому союзу, евразийской интеграции и рассмотрена в контексте выбора между Востоком и Западом.

Чем в этом отношении примечателен Евразийский экономический союз и восточный вектор интеграции? Тем, что он дает бывшим советским республикам и всем другим государствам, которые могли бы теоретически или уже сейчас выражают желание присоединиться к этому проекту, возможности избежать судьбы периферии.

Потому что, как доказал опыт западной глобализации, последние несколько десятилетий Запад не способен делать центрами мирового развития те страны, которые выбирают путь присоединения именно к западным интеграционным форматам.

В лучшие свои времена он был на это способен. Сейчас в Евросоюзе все, как мантру, повторяют слова «План Маршалла, план Маршалла», надеясь на то, что план «Маршалла 2.0» в XXI веке поможет выйти Европе из коронакризиса так же, как он помог ей после Второй мировой войны (оригинальный план Маршалла).

И ведь у этих заклинаний есть логическое обоснование, рациональная основа в том плане, что, действительно, американская помощь, американские институты интеграции (НАТО и прочее) после Второй мировой войны действительно помогли Западной Европе преодолеть ту разруху, в которую она погрузилась по итогам войны. Западная Европа с середины прошлого века вновь стала одним из мировых центров экономического, социального, культурного развития, возродилась в

этом качестве благодаря новым интеграционным образованиям, благодаря созданию коллективного Запада. И сегодня сам президент США называет Евросоюз, самую мощную экономику мира, одним из экономических врагов Америки. Точно так же западная интеграция помогла преодолеть отставание Сингапура, Южной Кореи, других тихоокеанских государств, которые выбрали путь присоединения к США и их интеграционным проектам.

Однако Восточная Европа доказывает, что этот успешный алгоритм, который действовал в годы Холодной войны, сломался, или, во всяком случае, работает куда менее эффективно. Потому что, если мы посмотрим на страны Новой Европы, то неизбежно сделаем вывод, что то отставание, которое было между ними и остальным Западом, за полтора десятилетия европейской и трансатлантической интеграции не было преодолено, и страны Балтии точно так же отстают от Западной и Северной Европы, от старой Европы, как они отставали сразу после выхода из состава СССР.

Что касается бывших советских республик, то попытки их каким-либо образом присоединить к форматам западной интеграции (программа Восточного партнёрства Евросоюза и т.п.) закрепляют окончательно их в статусе безнадежной периферии Западного мира.

Благодаря западному выбору постсоветские республики превращаются в периферию периферии. Украина сейчас на глазах становится экономической периферией Польши, которая, в свою очередь, является экономической периферией Германии, а Германия пытается избежать участи того, чтобы стать периферией Северной Америки.

И именно в этом отношении, я считаю, нужно рассматривать интеграционные проекты на Востоке, в том числе евразийский интеграционный проект. А обрекают ли они бывшие советские республики, в первую очередь, Беларусь, (большинство участников конференции являются гражданами Беларуси, во всяком случае, среди иностранцев

белорусы – наиболее представительная часть, поэтому я буду говорить преимущественно о ней), на участь периферии?

Если мы посмотрим на опыт Беларуси, которая присоединилась к Союзному государству с Российской Федерацией, которая участвовала с самого начала в евразийских интеграционных форматах, то мы увидим, что там был сохранен и экономический, и демографический потенциал для развития, которого лишились соседние с ней страны Прибалтики и Украина, которые выбрали европейский вектор развития. Сейчас у Республики Беларусь, безусловно, много проблем и в экономике, и в социальной сфере, однако нужно признать, что для неё не всё безнадежно и есть возможности выхода из существующих системных трудностей. Возможности эти есть за счет того, что сохраняется потенциал: там не было бегства трети населения, что произошло в соседних государствах Прибалтики, Латвии и Литве. Не было до сих пор тотальной деиндустриализации, сохраняется научно-технологическая база, сохраняется высокотехнологичное производство и интересы тех отраслей экономики и социальной сферы, которые связаны с будущим, с прогрессом, представлены в политико-административных элитах.

Новый премьер-министр республики Беларусь – человек, всю свою профессиональную карьеру делавший в военно-промышленном комплексе, а ВПК – это классический пример высокоинтеллектуальной промышленности с высокой добавленной стоимостью.

Поэтому, как мы видим, восточные интеграционные проекты создают возможности. Они не идеальны, но, тем не менее, появляется тот шанс, которого нет у тех постсоветских республик, которые выбрали путь присоединения к западным интеграционным форматам. Та же Беларусь пока не утратила тех возможностей выхода в XXI век, которые, в силу своей технологической, экономической и демографической деградации, утратили Молдова и Украина.

Что касается Евразийского экономического союза через двадцать лет. Я бы предложил Вам оценить те прогнозы экономического развития на наступившее десятилетие, которые делают крупнейшие международные организации – Всемирный банк, МВФ и др. Все они показывают, и до кризиса показывали, что самыми большими темпами будет расти Восточная и Юго-Восточная Азия, самыми низкими темпами – Западная Европа. По поводу коронакризиса. Присоединюсь к тем, кто говорил уже до меня, мы сейчас видим, что самое большое экономическое падение ожидается в Западной Европе, на втором месте – Соединенные Штаты, далее идут страны Евразийского союза.

Падения не будет вовсе в Китае, Индии, Юго-Восточной Азии – они сохранят хоть и маленький, по сравнению с тем, что ожидалось ранее, но всё-таки, рост.

То есть центр мировой жизни сейчас перемещается в Тихоокеанский регион. Во многом этот процесс уже завершен, и мы присутствуем при конце Атлантической эпохи нашей истории. Рост Восточной Азии – более значимое событие, более значимый итог двадцатого века, чем поражение Советского Союза в Холодной войне и провал коммунизма как глобальной идеологии.

И из этого нужно исходить, когда мы говорим о Евразийской интеграции. Евразийская интеграция для её участников на Западе, в том числе и Беларуси, это возможность подключения к этим источникам роста, к этому новому центру мировой жизни. Россия к нему уже подключена в силу того, что она является, в том числе, и Тихоокеанской страной. Пока что для неё это периферийное направление, но я думаю, что российская жизнь с каждым десятилетием, если даже не с каждым годом, будет смещаться туда, на Дальний Восток.

Евразийская интеграция в этом отношении является эффективным механизмом подключения Беларуси, Армении и

других союзников России к этому источнику роста: экономического, демографического и социального.

Ну и наконец, последнее, что я скажу, это то, о чем говорили студенты: интеграция – это не только экономика, это и социальная сфера, и культура и т.д. Здесь я очень консервативен и считаю, что если есть значимый экономический рост, если он потребляется реальными геополитическими результатами, то «мягкая сила» приходит сама собой. Я не большой сторонник того, чтобы создавать «мягкую силу» искусственно, это всегда вторично. В политике сконструированная «мягкая сила» всегда вторична по отношению к той «мягкой силе», которую страна или интеграционный проект источают в силу своей объективной успешности.

Я хочу пожелать нашему интеграционному проекту, точнее даже проектам, не только Евразийскому экономическому союзу, но и всему тому, что создают друг с другом Россия, Беларусь и другие страны-союзники, такой успешности.

**«Один из ключевых недугов ЕАЭС –
недостаточная медийность и гласность»**

Хотя изучение Евразийского союза не является напрямую объектом моих научных интересов, как сотрудник «грантодающей» организации я позволю себе несколько замечаний, которые основываются на моём опыте работы в данном статусе. Поэтому хочу сразу ответить на этот «провокативный» вопрос, как вы определили, в отношении того, нужна ли Евразийской интеграции молодёжь и нужна ли молодёжи Евразийская интеграция.

Несмотря на то, что этот вопрос является лишь одним из более чем десятка приоритетных направлений деятельности фонда, анализ поступающих заявок на получение финансовой помощи для реализации проектов, где традиционно около 50% заявок в той или иной степени связаны с вопросами евразийской интеграции, более 80% заявок приходят от некоммерческих организаций, которые смело можно называть молодёжными. Там руководство и участники находятся в возрасте менее 35 лет по ООНовской классификации. Таким образом, можно чисто статистически сделать вывод о том, что евразийский интеграционный процесс молодёжи нужен или, по меньшей мере, интересен.

А вот нужна ли молодёжь евразийской интеграции – я считаю, что она нужна хотя бы потому, что представители, например, т.н. «generation next» могут справиться с одним из ключевых недугов ЕАЭС – это недостаточная медийность и гласность.

Есть такое устойчивое английское словосочетание как «lack of public evidence», и, думаю, именно этот недуг, которым страдает Евразийская интеграция, можно как раз этим словосочетанием точно описать.

К слову, в 2012 году на самой заре своего существования мы провели в Минске одну из первых конференций на тот момент, которая называлась «Евразийская интеграция: информационные вызовы». Хочу сказать, что накануне прочитал собственноручно написанный аналитический отчёт об этой конференции – уже тогда этот недуг медийности предсказывался многими экспертами как хронический, которым евразийская интеграция будет страдать. Но, как говорится в евразийском пространстве, «воз и ныне там».

Позволю также пробежаться по тем вопросам, которые уже были затронуты в выступлениях других экспертов ранее.

Говоря о создании позитивного образа ЕАЭС, отмечу: он может таковым стать, когда перестанет быть «невинно-экономическим» объединением – необходимо больше государственных функций делегировать на наднациональный евразийский уровень.

Это может быть любая сфера деятельности – здравоохранение, образование, может быть, даже судебная система. И, на мой взгляд, это позволит намного более эффективно гармонизировать экономические отношения. Говорят, нельзя быть чуточку беременной, поэтому не стоит отводить взгляд, «опускать очи дол» и всячески избегать обсуждения любой политической проблематики внутри ЕАЭС. «Бытие определяет сознание», «экономика и политика взаимосвязаны» и прочие банальности.

Считаю, что стоит определять конкретные задачи и сроки в контексте среднесрочного планирования, и чётко соблюдать их исполнение. Иначе произойдёт то, что произошло с Союзным государством России и Беларуси: сейчас уже мало кто вспоминает, что подписанные документы имели конкретные сроки реализации, и эти сроки реализации закончились, если мне память не изменяет, в 2004 году.

Теперь о рисках и вызовах евразийской повестке. Мне очень было симпатично выступление на предыдущей кон-

ференции коллеги Межуева, который блестяще сформулировал, на мой взгляд, ключевой вопрос, заключающийся в том, состоится ли конвергенция США и Китая, либо будет у них холодная война разной степени напряженности – это первый угрозообразующий фактор.

Второй – каким образом гражданское общество стран-участниц и стран, стоящих на пороге ЕАЭС, будет реагировать на многомиллионное влияние в формировании выгодного коллективному Западу общественного мнения. Будет ли в государствах ЕАЭС осознание того, что, нам, по сути, продают «пирожок ни с чем», навязывается идея о бессмысленности и даже провале евразийской интеграции, идея, которой боятся на Западе – попытки возрождения СССР.

При этом нам, всем странам-участницам ЕАЭС, предлагается, по сути, взамен – ничто. Идея построения единого Европейского дома от Лиссабона до Бреста забыта или отложена на очень долгий срок, столь широко рекламируемые двери Европейского Союза ещё до пандемии были надежно закрыты для всех остальных желающих.

Свидетельством этому является (а скоро мы будем «праздновать») 11 лет программе Восточного партнёрства. А 6 государств-участников этой программы за это время ни на шаг не продвинулись к цели. И, насколько я понимаю, выражают разную степень удовлетворённости от предлагаемой в качестве «морковки» альтернативы – формуле интеграции без членства, которую, уж прошу прощения, на одной недавней европейской конференции эксперт сравнил «с сексом без обязательств». Программе «Трио-2030», которая была анонсирована полгода назад, помешала пандемия, но, я уверен, прорывов в этом отношении тоже не будет.

И третье в моём выступлении и последнее обстоятельство, но точно не по значимости. У некоторых стран-членов ЕАЭС может возникнуть соблазн максимально в одиночку использовать свой транзитный потенциал в рамках пресловутого «Один пояс – один путь», что, безусловно, будет

подразумевать необходимость налаживания теснейшего экономического и прочих союзов с КНР. Как следствие, с учетом его потенциалов, – вероятность возникновения практически полной от него зависимости. И в этом контексте убедительным, на мой взгляд, должно быть напоминание о том, что Китай редко кого завоевывал, а большинство его побед – это результат относительно мягкой экспансии, которая включала в себя в том числе и частичную, а иногда и полную, ассимиляцию отдельных народностей и народов.

Таким образом, уверен, что в 2030 году наилучшим был бы сценарий, при котором страны ЕАЭС достигли такой степени интеграции, что могли бы выступать единым фронтом и проводить общую политику в отношении как Китая, так и другого крупного игрока на внешнеполитической арене – имею в виду Соединенные Штаты Америки.

Безусловно, я остановился на тех факторах, которые, на мой взгляд, могли стать угрозой единству и дальнейшему развитию Евразийского экономического союза. Их, я уверен, со счетов сбрасывать нельзя.

Я крайне благодарен вам за то, что пригласили меня принять участие в этом проекте, потому что с каждым экспертным выступлением я для себя открываю много нового в отношении Евразийской интеграции. Также уверен, что присутствующим сейчас онлайн студентам это было чрезвычайно интересно. Искренне благодарю всех экспертов. Спасибо большое!

Сергей Пантелеев

**«Евразийская повестка 2030:
жить, создавать семьи, рожать детей, строить дома
и выращивать деревья»**

<Заключительное выступление перед молодежью>

Дорогие друзья, я понимаю, что все уже устали. Мы работаем больше 3 часов. Но, честно говоря, у меня особой усталости и желания сбежать – нет. Мне хочется с вами ещё немножко пообщаться. Не помучить, а подвести, действительно, определенный итог. Потому что те реплики, которые уже прозвучали, и те семена, которые я в самом начале бросил в почву вашу, они проросли очень интересным, неожиданным образом.

Про этих молодых солдат Евразии я не зря сказал... Потому что я бы хотел, чтобы по дорогам, которые мы строим, всё-таки была возможность сесть в Москве и приехать по хайвэю за несколько часов в Ереван.

А солдаты молодые, солдаты Империи, они, конечно, должны быть. Но я бы не хотел, чтобы поколение, которое идёт на смену нам, чтобы их главная мысль была только стать молодыми солдатами Евразии. Хотелось бы развития не только по этому привычному пути. Мы в прошлый раз шутили, что самый главный вид русского туризма – это путешествие на танке по Европе. Хотелось бы ещё добавить к этому в большей степени интеллекта, экономики знаний, экономики развития. И, наряду с солдатами молодыми, чтобы у нас были молодые инженеры, молодые техники, молодые философы, поэты, писатели. О чем мы сегодня тоже говорили.

Я бы обратил внимание на ещё один момент. Прозвучало два раза (и по-разному) слово «комсомол». Дмитрий

Геннадьевич Евстафьев сказал о том, что у нас был позитивный опыт – комсомольские стройки. Настоящий Евразийский проект. Со всей большой страны приезжали молодые люди и строили, влюблялись, заводили семьи, создавали то большое социальное пространство, для которого не важна была национальность, хотя очень важно оставаться связанным с глубокой традицией. Но при этом создавали многие наднациональные вещи, которые и сохраняли, и развивали это пространство. Это хорошо, и это позитивный комсомольский опыт.

Одновременно с этим Юрий Вячеславович Шевцов сказал, что большая часть того, что говорила молодёжь – какой-то поздний унылый комсомол. А я понимаю, почему он это сказал. Вы выбираете определенные коммуникационные рамки. Те рамки, которые связаны с вашим образованием, с вашим опытом, именно поэтому не возникает сразу резонанса с экспертами маститыми. Как ни крути, у них больше знаний. Вы только постигаете, начинаете идти по этому пути. Поэтому есть некие рамки операционности, инструментальности, в которых вы находитесь и боитесь за них выйти.

Причём, заметьте, ни у кого из представителей старшего поколения Интернет не зависал. Это, к вопросу, такой момент интересный. То есть соединить глубину, опыт экспертов и вашу «продвинутость», больше тактическую – это, как раз, очень важно для того, чтобы у нас образовался тот самый резонанс. У меня резонанс с экспертами почти на 100%, с вами было сложнее. Но мы обязательно будем к этому стремиться, и мы его найдем.

По формату. Я согласен с тем, что всё-таки онлайн загоняет нас в определенные рамки. Дмитрий Геннадьевич Евстафьев ещё в самом начале предупредил, что, на самом деле, американская матрица программы Zoom, всё равно, направляет нас в определенный коридор. Но мы с этим, я тоже думаю, разберёмся.

Закругляя свое итоговое выступление, я бы хотел пройтись по нашим трем основным вопросам, которые были вынесены в повестку дня.

Первое – тот мир, та Евразия, в которой мы бы хотели жить.

Я бы хотел, чтобы через 10 лет евразийское пространство было тем пространством, в котором нам хочется жить вместе с нашими детьми и передать его нашим детям для дальнейшего развития. Это самый главный, пожалуй, маркер.

Мы хотим, чтобы наши дети были умными, поэтому это должно быть умное пространство. Поэтому, если это экономика, то это должна быть экономика знаний. Солдаты Евразии – это хорошо, конечно, но при этом я бы хотел, чтобы это было пространство свободных и мыслящих людей. И здесь без университетов, как связующих центров, вообще сложно обойтись. Далее культура и т.д., и т.п.

Что этому будет мешать, на мой взгляд? Это очень серьезный разговор, и я бы предпочел его вести в большей степени в дискуссии с экспертами. Но вам я скажу очень кратко. Россия – это жёстко организованная с точки зрения политической культуры система, в которой, конечно, очень многое зависит именно от государственной вертикали. Причём, с точки зрения евразийского пространства, пожалуй, Россия – наиболее европеизированная и наиболее связанная с потенциалом развития горизонтального начала. И, соответственно, от России очень многое зависит. В том числе, чтобы ваши инициативы, социальные инициативы, рождающиеся на уровне горизонтали, были востребованы. Потому что без гражданского общества (можно дискутировать, как его понимать правильно), без горизонтального начала невозможна экономика знаний. Будут солдаты, а инженеров и ученых не будет. Хотя это вещи взаимосвязаны,

и ВПК, опять же, может развиваться только, если есть инженеры, есть творческое начало, о котором говорили сегодня эксперты.

Соответственно, мне кажется, это пространство, социально ориентированное и умное, может быть, только если мы с вами вместе будем стремиться быть умными и развивать горизонтальное начало. И тогда государство наше будет реагировать на те потенции, которые идут со стороны «почвы».

И, наконец, последнее. Я уверен, что евразийской интеграции нужна молодёжь. Но молодёжь евразийской интеграции нужна с точки зрения стратегической. Я просто очень часто вижу, как проходят молодёжные мероприятия в рамках инструментальных рамок, которые сегодня уже обозначили как «новый комсомол». Мне кажется, что в нашем формате мероприятия должны перерасти в нечто другое. Кто-то из молодых выступающих говорил, что должна быть правда, что у молодёжи обостренное чувство справедливости.

Тогда молодые люди будут видеть, что мы здесь говорим по-честному, а не для того, чтобы бюджет освоить или ещё что-то. А потому, что мы хотим, чтобы эти ростки выросли, чтобы зёрна, которые мы посеяли, стали действительно, точками роста, которые будут идти к жизни, к свету и к теплу.

И в этом теплом светлом мире, в Евразийском мире, мы будем с вами вместе жить, рожать детей, строить семьи, дома, выращивать деревья. И видеть эти прекрасные молодые лица, которые я сейчас вижу перед собой. Спасибо вам большое.

III. ТОЧКИ РОСТА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
Материалы Онлайн-марафона, состоявшегося
27 октября – 3 ноября 2020 г.

«ТОЧКИ РОСТА – БЕЛОРУССИЯ»

Дмитрий Евстафьев

Мир на пороге «коалиционной полицентричности»

Я хотел бы поговорить о том, что такое союзные отношения и как выстраивается этот самый многополярный мир, который мы с вами очень ждали, о котором мы все очень много писали, который считали чуть ли не панацеей от бед, от американского давления, от всего и вся, от наших внутренних проблем и который, когда начал приходить в наш постглобальный мир – оказался вдруг не очень комфортен для нас. Потому что едва ли представитель какой-либо из стран постсоветской Евразии сейчас может сказать, что ситуация в его стране является устойчивой, стабильной и «никаких проблем у нас нет».

Собственно, хотели многополярность – вот она начинает приходить. Но пока это не многополярность, а предмногополярность.

Давайте перечислим для начала черты нового мира. **Первое – этот мир становится пространственным.** Этот мир – это полная антитеза миру поздней глобализации. В мире поздней глобализации была акцентированная космополитичность, и эта была такая надпространственность. Нам говорили, что пространство неважно, государства не важны, страны не важны, будем сидеть на Карибах на яхтах и оттуда управлять мировыми финансовыми и коммуникационными потоками. Всё, что происходит в последние полтора–два года – это акцентирование важности пространства. В том числе и в форме достаточно жёсткого противоборства.

Второе – это вопрос, связанный с национальным суверенитетом. Национальный суверенитет становится принципиальным вопросом развития. Можете ли вы обеспечить национальный суверенитет не только в политике, не только в юридической сфере, хотя и это теперь проблема, но и в сфере экономики – значит, вы можете играть какую-то существенную роль в будущем мире. Не можете – всё, вы выпадаете даже из списка региональных держав. Посмотрите, как у нас всё более и более радикальными становятся кейсы внешнего управления национальным суверенитетом. Но когда мы смеялись над казусом Гуайдо в Венесуэле – это действительно было довольно смешно, когда некоего человека, которого никто не избирал, объявили президентом в Венесуэле... Куда ж смеяться, когда у нас то же самое происходит в соседней с Россией Белоруссией, где, как считалось, достаточно устойчивая политическая система. Там мы тоже имеем попытку внешнего управления национальным политическим суверенитетом. Если посмотреть объективно на всех нас, на все наши страны, то мы едва ли найдём пример, где такое в принципе не может быть. Это может быть в любой из наших стран, в любой из стран постсоветского пространства, не исключая, Россию. Потому что управление экономическим суверенитетом – это тоже часть суверенитета.

Следующий момент – это распад социальной модели глобализации. Я думаю, что мы все с этим столкнёмся в ближайшем будущем.

Следующая характеристика нового мира – максимизация использования Соединёнными Штатами своего потенциала в глобальных финансах. Но это вынужденная мера. Соединённые Штаты постепенно утрачивают своё могущество, свою так называемую мягкую силу, и переходят к силе прежде всего полужёсткой, начинают демонстрировать свою взаимозависимость в глобальных финансах, своё доминирование там. Обращу ваше

внимание на полный провал попыток Европы создать какую-то альтернативу американским финансовым каналам в отношениях с Ираном.

В чём важность примера с Белоруссией? Если всё обобщить, то вывод о политике Запада и прежде всего США будет очень простой. И надо быть очень наивным, чтобы допускать, что поляки и литовцы в Белоруссии действовали без какой-то глобальной политической санкции США. Да, они проявляли там большую степень самостоятельности, но, тем не менее, стратегию определяли американцы и тут даже нечего дискутировать.

Так вот, американская и в целом западная политика начинает допускать сценарий хаотизации в тех регионах, которые могут быть очень важны для конкурентов Соединённых Штатов в борьбе за пространство.

То есть если Соединённые Штаты не ощущают важности, критичности того пространства, они вполне могут пойти на такой сценарий политической трансформации, когда там просто не будет ни твёрдой власти, ни твёрдого суверенитета, вообще ничего.

Давайте просто посмотрим на карту Евразии, на те регионы, которые являются для Соединённых Штатов критическими с точки зрения их национальных и экономических интересов, особенно сейчас. И мы с удивлением обнаружим, что больше одной-двух галочек мы там не поставим, и то эти галочки будут сомнительны. То есть мы должны очень чётко понимать, что в рамках противодействия процессам регионализации глобальной экономики... А что такое регионализация глобальной экономики? Это формирование новых ядер экономического роста, это будет затрагивать Евразию.

В данном случае никакой безальтернативности идеи, что это мы, евразийцы, будем управлять этими точками экономического роста, у меня нет, всё будет гораздо более сложно.

Тем не менее, в рамках противодействия регионализации глобальной экономики и, в частности, постановки под контроль очень важных ресурсных пространств, например, Китая в Евразии, Соединённые Штаты могут вполне пойти на хаотизацию и политическую и военно-политическую целого ряда важных пространств. Поэтому здесь мы должны это чётко оценивать.

Вся проблема и нашей политики, и китайской, и европейской – это то, что мы вовремя не отрефлексировали смену геополитической логики наших замечательных американских партнёров.

Вовремя – это два с небольшим года назад, смену этой логики, вероятнее всего нужно отнести к тому периоду. Тем не менее, судя по всему, это понимание, по крайней мере в России, начинает рождаться, и будем надеяться, что какие-то положительные сдвиги мы увидим.

Ещё один очень важный момент – период таких трансформаций, которые мы наблюдаем сейчас, не предполагает ни мира, ни войны в чистом виде. Это, конечно, могут быть локальные столкновения, это могут быть частично конфликтные ситуации, но, в целом, ресурсов для какого-то крупного регионального конфликта нет ни у кого. Максимум – это локальное столкновение с ограниченными целями без мобилизации. Но возможностей тёплой конфронтации – то есть использование на период так называемого мирного времени, или предвоенного времени, очень широкого спектра средств, который может включать в себя военно-силовые вещи – они практически неограниченны.

Итак, скажу вам два сценария, которые вполне применимы к ситуации в Евразии с точки зрения формирования многополярного мира: первый сценарий – это экономическая ситуация, а многополярность – это явление прежде всего геоэкономическое, будет развиваться по принципу отъедания у США и Европы каких-то возможностей для

развития при условии складывания каких-то благоприятных геополитических ситуаций. Это развитие в этих новых пространствах возможности ресурсных проектов, формирование новых технологических цепочек.

Второй – это создание и восстановление на некоей исторической основе интегрированного ядра, которое будет под себя переконфигурировать пространство, которое ему удастся захватить.

Если вы внимательно посмотрите на тот мир, который стал нас окружать в последнее время, то вы с удивлением обнаружите, что мы имеем оба варианта поведения тех государств, которые претендуют на статус центра силы. Первый вариант – Китай. Китай действует по первому варианту, по варианту отъедания у США экономических возможностей. А второй – это Турция.

А что общего у этих двух вариантов, в поведении стран, которые олицетворяют эти два варианта? То, что они реализуют оба этих варианта на пространстве постсоветской Евразии. То, что мы для них – объект политики, объект формирования собственных экономических систем, в которых наш национальный суверенитет абсолютно никому не очевиден.

В любом случае, мы начинаем вползать потихоньку в период многовекторности. Обращу ваше внимание на пример политического поведения руководства Азербайджана, которое ради достижения очень конкретных, не сказать даже, что среднесрочных политических целей, пожертвовал многовекторностью. Я думаю, после того, что произошло в Карабахе, возможностей возвращения Баку к многовекторной политике и к балансированию между Турцией, Европой, Соединёнными Штатами, Россией и Ираном, можно считать практически отсутствующими. Но тем не менее, не самые необразованные, не самые недалёковидные люди в мире выбрали такой вариант.

Поэтому главный вывод, который вам нужно сделать – что современный мир – это мир краткосрочных решений.

Длинного горизонта планирования на сегодняшний день нет ни у кого, и появится ли он – это зависит от вас, молодого поколения, которое не связано стереотипами прошлого и поражениями прошлого.

С этой точки зрения, конечно, никакой многополярности мы не увидим, а увидим мы формирование того, что называется «коалиционная полицентричность». То есть, когда есть ядро, вокруг которого формируется некая периферия, сохраняющая определённую свободу рук, но тем не менее действующая в рамках единого вектора.

Сил на империю на сегодняшний день нет ни у кого.

Даже у Соединённых Штатов сил поддерживать собственную империю нет, а вот сил на формирование новых союзов есть много, и мне кажется, что вопрос, который вы должны всегда держать в голове – это «в чём должны состоять эти новые союзные отношения»?

Эти союзные отношения с одной стороны – альтернатива концепции ситуативных отношений, а с другой стороны, это такая же альтернатива системе классических империй, классических жёстких союзов, системе классического понимания Советского Союза. Но это ключевой вопрос завтрашнего дня.

И я считаю, что это тот вопрос, который лучше оставить будущим поколениям, потому что наше поколение действует очень во многом в рамках стереотипов прошлого. Потому что эти прошлые поражения и прошлые модели над нами очень сильно давят.

**«Борьба идёт не за государство,
а за его превращение в зону хаоса»**

Полицентричность, о которой очень часто говорят через призму геополитики, проявляется очень чётко внутри каждого из наших обществ. Это не просто проекция геополитики, это очевидное ценностное расхождение и существование различных социальных групп с разными ценностями. У каждой страны свои нюансы, где-то имеется этнорегиональная специфика, а где-то, как в Белоруссии, специфика прежде всего социальная. Мы видим, как группы, которые можно назвать средним классом, связанным с развитием городской буржуазии, исповедуют иные ценности. Они требуют в условиях существования достаточно жёсткого авторитарного государства требуют неких новых прав, гарантий и так далее.

В обществе возникают новые центры, которые взыскивают новые ценности и новые модели.

Границы уже проходят не просто по геополитическим зонам, а внутри общества. Мне кажется, для России это тоже вызов, потому что формирование новых социальных групп касается не только России, но и Казахстана. Тех групп, ценности и установки которых не совпадают с ценностями и установками власти и большинства, но тем не менее они активны, пассионарны и требуют своего политического участия. Это тезис номер один, которому научила белорусская «цветная революция». С другой стороны, не нужно организовывать каких-то крупных военных действий.

Мы видим, что гибридная агрессия, это реальность. Вам не нужно использовать дроны, танки, для того чтобы атаковать государство. Необходимы новые социальные группы, которые живут в мире иных ценностей. При этом они, по

сути, могут реально работать на подрыв его экономического потенциала и стабильности. При этом специфика гибридной агрессии в том, чтобы ответить привычными методами, военными или методами спецслужб, вы не можете. Потому что задействованы инструментарии, превосходящие методике военных министерств и спецслужб. Это именно управление большими массами людей, с точки зрения психологии, с точки зрения того, что эти массы сами становятся оружием. А противодействовать массам далеко не всегда возможно, даже через СМИ.

Гибридная агрессия приняла новые масштабные формы, рефлексировать над которыми нам ещё придётся достаточно долго. Это совершенно новое явление, каждому обществу будет находиться свой ключик.

В Белоруссии это происходило через женский фактор, через фактор социальных групп, типа врачей и учителей, которые нужно исключить из поддержки государства. Для этого была проведена большая аналитическая работа, и свою функцию здесь исполнили мозговые центры, они внимательно анализировали слабые места каждого из этих обществ. И я думаю, что мы в Евразии столкнёмся с тем, что к каждому из обществ будут подбираться ключики, для того чтобы методами непрямого, гибридного воздействия так или иначе создавать эти очаги напряжённости. Понятно, что это не только внешний фактор.

У каждого из государств есть многочисленные внутренние проблемы, но они-то становятся точками, с которых начинается раскочка всей государственной машины, а затем и всей Евразии как некоего геополитического субъекта.

Если резюмировать, то мы видим несколько новых явлений: во-первых – рост отчуждения между различными социальными группами и государством, его лидерами и той прослойкой, на которую его власть опирается, у них появляются совершенно разные ценностные установки, второе – методы агрессии уже даже не в форме цветной революции

осуществляются, а в форме гибридного воздействия комплексного, от СМИ до формирования ячеек радикальных групп с вовлечением совершенно новых категорий граждан, которых мы раньше не могли даже заподозрить в подобных радикальных взглядах.

Идёт возгонка радикализма даже в самых спокойных обществах. Используются любые методы, любые приемы, любые причины. От ковида до гипертрофированной подачи в СМИ каких-то фактов насилия. Это, по сути, борьба на уничтожение.

И здесь смысл даже не в том, чтобы захватить государство, а в том, чтобы его уничтожить и создать зону хаоса. С государством нет борьбы за власть, есть борьба за то, чтобы на месте более-менее стабильного государства была стабильная зона хаоса. Это – главный результат, главная цель того, что мы наблюдаем как минимум в Белоруссии. Это новая действительность, в которой нам придётся жить долгое время.

О евразийских ценностях, национализме и дружбе народов

Первое – о соотношении фактора политического и экономического, даже политико-идеологического и экономического. Я понимаю и признаю важность экономического фактора, но меня смущает тот факт, что мы строим наш союз, и Союз России и Белоруссии, и союз наш Евразийский, прежде всего руководствуясь именно экономическим фактором, стараясь всячески уходить от политики. При этом и в первом, и во втором случае мы, по большому счёту, топчемся на месте, и эта экономическая интеграция скорее напоминает некую верхушечную, бюрократическую интеграцию.

Я думаю, что время, которое мы сегодня переживаем, как раз скорее говорит о том, что экономический фактор становится менее значим чем фактор ценностей, которые стимулируют новые политические процессы. И с точки зрения преодоления тех угроз, перед которыми мы все стоим, нам необходимо более серьёзно обращать внимание на ценностную парадигму, обращать внимание на то, что общие ценности будут диктовать необходимость политической интеграции с точки зрения объединения наших общих возможностей для преодоления тех рисков и угроз, которые сегодня так, по-моему, подробно были обозначены Дмитрием Геннадьевичем и нашими белорусскими коллегами.

Я думаю, что мы на эту тему, особенно завтра, в день Казахстана, обязательно подискутируем, поскольку, на мой взгляд это крайне важная вещь, то, что политика сегодня, а тем более идеология, ценности, мировоззрение даже на Западе, начинают проявляться более ярко, чем экономика, это красноречиво говорят примеры Украины, Белоруссии, не говоря уже о Прибалтике, Польше...

То, что касается фактора соотношения этнического и надэтнического. Мы тоже будем постоянно к этому приходить. Ещё раз хотел бы подчеркнуть, что на самом деле евразийское философское наследие, наши классические евразийцы, потом неоевразийцы много на эту тему рассуждали. Я думаю, что университет имени Гумилёва, который есть в Казахстане, наверное, должен продолжать эту традицию, и, может быть, завтра мы на эту тему поговорим... Поскольку, на мой взгляд, некие ожидания от Казахстана как драйвера идеи евразийской интеграции оказались несколько преувеличены. Сегодня, как раз, скорее Беларусь становится местом осмысления нового евразийства и отсюда, что главный теоретик этого Алексей Дзермант – один из ведущих экспертов нашего проекта.

Полагаю, что идея Николая Трубецкого об истинном и ложном национализме очень актуальна и для евразийства сегодняшнего дня – здесь есть правда, потому что те самые ценности, которые наше пространство держат, позволяют нам подняться над узко-эгоистичными этническими моментами, и понять, что мы народы, которые объединены чем-то общим. Мы комплементарны друг другу, и наша задача – проговорить суть этой комплементарности, проговорить её с точки зрения современности, доступного нашей молодёжи понятийного аппарата. Если мы это сделаем, то обязательно добьёмся чего-то значимого. Сейчас здесь есть определённые проблемы, выражающиеся в том, что и в Белоруссии, и в России, и в Казахстане активно продвигается национализм западного типа, ничего, кроме разрушения Евразии дать не способный.

Последний вопрос, заданный нашим молодым участником, об ирреденте, как раз, был из разряда жёстких, привязанных к националистической проблематике. Не зря Алексей Дзермант сказал о том, что надо спросить Северный Казахстан по поводу ирреденты. Это хорошо, что такие вопросы задаются, потому что они и по поводу Белоруссии

тут возникали, и даже в процессе нашего конституционного процесса шли в России, когда мы обсуждали поправки в Конституцию. У нас есть сейчас пример того, что ирредента тоже не исключительно теоретическая проблема. У нас есть Луганск и Донецк. Луганская команда активно участвует в «Точках Роста», но при этом мы долго обсуждали, как позиционировать команду с точки зрения международной субъектности – сами ребята просили их считать российским регионом.

Мне, как директору Института Русского зарубежья, не знать ли проблему разделённого русского народа?

Но давайте помнить, друзья, что в практическом плане ирредента чаще всего связана с очень серьёзными конфликтами и такой механизм решения этого вопроса связан с очень большими издержками. В нашем евразийском пространстве мы должны находить те механизмы взаимодействия между народами, которые позволяют избежать внутриевразийских междоусобных конфликтов. И как раз выстраивать отношения по принципу комплементарности и дружбы народов. Вообще, это старое советское понятие, дружба народов, оно очень хорошее. На нашем евразийском пространстве, на мой взгляд, это должно быть непререкаемой, общей ценностью.

«ТОЧКИ РОСТА – КАЗАХСТАН»

Марина Лапенко

Российско-казахстанское приграничье и новый формат Евразийства

Приграничное сотрудничество – это одна из важнейших форм взаимодействия между приграничными регионами и залог успешного развития любой интеграции. Мы оцениваем двустороннее сотрудничество России и Казахстана как стратегическое партнёрство, но при этом, конечно, наиболее существенную роль играет приграничное сотрудничество, потому что после распада Советского Союза очень большое количество, почти половина субъектов Российской Федерации, оказались в приграничном или прибрежном положении. С одной стороны, российско-казахстанское приграничье – это территории достаточно протяжённые, с другой стороны – это территории, которые достаточно разные по уровню экономического развития, тем не менее, они определяют и взаимную торговлю, и развитие тех сфер сотрудничества, которые достаточно актуальны, как на межгосударственной повестке, так и на интеграционной повестке. В разные периоды времени на приграничную торговлю приходилось от 30 до 70 процентов всей взаимной торговли России и Казахстана.

Мы знаем, что может быть только две основные функции границ: контактная и барьерная. В зависимости от развития межгосударственных отношений на приграничных территориях доминирует либо контактность, либо барьерность. Барьерность будет выражаться в стремление стран защитить своих потребителей, реализовывать политику протекционизма, контактность – в развитии добрососедских отношений, экономических связей, гуманитарного сотрудничества и т.д. Если мы берём именно приграничье

России и Казахстана, то на протяжении всего независимого периода была контактность, были отношения многочисленных вопросов социально-экономического развития территорий, культурного взаимодействия, гуманитарных связей. Однако по мере развития Евразийской интеграции сама природа и характер этих отношений меняются, потому что евразийская интеграция задаёт условия развития и взаимной торговли, и формирования общих рынков товаров, услуг, капитала, меняются условия ведения хозяйственной деятельности субъектов малого и среднего бизнеса.

Хотелось бы отметить, что первоначально в договоре о Евразийском экономическом союзе практически не говорится о том, как необходимо развивать приграничное сотрудничество. Из договора практически выпали такие сферы взаимодействия как образование, молодёжная повестка и информационная повестка. На тот период времени это не играло существенной роли, но сейчас из года в год значимость этих аспектов в развитии интеграции повышается.

Существуют стратегии развития Евразийского экономического союза на период до 2030 года, есть ключевые точки до 2025 года, и всё это необходимо имплементировать в рамках приграничного межрегионального сотрудничества.

Нужно повышать информированность населения и бизнеса об условиях развития евразийской интеграции и о тех новых вызовах, которые стоят перед ней.

Когда мы говорим о развитии приграничного и даже межрегионального сотрудничества, мы должны иметь в виду необходимость повышения информированности не только о внутренних процессах в рамках Евразийского экономического союза, но и о том, как выстраиваются внешние связи. Разрабатываются, принимаются решения о создании зон свободной торговли, например, с Вьетнамом, Ираном, Сингапуром – это тоже определенные возможности для развития регионов, их выхода на внешние рынки.

Дифференциация в уровне развития регионов приводит к тому, что зачастую развиты регионы, которые не имеют

общей границы с Казахстаном (Башкортостан и Татарстан), более активны в развитии своих взаимодействий, чем приграничные регионы (Саратовская область и Волгоградская).

Стоит отметить несколько важных моментов – это уровень экономического развития, наличие законодательной базы и в целом динамика развития внешних связей отдельных регионов. Регионы должны рассматривать варианты так называемого трансграничного сотрудничества, учитывая тенденцию развития внешнего контура Евразийского экономического союза.

Необходимо ориентироваться и на европейский рынок, и на те проекты и инициативы, которые развивает КНР, выйти на разработку, подписание концепции трансграничного партнёрства большой Евразии, и на создание больших форматов взаимодействия.

Нельзя оставлять без внимания уникальный климат межнационального добрососедства, гармонии и выручки в решении самых сложных вопросов, который является основной ценностью приграничных регионов.

Я могу обобщить, что регионы России и Казахстана всегда вместе и в самых сложных ситуациях, и в беде, и в радости, в решении каких-то сложных вопросов: паводок, неурожай, нашествие насекомых. Постоянная гуманитарная повестка – совместное празднование праздников. В Саратовском регионе стало традицией празднование Наурыза, весеннего праздника. Если раньше это был праздник тюркских народов, сейчас это большой праздник для всех, таким образом происходит взаимодействие, взаимодополнение отдельных этносов, культур, даже где-то религий.

У нас не возникает вопроса: «Что для нас является основным ценностным ориентиром?». Мы ориентируемся на дружбу, добрососедство, традиционные ценности семьи, коллективного начала. Если мы говорим о том, что у нас исчезли какие-то советские ценности, советские ориентиры, но ещё пока не возникли новые ориентиры, этими ориентирами может быть новый формат Евразийства.

Как совместить национальную идею, межнациональную дружбу, строительство большого евразийского пространства?

Нужно исходить из того, что миграционные процессы – это процессы, которые характерны для всего человечества. Развал СССР – печальное событие, фантомные боли сохраняются до сих пор. Эта фантомность очень чётко прослеживается в российском внешнеполитическом дискурсе...

В Центре аналитических исследований мы достаточно большое внимание уделяем мотивации казахстанских студентов, которые обучаются в Российской Федерации. Обучение на русском языке – это один из основных факторов, благодаря которым люди уезжают обучаться в Россию. Миграционные процессы зачастую обусловлены социально-политическими, социально-экономическими моментами. Мы не должны воспринимать эти процессы с точки зрения моментов национального позиционирования.

Казахстан – это действительно островок стабильности на территории всей большой Евразии. Мы на протяжении всего периода существования народа великой степи, вне зависимости от каких-то национальных моментов, придерживались фундаментальной ценности кочевников и казахского народа, ценности, которые переняли многие национальности, проживающие на территории Казахстана: **дружелюбие, толерантность**. Обратим внимание на ключевую ценность – **гостеприимство**, которое возведено в культ.

Нужно исходить из того, что всё это переселение – естественное. Работая в Восточной Африке, я достаточно часто видел, как активно развивалось внутреннее переселение.

Опираясь на собственный опыт, хочу сказать, что достаточное количество людей возвращается сейчас в Казахстан, не только из России, но и из Германии, Израиля. Здесь

открывается большее поле возможностей, в том числе благодаря интеграционным процессам, благодаря участию Казахстана в Евразийском экономическом союзе.

Нужно стараться максимально объективно смотреть на складывающуюся ситуацию. Пробежимся по стратегии «Казахстан-2050» методом контент-анализа и посмотрим, какое внимание и каким именно ценностям здесь уделяется.

Отмечу, что ценности – это базовый фундамент мотивации и люди принимают их по умолчанию. Соответственно манифестация ценностей в каких-либо системообразующих документах не так часто встречается. Однако именно в Казахстане само понятие ценностей специфично.

В документе отмечается, что народ Казахстана, выбрал **«суверенитет, свободу и открытость миру»** как ценности, которые **«стали частью нашей повседневной жизни»**.

В стратегии отдельно анализируется «кризис ценностей нашей цивилизации». Приведу цитату: *«Мир переживает острый мировоззренческий и ценностный кризис. Всё чаще раздаются голоса, возвецающие о противоборстве цивилизаций, конце истории, провале мультикультурализма.*

Нам принципиально важно не втягиваться в этот мировоззренческий дискурс, оберегая наши проверенные годами ценности. На собственном опыте мы знаем, как то, что называли нашей ахиллесовой пятой – многоэтничность и поликонфессиональность, мы обратили в своё преимущество.

*Мы должны научиться жить в сосуществовании культур и религий. Мы должны быть привержены **диалогу культур и цивилизаций**.*

Только в диалоге с другими нациями наша страна может добиться успеха и влияния в будущем. В XXI веке Казахстан должен укрепить свои позиции регионального лидера и стать мостом для диалога и взаимодействия Востока и Запада».

Как видят себя казахстанцы в будущем, и в принципе евразийцы? Такие термины как открытость миру, свобода и

др., действительно, могут быть наполнены абсолютно разным смыслом. Однако здесь идёт манифестация этих терминов в околославянском дискурсе.

Мы действительно столкнулись с достаточно важными аспектами ценностного кризиса, который происходит по всему миру. Мы видим, как это всё перестраивается. Наша основная задача сейчас – сформировать, заняться формированием ценностного багажа для нашего молодого поколения.

Готовясь к сегодняшнему выступлению, я попросил представителей наших академических групп, ответить на вопрос: **«Какими ценностями вы руководствуетесь?»**

Из представителей казахстанской группы большинство выделяет **«семью»** как основную ценность, второе место занимает **«уважение и взаимоуважение»**, третье место между собой поделили **«здоровье»** и **«ответственность»**.

Здесь не было никакой преамбулы относительно того, что мы считаем ценностями. Когда мы анализируем ответы респондентов, ответы студентов казахстанцев, которые обучаются в российских ВУЗах, многие из них в качестве мотивации вступить в российские ВУЗы, назвали получение грантов, возможность обучаться на русском языке и получение собственной конкурентоспособности на мировом рынке труда. Молодые казахстанцы, и я в том числе, планировали, да и планируют повысить свою стоимость как специалистов.

Соответственно, когда мы задали вопросы **«Хотите ли вы вернуться в Казахстан? Планируете ли вы вернуться в Казахстан?»**, 22 процента сказали, что не планируют. Обосновали это наличием семьи, родственников. Более 60% респондентов ответили, что планируют вернуться в Казахстан, также мотивировав это решение семейными ценностями. Очень отраднo наблюдать, что для молодого поколения семья продолжает оставаться фундаментальной, основной ценностью.

«Уважение», «взаимоуважение» – это те основные ценности, благодаря которым мы можем рассчитывать на дальнейшее эффективное развитие. В Казахстане проявлять

уважение, требовать уважения к себе – это достаточно важные ценностные моменты, которые, я думаю, наш небольшой опрос подтверждает.

Ценность «Здоровье» имеет актуальность в силу эпидемиологической ситуации. «Ответственность» со «здоровьем» очень чётко коррелируют люди безответственные. Они очень часто подвергают опасности здоровье и своё, и окружающих.

Продолжая повествование о ценностях, мне бы хотелось переключить внимание с такого академического подхода на две небольшие выкладки из исследования Казахстанского института стратегических исследований.

Мы опрашивали, насколько респонденты согласны или не согласны со следующими суждениями:

1) «Справедливость выражается в том, что у людей должен быть одинаковый уровень жизни». Стремление к справедливости для многих людей выражается в том, что у людей должен быть одинаковый уровень жизни.

2) «Справедливо, что люди имеют неодинаковые доходы, так как у всех разные способности».

С этим все согласны...

Рассмотрим роль Евразийского экономического союза в удовлетворении потребностей пирамиды Маслоу. Нужен ли Евразийский Экономический союз для удовлетворения физиологических потребностей? Нужен! Мы создаём для себя и зарабатываем друг с другом. Нужен ли Евразийский экономический союз для удовлетворения потребности в безопасности? Безусловно, нужен, так как причастность к большому интеграционному процессу позволяет нам достаточно уверенно смотреть в будущее. Третий момент – потребность в принадлежности. Здесь всё очевидно.

Любые, даже естественные ценности человека, которые изначально заложены, так или иначе должны вести к тому, чтобы люди интегрировались, объединялись, выстраивали мультикультурное и мультинациональное общение. И это приведёт нас к позитиву.

Четыре идеи Достоевского как шанс для Евразии

Сложность евразийской интеграции заключается в том, что она задумывалась и реализовывалась как некоторый элемент общего процесса глобализации, а не ее альтернатива. Речь шла о том, что возникает два хозяйственных мира и между ними следует построить определенного рода мост, некое инфраструктурное объединение, которое позволяло бы сделать глобальный мир ещё более глобальным.

Сейчас мы столкнулись с ситуацией, когда нужно переформулировать концепцию евразийской интеграции в условиях кризиса модели глобализации. Прежде перед Россией стояла задача вписаться в определенный контекст. Есть Китай, есть Европа, есть мы между ними – надо обрести смысл своего существования в том, чтобы помогать этим хозяйственным мирам взаимодействовать между собой. Но возникают новые условия, в которых хозяйственные миры не взаимодействуют, но жёстко конкурируют друг с другом, в том числе за наши территории, – и на эту перспективу евразийская интеграция до сегодняшнего момента не была заточена. То, что произошло в 2020 г. в Беларуси – первый локальный кризис в условиях кризиса глобализации, когда возникает некая глобальная конкуренция, в которой мы – не столько сторона, сколько поле столкновения.

Россия в этой глобальной конкуренции вынуждена играть роль своего рода «пожарника», который тушит своими методами пожары, зажжённые не Россией.

Ценностный фактор здесь выходит на первый план. Чисто технократически, технологически, инфраструктурно проблема интеграции решаться не будет. Она будет решаться в условиях столкновения двух эсхатологий.

Первую эсхатологию можно назвать «**Мир без России**», то есть мир, когда евразийский мир, который олицетворяет

Россия, Российская империя, любое геополитическое образование на нашей территории, исчезает, и вместо этого возникает подъём Востока. В этом смысле единственная возможность для России и других частей евразийского пространства выжить – это присоединиться к этим двум мирам: либо к Востоку, либо к Западу.

Альтернатива этой эсхатологии – **идея «Острова России»**. Концепция «Острова России» заключается в предположении, что на самом деле есть ценностно-маркированное пространство, который автор этой идеи Вадим Цымбурский называл «Островом Россия», но называл он ее в других статьях также «Евразийской Атлантидой». Но в слове «Атлантида» уже читается ее судьба, тогда как концепция «Острова» предполагает, что в условиях конфликта между Китаем и Евро-Атлантикой, мы не растечёмся между этими полюсами, сохраним устойчивое единство, не вольёмся ни в один из конкурирующих миров, но утвердим свою ценностную уникальность.

Какая из этих эсхатологий победит? Это вопрос, который является на сегодня важнейшим.

В прошлый раз я говорил о Достоевском, как о некотором символе возможного евразийского объединения. Достоевский – великий русский писатель, корни его из Беларуси, а сам он значительную часть жизни провел в той части территории, которая тогда входила в Российскую империю, а сейчас входит в состав государства Казахстан. Другого русского интеллектуала мирового значения, деятеля русской культуры, который вот так хорошо соотносится с основными «тремя китами» евразийского объединения – Беларуси, России, Казахстана, – наверное, мы не найдем.

Есть ли какой-то ценностный пакет, который ассоциируется с Достоевским и который может послужить нам основой для размышления о ценностной интеграции? Думаю, что есть. Именно эти вещи могут быть положены во главу угла.

Первое, что мы обнаруживаем у Достоевского – это идея социального христианства. То есть той самой социальной справедливости. **Социальная справедливость и правда** – важнейшая идея Достоевского, которую он никогда не отвергал, думая о примирении христианства с идеалом социальной справедливости даже в своем позднем романе «Братья Карамазовы».

Идея семьи, причём традиционной семьи с некоторой маркированной, чётко определенной ролью отца – именно та ценность, которая сейчас размывается совершенно определённно в Европе, видимо, будет подвергаться критике в США, и я допускаю, что нечто подобное будет происходить и в Китае: мне кажется многое, что стало происходить в Китае во время Культурной революции, которая не прошла бесследно для Китая, было связано с кризисом прежней конфуцианской модели семьи. То есть вот эта ценность патриархальной семьи есть важная тема Достоевского, тема, которая проходит через три его романа: «Идиот», «Бесы», «Подросток» особенно; три романа о семье, о кризисе отцовства и кризисе патриархальности.

Таким образом, вторая ценность – **ценность семьи**, отцовства как некоторая возможная идея, позволяющая нам понять, что может всех объединить в условиях идеологической и экономической конкуренции Китая и Евро-Атлантики, которая наступит при любом исходе выборов в США.

Третий момент – идея Достоевского, которая тоже ярко выражена в этих трёх романах: в некоторой степени в «Братьях Карамазовых», особенно в «Подростке», и в «Идиоте» – **идея творческого меньшинства**, идея элиты, творческого класса, который призван вести за собой Россию, но который всё время ориентируется на Запад, черпая оттуда свои мысли, взгляды, вкусы. Этот класс смотрит в Европу, стремится к «священным камням» Европы, это абсолютно законное и естественное стремление, но задача состоит

именно в том, чтобы вот эта творческая элита или, «интеллектуальный класс» вернулся на собственную, родную землю, «поработал на ниве народной», то есть в своих университетах, национальных и евразийских. Работал со своей молодёжью, речь идёт о педагогической части интеллектуального класса, и открывал нам путь в будущее.

Эти три основные парадигмы: идея справедливости, социальности, идея семейности и идея патриотической интеллектуальной элиты, – это то, что легло в основу почвенничества Достоевского...

Кстати говоря, рождённого именно после его пребывания, в частности, в Семипалатинске и в Казахстане.

Наконец, четвёртая идея – идея, которая у Достоевского тоже выражена, возможно в меньшей степени в его романах, в большей степени в Дневнике писателя – это **идея идеократии**.

Евразийские теоретики выдвинули идею идеократии как некоторую политическую модель, которая должна была охарактеризовать евразийский политический строй.

Идея идеократии – это не обязательно полное отрицание демократии, возможно и необходимо сочетание идеократии и демократии.

Тем не менее, выделение идеократии как определённой политической модели – есть уже у Достоевского, тем более она есть в работах его наследников – русской религиозной философии, особенно евразийцев.

Будучи почерпнуты из отечественного политического опыта и подтверждены в его контексте, эти идеи могут стать основой нашего ценностного объединения, узы которого удержат нас от того, чтобы расползтись по разным враждующим лагерям грядущей геэкономической или даже геополитической войны, которая уже при дверях.

«Неважно на каком языке кричать о свободной кассе в Макдональдс»

Ценностная ориентация – это очень хорошая вещь. Когда у вас есть ценности, то вам легко переживать незначительные кризисы. Однако, ценности на хлеб не намажешь. Первичной является всё-таки экономическая база, и, как ее производное, – социальные отношения. И с этой точки зрения пространство современной Евразии, не исключая России, – это пространство глубочайшего кризиса промышленности и утраты остатков «советского индустриализма». И он выражается в деградации социальных отношений.

Проще говоря: разговор о ценностях должны вести люди, стоящие на твердой, если хотите, «трудовой» почве, а не люмпенизирующиеся слои, для которых понятие «средний класс», – всего лишь самоназвание.

Если не совершить в ближайшие годы промышленную, технологическую модернизацию, то, как у нас в России шутят, в принципе всё равно, как кричать: «свободная касса» в «Макдональдсе», на кириллице или на латинице.

Шутка, да, довольно обидная, но меткая, отражающая явные диспропорции «национальной ориентированности» и попыток социокультурного реформирования постсоветских обществ, и той постоянно сужающейся экономической платформы, на которой это происходит. Я считаю большим риском то, что разговор о ценностях происходит на фазе снижения социального стандарта. Это касается и России, где пандемия тоже существенно сократила финансовые амбиции даже в крупнейших городах.

В результате разговора «о смыслах» на различных стадиях социально-экономической деградации и ориентации только на сферу обслуживания и потребления получаем

ценности «обиженного национализма» разной степени агрессивности. А это – совершенно непродуктивно.

Поэтому я предпочитаю говорить о несколько более прагматических приоритетах в развитии Евразии.

Приоритет номер один – это военно-политическая и силовая защищённость. Евразию, утратившую советскую экономическую интегрированность (а это, увы, факт) будут растаскивать по разным макрорегионам, в том числе и страны, которые именуют себя стратегическими партнёрами.

Ни один крупный игрок в современном мире не заинтересован в существовании в Евразии полностью суверенных государств.

И, крайне маловероятно, что они будут ограничивать себя в методах, тем более, учитывая характер политических режимов, которые существуют в Евразии. Мы должны исходить из того, что процесс образования новых макрорегионов будет вестись с использованием и военно-силовых методов тоже. Что и доказала попытка «цветной революции» в Белоруссии, которую, на мой взгляд, надо рассматривать в контексте строительства макрорегиона с опорой на Польшу и геэкономический проект «Междуморье».

Поэтому главные приоритеты развития Евразии на ближайшие 10 лет – это приоритеты защищённости в широком смысле этого слова: от санитарной до информационной, но всё же с опорой на скоординированную политику в сфере безопасности.

Второе – это геэкономическая модернизация, не создание отдельных производств, которые выводят наши страны, а, вернее, отдельные корпоративные системы, на какие-то технологические рубежи, а именно комплексных экономических систем, охватывающих несколько государств и контролируемых в рамках национального законодательства. Нам в Евразии вообще нужно обратить внимание на про-

блему экономической несuverенности и возможности экономической (корпоративной) и геоэкономической (логистической) экстерриториальности, на фоне которой заявления о политическом суверенитете звучат почти насмешкой.

Если мы не решим эти две задачи, причём не решим совместно, то наши перспективы будут очень тусклыми.

Это касается и России. Для нашей страны вне пространства общеевразийской модернизации будет не просто актуальна, но и абсолютно остра угроза быть стеснённым к полярному кругу. Поскольку арктическая зона – единственное в современной Евразии пространство, где Россия могла бы действовать, опираясь только на свой национальный суверенитет, хотя он и там оспаривается.

Поэтому вернусь к тому, с чего начал: если страны Евразии не смогут в ближайшие годы осуществить геоэкономическую консолидацию нашего пространства на базе новой реиндустриализации, наши замечательные евразийские ценности будут никому не нужны, кроме нескольких профессоров в заштатных американских университетах, которые пишут докторские диссертации про евразийство, про былое величие русской классической культуры и национальный эпос других стран.

Но при такой постановке вопроса не пройти мимо вопроса о коммерциализации и прагматизации в рамках евразийской кооперации и взаимодействия. Что это такое коммерциализация в узком понимании, как у нас очень часто случается? Коммерциализация – это когда вы управляете государством, как ларьком. Он в конце каждого дня должен быть рентабелен. Если вы управляете государством, вы должны забыть о принципах коммерческого расчёта прибыльности. Да, государство должно быть рентабельным, но рентабельность государства и его решений, в том числе в области международных отношений, определяется среднесрочными, а, как правило, – долгосрочными инвестициями в развитие. Поэтому нужно пройти между двумя

крайностями, обе из которых присутствуют у нас в практической политике: между отношением к межгосударственному взаимодействию, особенно в рамках многосторонних институтов (ЕАЭС – это всё-таки многосторонний институт, а не двусторонняя торговля), как взаимодействие нескольких ларьков на рынке, и чистой благотворительности, осуществляемой ради сохранения неких абстрактных «ценностей», а фактически, – иллюзий. Но для этого мы должны самим себе ответить на вопрос, – а, собственно, что мы хотим от евразийских процессов на самом деле. Причём, ответить без лозунгов и само-зомбирования в духе «потому, что...».

В евразийских межгосударственных и межобщественных отношениях нужен свой «биткоин», своя некая интегрированная расчётная единица, которая будет показывать эффективность нашего взаимодействия и текущую ее «рентабельность».

Знаете, где лежит этот «биткоин»? Этот «биткоин» лежит в отношении к нам со стороны внешних сил, со стороны ЕС, Китая, США. То, насколько мы эффективно с вами взаимодействуем, оценивают они. Лет пять-семь назад они нас оценивали, как «объект», субстанцию, которую можно долго и спокойно переваривать, иногда подкидывая какую-то моральную компенсацию элитам. Сейчас мы для них «дичь», которую нельзя просто «взять», которую сперва придётся убить. Ещё Россию как «дичь» они прямо назвать не могут, потому что есть ядерное оружие, которое Россия может применить (хотя они в это слабо верят), но вся **остальная Евразия – это «дичь»**. Они спорят между собой, кто эту куропатку сейчас будет забирать. Все думали, что её заберут китайцы, а вот видите, какая незадача с китайцами вышла, отношения с Турцией Эрдогана становятся чем дальше, тем более запутанными и, в частности, в контексте Евразии.

Так или иначе наш переходный статус от «объекта» к «дичи» и неспособность выработать некие понятные и общие в плане интерпретации критерии развития, является фактором, составляющим очевидную угрозу не только для развития, но и для самого выживания Евразии. И так будет дальше, пока мы им не покажем, что мы есть нечто большее, нежели набор каких-то политических элит, пиливших в 91-93 годах Советскую Империю и допиливших ее до мелкой стружки. Когда мы это покажем, отношение к нам будет другое и разговаривать с нами будут по-другому. А если не покажем, не судьба, значит, Евразии стать одним из глобально значимых геоэкономических макрорегионов.

«ТОЧКИ РОСТА – КИРГИЗИЯ»

Станислав Епифанцев

Сотрудничество стран ЕАЭС в гуманитарной сфере: новые возможности для развития «человеческого капитала»

Вызовы последнего времени заставляют нас по-иному взглянуть на роль интеграционных проектов на постсоветском пространстве и, в первую очередь, на проект «ЕАЭС». Отраднo, что сегодня мы говорим о первых успехах объединения, экономический союз показал свою эффективность, и он может и должен активно развиваться.

ЕАЭС – это поле одной ответственности, ментальности, общих ценностей. В любом случае, и в первую очередь, интеграция – это люди, отношения между людьми, между народами. И по мнению многих экспертов именно гуманитарные процессы в формате ЕАЭС – это база для интеграции экономической, политической, в вопросах безопасности. При этом русский язык по факту остается языком межгосударственного и межнационального общения, языком бизнес-взаимодействия, научно-технического, образовательного и культурного сотрудничества. Т.е. русский язык является мощным фактором процесса Евразийской интеграции, что можно отнести в разряд несомненных «плюсов», но что одновременно заставляет задуматься сегодня о тенденциях в вопросах сохранения и развития русского языка.

В свое время вопросы гуманитарного сотрудничества не вошли в Договор о ЕАЭС. И это, на мой взгляд, на сегодня уже неправильно. Без тесного взаимодействия в культурном и образовательном направлениях очень сложно выстраивать отношения в других сферах – в экономике, в вопросах миграции. Ведь нет секрета, что развитие эконо-

мического объединения зачастую сталкивается с определенным сопротивлением именно на гуманитарном уровне, даже можно сказать на гуманитарном фронте. Т.е. без культурного взаимодействия и развития гуманитарных связей на уровне отношений людей и народов политическая и экономическая интеграция становится неустойчивой.

Сегодня страны-участницы экономического союза охотно развивают торговые и таможенные связи, но нередко с опаской относятся к идее создания общего гуманитарного пространства. Беспокойство некоторых государств ЕАЭС по поводу того, что союз не должен носить политического измерения, понятно. Именно с этим связан тот факт, что предложение Спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко о создании Совета по гуманитарному сотрудничеству на платформе Евразийского экономического союза остается пока без ответа.

При этом нетрудно заметить, что темы, определяемые экспертами практически из всех стран-партнёров для совместных дальнейших исследований и действий, взаимосвязаны друг с другом, и сложно определить их подчиненность, однако всем уже понятно, что модернизация экономик невозможна без развития человеческого капитала.

Отрадно, что главами государств-членов ЕАЭС 6 декабря 2018 года была принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Одним из ключевых направлений документа является раскрытие потенциала интеграции для людей, повышение их благосостояния и качества жизни, в том числе путём расширения экономических аспектов гуманитарного сотрудничества. В целях обеспечения доступности современных достижений в области образования и науки, здравоохранения, туризма и спорта для граждан стран ЕАЭС эти сферы включаются в интеграционную повестку.

До сих пор приходилось искать «гуманитарное преломление» задач развития через «призму» утвержденных в 2015

году Высшим Евразийским экономическим советом основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 г., среди которых было обозначено следующее: «Развитие кадрового потенциала вызвано необходимостью перехода к инновационной экономике, развитию высокотехнологичных секторов в условиях дефицита высококвалифицированных трудовых ресурсов».

Что ни говори, общие задачи требуют и общих усилий, и решений. А в данном случае, на мой взгляд, отдельной программы в рамках ЕАЭС.

Создание программы развития человеческого потенциала с учетом задач интеграции в гуманитарной области вполне может оттолкнуться от национальных стратегий социально-экономического развития стран-партнёров. А меры политики в области образования должны быть направлены на обеспечение потребности стран в квалифицированных кадрах, доступность и повышение качества дошкольного, базового среднего образования и высшего профессионального образования. В том числе создание системы повышения квалификации и переквалификации должны стать приоритетными направлениями социальной политики государств-партнёров.

В качестве одного из основных видов инвестиций в экономику государств экономического союза вполне можно рассматривать человеческий капитал, активный трудовой потенциал наших граждан. На сегодня творческий потенциал работника, уровень его подготовки и образования являются приоритетными показателями конкурентоспособности инновационной экономики.

После слома советской системы производства знания, структура и динамика образовательной и научной деятельности на постсоветском пространстве приобрела во многом стихийный и разрозненный характер. При общем росте количества учебных заведений в странах качество предоставляемых образовательных услуг зачастую ухудшается.

Самостоятельно качественно изменить ситуацию в образовательном секторе, секторе подготовки кадров, для многих стран представляется сегодня проблематичным.

Безусловно, Россия сегодня вносит большой вклад в проекты в сфере образования в рамках ЕАЭС, но в основном это проекты вузовского уровня и проекты, связанные с подготовкой учителей, а также различные разовые тематические мероприятия. В том числе на одном из круглых столов заместитель заведующего отделом аппарата правительства Кыргызской Республики по образованию, культуре и спорту Уланбек Усеков отметил, что благодаря вступлению республики в ЕАЭС, больше молодых кыргызстанцев получили возможность получать российское образование.

По его словам, ежегодно по квоте в российские вузы отправляются учиться около шестисот студентов. Их отбор на основании тестирования производит Россотрудничество. Как отметил Уланбек Усеков, механизм обмена студентами является успешным инструментом интеграции.

Но при этом проекты на уровне дошкольного образования и средней школы пока единичны, а сетевых практически нет. То есть отсутствуют постоянно действующие коммуникации на уровне профессиональных сообществ и обществ стран ЕАЭС, нет моделей по совместной отработке необходимых для стран-партнёров практик на уровне дошкольных и среднеобразовательных учреждений (ориентированных в свою очередь на партнёрство с высшими учебными заведениями), обеспечивающих качество образования необходимого профиля и, в конечном счете, конкурентоспособность выпускников на рынке труда ЕАЭС.

Поэтому сегодня в общей гуманитарной повестке дня в ЕАЭС должны быть не только важные статусные события, но и новые подходы в работе, а также знаковые конкретные проекты. У нас с вами в рамках ЕАЭС для этого есть все возможности.

Остановлюсь на некоторых примерах нашей работы в Кыргызстане за последний период.

Я уже отметил выше, что участие в ЕАЭС несет прямые и новые возможности для Кыргызстана и его граждан в области образования, получения новых компетенций и, как следствие, новое качество человеческого капитала и новые возможности на рынке труда ЕАЭС.

Более того, развитие экономических связей, приход российского бизнеса в республику становятся основой для реализации уникальных для всего региона Центральной Азии проектов.

Так в сентябре 2019 года в рамках программы «Газпром – детям» в Кыргызской Республике в городе Бишкек начала свою работу инновационная общеобразовательная школа «Школа Газпром Кыргызстан», созданная Фондом поддержки социальных инициатив ПАО «Газпром».

Проект школы является уникальным для нашей республики с точки зрения архитектурных решений и материально-технического оснащения. Школа даже обладает собственной современной обсерваторией. Специализация школы ориентирована на углубленное изучение предметов естественно-технического цикла. А перед руководством и коллективом школы поставлена задача обеспечить ведение образовательной деятельности на самом высоком уровне с применением самых современных методик и программ обучения.

Уже в середине сентября 2019 года «Школа Газпром Кыргызстан» в партнёрстве с такими университетскими центрами, как Национальный исследовательский университет «Московский физико-технический институт» и Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» провела на Иссык-Куле выездную Олимпиадную физико-математическую школу для лучших учеников республики.

Демонстрацией взаимосвязи среднего и высшего образования в единой цепочке формирования человеческого капитала ЕАЭС становится и сотрудничество новой школы с

Российским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена. Уже в конце октября 2019 года специалисты университета были в Бишкеке с первым рабочим визитом для проведения курсов повышения квалификации и консультаций по разработке новой учебной программы.

В портфеле наработок уже установленные партнёрские отношения и с другими университетскими центрами Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска.

Физико-математическое направление – одно из основных направлений специализации в учебной программе нашей школы. Задача привлечь лучший опыт стала для нас определяющей в развитии взаимодействия с Президентским физико-математическим лицеем №239 Санкт-Петербурга.

Сейчас мы с интересом изучаем опыт работы такой российской программы, как «Школа нового поколения». Интересные на наш взгляд наработки команды российских педагогов-практиков и научных центров во многом пересекаются с планами и представлениями о развитии нашего учебного заведения.

Я мог бы продолжить перечислять сделанные за короткое время шаги и планы развития «Школы Газпром Кыргызстан», но остановлюсь, чтобы подчеркнуть ряд принципиальных моментов:

1. Всё, о чем я сейчас рассказывал, стало возможным только в рамках участия Кыргызстана в ЕАЭС наряду с другими странами-партнёрами.

2. Всё это позволит обеспечить качество образования не только в самой школе, но и позволит реализоваться «Школе Газпром Кыргызстан» в качестве республиканского учебно-методического центра, став при этом одной из региональных площадок. Количество школьников и педагогов Бишкека и республики, которые ежегодно смогут принимать участие в различных образовательных программах и мероприятиях на базе школы, можно смело оценивать цифрой 5 тыс. человек.

3. Такой формат работы и партнёрства уже сейчас становится уникальным вкладом в человеческое развитие, и он будет только нарастать.

4. Опыт реализации подобных проектов заслуживает отдельного внимания и изучения. Отработав модельный проект на двустороннем уровне, есть реальный шанс шаг за шагом создать единый пазл образовательного пространства экономического союза. Задачи поддержки русского языка, как языка диалога на пространстве ЕАЭС, при этом получают новые долгосрочные решения – «Школа Газпром Кыргызстан» и другие партнёрские проекты должны стать на местах и методическими центрами по изучению русского языка.

Таким образом, гуманитарная сфера в условиях решения чисто экономических задач могла бы преобразоваться в матрицу сотрудничества. При этом наиболее перспективными с точки зрения эффективности видятся именно проекты в области образования. Вложения в образование позволяют гарантированно проецировать достигнутый результат на экономику в течение длительного периода времени. Мы все с вами это наблюдаем спустя почти 30 лет в странах ЕАЭС на примере проектов времен Советского Союза.

«Выбор Киргизии в пользу России нужно уважать»

Я воспринимаю себя как специалиста по Средней Азии. Что касается Киргизии, мне кажется, что нам нужно учесть несколько факторов.

Прежде всего – уникальный опыт киргизского народа. Киргизы имеют выбор. Они могут поехать на работу не в Москву – они могут поехать в Пекин, Сынцзян, куда угодно.

Перед ними – огромное пространство заработков. Но они сделали выбор и этот выбор в пользу России. Это непростой, тяжелый для них выбор и этот выбор нужно уважать.

Нужно учитывать, что сама по себе Киргизия – очень непростая страна. Я ее люблю. В Киргизии есть киностудия времен Советского Союза – хотелось бы вспомнить ее опыт. Это была одна из самых детских и интересных киностудий в Советском Союзе. Иссык-Куль, Тянь-Шань – это было сделано культом в Советском Союзе. Туда приезжали все туристы со всего Союза. И за этим, как ни странно, стояла не индустрия туризма, а я бы даже сказал индустрия культурного развития.

Я не раз сталкивался в Москве с киргизами, которые уехали из Киргизии и остались в Москве сегодня. Я считаю, что сегодня нам не помешал бы проект, который был бы связан с киргизским образом.

Я видел Киргизию из Пекина. Так получилось, что мне пришлось провести среди китайских коллег долгое время. И я видел, как они смотрят на Киргизию оттуда – для них Киргизия или, точнее, вся Азия, которую мы воспринимаем почти как бытовую страну, для них это пространство романтики.

Мне кажется, что нам нужно сделать для Киргизии какое-то произведение искусства и плюс масс-культуры, где

мы увидим киргиза как идеального кочевника, как идеального человека пространства высоких гор.

Именно это было сделано в Советском Союзе и на данный момент это делается в Китае. И нам нужно это сделать. Для нас это важнее, чем для Китая. Китайцы при всём восхищении Синьцзяном и в том числе Киргизией, ее, в общем-то, не понимают. А мы понимаем – для нас киргизы родные люди. Мы и сами во многом киргизы.

Я думаю, что нам нужно что-то придумать, это не сложно.

Далее. Нам необходимо понять, что есть в Киргизии сегодня.

Хотелось бы рассказать вам об одном эпизоде, который стал для меня точкой любви к этой стране:

Это было примерно десять лет тому назад. Я уже точно не помню, какая там была очередная революция, помню только, что мне нужно было быть в центре Бишкека. И тут я увидел, что мимо меня идёт невероятной красоты русская девушка – именно русская, не киргизская девушка. В тот вечер мне нужно было дать рекомендации моим коллегам по политехнологическим задачам в Киргизии.

Суть в том, что, увидав эту русскую красавицу, увидев с каким восхищением на нее смотрят киргизы, я понял, что между ними есть какое-то чувство единства. И я понял, что нужно прежде всего вливать ресурсы во внутрь – в укрепление ядра киргизского общества.

И вот, прошло уже 10 лет, и я вижу, что был прав в своей рекомендации.

Мы сегодня видим не разделенную на зоны влияния Киргизию, а всё-таки страну: пускай сложную, необычную, но целостную страну. И если когда-то, 10 лет назад, для меня таким образом стала русская девушка, то и сейчас нужно найти какой-то образ для понимания страны. Я думаю, мы сможем придумать такой образ.

В заключении отмечу, что если киргизы выбрали Россию, а не Китай, то этим нельзя разбрасываться. Что же мы можем поделать с тем, что киргизы не имеют опыта в создании сильной государственности как узбеки, например. То есть, не такую концентрированную. В киргизах есть то, чего нет в нас, русских, в китайцах. Это некое пространство высоких гор, где нет порядка, но есть пространство воли. И у киргизов в этом пространстве есть чувство собственного достоинства. Они там в горах не устраивают хаос. Именно от этой точки необходимо отталкиваться.

Станислав Бышок, Фёдор Гайда, Сергей Пантелеев

Экспертный баттл «Глобализация vs Традиция»

<Из стенограммы «экспертного баттла»>

Сергей Пантелеев (ведущий): Социальный прогресс – реальность или утопия?

Фёдор Гайда: Утопия. Прогресс – скорее понятие из сферы науки и техники. Социальный прогресс однолинейно никогда не выстраивается и очень часто сопряжен с таким понятием как инфляция ценностей, очень часто научно-технический прогресс связан с социальной деградацией и атомизацией.

Станислав Бышок: Разумеется, всё зависит от определения, но в целом, конечно, реальность. И эта реальность, которая нам дается не столько в ощущениях, сколько в статистических данных. Мы с вами все или большинство не любим статистику, порой вспоминая известную фразу, которую приписывают то Марку Твену, то Дизраэли, что «есть ложь, большая ложь и статистика». Но на самом деле, если мы говорим про глобальные явления, а ваш вопрос глобальный, то здесь мы должны опираться исключительно на статистику.

Смотрите, в 1800 году население Земли составляло 1 миллиард, потом наполеоновские войны, вражда, антисанитария. Тем не менее, через сто лет, в 1900 году население Земли – 2 миллиарда. Потом Первая мировая война: ужас, катастрофы, потом Вторая мировая война: геноциды, Сталин, Гитлер, Мао Цзэдун. Тем не менее сейчас, в 2020 году население Земли составляет 7.7 миллиардов человек. Более того, растет не только количество населения Земли, но и продолжительность жизни. Если сто лет назад средняя продолжительность жизни по миру в целом была всего-то 35 лет, хотя в Западной Европе было несколько больше – около

47 лет, то сейчас эта цифра составляет 73 года. Этот рост от 2 миллиардов до 7.7 миллиардов происходит как раз-таки за счет не-Западного мира.

Я уже не говорю про другие какие-то тенденции, например – смертная казнь. Смертная казнь, если мы посмотрим последние, скажем сто лет, она имеет тенденцию уменьшаться: и приведение в исполнение смертной казни, и возможность смертной казни за любое преступление в странах мира. То есть, только в одну сторону идёт эта тенденция. Это или мораторий на смертную казнь, либо смертную казнь отменяют в принципе. Даже худших людей среди нас – убийц, например, – даже их мы стараемся меньше убивать.

Сергей Пантелеев: Ответ принимается. Следующий вопрос в дополнение темы: глобализация – это зло или благо?

Фёдор Гайда: Глобализация – это как раз неизбежность, поэтому я бы не смог ответить однозначно: зло или благо. Точно так же, как, опять-таки, с социальным прогрессом: если мы считаем, что неотъемлемой частью социального прогресса являются мировые войны, взаимное уничтожение, тогда да, социальный прогресс есть.

Станислав Бышок: Безусловно, благо. Даже наше сегодняшнее собрание. Например, я не мог бы здесь с вами быть, если бы у меня не было MacBook Air – американская продукция, которая произведена в Китае. Мы все используем Zoom, который тоже не нашего производства. Если бы всего этого не было, мы бы с вами сегодня не собрались, то есть блага и интеллектуального продукта в мире было бы меньше.

Сергей Пантелеев: Хорошо. Следующий вопрос: Демократия – это универсальная модель? Может ли быть демократия по-русски, демократия по-киргизски?

Фёдор Гайда: Демократия – это из области идеологии. Любая идеология претендует на «выход в универсальность». Поэтому да, как идеологический проект демократия вполне

может быть универсальной, при этом на уровне практики античная демократия будет предполагать рабство, непричастность к демократическим процедурам большинства населения и, собственно говоря, любая демократия по факту, как показывает практика, никакого доступа большинства населения к политическим процессам не обеспечивает.

Станислав Бышок: Я думаю, что да. Здесь я согласен с Фёдором: когда мы говорим про универсальность модели, это не значит, что это та модель, которая решает все вопросы. Однако, если мы опять-таки посмотрим на мировую динамику: сто лет назад демократии было достаточно мало, я уже не говорю про двести-триста лет тому назад. Сейчас значительное число стран становятся демократическими, что предполагает участие людей в выборах. В демократических странах, в отличие от недемократических, не только народ не знает, кто выйдет в финал и кто станет их президентом, но даже будущий президент не знает, станет ли он президентом или не станет. Мы это видим, например, в Соединенных Штатах.

Сергей Пантелеев: Отлично, сейчас мы перейдем к более сложным вопросам и будет несколько цитат.

Первая цитата: *«Россия не в одной только Европе, но и в Азии, потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того, в Азии может быть ещё больше наших надежд, чем в Европе. Мало того, в грядущих судьбах наших может быть Азия то и есть наш главный исход»*, – Фёдор Михайлович Достоевский, 1881 год. (Дневник писателя). Вопрос: Прокомментируйте, вы согласны с писателем?

Фёдор Гайда: Здесь Фёдор Михайлович выступает как классический европеец, кем он и был, с его европейской образованностью, с русским дворянством, да и вообще, как человек девятнадцатого века. Лично я исхожу из того, что никакой Европы и никакой Азии не существует вообще, говорят, существует Евразия. А у этой Евразии существует некий полуостров, который считает себя Европой. Мы

совершенно можем претендовать на европейские ценности, только, возможно, несколько в иной их формулировке, чем те европейцы, которые почему-то считают себя монополистами этих самых европейских ценностей.

Поэтому я всё-таки считаю, что нам очень важно уходить от этого противопоставления. Его нет. Нет никакого принципиального единства между, например, шведами и итальянцами. Нет никакой принципиальной близости между китайцами и турками. Это пространство некоего множества. Эта дихотомия нам ничего не даст – она нам мешает жить.

Сергей Пантелеев: Хорошо, принимается.

Станислав Бышок: Частично соглашусь с Фёдором. Действительно, нужно уходить от той дихотомии. Что такое был Китай во времена Фёдора Михайловича Достоевского или сто лет назад, опять же, если мы возьмем 1920 год? Это был символ распада, отсталости и несамостоятельности. Что такое Китай в 2020 году? Одна из величайших держав, где порядок, достаточно стабильная политическая система, глобальная экономика. Собственно, Китай – это та страна, с которой все хотят работать. Даже если вы не хотите работать с Китаем, у вас наверняка есть что-то из современных гаджетов, на худой конец. Сегодня Китай – это совершенно не тот Восток, о котором говорили сто лет назад или даже больше. То же самое, если мы возьмем Японию – соседку Китая, хотя, это совершенно другая цивилизация. По всем показателям получается, что Япония – Запад, причём даже больше, чем сам Запад.

Так что я согласен, что эту пространственную дихотомию необходимо убирать. Действительно страны могут меняться, люди одной культуры могут идти по совершенно разным политическим траекториям (например: Северная и Южная Корея). Поэтому совершенно спокойно можно вводить в свою старую культуру какие-то новые технические и идеологические компоненты.

Здесь нет никакого противостояния, однако же, если мы будем говорить о том, что объединяет скандинавов и итальянцев, то это, как минимум, какие-то гуманистические ценности. Это общее согласие в том, что любой человек имеет право на свое мнение и за это мнение его нельзя карать, как, собственно, это, к большому сожалению, происходит и сегодня в ряде других стран.

Сергей Пантелеев: Хорошо, спасибо! Есть известный тезис: *«Без татарщины не было бы России»*. Следующая цитата: *«Монгольское иго длилось более двух веков. Россия попала под него ещё будучи агломератом удельных княжеств, разрозненных, почти лишенных понятия о национальной солидарности и о государственности. Пришли татары, стали Россию угнетать, а попутно и учить. Через двести с лишком лет Россия вышла из-под ига, видно, может быть и неладно скроенного, но крепко сшитого православного государства, спаянного внутренней духовной дисциплиной и единством бытового исповедничества, проявлявшего силу экспансии и вовне. Это был результат татарского ига, тот плод, по которому можно судить о вредоносности или благоприятности самого ига в судьбах русского народа»*. Прокомментируйте.

Станислав Бышок: Есть такое понятие в психологии – «стокгольмский синдром»: то есть, когда вас террористы захватывают в заложники, предъявляют какие-то требования... и вот, спустя какое-то время, когда вы уже долго с ними находитесь, то начинаете думать: «а вдруг у них тоже какая-то своя правда есть? вдруг это они находятся на стороне правды?». И вы сами выходите в качестве переговорщиков и говорите: «знаете, вы просто их не так поняли, не нужно с ним что-то плохое делать». То есть вы пытаетесь придумать этому акту насилия над вами какое-то оправдание, что, мол, это благородные люди, они хотят добра, просто мир их не понимает, пусть это люди с оружием в руках,

но они хотят изменить мир к лучшему. Это к вопросу об иге, о любой оккупации.

С другой стороны, нужно, конечно же, говорить о том, что такое взаимодействие с ордой оказало влияние на русских, но опять же, здесь я всё-таки теряюсь. Потому что, если углубляться в события, очень сложно говорить о том, что действительно оказало влияние, а что нет, что было на самом деле, а чего и вовсе не было. Мы можем очень долго вести полемику по этому поводу, но мы должны понимать, что это всё – непроверяемые гипотезы, очень общие, существующие скорее на уровне почти религиозной веры.

Сергей Пантелеев: Да, я не упомянул – это цитата из работы евразийца Николая Сергеевича Трубецкого «Туранский элемент в русской культуре», 1925 год.

Фёдор Гайда: Поскольку мы обладаем очень загадочной душой и всегда работаем в режиме диалога, в режиме вызова, то есть, мы мобилизуемся в ответ на что-то, то татары, конечно, нам были очень нужны для того, чтобы мобилизоваться и что-то создать. Опять же, настолько мобилизоваться, чтобы потом включить туда и татар и, насколько я понимаю, они до сих пор туда включены, поскольку периодически какие-то трения до сих пор происходят: не дают нам сейчас отпраздновать Стояние на Угре во всероссийском масштабе. Но, мы всё равно будем праздновать. Тем не менее, мы должны понимать, что это не единственный вызов. Я не могу сказать, что после татар у нас появилось что-то такое, чего не было ранее. Просто мы перешли в некое новое качество, а потом нам понадобились немцы при Петре, и мы нашу «хаотическую славянщину» перестроили на немецкий лад и получилось, на мой взгляд, даже лучше. Поэтому мы на что-то реагируем, принимаем это и становится даже лучше.

Сергей Пантелеев: Национализм – это благо или зло?

Снова цитата из Николая Сергеевича Трубецкого – статья «Об истинном и ложном национализме»: *«Чаще всего приходится наблюдать таких националистов, для которых*

самобытность национальной культуры их народа совершенно не важна. Они стремятся лишь к тому, чтобы их народ во чтобы то ни стало получил государственную самостоятельность, чтобы он был признан большими народами, великими державами, как полноправный член семьи государственных народов. И в своем быте во всём походил именно на эти большие народы. В таком национализме самопознание никакой роли не играет, ибо его сторонники во все не желают быть самими собой, а наоборот, хотят быть именно как другие, как большие, как господа». Прав ли Трубецкой?

Станислав Бышок: Трубецкой, конечно, не прав – он же евразиец. Национализм – это, действительно, скорее, данность. Простой мысленный эксперимент: вы смотрите на политическую карту мира и видите там достаточно мало империй, достаточно мало герцогств и несколько королевств. В основном вы видите то, что называют «национальным государством» – некая политически огороженная территория, которая, как правило, называется по названию того этноса или той нации, которая там доминирует. Это называется «национализм». Понятно, что мы можем спорить о терминах, но если говорить про академическую науку, то национализм определяется как идеология, которая предполагает необходимость того, чтобы культурная единица совпадала с политической. Переводя на русский язык, это звучит как «русской земле – русский порядок» или «киргизской земле – киргизский порядок». Люди одной культуры управляют сами собой и внутри своей культуры, или своей нации, они обладают политическим суверенитетом. Как правило, исторический национализм связан с демократическими тенденциями, но потом, в течение XX века, он приобрел какие-то монархические тенденции, а позже и тоталитарные тенденции стали присущи национализму.

В России в конце 1990-х и начале 2000-х гг. была тенденция бороться с национализмом. А как вы будете бороться с национализмом, когда у вас мир уже поделен на национальные государства, в отличие от времен царей и императоров? Даже если вы посмотрите на саму Россию, то и в ней есть национальные республики. Вы начинаете бороться с национализмом, а в итоге вам придётся эти республики как-то аннулировать, потому что они национальные.

Фёдор Гайда: На самом деле это слово очень многогранное, поэтому очень сложно определить позитивно или негативно по отношению к этому понятию. Могу только сказать, что этнонационализм, пожалуй, всё-таки, я бы оценил негативно, потому что это путь в никуда, это самозамыкание. Это не наша традиция. Наше евразийское пространство никогда не предполагало этого замыкания. А если и предполагала, то это было в качестве стратегии обороны. Хотя и здесь стоит отметить, что эта пассивная оборона ни к чему не приводила. На фоне этого можно выделить наше безусловно положительное качество: мы умеем размыкаться и благодаря этому качеству мы смогли освоить такие огромные территории.

Безусловно, государственный или политический национализм является некой позитивной, положительной силой, но это не этнонационализм. Здесь необходимо чётко понимать разницу между двумя понятиями.

Сергей Пантелеев: Отлично, спасибо, очень хороший ответ. У меня для вас последний, очень короткий вопрос, а после, я попрошу экспертов задать друг другу вопросы. Итак, вопрос: евразийская идентичность – она есть или её нет? Если её нет, то она должна быть? Или же её никогда не будет?

Станислав Бышок: Идентичность – это очень сложный концепт. Например, есть у вас личностная идентичность: вы сегодня проснулись утром, чувствуете себя,

возможно, не очень хорошо, у вас температура, но вы чётко ощущаете себя тем же человеком, каким вы были вчера, десять лет назад и так далее. И вы предполагаете, что завтра вы будете самим же собой – вот, что такое идентичность.

Когда же мы говорим про евразийскую идентичность, то не совсем понятно, что имеется ввиду: то есть, какие критерии этой идентичности, какие у вас должны быть черты характера или, к примеру, предпочтения в гаджетах или еде, чтобы вы могли эту идентичность каким-то образом проявлять вовне. Это очень сложный вопрос. Всё равно что, например, есть ли у нас идентичность граждан России: мы знаем, что гражданин России – это тот, кто имеет российский паспорт, но что же нас объединяет помимо этого? Поэтому очень странно звучат формулировки в стиле «нам нужно защищать нашу идентичность» – для того, чтобы что-то защищать, нужно чтобы это что-то по крайней мере существовало. А евразийской идентичности нет.

Стоит ещё заметить, что когда мы говорим про национальную идентичность, то не все понимают, что это такое. Если вы считаете, что человек какой-то нации, например – грузин, рождается и сразу начинает петь национальные песни и требовать шашлыка, а если он этого не хочет, то что-то не так с его идентичностью. Отвечая на вопрос, я не могу сказать плохо это или хорошо, я просто не вижу здесь объекта для критики. Я не вижу евразийской идентичности, я вижу свою – сегодня я проснулся с температурой, но сегодня я всё тот же, что и был вчера. В общем, скорее, нет.

Фёдор Гайда: Скорее да, скорее всё-таки есть. Конечно, её достаточно сложно определить, и это совершенно понятно – эта идентичность очень богата. Я думаю, что все, кто сегодня собрался здесь, в состоянии понимать друг друга с полуслова и не только потому, что общаемся на одном языке, хотя это принципиально важно. Но тем не менее, у нас один и тот же юмор, и он явно отличается от, условно,

китайского. То есть мы интуитивно ощущаем эту идентичность. Хотелось бы ещё добавить, что в основе нашей идентичности безусловно присутствует идея братства (не к слову о ситуации, когда к тебе подходят на улице со словами: «эй, брат, братишка», – хотя, всё зависит от интонации). Я не уверен, что Европа с ее лафайетовской триадой «свобода, равенство, братство» дошла до той самой идеи братва, а вот у нас это определенно есть.

Станислав Бышок – вопрос Фёдору Гайде: Как соотносятся традиции с глобализацией? Или же это явление совершенно другого порядка?

Фёдор Гайда: Сила наших традиций заключается в том, что она не противоречит понятию глобализации. По сути, наши традиции замешаны на этом глобалистском отношении. Мы универсалисты – мы в состоянии формулировать универсальные ценности. Возможно, эти мысли будут не совсем такими, как у наших соседей. Нам не нужно бояться глобализма – нам есть какую форму глобализма создавать. Это и есть наша традиция.

Вопрос Фёдора Гайды Станиславу Бышку: На каком основании европейцы считают формулируемые ими европейские ценности «универсальными» и почему они эти «универсальные» ценности называют европейскими?

Станислав Бышок: ... Если уж мы говорим про христианские ценности, то, цитируя Библию, я скажу: «Разве стож я брату своему?». Сейчас в европейской ойкумене, куда и США входят культурно, снова возникает проблема противодействия расизму, переосмысления истории, связанной с рабством, колониализмом, вины европейцев за этот колониализм. Здесь забывается такое обстоятельство – какая культура, страна, цивилизация придумала рабство? Очевидно, никакая – рабство существовало с глубины веков, его никто не изобретал. Но кто отметил рабство? Сначала – у себя, потом по всему миру? Здесь ответ однозначный. Это были европейцы. Которые сначала изобрели идеи о «свободе,

равенстве, братстве», потом решили, что рабство не вписывается в эти идеи и отменили его у себя, а потом – и по всему миру, лишив работы работорговцев Северной Африки и не только. Поэтому, наверное, нужно сказать спасибо евро-американской глобальности, что они отменили такую отвратительную практику, как рабство.

Фёдор Гайда: Хотелось бы добавить, что есть такое понятие, как античное рабство. А вообще, рабство придумали европейцы, в классическом понимании этого слова. Когда им было выгодно – они его придумали, когда им было выгодно его отменить – они его отменили. Они вообще очень прагматичные люди. Спасибо....

<....>

Сергей Пантелеев: Благодарю наших замечательных экспертов, принявших участие в экспертном баттле, это был первый опыт, думаю, и для вас несколько неожиданный, прошу по одной минуте прокомментировать, что вы об этом думаете и заодно – ваши итоговые слова, обращенные нашим ребятам из пяти евразийских стран, что бы вы хотели сказать самое главное.

Фёдор Гайда: Это очень необычный формат, но у «верблюда два горба, потому что жизнь – это баттл». Верблюд – наш замечательный евразийский образ, выносливый и очень независимый персонаж. Получилось неплохо, хотя и необычно. Всем желаю не бояться никакого баттла...

Станислав Бышок: Большое спасибо за возможность в этом баттле поучаствовать, это для меня был тоже первый опыт. Мы с Фёдором никак очно не познакомимся, хотя очно-заочно дебатировать уже не в первый раз на площадках «Точек Роста». Но, пять же, благодаря глобализации, даже находясь на полукарантине, мы имеем возможность продолжать наши интеллектуальные искания и общаться в таком формате. Когда мы говорим про динамику исторических событий, мой итоговый совет нашим слушателям – если вы видите, что сейчас в мире, или вашей стране

есть какая-то несправедливость, есть что-то плохое, то вы должны задаться двумя вопросами. Первый – это сейчас произошло, или было всегда, или, может, раньше даже было хуже, чем сейчас? И второй – неужели нет предпосылок, чтобы эту нехорошую ситуацию, эту проблему решить? Потому что, если мы посмотрим на статистику, то известная фраза «мы стали более лучше одеваться» – вполне справедлива.

Вопрос от участников: что является базисом успешной евразийской интеграции?

Станислав Бышок: Евразия – это территория. Чтобы люди, живущие на этой территории, чувствовали себя комфортно, нужно взаимоуважение и сильные экономические связи. И, конечно, связи гуманитарные – не только русский язык, но и общие ценности, которые не стоит изобретать, это ценности гуманизма, ценности взаимоуважения, это возможность открыто выражать свое мнение и искать правду, в том числе – в рамках научных дискуссий и научных познаний.

Фёдор Гайда: Евразия – это о-го-го какая территория. Экономические связи, конечно, важны, но при этом нужно понимать, что мы по своему экономическому потенциалу – далеко не самые главные на планете Земля, поэтому, если мы будем упираться только в экономические вопросы и подходить к ним сугубо рационально, то, боюсь, как бы мы не превратились в периферию более успешных экономических общностей. А это не будет работать нам на пользу – мы просто перестанет существовать. Поэтому нам нужно объединяться, кроме экономики, вокруг нашей идентичности, вокруг наших ценностей. Они никакие-то уникальные и только для нас – они именно универсалистские. Это альтернативная модель универсализма, которую надо осознать, активно пропагандировать. Мы безусловно должны заниматься идеологической экспансией. Причём – по всему миру. Только это позволит нам выжить, кстати говоря. Это

вопросы корневой идентичности – мы не должны ничего придумывать, мы должны это всё взять из нашей традиции, в нашей традиции есть ответы на все современные вопросы. Никакие вопросы не возникли сейчас – они все давным-давно есть, мы тысячами на эти вопросы отвечаем, давайте просто припомним, как мы это делали. То, что мы тысячами здесь существуем, это доказательство того, что мы – жизнеспособны.

Сергей Пантелеев: Я уверен, что эксперты хотят узнать результаты – здесь ребята голосовали, много писали в чат и у нас есть возможность определить победителя. Всем интересно? Я вам скажу, что по голосованию наших слушателей и участников победило... братство, победила солидарность и победило взаимоуважение! Я думаю, что именно эти начала и укрепляют наше большое пространство Евразии. Конечно, на основе нашей большой евразийской традиции, здесь я с Фёдором полностью согласен. Друзья мои, я вам крайне благодарен за участие в нашем первом экспертном баттле и наших ребят благодарю за активное участие и голосование.

«ТОЧКИ РОСТА – АРМЕНИЯ»

Александр Гуцин

Конфликты на постсоветском пространстве и будущее Евразийской интеграции

Сегодня международные отношения на том пространстве, которые мы во многом по инерции называем «постсоветским», должны быть в центре внимания. Особенно в контексте общемировых процессов трансформаций международной системы, эволюция которой находится очевидно в точке полифуркации. Первое направление – определенная хаотизация этой системы, потому что, как бы мы не говорили негативно или позитивно о биполярной системе международных отношений в рамках её становления после Второй мировой войны, она всё равно была гораздо более устойчивой, в какой-то степени взаимосдерживающей системой и, главным образом, там было осознание определенных красных линий каждой из сторон – как со стороны Западного блока, так и со стороны социалистического блока и военного представительства Организации Варшавского Договора.

Сегодня о какой-то устойчивости международных отношений, союзов, о влиянии той или иной страны в мире говорить вряд ли приходится. Многие сегодня говорят о новой биполярности мира, об американо-китае-центричном мире. Я думаю, что по многим вопросам и по многим параметрам это довольно серьезное преувеличение, но тем не менее мы движемся в этом направлении. Эта новая биполярность во многом не похожа на ту, которая была во времена ялтинско-потсдамской системы, ведь в качестве одного из важных маркеров современных событий мы видим усиление региональных держав. Это во многом является следствием крушения прежней системы и того, что мы

находимся сегодня в поиске новой системы. Как сложится этот поиск? К чему мы придём? Даже самые ведущие эксперты выдвигают много гипотез о новом биполярном мире, о бесполярном мире, но до конца, конечно, мы спрогнозировать это не можем. Эта ситуация с ростом влияния новых региональных сил, новых акторов и центров силы, безусловно, касается и того, что мы называем постсоветским пространством. Более того, постсоветское пространство вообще, на мой взгляд, по большому счету сегодня как единый субъект не существует, это сообщество (но не содружество) стран, по отношению к которым Россия проводит ту или иную политику, называя зачастую их странами «Ближнего зарубежья». Конечно, многие уважаемые эксперты и мои друзья, коллеги в частности – Сергей Маркедонов и многие другие, выделяют факторы, которые говорят о том, что это постсоветское пространство есть. Даже говорят о том, что та же конфликтность, например, тоже отчасти не просто разделяет, но через общую повестку скрепляет это пространство.

На мой взгляд превалируют факторы, которые говорят о том, что это пространство, если оно и существует, то находится в состоянии очень серьезного распада. В том виде, в котором мы привыкли о нем говорить (о бывших республиках Союза), даже если мы не включаем страны Балтии, конечно, говорить о том, что будет какая-то точка сборки, которая объединит все эти страны в какой-то конгломерат более или менее единый – сегодня не приходится. Причин для этого множество. Это и влияние внешних акторов – и таких мировых держав, как Китай, и крупных региональных держав, таких, как Турция (о чем мы дальше скажем). Это и новые поколения, которые уже не знают Советский Союз, выросли в другой парадигме образовательной, ментальной и в какой-то степени идеологической. И новые гуманитарные образовательные нарративы, связанные с учебниками,

общей традицией обучения и образования. Наконец, сокращение роли и употребления русского языка как языка межнационального общения. Всё это, конечно, очень серьезно сказывалось. Естественно, сказывалось и то, что постсоветское пространство во многом не воспринималось через Россию, через фактор России. Россия была как точка сборки его, но, конечно, надо констатировать, что с экономической точки зрения и с точки зрения идейной влияние России в целом за последние 30 лет на всё это пространство очевидно сокращалось и прежде всего – на умы, на общественное сознание в странах наших соседей.

Конечно, сегодня можно справедливо говорить (и мои предшественники здесь говорили) о том, что есть целый ряд интеграционных проектов (в конце концов наш форум посвящен в значительной степени интеграции) которые позволяют говорить о том, что определенные интеграционные тенденции безусловно есть. Здесь, конечно, мы прежде всего говорим о Евразийском Экономическом Союзе. Я считаю, что как бы мы его ни критиковали, это наиболее продвинутая и глубокая форма интеграции на нашем общем бывшем пространстве, пусть даже если она и не затрагивает все страны, а только пять стран.

Если мы посмотрим на перспективы развития Евразийского Экономического Союза, мы увидим, что не случайно многие эксперты из трёх сценариев – центр силы, определенный мост транзитно-логистический между Востоком и Западом и статус-кво, всё-таки склоняются к тому, что в ближайшее время каких-то серьезных продвижений с точки зрения экономической интеграции, социальной – вряд ли можно ожидать. Действительно, если мы посмотрим на ЕАЭС, то большие успехи были достигнуты, прежде всего, в области, например, такого пространства как труд. Мы видим, что общее пространство труда в значительной степени создано. Есть большие продвижения с точки зрения тари-

фов и так далее, но при этом есть и существенные ограничения, которые пока не позволяют нам говорить о том, что мы действительно вышли на полноценный экономический союз. Это и общеполитические, идеологические ограничения, такие как соотношение суверенитета и интеграции, которое до сих пор очень дискуссионно, а для того, чтобы выйти на какую-то серьезную степень интеграции нужно уметь делиться суверенитетом, к чему многие не готовы. Это и соотношение баланса участников, где Россия является супердоминирующим игроком с точки зрения общего ВВП союза. И проблемы, наконец, такие, которые связаны с товарно-сырьевой структурой (с сырьевой структурой экономики), с тем, что ЕАЭС, конечно, пока при всех колебательных движениях не стал стратегическим долгосрочным импульсом, для роста внутренней торговли между странами-участниками. Наконец и то, что существует такая проблема как слабая связанность между странами, если не брать Россию, между экономиками. Если сравнить товарообороты стран, но без России. Здесь и разное понимание вообще сути и видения ЕАЭС, то есть разный образ этого союза у стран-партнёров. Это прежде всего такие вопросы как «а что мы строим?», «что для нас главное?». Это встраивание в глобальные мировые цепочки, или же мы строим действительно региональную интеграцию с упором на промкооперацию, на развитие внутреннего рынка и уже потом выходим к глобальной цепочке с новым предложением и с более сильным союзом. Я понимаю, что говорить о центре силы, имея два с половиной процента (по покупательной способности немного больше) от мирового ВВП – довольно сложно. Но, тем не менее, мне представляется что именно путь внутреннего со-развития и усиления не просто внутренней торговли, но, прежде всего – производственных компонентов через реиндустриализацию этого пространства, через создание совместных многосторонних евразийских проектов, стремление к усилению внутреннего

товарооборота и уже после этого на новом уровне выхода, активного выхода, вовне. Это сделает нас более конкурентоспособными и с точки зрения крупных глобальных проектов, таких как Большая Евразия, о которых мы много говорим. Но при этом надо понять, а что мы будем предлагать тому же Европейскому Союзу. Понятно, что Европейский Союз пока не видит ЕАЭС в качестве равноправной силы, но, тем не менее, определенные перспективы для этого есть. Вопрос здесь сугубо во внутреннем совершенстве. Конечно, существуют и другие вопросы, казалось бы более мелкого, не такого концептуального, но тоже важного характера. Это и нетарифные ограничения, и создание общих рынков, по которым есть такие проблемы, о которых мы все знаем: это рынок электроэнергии, прежде всего нефти и газа. Поэтому сегодня, я считаю, что здесь, конечно, тоже у нас большой комплекс проблем накопился. Но ЕАЭС, тем не менее, должен быть нашим большим приоритетом и прежде всего это касается и российской политической элиты и внешней политики России.

Те же проблемы у нас есть и с другими интеграционными объединениями, например – ОДКБ. По большому счету она выполняет действительно важные функции – антитеррористические функции, антикриминальные функции, есть наличие сил оперативного развертывания, быстрого реагирования. Всё равно это говорит о том, что это единая структура, которая может в какой-то степени быть сравнимой с, условно говоря, НАТО. Но ОДКБ тоже имеет очень серьёзные ограничения в смысле своего влияния и пока особого потенциала для развития, в случае возникновения серьёзных геополитических кризисов, мы не видим, потому что её члены зачастую имеют различные внешнеполитические ориентиры, в том числе в рамках той многовекторной политики, которую они проводят.

Безусловно, всё это ставит определенные вызовы перед нашей страной. Сегодня в экспертном сообществе очень

многие задаются вопросом: а каким должно быть союзничество России вообще в целом? Если мы посмотрим последние интервью и в открытых источниках, и из личного общения с известнейшими нашими людьми, очень часто вбрасывается тезис о том, что роль региональных союзов как бы уже прошла и что в современном мире, особенно в условиях коронавируса, о чем мы говорили на прошлом заседании нашего форума, берут верх национально-ориентированные тенденции, в какой-то степени протекционистско-меркантилистские или, можно даже сказать, изоляционистские тенденции. Многие это называют прагматизацией нашей политики. Я тоже считаю, что прагматизация политики безусловно важна и односторонняя отдача каких-то средств или предпочтений без получения обратной реакции это, конечно, наверное, должно уйти в прошлое. Особенно я имею в виду все наши трудности с взаимодействием с элитами постсоветских стран, которые были в нулевые, да и в десятые годы, о которых мы прекрасно знаем.

Тем не менее, мне представляется, что эта прагматизация не отрицает важности создания региональных союзов и важности того большого места, которое сегодня Россия должна, и, я уверен, будет занимать с точки зрения построения региональной архитектуры, архитектуры международных отношений на евразийском пространстве. Потому что узкое понимание этого изоляционизма, если мы перейдем на сугубо двустороннюю повестку, если мы будем сугубо коммерциализировать наши отношения, обернется тем, что мы не сможем быть конкурентоспособны на более глобальном уровне решения тех проблем, которые сегодня стоят перед целыми регионами, которые требуют многостороннего формата, многостороннего решения. Это же касается и стратегического планирования, геополитического планирования, потому что, как мы видим, и сегодня события на Южном Кавказе это показывают, наличие каких-то серьез-

ных контрактов, от которой мы получаем серьёзные преференции, совершенно не исключает геополитические вызовы от наших, условно говоря партнёров, новых региональных держав, которые бросают этот вызов в геополитическом плане не только России, но и в разных регионах мира. Поэтому помимо двусторонности, помимо прагматизации, Россия должна активнейшим образом является архитектором и гарантом создания и развития системы безопасности, экспортировать безопасность не просто на том пространстве, которое мы называем постсоветским, но и в целом на всём евразийском пространстве.

Кроме этого, здесь мы выходим на те вопросы, о которых говорили в последние дни об определенном идейном содержании нашей евразийской интеграции. Возможно ли быть региональным лидером, рассчитывая сугубо только на экономико-центризм? Я думаю, что вряд ли возможно. И даже понимая разные подходы с нашими партнёрами сегодня в вопросах социо-гуманитарной интеграции, в вопросах видения нашего общего прошлого, мне представляется, что от того, насколько наши элиты смогут сформулировать идеологический, не побоюсь этого слова – ментальный образ будущего для наших соседей и для самих себя, зависит, действительно, и внутреннее развитие нашей страны, и, в какой-то степени, её экономическое развитие. Потому что и реиндустриализация, и промкооперация, и системный рост промышленного производства, обязательно должны ложиться на эту идейную подоплеку, без этого никуда мы не денемся и, конечно, от этого зависит то, насколько Россия сможет в XXI веке быть, существовать и развиваться в качестве серьезного центра силы и мировой державы. Мы не сможем быть мировой державой, если мы не будем державой региональной.

Мы же видим по сегодняшней ситуации на Южном Кавказе, что, будучи гарантом статус-кво, может прийти

другая сила, которая будет инициировать ломку этого статуса-кво. Статус-кво ценен тогда, когда мы можем его реально поддерживать и, в том числе, в военно-политическом отношении, развивая наше союзничество и партнёрство с нашим стратегическим партнёром, но, тем не менее, строго выдерживать этот баланс и понимать, что может возникнуть другая сила, которая может в любой момент попытаться сломать этот статус-кво. Это касается не только Южного Кавказа, но и других конфликтов, которые мы связываем с формированием де-факто государств на постсоветском пространстве.

Если мы посмотрим, например, на ситуацию в Приднестровье, то мы увидим, что это как бы пророссийский регион, но в реальности, если мы посмотрим на тенденции экономического развития этого региона, социального развития этого региона, то увидим, что многие тенденции являются довольно рисковыми и даже пугающими.

Даже если мы посмотрим на товарооборот Приднестровья с Молдовой, ЕС и с Россией, если мы посмотрим, насколько вырос рост выезжающих из этого региона в ЕС за последние годы. Я считаю, что здесь тоже есть определенные рискованные моменты, на которые следует обращать безусловное внимание. Поэтому с большей вероятностью можно не уповать на то, что большинство этих конфликтов является замороженными. Да, какие-то из них являются потенциально замороженными, но в любой момент в этой ситуации они могут иметь способность к разморозке, и мы всегда должны, транслируя эту безопасность и чёткие красные линии, показывать, что наш интерес обязателен.

Только комплексный подход наш и наших партнёров вместе, на основании общих принципов и понимания ситуации, как мне представляется, сможет стать импульсом и общим базовым фундаментом для развития нашей евразийской интеграции.

Завершить бы я хотел как раз тем, о чем сказал Сергей Юрьевич с точки зрения образования. Наш проект носит образовательный характер, но если мы говорим о какой-то идеологии, о какой-то ценностной подоплеке, то мы не можем витать в облаках. Я понимаю, что роль Достоевского велика, роль нашей истории велика, но есть и инструментальные вещи.

Почему бы нам, например, постепенно не отказаться от сугубо глобалистского курса с точки зрения выстраивания наших образовательных систем. Это не значит, что надо отказываться от возможности использовать англоязычные публикации и т.д., но, по-моему, давно уже настало время в качестве параллельных систем создавать определенные евразийские системы, схожие, например, с тем же «Эразму-сом», системы обмена студентами, системы академического обмена, выходить на то, чтобы наша наукометрия не зацикливалась только на западных стандартах, куда мы входим в качестве априори младших партнёров, но и выработывала параллельно свои формы кооперации. Это, безусловно, сегодня должно быть нашим приоритетом и, к сожалению, пока в этом направлении зачастую мы видим обратную реакцию.

«Вопрос в том, быть или не быть России на Южном Кавказе»

Попытаюсь представить ситуацию, как она видится из Еревана. Во-первых, что касается будущего в Армении евразийской интеграции. Не секрет, что когда Армения выбирала между европейской и евразийской интеграцией, выбор был во многом обусловлен не только экономическими вопросами, экономической целесообразностью, но армянские власти даже прямо подчёркивали (президент Серж Саргсян), что выбор в пользу ЕАЭС (тогда ещё Таможенного союза), а не соглашения об ассоциации с ЕС, был во многом сделан исходя из проблем безопасности и союзных отношений с Россией. Тем более, когда армянские власти говорили, что хотят сотрудничать и с Евросоюзом, и с Россией, один из главных лоббистов Восточного партнёрства в ЕС Польша прямым текстом заявила, что расценивает решение по соглашению об ассоциации как цивилизационный выбор Армении. Тогдашний президент Польши Комаровский фактически прямо заявил Сержу Саргсяну: «Вы должны выбрать – или вы с Россией, или вы с нами».

Мы увидели, какой выбор сделала Армения – она сделала выбор в пользу России. И сейчас получается немного парадоксальная ситуация в этой войне, что идёт. Фактически Россия (я сейчас отдельно к этой теме обращусь) не оказывают ту союзническую помощь, которую могла бы оказать. Мотивируя это тем, что нынешняя армянская власть не очень лояльна России, является как бы «плохим союзником». Об этом прямо говорят некоторые российские эксперты (власть, конечно, молчит) прямо озвучивают этот тезис. Фактически выходит так, что Запад не оказывает нам помощь, потому что считает, что мы союзник России, а Россия нам не помогает, так как мы, якобы, «плохой союзник».

И это всё происходит на фоне того, что один региональный игрок – Турция, не только активно подстрекает Азербайджан к войне, но фактически участвует в этой войне посредством своих вооруженных сил и тысяч боевиков-исламистов, переброшенных ею из Ближнего Востока в регион.

И тут мы приходим к другому вопросу: почему Россия так спокойно смотрит на ситуацию, не предпринимает никаких шагов? Потому что тут уже не стоит вопрос о том, хорошие армянские власти или плохие, какие отношения у Москвы с Арменией... Вопрос уже стоит в том, чтобы быть или не быть России на Южном Кавказе и в целом вообще об имидже России как глобального игрока, который готов и может защищать свои интересы и своих союзников.

Ведь очень интересный и символический момент, когда началась эта война. Она началась 27 сентября 2020 года. И хочу напомнить, что 30 сентября 2015 года президент России Владимир Путин сообщил о начале участия России в военной операции в Сирии. Что мы видим? Фактически пять лет назад Россия разрушила все планы Эрдогана относительно Сирии. Тогда Асад фактически был уже обречен, всем казалось, что падение Дамаска и Асада уже вопрос ближайших максимум месяцев, если не недель. Однако Россия внесла коренной перелом в войну в Сирии и это фактически спасло Асада, разрушив планы Эрдогана. Через пять лет Эрдоган вернул «ответку» уже на Южном Кавказе, прямо под боком у России. И Россия оказалась к этому не готова в силу разных факторов, потому что переоценила свое влияние на Азербайджан, на азербайджанские власти, переоценили то, что крупные экономические проекты с Турцией могут хоть как-то обуздать политику Анкары. А сейчас выходит наоборот – Турция использует эти экономические проекты, тот же газопровод «Турецкий поток» и АЭС «Аккую» как средство шантажа России. Самое главное, недооценили готовность Турции действовать агрессивно, прямо вмешаться в дела региона, который считался

до этого зоной влияния России. В Москве думали, что максимум Анкара будет подталкивать Баку начать войну, будет какая-то политическая поддержка, техническая, без прямого участия.

Сейчас мы видим, что в российском руководстве есть две группы. Об этом очень много говорилось и ранее, а сейчас события на Южном Кавказе нам это наглядно показали. Мне просто очень интересно чем закончится их борьба внутри России, не то, что борьба, а чья линия возобладает во внешней политике России.

Первая группа – это так называемые «изоляционисты». Люди, которые считают, может и оправданно, что Россия самодостаточна, что у нее есть ядерное оружие, никто никогда в жизни не подумает на Россию нападать, у нее есть все ресурсы, и можно как бы «закрыться» в границах России. И не вмешиваться в конфликты, тем более на постсоветском пространстве, которое они считают не очень прибыльным активом, не приносящим каких-то особых дивидендов. Немножко циничная, но рациональная позиция.

Вторая группа – я условно, опять же, в кавычках, назову их «имперцами», которые считают, что постсоветское пространство было, есть и должно быть зоной влияния России. Что Россия, даже при желании, не может оттуда уйти, потому что, если она уйдет, всё равно проблемы из этих окружающих её регионов так или иначе потом будут проецироваться на Россию.

В этой связи, кстати, хочу заметить, с момента начала войны в Карабахе за последний месяц мы видим невиданную активизацию террористических группировок в самой России, на Северном Кавказе. Причём про переброску Турцией боевиков террористических группировок с Ближнего Востока в Карабах и их участия в боевых действиях заявляли сами российские власти: от МИД, до главы Службы внешней разведки (СВР) и президента Владимира Путина.

Люди, следящие за новостной лентой, могли обратить внимание – в Грозном были события, в Назрани, Дагестане и даже в Волгограде были задержания террористов. О чем это говорит? Тот, кто притащил этих террористов в регион, не ограничится лишь Арменией... Так что я думаю, что всё-таки «имперцы» более правы, что закрыться от проблем постсоветского пространства не удастся.

Что касается самой войны. Да, Россия оказывает определённую военно-техническую помощь Армении, это даже по заявлению армянского руководства можно понять. Но когда Владимир Путин в свой день рождения 7 октября давал большое интервью телеканалу Россия 24, он заявил, что «у России нет никаких обязательств перед Карабахом, но у нас есть обязательства перед Арменией, и мы эти обязательства выполним». И что на это отвечает Турция и Азербайджан?

Прямо на следующий день после интервью Путина наносится удар по системе ПВО на территории Армении, а 10 октября Азербайджан официально признал нанесение удара по военным объектам на территории Армении, мотивируя это тем, что это якобы было сделано в «превентивных» целях. Была хоть какая-то реакция России? Нет, не было никакой реакции.

Тандем Турция-Азербайджан всем наглядно показывает, что «нам не интересно мнение России, мы её не боимся, и мы готовы отвечать ещё большим повышением эскалации, чтобы показать кто «хозяин» в регионе». Как неоднократно говорил президент Азербайджана Ильхам Алиев, сложившийся тандем Турции и Азербайджана изменил геополитическую реальность в регионе, они намереваются управлять Южным Кавказом. Если в России думают, что можно каким-то образом отбить Азербайджан у Турции в нынешних условиях, то это ошибочное мнение, потому что, если Азербайджан одержит победу, я надеюсь этого не будет, но теоретически, Азербайджан будет обязан этой победой Турции. Экономика: почти 90% доходов госбюджета

Азербайджана идёт от экспорта энергоресурсов и эти энергоресурсы идут не в Россию, эти энергоресурсы идут на Запад через Турцию. Почему Азербайджан не захотел стать членом ЕАЭС? Потому что ЕАЭС не может экономически ничего существенного дать Азербайджану, потому что основные доходы Баку от торговли энергоресурсами с Западом. Как сказал несколько лет назад один азербайджанский эксперт, «Азербайджан должен идти туда, куда идут его трубы». А трубы Азербайджана идут не на север, а вообще в другие регионы, в первую очередь в Турцию, а через неё на Запад. Вообще можно сказать, что Турция уже стала даже не региональным, а глобальным энергетическим хабом, учитывая поставки газа туда из России, Азербайджана, в перспективе может быть даже из Туркменистана.

Что мы видим в регионе Южного Кавказа? Грузия давно уже не является пророссийской, мягко говоря, это антироссийская страна. При этом самое интересное, что наибольшее влияние на политику Грузии оказывает не Запад, не ЕС и США, куда они так стремятся, а именно Турция и Азербайджан, от которых идут самые крупные инвестиции в Грузию, поставки энергоресурсов. Речь уже идёт о создании каких-то совместных военных группировок с участием вооруженных сил Турции, Азербайджана и Грузии, которые должны якобы будут защищать крупные инфраструктурные проекты на грузинской территории.

Азербайджан, как мы уже сказали, уже открыто говорит о своем военно-политическом и экономическом союзе с Турцией, и азербайджанская элита полностью ориентирована на Турцию.

Остается Армения, а что будет с Арменией в случае неудачи? Теоретически, на мой взгляд, самая вероятная версия: к власти могут прийти ярые националисты (или станут очень популярны), которые будут разочарованы и в России, и в Западе, но, в любом случае, даже если они будут плохо настроены по отношению к Западу, это никак не поможет

России, потому что фактически это приведет к сведению к минимуму влияния России на Армению. Так как у общества возникнет логический вопрос: если мы надеялись на союз с Россией, который себя не оправдал, то зачем он нам тогда нужен? Фактически это будет означать уход России из Южного Кавказа. Как бы в России ни думали, что как-то удастся эту ситуацию отыграть.

Я напомним, что такая ситуация уже была в регионе во время войны 90-х годов, когда азербайджанские власти сделали ставку на союз с Турцией. Лишь победы армянской стороны заставили Гейдара Алиева «побежать» в Москву с просьбой остановить армянские войска. Тогда всем стало понятно, что главным игроком в регионе должна быть Россия. Сейчас мы этого не наблюдаем.

«Воевать – грешно!»

Говоря о евразийском пространстве, нужно сказать, что на протяжении последних лет, предшествовавших кризису, связанному с пандемией, показатели экономического роста государств-участников евразийской интеграции были достаточно убедительными, свидетельствовали об экономической эффективности и, хотя прорывных моментов не было, мы сумели по целому ряду товаров достичь многократного увеличения товарооборота. Существенный рост был и в абсолютных цифрах, и не только в таких категориях как в труде, в тарифах и в организации налогообложения. Нельзя, безусловно, рассматривать дальнейшее развитие евразийской интеграции в отрыве от острого военно-политического кризиса, который сейчас развернулся в Нагорном Карабахе. Данное событие наверняка приведет к определенному переосмыслению российской политики в регионе. Для нас это является не только внешнеполитическим, но и внутривнутриполитическим вызовом. Дело в том, что на территории Российской Федерации проживают очень крупные как армянская, так и азербайджанская диаспоры. Внутривнутриполитический вызов нам удалось решить – это не привело к очередному витку межнационального конфликта, а внешнеполитическая ситуация, действительно, для нас крайне интересна. В условиях, когда коллективный Запад де-факто самоустранился от участия в урегулировании конфликта, тем самым он дал поле для деятельности региональных акторов, которые стремятся к доминированию или к обретению доминирования в этом регионе (Турция и Иран). Соответственно Турция поддержала одну из сторон конфликта, по сути, стала одним из его инициаторов.

Это вызов для нашей внешней политики. Армения наш один из немногих военно-политических союзников. Арме-

ния сейчас находиться в состоянии прокси-войны с российским стратегическим партнёром – с Азербайджаном, и при этом этого стратегического партнёра поддерживает Турция – государство, с которым у нас довольно странные отношения. На отдельных направлениях мы с Турцией союзники, это касается антизападной риторики Эрдогана, энергетической отрасли и других, но одновременно она является для России мощным конкурентом.

На мой взгляд, в независимости от эмоциональной позиции армянской стороны, России всё-таки удалось выдержать оптимальную тональность для участия в этом конфликте. Моя личная позиция, позиция Фонда Горчакова заключается в том, что воевать грешно и, безусловно, наиболее оптимальным методом решения этого конфликта является незамедлительное прекращение боевых действий.

Когда мы говорим о гуманитарном сотрудничестве между Россией и Арменией, между российскими и армянским некоммерческим сектором, то я хочу сказать, что у нас всё было и есть очень хорошо. Что касается мероприятий Фонда им. Горчакова, которые мы поддерживаем в рамках евразийской экономической интеграции, то таких мероприятий большое количество. У нас большое количество друзей и коллег в Армении, я горд тем, что сегодняшние два армянских эксперта оба – члены клуба друзей Фонда поддержки публичной дипломатии им. Горчакова.

Мероприятия мы будем продолжать в разных направлениях и уверен, что в ближайшее время конфликт прекратится, всё вернётся «на круги своя». Ситуация замороженного конфликта, которая в разной степени напряженности длилась на протяжении многих лет, лучше войны. В Армении и Азербайджане власть долгие годы использовала популистский способ привлечения внимания к этому конфликту для того, чтобы находиться у власти. Тем не менее, региональным акторам ни в коем случае не стоит вмешиваться в решение

этого конфликта. Уверен, что, как только будет соответствующий запрос в ОДКБ, Российская Федерация выполнит свои союзнические обязательства. Об этом однозначно сказал Владимир Владимирович Путин.

Для этого нужен механизм, который описан в уставе ОДКБ, аналогичный есть в уставе Североатлантического блока, поэтому недооценивать роль России в регионе не стоит. Для Российской Федерации регион, безусловно, является чрезвычайно важным. Мы со своей стороны сожалеем о жертвах, которые произошли с обеих сторон и надеемся на то, что боевые действия прекратятся в ближайшем будущем.

«ТОЧКИ РОСТА – РОССИЯ»

Фёдор Гайда

«Евразийские ценности важны в планетарном масштабе»

Два тезиса. Первый заключается в том, что мы пытаемся противопоставить национальное и наднациональное. Очень часто это, конечно, противопоставляется. Особенно в ситуации турбулентности, в ситуации кризиса очень часто возникает тяга к самозамыканию, к тому, чтобы обособиться, возникает определённый национальный мазохизм. Надо иметь в виду, что часто этот национальный мазохизм используется самыми разными силами. Кстати говоря, и внутри стран, и вне, для того, чтобы, так или иначе, реализовать свои корыстные интересы, может быть элитные, может быть какие-то оппозиционные. Иногда речь идёт о том, чтобы как раз воспрепятствовать каким-то объединительным усиливающим тенденциям. Это всё надо иметь в виду. Однако, если говорить о нашем евразийском пространстве, то, мне кажется, надо в первую очередь говорить о том, что всё-таки национальное у нас наднациональному обычно не противоречит. Очень много где интеграционные процессы выстраиваются на преодолении национального. У нас это не всегда является проблемой.

Если мы попытаемся рефлексировать на тему тех или иных национальных, этнических ценностей и попытаемся вычленивать то самое главное, что в них присутствует, мы очень часто будем с вами приходить к очень близким и понятным друг другу вещам. Почему? Потому что наше большое пространство исторически обусловлено, оно имеет естественный характер. Да, оно огромное, да, мы на большинство других крупных регионов Евразии выходим. Тем

не менее, всё-таки это пространство единое, но оно не сложилось в результате действия какого-то отдельного гениального человека. Нет людей, которые, действительно, когда-то заложили единство этого пространства. Оно непонятно, когда сложилось, испокон веков существует. Тысячелетия, если не больше.

Вглядываясь в наше национальное, если мы люди доброй воли, не ставим перед собой задач национального сплочения за счёт противостояния всему окружающему миру или чего-то подобного, то в таком случае мы в национальном очень легко разглядываем что-то действительно нас объединяющее. Я бы всё-таки не противопоставлял, я бы работал над тем, как в национальном увидеть что-то, преодолевающее национальное. Не в плане отказа от этого национального.

Второй тезис заключается в том, что у нас присутствуют в каждом из наших народов некие ценности, которые, с одной стороны, являются традиционными, с другой стороны, как ни странно, они вполне могут быть оценены как универсальные и, в хорошем смысле, прогрессивные.

Обратите внимание на то, как у нас сегодня выстроено было мероприятие. Процентом 60 нашего времени мы слушали наших прекрасных женщин – это для нас традиционно? Конечно, да. Обратите внимание, что далеко не везде на пространстве земли – это традиционно, а при этом одновременно далеко не везде на пространстве земли то, что я сейчас говорю, воспринимается позитивно. Эти ценности, повторюсь, с одной стороны, традиционны, с другой стороны, от них нет смысла отказываться. Мы с ними вперёд идем, мы их выстрадали. Мы на протяжении всей нашей истории боролись за это. И не просто боролись, мы ещё и побеждали с этими ценностями. Почему они могут вести нас вперёд? Потому что на самом деле в ценностях заложена настоящая свобода, в этих ценностях присутствует однозначно в качестве базы любовь, в хорошем смысле этого

слова, заложен опыт самопожертвования, который у нас есть. От этого возникает синергетический момент, о котором мы уже говорили, присутствует соборность, которая тоже нам совсем не чужда.

Как мы можем это характеризовать? Мы могли бы сказать, что, наверное, где-то это какой-то левый консерватизм, хотя, на самом деле, я уже уходил бы от этой координаты «право», «лево», потому что в каком-то смысле она нам навязана тоже откуда-то извне. По-моему, она уже не работает. «Право»-«лево» настолько смазалось, все идеологические клише, которые к нам когда-то пришли и у нас и там, откуда они пришли, перестали работать. Нам надо от них отказываться, надо формулировать наши универсалистские принципы, взглядеться в нас самих, эти принципы сформулировать и, совершенно не боясь, с ними идти вперёд, потому что я абсолютно уверен, что с ними можно идти вперёд. Не просто нам они помогут, они всему миру помогут. Мы важны в планетарном масштабе.

**«Дружба Достоевского и Валиханова –
новая грань анализа евразийской интеграции»**

На «Дне Казахстана» мы чётко сформулировали две основные «точки роста». Это ценностная точка роста, которая опирается на взаимодействие на уровне фундаментальных человеческих ценностей, таких, в частности, как братство. Она позволит нам выйти на понимание новых аспектов взаимодействия, в том числе в контексте общеевразийской интеграции. Но очень важно отметить, что мы для себя в ходе этого дня открыли очень важную точку, такую как дружба между великими представителями русского и казахского народов – это Фёдор Михайлович Достоевский и Чокан Чингизович Валиханов.

Сейчас, когда информационная повестка достаточно сильно наполнена интенциями, направленными против интеграционных моментов, очень важно находить такие фундаментальные скрепы здесь. Я не побоюсь эти точки назвать скрепами. Действительно, в этом году, в ноябре, мы празднуем сто восемьдесят пять лет со дня рождения Чокана Чингизовича Валиханова, и в рамках деятельности центра аналитических исследований «Евразийский мониторинг» мы особое внимание уделяем моменту дружбы между Достоевским и Валихановым. Коллеги, за это отдельная благодарность лично от меня и от всех представителей экспертного диалога внутри всего Евразийского Союза.

Опираясь на исследования Евразийского мониторинга, мы говорим о том, что все классические способы выбора учебного заведения, такие как советы друзей, дни открытых дверей и всё в этом духе, себя исчерпали. Однако, когда мы говорим сейчас о тех инструментах, которые выпускники школ используют для выбора направления дальнейшего

обучения, в тройке лидеров у нас до сих пор советы родителей. Говоря о мотивации переезжать за границу или же возвращаться на Родину – опять же семья. В подавляющем большинстве эссе, с которыми мне удалось познакомиться, семья на первом месте.

Как мы сможем рассчитывать на молодых специалистов, когда, предположим, во время семейного разговора, условно, евразийские интеграционные процессы получают негативную оценку от одного из семейных спикеров? Мало я сталкивался с проектами, которые связаны именно с формированием нового фундаментального взгляда на семейные ценности. Важно исходить из того, что это фундамент, на котором уже выстраивается та почва, из которой вырастают все другие важные моменты, мотивирующие человека. Для большинства молодых людей ценности – это то, что выводит их на новый уровень в собственном развитии и мотивации.

Говоря о Достоевском и Валиханове, здесь будем работать, потому что уже сейчас достаточно большая языковая действительность формируется вокруг тезиса о том, что дружба Достоевского с Валихановым может стать новой гранью анализа евразийской интеграции. Поэтому будем исходить из того, что нужно искать и, благодаря этому прекрасному форуму, мы находим возможности для более глубокой аналитики, которая сможет стать тем фундаментом, на котором будем выстраивать наш единый евразийский храм.

Марина Лапенко

«Важно принять нашу историю во всей её сложности и полноте»

Возвращаясь к теме сегодняшнего экспертного анализа, хотелось бы сказать, что очень много прозвучало идей, с которыми я согласна. Я хотела бы подчеркнуть важность принятия истории, прежде всего. Разные были периоды развития нашего пространства: были и трагичные периоды, и периоды испытания. Мне кажется, очень важным является именно принятие и тех достижений, которые были в рамках исторического развития нашего пространства, и тех трагичных событий, которые, к сожалению, тоже имели место.

Второй очень важный момент – это гордость за историческое прошлое. Как воспитать гордость среди молодого поколения – это, наверное, как раз задача экспертов, задача тех, кто разрабатывает методические рекомендации для исторического образования. Гордость не только за историю своей страны, но и за всё наше евразийское пространство. В каждой из республик есть национальные подходы к преподаванию истории, к методике преподавания исторических фактов. На мой взгляд, очень важно воспитать чувство гордости за то, что мы прошли определённый путь развития, эволюции. Даже если он бы сложным, это всё равно был путь прогресса. Мы победили в Великой Отечественной войне, мы победители в рамках Второй мировой войны, мы были лидерами в освоении космоса и таких примеров, которые позволяют нам гордиться общим историческим прошлым, очень много.

Я прекрасно видела, как сопровождалась юбилейная дата киргизского восстания в 2016 году, как писались учебники, создавались фильмы художественные и документальные, строились новые памятники и так далее. Сейчас я, к своему глубочайшему сожалению, наблюдаю, как пишется

история голодомора в Казахстане. Больше всего меня огорчает в рамках анализа этих исторических событий, что подчёркиваются разделительные линии или этнический какой-то компонент, хотя голод был общей трагедией.

На мой взгляд, очень важен поиск объединяющих моментов, того, что нас объединяет с точки зрения развития, с точки зрения прогресса и то, что может быть основой будущего интеграционного развития.

Мы находимся в преддверии празднования российского Дня народного единства, мы тоже могли бы найти и праздновать даты, которые бы объединяли все наши страны.

Ещё один момент, который хотелось бы подчеркнуть, это то, что сегодня много говорилось о значимости проекта. Я думаю, он реально значим, потому что помогает выстраивать взаимодействие между молодёжью. Личные контакты, знания представителей других культур, этнических групп – это основа гармоничных, сбалансированных отношений.

**«Думать о том, что наша объединённая Евразия
может дать человечеству»**

Я традиционно отнекиваюсь от дискуссий об истории, ссылаясь на то, что я философ, а не историк. И вообще это не моя тема и я не люблю копаться в прошлом. Очень долго в нём копался, для себя разобрался, мне хватило, и я не готов спорить с коллегами-историками, потому что знаю, что такое научная дискуссия, особенно среди историков... Поэтому я обычно съезжаю с этой темы на том, что говорю «давайте лучше порассуждаем о будущем». И как бы это некое более заводящее молодёжь измерение... Поэтому я не буду влезать в исторические дебри, понимая, что в истории есть факты, например, «то-то событие произошло в таком-то году с такими-то историческими персонажами», но дальше уже начинается интерпретация, и каждая историческая школа, особенно с национальным уклоном, естественно делает те акценты, которые должны возвеличивать национальную гордость, подымать национальное самосознание, и так далее.

И мы все понимаем, что примирить версии национальные достаточно сложно, и, наверное, окончательно их примерить нельзя, но, конечно же обходить какие-то острые углы, и какие-то, как сказал Сергей Юрьевич «красные точки», можно. Если мы ставим целью то, что эти версии истории должны иметь некий общий знаменатель.

В Евразии, как мне кажется, общий знаменатель есть. Всё то, что так или иначе работает, работало и будет работать на объединение культурное, геополитическое, экономическое и гуманитарное этого пространства – это, в принципе, позитивно. И все те события, и исторические персонажи, которые так или иначе внесли вклад в это, они должны находить отражение в некоей общей версии истории.

Хотя, например, мне кажется, что задачу написания некоей общей истории Евразии, Георгий Вернадский пытался в своё время выполнить... Сейчас появился такой довольно интересный постмодернистский компендиум исторический – «Новая имперская история Северной Евразии», где историки, достаточно либеральных взглядов, которые применяют западные методы к анализу исторических событий, написали любопытную коллективную монографию. Я всем советую, особенно экспертам, просто почитать эту работу. Коллектив в основном базируется в Казани, люди либеральных взглядов, с ультрамодными подходами к истории, но там какое-то интересное зерно есть. Оно заключается в том, что они всё отрицали-отрицали, что Евразия в принципе может быть объединена, но в итоге описали то, чем она на самом деле может быть объединена. И это говорит о том, что евразийство настолько живая идея, что даже в таких западных либеральных исторических курсах она пробивает себе дорогу и реализуется.

Но, опять же, я всё-таки о будущем, поскольку хронологически любая история – это всё-таки подводка к проекту, который мы здесь и сейчас хотели бы реализовать в будущем. Я думаю, что на самом деле, поиск общих корней и общих ценностей – это, безусловно, первый шаг к пониманию и единству. Он важен, он необходим, без него нет фундамента и почвы под ногами. Но дальше, я вижу задачу, особенно для молодых людей – думать о том, что эта наша объединённая Евразия может дать человечеству? Именно наша объединённая Евразия, потому что поодиночке какие-то глобальные задачи мы не выполним, мы не сможем наш потенциал собрать. Когда-то объединённая Евразия, объединённая русскими царями или советскими генсеками, мела некую идею, которую часто называют мессианской. Это либо удержание некоего православного царства, идея Третьего Рима, которая была стержнем для русского царства, а затем и для Российской Империи. И мы все понимаем, что советский коммунизм – это

была, в общем-то, русская национальная идея в такой коммунистической обёртке...

Сейчас меня несколько тревожат изоляционистские настроения, которые во всех странах проявляются, но прежде всего в России. Даже доходит до того, что говорят, что в постсоветском пространстве нам не всё интересно, что-то можно отдать, забыть или не думать об этом, нужно сосредоточиться на себе. Конечно же сосредоточиться на себе нужно, подтягивать уровень благосостояния в России, заниматься собой, на первом месте. Это понятно, это естественное стремление любого субъекта и человеческого, и политического, навести порядок у себя, укрепиться и так далее.

Но чем опасен уход и России, и каждого из наших государств в себя? Это тем, что, занимаясь какое-то время исключительно собой, мы потеряем из виду то, что мир не стоит на месте, то, что глобальные большие идеи они всё равно предлагаются и продвигаются. Да, можно спорить есть ли она у Китая, насколько сильной она остаётся у Запада... Но тем не менее, воистину великие культуры, а только великие культуры имеют в Евразии шанс на выживание, продуцируют в своем теле, в своем организме некие большие идеи. Сейчас родить такую идею мы, наверное, не можем. Но объединяя интеллектуальные потенциалы хотя бы наших пяти государств – мы можем об этом думать.

Кроме наших национальных нарративов, кроме погружённости в национальные проблемы, всё-таки объединение Евразии должно иметь общий вектор работы над тем, что мы можем дать человечеству. Это серьёзная сверхзадача, но мне кажется, что она нам по плечу. Понятно, что каждый думает прежде всего о прагматике, о благосостоянии, о мире, о спокойствии, это всё хорошо. Но только те общества будут устойчивыми, которые будут иметь этот самый верхний этаж целеполагания.

**«Образование и наука должны пониматься
как экспорт ценностей и идей»**

В современной пандемической ситуации и в новом постлиберальном мире альтернативы региональной интеграции практически нет. Более того, региональная интеграция – это своего рода панацея от сжатия к своим национальным границам, предохранитель от узкого понимания России в современном мире. Конечно, в рамках Евразийского Экономического Союза сделано много, но нужно этот вопрос интенсифицировать, чтобы ценностные тенденции наложить на наш инструментальный опыт и практическую деятельность. В данном случае, конечно, важны вопросы семьи, демографической политики, политики народонаселения, по которой есть большие резервы.

Для нас важным вопросом для преодоления узконаправленных изоляционистских подходов является социогуманитарная интеграция. Понятно, что евразийская интеграция имеет экономический базис, хотя в договоре прописаны определенные вещи, касающиеся образования. К сожалению, нет системного подхода к образовательной интеграции. Здесь у нас и образуется поле для деятельности, потому что образование и наука, применительно к нашей европейской интеграции, должны пониматься не просто как ресурс экспорта образования для получения денег, а как экспорт ценностей, идей.

В этом плане мы должны сделать всё, чтобы взаимодействие наших систем как можно больше расширилось, чтобы наши партнёры имели доступ к нашим фондам общежитий, чтобы создавались совместные научные коллективы. Я говорю не только о двустороннем сотрудничестве, а о многосторонней системе. За западным вектором в нашем образовании мы упустили очень много того, что характерно

только для нас и что могло бы на новом этапе быть вполне востребованным и, более того, вполне конкурентоспособным. Таким образом, на данном этапе важным для нас является создание интегрированных платформ, которые позволили бы развивать академический обмен и воспитывать поколения, которые уже были бы воспитаны в таком русле сопряжения.

Безусловно, это не быстрый процесс, он связан с трансформацией нашей информационной политики, трансформацией качества элит на евразийском пространстве, но, тем не менее, я считаю, что альтернативы этому процессу нет и воспринимаю наш проект «Точки Роста» как образовательный, в перспективе – научно-просветительский.

«Евразийство представляет собой сопротивление бунту против пространства»

Спасибо большое за очень интересную дискуссию, за возможность продвижения темы евразийства в новом, важном ключе. Помимо всех очевидных аспектов евразийства, которые указывали мои коллеги, я бы выделил ещё один. Мне кажется, что в основе евразийства лежит одна важная идея, на которую не часто обращают внимание, а именно идея пространственной близости, или же «доброжелательного соседства». Смысл её состоит в том, что соседи как бы призваны самой природой вещей дружить друг с другом, они обречены на позитивное взаимодействие и союзнические отношения. Отметим, что господствующая теория политического реализма, да и сама практика международных отношений не всегда работают на этот тезис. Соседи чаще ссорятся друг с другом, общее пространство не сближает, но разъединяет народы.

И на нашем евразийском пространстве мы видим стремление многих народов, да и представителей нашего собственного, как бы вырваться, выломаться из своего пространства и обратиться к Западу. Иногда с помощью какого-то политического рывка, что пыталась сделать Украина в 2014 году. Иногда с помощью виртуального пространства, иногда посредством экономических связей и военных союзов, иногда за счет переосмысления собственной идентичности. Кстати, Вадим Цымбурский, автор идеи «Острова Россия», не отрицал, по крайней мере сразу по выходу своей работы в 1993-94 годах, что его геополитическая концепция может иметь и ультразападнический подтекст – вот этого желая отделить себя от окружающего пространства, чтобы осознать себя своего рода Островом Европы

внутри Евразии. Эту возможность переосмыслить концепцию в западническом ключе сам Цымбурский для себя отверг, но можно вспомнить красочное представление, показанное зрителям в начале сочинской Олимпиады, чтобы убедиться в том, что идея России как Острова Европы внутри Евразии ещё может сыграть свою роль политического мифа, столь же мобилизующего, как и евразийство.

Если посмотреть на Евразийство с этой точки, то нужно прийти к выводу, что оно представляет собой именно жёсткое сопротивление этому бунту против пространства. И, кстати, сопротивление неизбежно вытекающим из этого бунта различным версиям национализма, шовинизма и даже расизма. В духе идей мы – «белые люди, волею исторического рока попавшие в окружение азиатских туземцев». Мы видели в 2014 году, как эта идея оказалась направлена против русских, как именно таких «полуазиатских туземцев», не вполне арийцев и даже не вполне славян. Но та же идея может сопрягаться и часто сопрягается с русским национализмом – сопрягается тем, что резко противопоставляет фактор крови фактору пространственной близости.

Можно не разделять мнение некоторых евразийцев, можно негативно относиться к некоторым положениям этой концепции, относиться к ней критически, но мне представляется, что евразийство в этом своем мягком антинационалистическом пафосе ближе основам русского консервативного сознания, в котором важное место занимает ценность «доброжелательного соседства». Другое дело, что дружба с соседями, не надо с ними сливаться до неразличимости, и с этой стороны евразийство концептуально уязвимо, но тем не менее оно остается важной компонентой русского консерватизма, без которого этот консерватизм неизбежно приобретает оттенок, я бы сказал, «украиноподобного» национализма, что едва ли позитивно.

Сергей Луц

«Нашей интеграции нужны практические результаты»

Ещё раз поздравляю всех с завершением марафона. Даже символично, что он завершается к исторической дате 4 ноября, которая не чужда и белорусам, как собственно всему нашему цивилизационному сообществу...

Алексей подвёл такое резюме с философской точки зрения, я же скажу несколько слов по самой площадке. Наметились, пускай пока в виртуальном пространстве, точки роста, но мне искренне хочется, чтобы из этих новых достижений выросли реальные проекты.

Что касается евразийского пространства. Мы говорим о философском, историческом осмыслении, и таких измерений много – экономика, безусловно, политика. Если правительства наших стран не будут двигаться в политической плоскости, конкретизируя и актуализируя задачи, то процесс будет буксовать. И потому, задача общественных деятелей, представителей экспертного сообщества, постоянно продвигать тему, занимая проактивную позицию предлагать реальные решения. В противном случае процесс может развиваться бесконечно долго, и мы ещё не скоро увидим реальные практические результаты. В то время как идея Евразийского Союза должна в первую очередь работать в интересах граждан государств-участников.

Следует задаться вопросом – для чего мы объединяемся? Как мне видится, для сохранения собственной идентичности и суверенитета, для стабилизации экономик и укрепления благосостояния граждан, для формирования новых высокотехнологических рынков. И это очень важно понимать в рамках реализации нашего проекта. Мне бы хотелось видеть в качестве следующих программ и тем для

обсуждения уже некие высокотехнологические истории. Темы, которые могли бы объединить профессиональные сообщества, что сегодня немаловажно. Ведь последние начинают играть всё большую роль в плане публичной дипломатии.

Поэтому ещё раз, вас, Сергей Юрьевич, координаторов, уважаемых партнёров и коллег, хочу поздравить с успешной реализацией проекта, первого и важного его этапа. Повторюсь, ничто не заменяет личного общения, потому что виртуальные площадки, виртуальные коммуникации не всегда дают возможность понять друг друга, обсудить какие-то важные моменты в очном формате. Хочу пожелать всем нам успеха. Коллегам из Армении скорейшего разрешения военно-политического кризиса. А своей республике, скорее выйти из состояния турбулентности и перейти к созидательному действию, чтобы и дальше двигаться по пути евразийского объединения, наполняя его новыми смыслами, новым содержанием.

О некоторых аспектах исторической и образовательной политики в Евразии

Было очень приятно послушать содержательные выступления моих коллег, которые отсылали нас к главной теме «Точек Роста» – исторической политике. Гуманитарного измерения евразийской интеграции, к сожалению, пока как такового не существует, поэтому развивать это направление – задача гражданского общества. Именно поэтому мы с вами анализируем проблемы в гуманитарной сфере, которые возникают в процессе евразийской интеграции. И сталкиваемся здесь с определенными реалиями в сфере исторической политики.

Сам термин «историческая политика» – это, конечно, не российское изобретение, а скорее всего польское. И сам подход определять историю как некий политический продукт – это явление нового времени, которое показывает, что история давно перестала быть только наукой, а для очень многих государств уже давно стала политикой.

Давайте проанализируем один аспект. Хочу быть предельно откровенным, если можно. В первый день марафона я говорил о том, что для формирования образа общего будущего и для того, чтобы его построить, нужно, чтобы существовал базовый консенсус относительно прошлого. Однако после распада Советского Союза каждое из новых независимых государств пошло по своему пути: все стали писать свои версии истории.

Давайте честно признаем: оценки, которые в этих версиях, в этих нарративах давались, были не всегда комплементарны России. С этим багажом мы пришли к современности, начав фактически заново сшивать наше экономическое пространство – сначала с участием Республики

Беларусь, Республики Казахстан, потом подключились Республика Армения и Киргизская Республика.

В 2000-2010-х годах мы предполагали, что на каком-то этапе в этот процесс включатся и другие страны СНГ, в первую очередь Украина. Но мы не особо брали в расчёт те исторические эксперименты, которые проходили с начала 1990-х годов на протяжении двадцати лет и в этих государствах, и в тех, которые я не назвал. Эти эксперименты привели к тому, что всё-таки мы уже обладаем разными идентичностями, уже выросло два поколения.

Мы сейчас с вами обсуждаем общее и, кстати говоря, это очень хорошо, что есть желание обсуждать общее, потому что общее пока есть.

И в этой связи я бы хотел обозначить ключевой момент. Так как гуманитарное измерение евразийской интеграции – это дело гражданского общества, всех, кто участвуют в нашем мероприятии из наших братских стран, я бы призвал обратить внимание на то, как у вас формируются исторические нарративы. Если мы действительно хотим выстраивать общее пространство в будущем, эти вещи принципиально важны.

Потому что если исторические нарративы, оценки тех или иных событий истории формируют негативное восприятие России – либо подспудное, латентное, либо явное – то, конечно же, интеграционные процессы будут затруднены. Если, наоборот, формируется хотя бы объективный образ российском политики, к примеру времен Российской империи, или Советского Союза, без предъявления каких-либо счетов и претензий, то тогда у нас больше шансов находить общий язык сегодня и завтра.

Буквально вчера я вернулся из Республики Молдова, где участвовал в международном наблюдении за выборами президента этой страны. Когда Борис Вадимович Межуев говорил о пространстве, из которого страны хотят вырваться в сторону Запада, вот здесь Молдова – классический

пример, когда народ с древней государственностью сегодня практически переваривается из молдавской идентичности в румынскую. Румыния как государство существует чуть более ста лет, а древний молдавский народ сегодня перекраивают по западным лекалам для того, чтобы они перестали быть молдаванами со своей древней историей, а стали румынами. Мы видим, как разделяется общество в этой стране, видим, что это разделение сохраняется. И тот часток, который на границах этого разделения сейчас вырастает, через какое-то время будет невозможно преодолеть. Будет очень сложно говорить с половиной населения этой страны, потому что они даже русского языка не знают – они уже считают себя румынами.

Поэтому очень важно обращать внимание на то, как мы воспринимаем историю друг друга. Если мы воспринимаем сложные вопросы истории, оцениваем их в духе братских отношений, в духе поиска чего-то общего, позитивного, консолидирующего, то мы пойдем вперед. Если где-то до сих пор продвигаются сюжеты, связанные с «колониальной политикой» России, с «порабощением», с «оккупацией» и ещё Бог весть с чем, тогда не важно, какие у нас сейчас отношения: важно, что через какое-то время они будут хуже. Потому что то поколение, которое сейчас учится по соответствующим учебникам, будет приходить к власти и менять эти отношения, менять геополитический вектор. Это нужно понимать.

Теперь что касается слов коллеги Гущина по поводу образования. Это очень серьезный и ключевой сюжет. Дело в том, что образование, которое Российская Федерация дает гражданам ЕАЭС, равно как и гражданам других государств СНГ – это очень хорошо, очень правильно. Россия это будет делать, будут увеличиваться квоты, увеличиваться бюджетные места, улучшаться условия обучения. Но я хотел бы обратить внимание на нюанс. Есть некое впечатление, которое мы пока не можем статистически проверить, что большая

часть тех людей, которые заканчивают российские вузы из числа выходцев из государств – членов ЕАЭС, остаются в России.

Возникает вопрос: если мы хотим, чтобы была общая образовательная среда, общее образовательное пространство, то очень сложно его построить, когда выпускники российских вузов – граждане соответствующих государств, не проявляют интереса вернуться в ту страну, из которой они приехали учиться в Россию.

И это тоже очень важная проблема, которую необходимо решать. И, уважаемые коллеги, ее тоже нужно решать с привлечением возможностей гражданского общества. Если мы не будем обращать внимание правительств стран (не буду называть, каких конкретно) на необходимость создания условий для дальнейшего вхождения выпускников российских вузов в экономические, политические и социальные структуры государств, гражданами которых они являются, то очень сложно говорить об интеграции. Потому что когда ведущие должности в министерствах тех или иных стран отдаются людям, окончившим западные вузы, там, естественно, проводится другая политика, там другие мировоззренческие установки. Мы говорим с вами об общих ценностях, а там, у этих людей, этих ценностей уже нет. Наверное, было бы полезным, если бы каждый из тех, кто участвует сегодня в нашей дискуссии, эти проблемы обозначал в рамках своей общественно-политической, научной и экспертной работы в своих странах.

В наших руках сегодня находится большое цивилизационное пространство, которое мы пытаемся сохранить. Мы видим, как в последние полгода по периметру евразийского пространства создаются точки напряжения. Я очень боюсь, что если эти точки напряжения и дальше будут возникать, и туда, как в муравейник, все, в том числе из-за океана, будут тыкать палкой, то нам просто не дадут оправиться. Поэтому

обязательно нужно создавать механизмы гуманитарного сотрудничества, которые бы формировали общие ценностные и исторические установки, развивали совместные образовательные программы.

На этом я хотел бы остановиться и адресовать организаторам нашего мероприятия, а также тем, кто нас слышит в странах ЕАЭС, пожелание, чтобы в будущем перечисленные проблемы стали предметом отдельного обстоятельного обсуждения. Без решений проблем гуманитарного свойства мы можем не достичь желаемого успеха в экономической интеграции. Я бы хотел, чтобы мы этим активно занимались, и чтобы эти вопросы были центральными в других дискуссиях в будущем, в том числе на базе нашего проекта либо на других площадках, которые будут возникать как следствие дальнейшего развития «Точек Роста».

Феномен Калининграда и военно-оборонительная ценность евразийского проекта

Евразийскую тематику я хочу рассмотреть сквозь призму Калининграда, через феномен Калининграда. Потому что это евразийский регион. Это плод евразийской интеграции, евразийского проекта предыдущего поколения, советского евразийского проекта, который возник в результате отстаивания стратегической безопасности народов Советского Союза от западной экспансии.

Напомню, что Восточную Пруссию завоёвывал Третий белорусский фронт. В его составе было много белорусов. Русские, белорусы и украинцы совместно отстраивали разрушенную землю и превращали Восточную Пруссию в Калининградскую область. Всё это очень важно именно в плане перспектив развития нашего нынешнего интеграционного проекта, Евразийского Экономического Союза, потому что казус Калининграда показывает военно-оборонительную ценность евразийского проекта. Благодаря нашей победе в Великой Отечественной войне мы обезопасили регион Балтийского моря, я даже рискну сказать – навсегда обезопасили, от той вечной угрозы, которую представляла на этих землях Восточная Пруссия. Угрозу существования она несла не только русским, но и белорусам, и полякам, и странам Балтики. И в этом смысле победа Советского Союза в Отечественной Войне и отторжение этой территории от Европы, от Германии, передача Советскому Союзу, обеспечила всем перечисленным народам стратегическую безопасность.

И в этом отношении я вижу едва ли не важнейшую миссию Евразийского интеграционного проекта. О которой, как ни странно, во время сегодняшнего мероприятия практически никто не говорил. Это миссия военной защиты. Которая в настоящее время обретает особую ценность в связи с тем,

что мир становится всё более турбулентным. Он находится в фазе перехода от однополярного миропорядка к многополярному, или лучше сказать – полицентричному миру. И риски в этой ситуации возрастают многократно. Ослабление Западного мира, которое мы сейчас все наблюдаем, делает его только опаснее. Потому что по мере ослабления Соединённые Штаты становятся всё более агрессивными, всё менее управляемыми и менее подчиняющимися международным правилам, которые они когда-то создавали, но которыми они теперь не могут пользоваться и не могут использовать для глобального лидерства. И в этих условиях функция военной защиты становится первоочередной. В этом смысле союз с Россией как с ядерной державой становится залогом экономического развития. Поэтому я не случайно говорю о военном союзе в сессии ЕАЭС, экономическом союзе. Экономический союз, экономическое сотрудничество, экономическое развитие является прямым продолжением военно-стратегического союза. И не находишь республика Беларусь под ядерным щитом России, не будь она официальным военным союзником ядерной державы, то едва ли проект Островецкой атомной станции стал бы возможен.

Я бы предложил, поскольку здесь собрались лидеры мнений, умнейшие люди наших стран-союзниц, которые занимаются аспектами евразийской интеграции, и молодые люди, которые со своей стороны пытаются находить какие-то символы евразийской интеграции, обратить внимание именно на этот фактор. Фактор военного союза, военной защиты который придаёт совершенно иную ценность евразийскому интеграционному проекту. Он делает его проектом миротворческим, проектом обеспечения безопасности не только стран, которые входят в ЕАЭС, хотя их, конечно, в первую очередь, но и других государств, которым не грозит вовлечение в военный конфликт по факту существования у России ядерного оружия, сопоставимого с

ядерным потенциалом стран НАТО. Этот фактор является гарантией от решения всех накопившихся в мировой политике проблем путём прямого лобового военного столкновения. И за это нам должны быть благодарны наши соседи из стран НАТО, из стран-участниц программы Восточного партнёрства, которых мы избавляем от участия в прямой войне.

**IV. ТОЧКИ РОСТА» ЕВРАЗИИ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: 2020-2021**
*Материалы экспертного круглого стола, г. Москва,
29 декабря 2020 г.*

Дмитрий Евстафьев

**«Постглобализация подарила нам очень серьезный
шанс на интеллектуальное лидерство»**

Я очень рад, что в этом году стал частью проекта, за что огромное спасибо и Сергею Юрьевичу, и всем другим коллегам, которые в нем участвуют.

Что я хотел бы сказать содержательного?

Первое – мы все думали, что конкуренция на постсоветском пространстве идёт с нашими партнёрами на Востоке и на Западе исключительно в сфере экономики, реализации различных форматов глобальной взаимозависимости, интеллектуального взаимодействия, политического дискурса в рамках различных институтов. В этом году мы все увидели, что эта конкуренция может лежать в сфере «железа и крови», то есть тех жёстких технологий, которые глобализация как бы отрицала, но к которым глобальные игроки, как выяснилось, легко готовы прибегнуть, когда исчерпывается «мягкая сила», а она, как признают сами американцы (тот же Дж. Най), начинает очень сильно трансформироваться.

Второй момент – всё-таки мы столкнулись с нарастанием фактора поколенческих различий. Уходит из активного политического и социального «оборота» то поколение, которое имеет в голове негативно или позитивно трактуемое советские стереотипы. Мы начинаем работать в том социальном пространстве, где Штирлиц не является самым известным русским героем. Это надо принять, понять и исходить из этого. Мы начинаем действовать в пространстве

с принципиально новыми социокультурными отношениями. И чем дальше, тем более значимым будет этот фактор. Мы начинаем действовать в условиях социально-культурной пустоты. И не стоило бы этот фактор недооценивать.

Ну и хотелось бы выделить последние два момента, чем был для меня ценен этот год: этот год показал ограниченность возможности решения серьезных системных политических, экономических, социальных проблем за счёт только повышения эффективности деятельности. Мы упёрлись в пределы структурных возможностей той государственности, которую мы создали в 1998 году. Наша государственность не была создана в 1991 году, она была создана позже, в период с 1996 по 1998 год, когда была демонтирована, так называемая «семибанкирщина», то есть система олигархического управления страной вне конституционных политических институтов.

Поэтому в этом году мы упёрлись в пределы государственности и перед нами стоит вопрос: что дальше делать? Каким образом повысить эффективность нашей внешней и внутренней политики? Какова роль евразийской интеграции в этой системе? Все эти вопросы на повестке дня следующего года, да и следующего пятилетия.

Самое последнее, на что хотел бы обратить внимание, что этот год был первым, когда в нашем обществе, в нашей интеллектуальной элите началась хоть какая-то вменяемая дискуссия о будущем развитии. И эта дискуссия показала, насколько мы отстали. Мы отстали от мировых развитых элит на много лет и это хорошо. Потому что то, куда шли интеллектуальные элиты Запада последние семь-десять лет, вся концепция виртуальной государственности и виртуальной социальности на сегодняшний момент представляет интерес исключительно в историческом плане. Она начинает рассыпаться. Нам постглобализация подарила очень большой шанс на интеллектуальное лидерство, на возможность

перескочить через пару-тройку ступенек в дискуссии, зная результат. Если мы его «профукаем», второго шанса может не быть.

Что касается вопроса о соединении нашего евразийского консерватизма с необходимостью развития, приведу пример из нашей истории.

В 1918 году у В.И. Ленина вышла очень интересная статья «Очередные задачи советской власти». Интересна она тем, что Ленин формулирует Россию как страну «перманентной многоукладности». В неё входят пять укладов, существовавших в России на момент Октябрьской революции. Он считает, что все эти уклады можно свести к одному – социалистическому.

Ленин ошибся. С моей точки зрения, в экономике СССР существовало как минимум четыре уклада. Единственный уклад, который советская власть за 35 лет смогла демонтировать – феодальный. Демонтировать социально-экономический уклад, это, в действительности, очень и очень трудно и долго.

Поэтому многоукладность Евразии преодолевается долго, а может вообще не преодолеваться, законсервироваться и стать частью социально-экономической архитектуры. Поэтому, чтобы двигаться вперед, надо признать факт многоукладности евразийской экономики, а значит и социальной жизни. Та унификация, которую предлагал постмодерн и глобализация, она была принципиально непреодолимой. Она бы Евразию разрушила.

Но встает вопрос о том, как же работать с многоукладностью, которая на практике сдерживает социально-экономическое развитие в ряде случаев.

Почему советская власть боролась прежде всего с феодальным укладом? Потому что он для нее был самым опасным – он ежечасно и ежесекундно рождал белогвардейщину, как политическое проявление феодальных социально-экономических отношений.

Появляется следующий вопрос: какой уклад современной Евразии становится всё более опасным для интеграции и развития? На мой взгляд, на сегодняшний день самым опасным является архаика, архаический способ производства. И не только потому, что социально-экономическая «архаика» рождает политический экстремизм. «Архаика», отказ от модернизационной парадигмы, выбивает из активного социального оборота большие массы социально активных людей, включая молодых, она порождает агрессивное западничество как реакцию на эту архаику, порождает активное движение в сторону Запада. Задача структурирования этой многоукладности Евразии и связанных с этим и социальных и социокультурных рисков была бы достойной задачей для крупного научного коллектива, научно-политического коллектива, поскольку задача эта по сути – политическая.

«Zoom – общий для европейцев и евразийцев»

У нас есть традиция мышления дихотомиями. Например, в нашей хорошей России есть хорошая евразийская дружба народов, а на плохом Западе есть плохой мультикультурализм. Хотя мне кажется, что это вообще одно и то же, это одно и то же явление. Здесь, в рамках тех дискуссий, которые ведутся на «Точках Носта», мы видим и то, и другое.

Если говорить о личном опыте экспертного участия в рамках этого проекта, то, конечно, впечатлений хороших много. Яркое впечатление – поездка в Оренбург, которая сама по себе является ключевым моментом. Мы с Сергеем Юрьевичем там совершили прогулку по мосту через реку Урал и воочию убедились, чем отличается Европа от Азии. Если он посчитает нужным, он это расскажет.

Если говорить про какую-то интеллектуальную активность, то, конечно, самое, наверное, яркое для меня впечатление – интеллектуальный баттл с Фёдором Гайдой. Получился такой телевизор, только для умных. Есть два эксперта, которые взаимно уважительно общаются, отвечают на какие-то вопросы, задают друг другу вопросы по ключевым, базовым и интересным моментам.

Подводя итоги 2020 года, необходимо сказать, что мир в целом показал, что те эксперты или, правильнее сказать, комментаторы, которые говорили, что «всему приходит конец, глобализация закончилась, государства закрываются друг от друга, скоро в магазинах не будет еды, а в Apple Store больше не будет новых iPhone», – они оказались посрамлены. Мир оказался гораздо более устойчивым, чем предполагалось.

Все государства, которые мы видим на политической карте мира, остались на месте, нигде не произошло каких-

то особо выдающихся государственных переворотов, политические системы остались на месте, где полиция работала, там она продолжает работать, где она не работала, там она продолжает не работать, отношения между людьми сохранились, интеллектуальная активность продолжается, в том числе за счет современных средств коммуникации, за счет глобалистского Zoom, в котором мы сейчас все вместе с вами находимся.

Тот факт, что у нас сейчас закрыты физические границы – он ведь не говорит о том, что у нас закрыты интеллектуальные границы, они продолжают быть достаточно открытыми. Кроме того, несмотря на то, что границы закрыты, новые iPhone в магазины регулярно поставляются – вот вам, пожалуйста, глобализация. Именно таким образом она и выглядит, здесь нет ничего зловещего.

Мы говорим, что жизнь становится более «хаотизированной», что на горизонте какая-то война. Слушайте, у нас сейчас 7.7 миллиардов человек население планеты, а сто лет назад было всего 2 миллиарда. Почему сейчас должна начаться какая-то война? Нет, и даже те ограничения по коронавирусу, которые вводились более или менее всеми, даже теми режимами, которые поначалу проявляли обскурантизм по отношению к этой проблеме, подтверждают общий тренд на гуманизацию.

Цена человеческой жизни в глобальном масштабе настолько поднялась – было решено, чтобы сохранить небольшую часть людей, которые могли бы погибнуть от коронавируса, ввести ограничения для большей части. Это тоже, наверное, элемент нашего возросшего взаимоуважения. Мы готовы терпеть какие-то неудобства для того, чтобы другие выжили.

В этом смысле, конечно, когда мы говорим про то, что может предложить евразийская повестка дня, как некий ответ или как какую-то контридею в отношении глобалистской повестки, – опять же, я не совсем понимаю, зачем

предлагать какую-то повестку помимо общей гуманистической, которую мы все, более или менее, разделяем, несмотря на наши разные политические взгляды или разные взгляды на историю. Мы понимаем, что быть людоедом нехорошо, что за мыслепреступления людей сажать нельзя и так далее. Хорошо иметь возможность открыто дискутировать на любые темы во взаимно уважительном ключе – не нужно быть евразийцем, глобалистом или кем-то ещё, чтобы поддерживать эти базовые принципы.

Поэтому, завершая свое выступление, я бы сказал, что не менее важно не искать какие-то отличия, а искать сходства и, когда мы это сходства найдем, то мы поймем, что в достаточной степени друг на друга похожи, во всяком случае, в своих этических категориях.

«Характеристика евразийских государств – предельная хрупкость»

Свое выступление я начну издалека – из Китая. На мой взгляд, уходящий 2020 год показал если не триумф, то серьезный успех китайской социально-политической модели.

Это касается и борьбы с эпидемией, это же касается и борьбы с различными социальными потрясениями в виде гонконгского восстания и так далее. Я это отмечаю совершенно не случайно, потому что белорусский опыт протестов, вовлечения туда молодёжи, и ответа на эти события во многом будет реакцией с одной стороны на китайский опыт, а с другой стороны, это будет своеобразный поиск ответа на вопрос могут ли сочетаться эти практики, которые показали свою эффективность на Востоке, с достаточно большой частью общества, которая живет в европейском ментальном поле? Лично я скажу, что после этих события я стал понимать, например, действия китайских властей во время событий на площади Тяньаньмэнь, хотя этот тезис провокационный, но тем не менее, я понимаю почему китайское руководство тогда сделало этот шаг, чтобы сохранить возможность развития своей страны.

Зная все хрупкие механизмы наших евразийских государств, любое такое событие в виде переворота, в виде какого-то социального взрыва – перечеркивает наши шансы на развитие в XXI веке, а может быть и навсегда. Поэтому, зная хрупкость этих механизмов, нам всем придётся вырабатывать сочетание европейских методов работы с гражданским обществом, а также китайских методов контроля и при необходимости жёсткого подавления того, что может сломать наши системы.

Именно это и будет задачей, вызовом для тех, кто видит себя евразийцем или пытается выстраивать какие-то устойчивые системы. С одной стороны, действительно, часть нашего

общества развито – европейское самосознание, европейские политические практики, стремление к участию и так далее. С другой стороны, это движение, даже если это не большинство, а просто значительная часть (10-15%) – оно может разрушительно воздействовать на государство.

Мы видели это на Украине, это почти произошло, но не получилось в Белоруссии – у меня очень смутные сомнения, но я думаю, что рано или поздно эти попытки ждут Казахстан и Россию в ближайшем будущем.

В связи с этим, безусловно, возникает необходимость синтеза мягкой работы с людьми европейской ориентации и жёстких методов. Евразийский баланс в этом будет необходим.

Если мы говорим о молодёжи, «Точки Роста» – это один из мягких методов работы с молодым поколением, для того, чтобы рассказывать и показывать, что может быть в том или ином случае. Возможно, молодые люди и сами смогут предложить какие-то методы, которые, например, мне, сейчас незаметны.

Я жду от «Точек Роста» деятельного участия и предложения методов, которые по минимуму бы травмировали наших людей, особенно молодёжь, но зато по максимуму сохраняли наши шансы на развитие и стабильность, которые, на самом деле, очень хрупкие. Характеристика евразийских государств – это предельная хрупкость. Несмотря на то, что выстроена жёсткая система, но при случае, когда хоть немного поднимается какая-то волна, здесь уже приходится действовать какими-то экстраординарными методами.

Поэтому хотелось бы уходить из этой ситуации и не подавлять значительную часть людей, выводить их на конструктивную деятельность, а не просто исключать из общественной жизни или применять репрессивные методы.

Именно в этом я вижу основную задачу. Не знаю, соответствует ли она задумке организаторов или нет, но я думаю, что это стоит обсуждать, потому что с этими вызовами и ответами на них придётся сталкиваться всем нам. Поэтому, нужно искать ответы на многие вопросы, придумывать методы, исходя из уже накопленного опыта. Чтобы наши оппоненты не могли использовать нашу хрупкость, чтобы мы становились более твердыми, прочными в своих основаниях.

«Смирись, гордый человек...»

Достоевский как символ евразийства возник в моем представлении совершенно спонтанно, когда я задумался над тем, какую значимую личность мы можем выбрать для брендинга этого идеологического течения.

Что Достоевский может дать евразийству? Что его темы, его идеи, его концепции могут привнести в идеологический багаж евразийской идеи? Начнем с того, что тема Азии, тема евразийского пространства для Достоевского была не самой последней. В конце жизни он прямо писал в «Дневнике писателя», что «в Азии мы дома». Он понимал, что Европа никогда не признает русских полностью своими, и России не стоит стоять у порога Европы с заведомо бессмысленной надеждой быть радушно принятой в общеевропейском доме. Отказаться от Европы очень сложно, и эту трагическую сложность – в том числе для самого писателя – он гениально воплотил в образе Версилова, одного из самых привлекательных своих героев. Но всё же метания Версилова должны закончиться, обязаны закончиться браком с матерью Подростка, то есть возвращением на родную, условно говоря, евразийскую или азиатскую, землю. В ином случае Версилов обречен превратиться в Смердякова, другого убежденного европейца. Выбора избежать невозможно – либо путь Алеши с поклонением Матери-земле, либо путь Смердякова с презрением к родной земле и отцеубийством. «Смирись, гордый человек и потрудись на родной ниве», – это фраза из «Пушкинской речи» как раз и обращена к мечущемуся между Евро-Атлантикой и Евразией русскому интеллигенту.

Достоевский, между тем, пророчески понимал, что как бы ни был значим народ, историческую судьбу русской цивилизации решит интеллектуальный класс. Его отношение

к этому классу было явно двойственным. С одной стороны, он чувствовал, что за ним будущее – все эти образы Шатова, Кириллова, Васина, Дергачева, Ракитина – всё это на самом деле люди будущего, для самого Достоевского, может быть, и малоприятного, но тем не менее неизбежного. В то же время этот слой писателю казался идейно не самодостаточным – лидерами этого класса оказываются у Достоевского своего рода выродившиеся дворяне, отторгнутые своей средой и сами себя ей противопоставившие – князь Мышкин, Ставрогин, Версилов. Так, кстати, оно и было в реальности. Кто оказался настоящими вождями революции? Дворяне, пошедшие против собственного класса – Ленин, Михайловский, Лавров, Бакунин, Бухарин, князь Кропоткин и т.д. Сегодня выбор интеллектуального класса тоже очень значим, как и в XIX веке этот слой идейно беспочвенен и не самодостаточен. Он живет западными идеями, и приобщаясь к этим идеям, обретает свою социальную силу. Проще говоря, кем был бы Ленин без западного марксизма, кем был бы Гайдар без Милтона Фридмана, кем был бы Дугин без европейских «новых правых»? Кому в нашем обществе так уж нужны и интересны самобытные мыслители? Если ты самобытен, ты слаб и незащищен, за тобой нет мощи той цивилизации, которая своим неизбывным могуществом всё-таки заставляет отечественную бюрократию с собой считаться. И, следовательно, считаться с тем слоем общества, который берет на себя функцию «разгадывания загадок» этой цивилизации. Поэтому «беспочвенность» русского интеллектуального класса – это функционально обусловленная «беспочвенность». И Достоевский, конечно, это хорошо понимал, как понимал он и опасность, проистекающую из этой «беспочвенности».

Отметим, что сегодня проблема конфликта цивилизаций вышла в новую плоскость. Ранее не было никакого другого цивилизационного полюса, кроме Евroatлантического. Евро-Атлантика была единственной цивилизацией, которой

противостояла только её тень – советский коммунистический проект. Но сегодня конфликт цивилизаций обрёл новый смысл. И причиной этого явился неожиданный подъём Китая как технологически мощной и экономически эффективной альтернативы Западу.

Китай сделал то, что не смог совершить Советский Союз с США в период Холодной войны – он победил капитализм. Либеральный капитализм наконец проиграл рыночную конкуренцию коммунистическому тоталитарному строю. Теперь эта система вынуждена другими, принципиально не рыночными и уж точно не либеральными способами пытаться вернуть себе гегемонию.

Кстати, проигрыш капитализма довольно определенно проявился и в отечественной политике. Тема заботы о правах предпринимателей ушла куда-то на второй план. На Западе либералы, точнее сказать – представители либерального мейнстрима, перестали быть убежденными защитниками частной собственности. Эта тема стала уделом протестных, право-популистских, как их стали называть, сил. Одновременно резко снизился престиж демократической модели, который во многом держался на успехах Западе в период Холодной войны.

Какой же уклад выбираем мы? Стоит ли снова, как и в 1990-е «поступаться ценностями» и бездумно присоединяться к временным победителям? Это и будет основной темой 2021 года для евразийцев.

**«Когда мы работаем с молодёжью, очень важно
быть на их волне»**

Участие в проекте «Точки Роста» даёт возможность ещё раз расширить географию партнёрских гуманитарных связей, а условия, в которых он развивается, научили нас очень многому. То, о чём мы говорим почти каждый день, о цифровизации, о переходе в формат дистанционных образовательных услуг – «Точки Роста» очень хорошо адаптировались к новому формату.

Что касается работы с молодёжью, то, на мой взгляд, мы не всегда понимаем, с какой категорией граждан мы работаем. Очень многие люди на постсоветском пространстве и в странах СНГ уже не читают Достоевского. И не смотрят фильм «Ирония судьбы или с лёгким паром» – то, что нас ждёт 31 декабря в каждой семье, в каждом телевизоре или в каждом доме. Поэтому, когда читаешь лекции, допустим, в Евразийском Национальном Университете, какие-то шутки уже не проходят, они не находят отклика, цитаты не только из этого фильма, но и из «Служебного романа», «Любовь и голуби», любой другой классики. Тогда останавливаешься и осознаешь, что люди на тебя смотрят и не понимают, о чём ты вообще говоришь. И начинаешь задумываться, что это реально другие молодые люди, у них другие ценности, другие смыслы. И когда мы работаем с молодёжью, очень важно быть на их волне, понимать их запрос и давать соответствующий ответ на этот запрос.

И вот как раз условия пандемии и продемонстрировали, с одной стороны, возможности, а с другой – слабые места, когда усиливается конкуренция образовательных ресурсов. Когда многие студенты из Казахстана, например, перестав посещать лекции и занятия в своих университетах, засели в

Coursera, поскольку ведущие ВУЗы, например – Гарвард, открыли свои курсы и появилась возможность воспользоваться этими курсами бесплатно, получить какие-то дополнительные профессиональные навыки. Это тоже нужно учитывать и ориентироваться в будущей работе на такие реалии.

Здесь уже затрагивались вопросы идеологии. Я хотела бы отметить, что не всегда мы обращаем внимание на очень сложные темы, на которые стоило бы обращать внимание, заранее к ним готовясь. Я имею в виду такие темы как восстание 1916 года в Киргизии, тема условного голодомора, политических репрессий. Все эти тенденции можно было наблюдать ещё в 2016 году, но, к сожалению, мы не всегда видели на перспективу к чему может привести развитие этих тем. Поэтому, когда мы выбираем тематику дискуссии для молодёжи, мне кажется, эти темы тоже не стоит обходить вниманием, акцентировать внимание молодёжи на особенностях этого периода. Объясняя объективные какие-то вещи, тем самым избегая политизации этих вещей, использования их для каких-то не очень хороших политических тем.

Так же, на мой взгляд, очень важно укреплять узнавание друг друга, в том числе в рамках проекта «Точки Роста» это для молодёжи стало возможным. Очень часто непонимание среди молодёжи возникает в силу того, что они не знают друг друга. Это нам кажется, что граница с Казахстаном рядом, мы всё знаем про Казахстан – на самом деле сейчас это не так. Мы так же не всё знаем про Беларусь, про белорусское общество. За тридцатилетний период развития в рамках суверенных независимых государств изменилось очень многое. И мне кажется, что очень важно увеличить количество молодёжных проектов, направленных на узнаваемость друг друга. Чтобы они посещали российские города, не только столицы, но и другие города, исторические центры. В рамках проекта было одно из заданий – презентация своих городов, мне это очень понравилось. В этом

нужно видеть точки роста и направление дальнейшего развития.

Уже было сказано, что национализм не всегда играет позитивную роль. В каждой из наших стран сформировались новые патриоты. И молодёжь в наших странах очень патриотична. Очень важно дать возможность самореализации молодёжи не в архаике, не в уходе в национализм, а в достижении какого-то развития, конкурентоспособности, в том числе в вопросах образования и русского языка. Пример Прибалтики хорошо показал, как отказ от поддержания статуса русского языка негативно может сказаться на экономическом положении этих стран.

Сергей Юрьевич просил акцентировать внимание на приграничном сотрудничестве. Да, действительно, порядка 70 % всего товарооборота приходится на приграничные регионы. Но особенность современного этапа, наверное, заключается в том, что важную роль играет не только приграничное сотрудничество, но даже большую роль начинают играть трансрегиональные связи. Например, Саратов, не имея границы с Ираном, за счёт использования новых возможностей по развитию транспортного коридора Север-Юг, за счёт создания свободных экономических зон на Каспии, начинает активно выходить на новый рынок Ирана и стран Ближнего Востока. Современный этап свидетельствует о существенной динамике не только в приграничном сотрудничестве, но и в дальнейшем выходе на внешние рынки.

С точки зрения евразийской интеграции очень важно объяснять перспективы развития и делать упор на прикладной характер. Мы в этом году чуть-чуть изменили текущие проекты и сделали акцент на развитии молодёжного предпринимательства. Хочу сказать, что проект достаточно хорошо прошёл, потому что это запрос молодёжи – быть финансово грамотными, быть в курсе всех новейших разработок, цифровизации и так далее. Те вебинары, которые мы

проводили для молодых предпринимателей, тех, кто хотел бы стать и заниматься предпринимательской деятельностью, показал, что этот запрос существует. Во-первых, мы создали Деловой клуб Саратовской области РФ и Западно-Казахстанской области РК, также подписали соглашение о создании Ассоциации молодых предпринимателей Поволжья и Западного Казахстана. Надеемся, что этот проект тоже будет успешным. Здесь как раз чистая экономическая направленность. То, что всем понятно. Но, с другой стороны, партнёры по бизнесу всегда гораздо лучше понимают друг друга. И между ними вряд ли будут какие-то идеологические вопросы возникать, мешающие конкретным проектам.

Пользуясь случаем, хочу пожелать развития проекту «Точки Роста», расширения географии, привлечения регионов. В регионах тоже есть достаточно сильные научные центры, классические университеты, поэтому желаю успехов проекту.

«Нам нужно больше историй успеха»

Уходящий 2020 год оказался богат на события и, к сожалению, из-за этих перипетий не всё задуманное получилось воплотить. Так, одну из точек роста планировалось провести в столице Республике Беларусь городе Минске, но из-за пандемии и прочих форс-мажорных обстоятельств у нас не вышло реализовать эти масштабные планы. Тем не менее, мы не отказываемся от них и смотрим в перспективу с оптимизмом.

Абсолютно согласен с Мариной Владимировной, поскольку действительно нужна некая прагматизация, потому что наша целевая аудитория в рамках проекта, нынешнее поколение молодых ребят, наверное, более прагматично. И нам важно показывать возможности, которые даёт Евразийский Союз, другие интеграционные объединения, раскрывать их эффективность позитивным опытом.

По-моему, следует делать больший акцент на тиражировании историй успеха. Здесь не только экспертное обеспечение (оно и так на очень высоком уровне организовано), нам нужна полевая социология – простые люди с их личными историями успеха, из которых каждому виден путь воплощения замыслов, ставший возможным благодаря преимуществам Евразийской интеграции, ее специфическим условиям. И чем больше таких примеров, тем лучше будет и отклик и вовлечённость аудитории в сам проект. Тогда он действительно станет точкой роста, где приобретенный опыт становится фундаментом для поступательного развития.

Идея выпестована интернациональной командой, разной по идеологическим воззрениям и своему наполнению. Наш проект показывает, что понятие границы на самом деле довольно условно. Даже ограничения, связанные с пандемией, препятствующие, казалось бы, контактам и процессу,

при правильной организации работы не являются сдерживающим фактором. Я убеждённый сторонник того, что онлайн-формат никогда не заменит очного общения, и вижу много упущенных возможностей в рамках этого года, потому что ряд кейсов, тех, что мы закладывали в программу (форсайт-сессии, фокус-группы), нельзя провести в онлайн-формате.

В преддверии следующего рабочего года я наполнен глубокой убеждённостью, что мы всё наворачиваем. Иначе и быть не может, ведь актуальность проекта, его востребованность очевидны. На начальном этапе мы задумывали его как исключительно белорусско-российский кейс. Но весьма скоро он вышел на континентальный уровень – к нему активно присоединяются участники из государств Евразийского союза, они становятся постоянными актёрами дискуссионных площадок. Очень важно, что даже в этих сложных условиях нам удалось вызвать людей на живой диалог, дав им почувствовать себя соучастниками процесса. Вероятно, этот дух соучастия, сотрудничества должен оставаться ключевой философией «Точек Роста».

**«Наш мир всё больше являет собой разрыв
между словами и делами»**

Здесь уже многое было сказано об обстоятельствах уходящего года. Он, как все согласились, и как всем очевидно – был блестящим. Он был прекрасен, он открыл новые возможности. Мы все узнали, что такое подполье, что такое двойник, прониклись темами Достоевского, что уж тут говорить. Что касается нашей молодёжи – она, наверное, ещё больше ощутила это на себе, у них опыта меньше, включённость дистанционная у них больше, чем у нас. И мечтательность у неё получше развита, чем у нас, и воображение работает, и вообще – хорошее воображение – это особенность евразийского пространства. Кстати говоря, у нас, судя по всему, работает общее воображение, работает оно лучше, чем на Западе – потому что у нас «везде лучше, особенно там, где нас нет». Это как раз признак хорошей работы воображения.

Что в этой связи можно говорить? Какие перспективы выстраивать? Мне кажется, что время просто слов давно закончилось, и разрыв, который присутствует между людьми средних лет и молодёжью, увеличивается и будет дальше увеличиваться. Слова говорить, наверное, уже бессмысленно. Наш мир всё больше являет собой разрыв между словами и делами. И молодёжь, конечно, будет учиться не от наших слов, наши слова для неё очень часто могут быть негативным примером, от которого они будут отталкиваться. Будут учиться на опыте. В основном, конечно, на своём опыте, но, так же дай Бог и на чужом тоже. Такое обучение, как правило, менее болезненное.

Как рвутся слова и дела мы можем видеть очень хорошо на примере событий в нашем ближнем зарубежье. Да и не только в нашем ближнем зарубежье, в России тоже.

Мы видим, какие замечательные слова говорятся про гражданскую позицию, про национальное возрождение, про идею нации, про что угодно говорится. А на самом деле – если чуть-чуть копнуть, видишь, насколько за этим стоит достаточно простой и прагматичный эгоизм. Видишь, что люди, которые бегут на какой-нибудь Майдан, думают совсем не о гражданской ответственности. А если они только об этом и думают, они, извините, оказываются «лохами». А те, кто сколько-нибудь серьёзные проекты в этом смысле строят, имеют очень чёткий личный план извлечения выгоды, очень конкретной выгоды. Подсесть на гранты, куда-нибудь поехать, что-то такое очень конкретное из этого получить. Для глупеньких соседей, которые его окружают, можно рассказать, что рождается нация. Что местная Великая Французская Революция началась. Наконец-то мы дожили, 250 лет прошло, а вот уже, буржуазия народилась.

Достаточно смешные глупости. Но, проблема в том, что очень сложно это всё критиковать. Точнее не очень эффективно критиковать это всё на словах. Потому что слова словами, а в эти слова мало кто будет верить. А нужно то, о чём неоднократно сегодня говорилось – нужны некие живые примеры успешности, здесь, в этом пространстве, может быть не обязательно прямо сейчас, возможно в прошлом, возможно в будущем, но это должна быть достаточно прагматичная деловая программа в хорошем смысле этого слова. Как быть успешным, но при этом не за счёт тех людей, которые тебя окружают. Не ходить у них по головам, что очень часто происходит.

К вопросу о борьбе идей. Тут критиковалась уже новая архаика – а никуда от неё не деться, она идёт, мы уже начинаем жить в архаическом мире, архаика побеждает в сознании. Причём она, интересное дело, побеждает даже в сознании манипуляторов. То есть тех людей, кто создают, конструируют новую архаику, они тоже становятся архаичными, они тоже начинают во всё это верить. Мы видим, как

тупее и тупее становятся манипуляции. А потому что, опять же, хрестоматийно – «пипл хаваает».

Что можно всему этому противопоставить? Определённое идеологическое конструирование, живые примеры. И в этом смысле да, конечно, мы приходим к здравому консерватизму. Не в смысле реакции, естественно, хотя на самом деле любой консерватизм – это ответ на какие-то вызовы. Но тем не менее, консерватизм предполагает определённую почву, определённый прагматизм, определённый, если угодно, синкретизм, но в этом ничего страшного. Мы берём те идеи, которые реально работают, которые могут быть инструментальны. На основе которых можно выстраивать живой опыт, который показывает живой пример, который мы можем подсветить, причём как позитивный, так и негативный. И, с одной стороны – да, мы отвечаем на вызовы, но с другой стороны, наш ответ может в принципе оказаться более эффективным, чем даже вызов, что неоднократно в нашей истории случалось.

И вспоминая, опять же, Достоевского и Александра Невского, нам надо хвататься не только за то, что является относительно хрестоматийным. Потому что иногда получается такая ирония судьбы – будем рассказывать, что «красота спасёт мир», а потом оказывается, что Достоевский такого не говорил. А он такого не говорил. Одновременно с этим мы увидим, что у него есть куча разных политических рассуждений совершенно сумасшедших, про которые мало кто чего знает.

Или, например, у того же Александра Невского увидим, как он новгородцам устраивал маленький Тяньаньмэнь для того, чтобы спасти Новгород. Как сказал Алексей Дзермант – «дать перспективу развития». Потому что некоторые новгородцы устроили маленький Майдан с целью евроинтеграции, а на самом деле могли просто погубить Новгород.

Иными словами, на какие-то общие, как бы красивые, но при этом очень тупенькие и простенькие и всё более и

более простенькие идеи, надо отвечать действительно апеллирующей к жизненной практике. Вот эта жизненная практика – в ней наше спасение. Я очень люблю говорить о том, что наше евразийское пространство существует десятки тысяч лет, в отличие от некоторых других пространств, которые находятся где-то там сбоку от нас. Это тоже определённый показатель. Нам есть от чего плясать. Где черпать свои силы не просто в каком-то идейном смысле, а в смысле опыта. И этот опыт проводить в будущее.

«Постсоветского пространства больше нет»

Я надеюсь, что в следующем году будет развитие нашего проекта и, может, придание ему каких-то новых форматов, расширение его специфики.

2020 – сложный год. Конечно, он определит во многом тенденции мировые и евразийского пространства на ближайшие десятилетия, а может и больше. Мы подошли к Рубикону, когда постсоветского пространства уже нет. Мы говорим о Евразии, заменяя постсоветский термин. Здесь поколенческая проблематика является, наверное, ключевой, помимо международной проблематики, гуманитарных, образовательных аспектов. Это объективный процесс, мы с этим ничего сделать не можем.

Уход в себя – в чём он будет выражаться и купирует ли это те проблемы, которые стоят перед нами? Я думаю, что нет. Уход в себя при распределении ресурсов и то, что нам часто говорят о том, что нужно заняться внутренним развитием – это две совершенно совмещённые категории. Внешняя, в хорошем смысле слова, экспансия и внутреннее развитие. Иначе те проблемы, которые мы сегодня имеем на евразийском пространстве, перейдут в нашу Россию, в наш мультинациональный дом, которым является Россия. Не понимать это – очень близоруко. Если мы уйдём с евразийского пространства, наши внешние игроки, наши «партнёры» перенесут эту проблематику внутрь России. А у нас потенциал взрывоопасный очень велик, к сожалению.

Для того, чтобы преодолеть эти тенденции, нам нужен смысловой проект на евразийском пространстве. Мы можем дальше находиться в стагнационном состоянии, у нас интеграционные процессы могут развиваться более или менее интенсивно, но без перемены уклада, ухода от того восприятия капитализма, к которому мы привыкли. Тогда будет

невозможен переход к укладу, который обеспечит развитие, преодоление клептократии и социального неравенства.

Ещё один важный вопрос – это то, что зачастую наша элита не слышит рекомендаций экспертов или делает вид, что слышит. Для того, чтобы воздействовать на нашу аудиторию, её расширять, нам нужно выходить на массовые площадки. Это особенно важно в условиях деградации в целом нашей системы образования, при том, что она в отдельных элементах сохраняет свою конкурентоспособность. Но она как две капли воды переняла негативные черты нынешней системы. Сегодня мы видим бюрократизацию этой сферы, то, что интеллектуалы в этой сфере подвержены административному давлению. Важная повестка для нас – это создание суверенной и эффективной образовательной площадки, содействие дебюрократизации.

«Не нужно евразийской идеей затмевать образ России»

В 2020 году в ряде государств евразийского пространства – в Беларуси, Киргизии, на Южном Кавказе – возникали сложные политические ситуации, в том числе связанные с военными действиями. Мы видим, что без модерации России эти ситуации не могут быть разрешены. Российский фактор, пока ещё решающий. Даже когда туда заходят наши геополитические конкуренты, всё равно российский фактор остаётся сильным, всё равно на нас смотрят.

Но важно понимать, как этот российский фактор воспринимается в обществах тех государств, которые переживают процессы турбулентности. Здесь мы вплотную подходим к «Точкам Роста» как механизму взаимодействия экспертов, аналитиков, учёных евразийского пространства и тому, как этот механизм позволяет работать с молодёжью наших стран. Большая часть участников нашего сегодняшнего мероприятия – российские эксперты. С позиции российского экспертного сообщества наша принципиальная задача «для внутреннего пользования» – заинтересовать молодёжь России и показать, что Россия сегодня является привлекательным пространством для возможностей, в том числе возможностей, связанных с реализацией евразийского интеграционного проекта.

Если мы говорим о «внешнем векторе», то Россия объективно является ведущей экономической и политической силой на евразийском пространстве, поэтому все всё равно смотрят на нас и видят, какие процессы у нас происходят, оценивая, что мы несём во внешний мир. И здесь важно учитывать восприятие России в странах-партнёрах, особенно среди их молодого поколения. Россия симпатична, модна

или нет? Если она симпатична и модна, то любые интеграционные проекты с ней поддерживаются. Если формируется негативный образ России, то как бы вы ни рассказывали о замечательной экономической выгоде от каких-то проектов с Россией, никто вас воспринимать не будет. Если на подкорке у реципиентов информации есть понимание, что Россия ассоциируется только с плохим, то мы никогда никакими аргументами не докажем, что экономическая интеграция с Россией выгодна.

С этой точки зрения важно наращивать усилия, чтобы Россию активно посещали молодые люди из стран ЕАЭС, реализовывали какие-то совместные проекты, получали образование в нашей стране, а потом возвращались к себе и применяли полученный опыт, внося реальный вклад в развитие своих стран, совершенствуя их. Подчеркну, что это мало имеет отношения к понятию «трудовая миграция». Это совершенно противоположное. Давайте честно скажем: это очень плохо, когда граждане ряда государств непонятно на каких правах, без образования приезжают в Россию работать в жутких условиях. Нужно создавать иную социально-экономическую реальность, которая бы позволяла в странах с избыточными трудовыми ресурсами с участием российского бизнеса создавать рабочие места, новые компетенции и добавленную стоимость, чтобы эти люди не скитались, а жили и работали там, где родились. От этого выиграет и Россия, и наши соседи, потому что мы фактически будем воссоздавать те технологические цепочки, которые потеряли после распада СССР, но на уже более современном уровне. Для этого нужно всего лишь дать гарантии, что российский инвестор, приходя в эту страну, будет защищён в том числе на межправительственном уровне от разных неформальных и местных специфических моделей взаимоотношений в обществе и между властью и бизнесом. Этот инвестор тогда будет понимать, что есть

перспектива, он спокойно работает, выстраивая там всю систему подготовки кадров и создавая совершенно другую экономическую модель на всём нашем пространстве. Вот тогда Евразийская интеграция всех устроит. Пока же существует «консервативный сценарий».

Одно суждение по поводу «евразийской идеи». Когда мы о ней говорим, продвигая внутри России Евразийскую интеграцию, я бы хотел призвать всех, чтобы мы евразийской идеей не затмевали образ России. Давайте мы будем создавать образ России, которая будет вести за собой Евразийскую интеграцию, а не наоборот.

«Молодёжи нужны полезные навыки»

Политологам, в отличие от инженеров, на каждом этапе приходится заново изобретать колесо. Вот сейчас уже придумали неоархаику. Пропаганда, мне кажется, больше имеет отношение к точным наукам, чем к гуманитарным, в силу того, что у пропаганды есть определённые законы и аксиомы, по которым она действует.

Наша задача в рамках проекта, на мой взгляд, не в последнюю очередь – пропагандистская. Поэтому считаю, что нам надо всё-таки посмотреть, чем занимаются наши партнёры, как они работают, чем дышат молодёжные научно-образовательные программы. Многие ушли от того, чтобы заниматься популяризацией науки, научных знаний. Не то, чтобы ушли, сделали акцент на передаче молодёжи неких сопутствующих знаний, которые называются «скилз». Я думаю, нам надо посмотреть, подумать, как полезные во всех отношениях для молодёжи навыки, которые нельзя отнести абсолютно точно к числу профессиональной компетенции, каким-то образом им дать.

Нам стоит порефлексировать на тему того, что привнести в рамки проекта, чтобы молодёжь чисто из эгоистических соображений более активно участвовала в нашем проекте, надеясь получить от него, в том числе и дополнительные навыки, которые могут быть полезны в жизни.

**V. ЕВРАЗИЯ: «ТОЧКИ РОСТА» И ВЫЗОВЫ
БУДУЩЕГО – ПОВЕСТКА 2030**
*Материалы Международного форума, состоявшегося
26-29 апреля 2021 г. в г. Псков*

Дмитрий Евстафьев

**Евразия 2030: вызовы сегодня
для результата послезавтра**

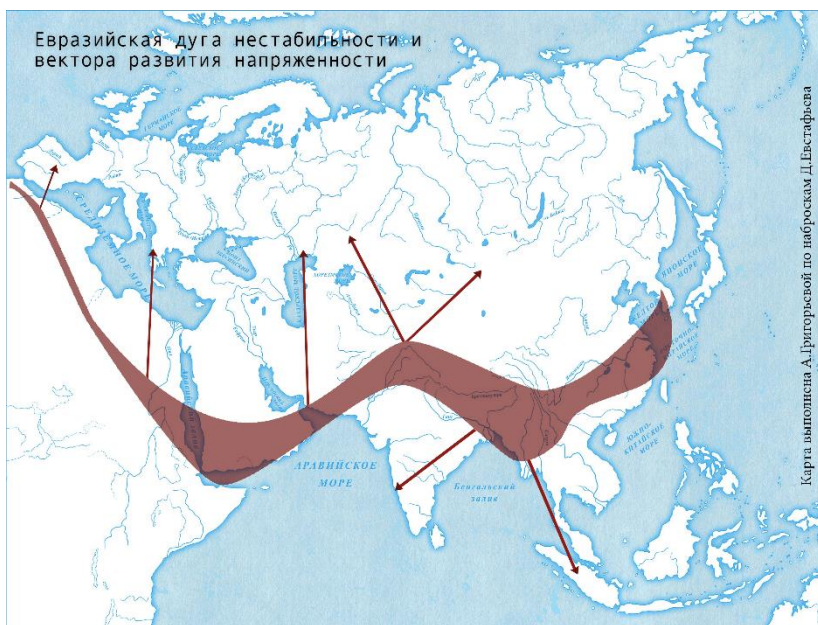
Не знаю, насколько я, уважаемые коллеги, смогу задать тон дискуссии, но я постараюсь с опорой на специально подготовленную презентацию показать некоторую сложность, которую мы испытываем в связи с теми процессами, которые происходят в Евразии и вокруг неё.

Таблица 1. Что такое «эпоха трансформаций»

По форме	По сути
<ul style="list-style-type: none"> ➤ Кризис модели социального развития (но ещё не экономического) ➤ Кризис институтов. Причём, всех и почти одновременно ➤ Кризис системы экономической взаимозависимости ➤ Кризис синергичности социального, экономического и политического развития	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Поиск «жертвы» (геоэкономически). Достаточно богатой в широком смысле слова и достаточно слабой, что бы ее раскулачивание было неопасным ➤ Поиск «поля боя», которое «не жалко» ➤ Поиск модели конкуренции/конфронтации, минимизирующей риски

Когда мы говорим об эпохе глобальных трансформаций, мы не всегда понимаем, насколько эти трансформации глубоки (табл. 1). К сожалению, мы не можем говорить о сегодняшней ситуации в мире как о кризисе роста глобализации. Это не кризис роста, теперь это очевидно. В начале

2020 года ещё можно было спекулировать, что сейчас закончатся пандемические ограничения – и мы выйдем на столбовую дорожку. Нет, не выйдем. Кризис глобализации затронул все институты, и всё достаточно сложно. Но, по сути, в том, что касается нас, к сожалению, это поиск, в том числе новой жертвы глобализации. То есть, грубо говоря, каждый виток глобализации начинается с того, что кого-то грабят. Вот, сейчас коллективный Запад и, пока ещё, и в этом наше спасение, неколлективный Восток ищут, кого бы ограбить. В качестве примера тех процессов, которые у нас происходят, я приведу схему, которая была опубликована в одной из моих статей¹. Этой схеме – три года (рис. 1).

Рисунок 1. Итог 3 лет: формирование классической дуги нестабильности в нашем направлении

¹ См: Евстафьев Д. Г. Евразийская «дуга нестабильности» или Управление глобальным экономическим ростом // Экономические стратегии. 2019. Т. 165. № 7. С. 46-56.

Дуга нестабильности формируется на базе очагов, как правило этнических конфликтов, но затрагивает важные в ресурсном или логистическом плане регионы.

Если вы обратите внимание, дуга по факту выгнута была в 19-м году. Это было написано в мае 19-го года. И схема нарисована в мае 19-го года. На юг и на север в сторону Евразии показаны только индикативные направления напряжённости. На сегодняшний момент, поверьте мне, основные направления напряжённости, в том числе даже те, которые захватывали Персидский залив и Аравийский полуостров (это видно по схеме) – все они выгнуты на север. Даже наши замечательные хуситы в Йемене тоже выгибают дугу на север, хотя у них был выбор.

Таблица 2. Неприятные выводы

Очевидные	Неочевидные
<ul style="list-style-type: none"> ➤ Внутренних общеевразийских драйверов экономического развития в Евразии нет. Собственные механизмы экономического роста есть в России и в Узбекистане. Но и они недостаточны. ➤ Драйверы экономического развития и социальной модернизации в России не могут реализовать свой потенциал в имеющейся экономической модели. ➤ Ни одна из внешних сил не заинтересована в ее социальной модернизации. Только – в ограниченно анклавной инфраструктурной. ➤ Мы наблюдаем транзит в отношении к Евразии от низкоинтенсивных форматов гибридного противоборства к среднеинтенсивным. 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Евразия лишь частично включена в систему глобальной геоэкономической зависимости. Уничтожение большей части экономических систем кризиса не вызовет больших проблем. ➤ Евразию не жалко никому. Ограничений на ведение конкуренции в пространстве Евразии почти нет. ➤ Природные ресурсы Евразии становятся менее привлекательным, чем пространство. ➤ Время играет на Россию, ресурсы – на Китай, политическая инфраструктура на США. Это – идеальные условия для третьей силы. ➤ Главная валюта сейчас в Евразии – это время. Но на что его потратить почти никто не знает.

Всё, что я считаю самым важным, выделено жирным (табл. 2). Эти выводы для стран Евразии и для молодёжи Евразии – неприятные, но их надо принять. Главным из этих выводов является то, что, с одной стороны, Евразию никому не жалко, этот регион оказался лишь частично включённым в систему глобальных взаимозависимостей. От того, что в Евразии произойдёт хаотизация, глобальный кризис не настолько углубится, и не настолько всё это будет страшно. Поэтому в Евразии выяснять взаимоотношения между собой, поверьте мне, абсолютно не жалко.

И второй, последний, пункт из неочевидных выводов. Я хотел бы обратить на него внимание, и чтобы наши молодые ребята это запомнили, потому что это реально очень важно! Сейчас главная валюта в Евразии – это время. Мы играем за время, и поэтому надо думать, как это время тратить.

Таблица 3. Главное системное противоречие в Евразии

<p>➤ С одной стороны, нарастание факторов неопределённости и зависимости развития ситуации в Евразии от внешних процессов.</p> <p>Евразия пока не субъект трансформаций, а объект борьбы внешних сил.</p> <p>➤ Предсказуемость ситуации в Евразии постоянно снижается.</p> <p>➤ Растет роль отдельных личностей.</p> <p>➤ Неконтролируемое развитие ситуации может стать результатом сочетания случайностей</p>	<p>➤ С другой стороны, обострение запроса на определенность в отношении стратегии, как минимум, в некоторых странах Евразии.</p> <p>➤ Это связано с усталостью от постоянных и неблагоприятных изменений.</p> <p>➤ Это связано с нарастанием неуверенности в завтрашнем дне.</p>
---	---

Главное системное противоречие в Евразии, как его определяю я (табл. 3). С одной стороны, мы имеем, без-

условно (с этим, я думаю, никто из политиков, и даже в России, спорить не будет) нарастание факторов неопределённости вокруг Евразии и вокруг каждой страны. Мы пока субъект. Нас играют. Пока ещё не всегда играют в нас, но уже играют нас. С другой стороны, этого системного противоречия – абсолютно чётко артикулированное желание в большинстве стран Евразии, и уж точно во всех странах ЕАЭС, получить большую определённость относительно стратегического развития и своих стран, и пространства в целом.

Таблица 4. Главное политическое противоречие в современной Евразии

<ul style="list-style-type: none"> ➤ «Стабильность» как лозунг укоренения постсоветских систем политических и социальных отношений устарел. И не все на постсоветском пространстве эту смену уловили. ➤ Он активно замещается запросом на «справедливость». <p>Но каждый понимает это по-своему. Иногда – как передел собственности и власти</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ В странах с относительно открытыми электоральными системами есть запрос на новые лица. 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Готовность к глубоким, тем более, - агрессивным переменам относительно невелика. <p>Отсутствие массовых протестов в ходе пандемии. Отсутствие политических сил, которые бы на этом играли.</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Перемены в большинстве случаев предполагают ухудшение социального положения. ➤ Перемены во многих случаях предполагают усиление влияния внешних сил. <p>Понятие «внешние силы» включает и Россию по отношению с другим странам.</p>
--	--

Главное политическое противоречие (табл. 4) в современной Евразии – это противоречие между устареванием вот этой «стабильности», которая была доминирующей, согласитесь, в большинстве обществ наших стран ещё очень недавно, и неготовностью к глубоким переменам (во всяком случае в Белоруссии и России это совершенно очевидно, и по

опросам, и по политическим процессам). И вот это политическое противоречие, помимо контекстного противоречия, о котором я говорил выше, и является очень существенным. И вокруг него нужно очень сильно думать, как совместить устаревание идеи безусловной стабильности и неготовность к агрессивным переменам. Потому что вот в эту разницу, в этот промежуток, заползут силы, которые будут заниматься откровенными политическими манипуляциями. К сожалению, это совершенно откровенная банальность.

Таблица 5. Констатация

- В Евразии утрачен общий вектор развития политических настроений. Мы реально входим в период социально-политической многовекторности, которая может оказаться существенно более опасна, нежели многовекторность чисто политическая.
- Потому, что управлять ею много труднее. И этот аспект развития касается не только отдельных людей, но и консолидированных социальных групп. **В Евразии утрачиваются навыки социального конструирования, они замещаются пропагандой.**
- И потому, что социально-политическая многовекторность вскроет все или по крайней мере, многие замороженные противоречия, как социально-экономические, так и социально-национальные.

Самое главное! Констатация здесь выделена жирным шрифтом (табл. 5). К сожалению, мы должны признать, что мы утрачиваем, если уже не утратили, навык социального конструирования. Это касается большинства стран Евразии. Мы заменяем его пропагандой, мы заменяем его попытками контроля над информационным обществом, но, к сожалению, управляем мы общественно-политическими настроениями только индикативно. И это может сыграть свою роль, особенно в ситуации внешней конкуренции за контроль над

серыми зонами в Евразии. Вот это, конечно, тот риск, который есть сейчас, и он существует для каждого из нас.

Таблица 6. Наверное, самое важное

<ul style="list-style-type: none"> ➤ Самая главная «валюта» сегодняшнего мира – время. ➤ Время течет неравномерно ➤ Общая тенденция ускорения исторического времени налицо. ➤ Время течет неравномерно ➤ Общая тенденция ускорения исторического времени налицо. ➤ Уже сейчас чувствуется «рывковость» изменений. Это – прикладной вопрос. 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Что есть «Мир Сегодня»? Мир «предхаоса», когда масштаб изменений и их катастрофичность осознаны, но сами процессы ещё не начались ➤ Что есть «Мир Завтра» Мир активной конкурентной борьбы первоначально в «серых зонах» влияния, а затем в наиболее ресурсно значимых точках соприкосновения формирующихся коалиций. ➤ Чем будет «Мир Послезавтра» Мир новой институционализации, когда главной задачей будет фиксация границ коалиций. После чего начнется их структурная консолидация
---	---

Наверное, самое важное, что бы я хотел сказать (табл. б). Время в Евразии, и вообще в современном мире, течёт очень неравномерно, и мы должны понимать эту нарастающую разницу между миром сегодня, миром завтра и миром послезавтра. Сегодня у нас – предхаос, неготовность принимать какие-то стратегические решения, но при этом осознание катастрофичности возможных будущих изменений.

Мир завтра – это противоположность предхаосу, это почти кантианская дилемма, нарастание частных изменений. Затем рывок. Мир завтра – это мир активной конкурентной борьбы.

А потом начнётся мир послезавтра – когда начнётся институционализация достигнутых результатов. Вот так может

очень быстро выясниться, кто был волком, а кто овечкой. И здесь надо быть очень внимательными.

Таблица 7. Три вызова развитию Евразии

<p>➤ Вызов геоэкономической несамодостаточности. В сегодняшней конфигурации ни ЕАЭС, ни ЕАЭС+ самодостаточными не являются.</p> <p>➤ Вызов социальной деградации и архаизации. Евразия слишком быстро утрачивает управляемость базовых социальных институтов. Это – главный вызов развитию. И для России тоже.</p> <p>➤ Вызов интернационализации. Евразия крайне уязвима к внешнему влиянию вообще. А сейчас мы проходим один из пиков этой уязвимости.</p>	<p>➤ Всё это фокусируется в главный вызов: Цивилизационная неосознанность Евразии как самостоятельного будущего макрорегиона, способного играть решающую роль в геоэкономике после 2030.</p>
--	--

Три вызова развитию Евразии – это вызовы вашему будущему, уважаемые коллеги (табл. 7). Геоэкономическая несамодостаточность, социальная деградация и архаизация. Этот вызов поставлен на второе место, но, глядя на процессы, которые у нас происходят, это один из главных вызовов, я считаю. И вызов интернационализации. Евразия, в принципе, в силу своей географии, очень уязвима к внешнему воздействию, но мы сейчас, именно сейчас, проходим пик этой уязвимости. А выражается это всё в таком простом и опасном цивилизационном вызове: мы не осознали себя как самостоятельный макрорегион. Мы осознали себя как сообщество стран, которым друг без друга будет хуже, чем вместе. Как целостный макрорегион мы себя не осознали и даже не начали. А это вопрос, кем мы

будем после 30-го года. Потому что мир послезавтра – это мир 28-30-х гг. И поверьте мне, это время наступит быстрее, чем мы думаем.

Таблица 8. Мораль

- До мира послезавтра ещё нужно дожить
- Желательно не утратив целостности Евразийского пространства.
- Это не так просто. Это потребует усилий

Мораль: до мира послезавтра ещё нужно дожить. Да, мир послезавтра – это, всё-таки, относительная стабильность. Желательно, чтобы не была утрачена целостность евразийского пространства. Потому что в ряде случаев это будет означать утрату целостности и национальных государств. И третье – это потребует усилий. Это не так просто. Целостность Евразии и целостность государств Евразии не являются в сегодняшнем мире аксиоматичными. За них надо будет бороться.

Будущее Евразийской интеграции в контексте современных геополитических процессов

Конец второго десятилетия XXI века ознаменован турбулентными процессами в международных отношениях, как на глобальном уровне, так и в контексте региональных процессов. На наших глазах происходит очевидная трансформация того типа международных отношений, который порой называется либеральным мировым порядком. Конечно, этот порядок не может быть одномоментно заменен каким-то новым. Более того, определенные индикаторы показывают, что его элементы, такие как политика новой американской администрации и сохранение значения международных институтов, будут ещё долгое время сохраняться, а фактор коронакризиса, хотя и наносит ощутимый удар по нему, но далеко не определяющий. Но даже принимая во внимание тот факт, что многие его элементы, сохраняют свою значимость и влияние, всё же система международных отношений явно находится в стадии перехода. Это касается и такого важного элемента прежнего порядка, как монопольное положение и лидерская политика США, которые поддерживались в мире начиная с распада СССР и которые сегодня в известной мере ограничены как сужающимися возможностями самого Вашингтона, так и активным ростом других государств, претендующих на региональное и глобальное влияние.

Серьезные изменения происходят и в рамках глобализационных процессов.

И в этом плане целесообразно говорить не о временном кризисе глобализации, который проходит на фоне коронакризиса, но о более системном процессе, который продолжится в предстоящем десятилетии.

При этом роль регионализации как не только обратной стороны глобализации, но и ее элемента, роль регионального

фактора в мире в целом усиливается, это определяет тенденции геоэкономического переустройства и постепенного оформления новой архитектуры регионального взаимодействия. При этом **речь идёт не только о трансформациях экономических и политических, но и о социальных.**

Вся эта ситуация в мировом масштабе возникла и развивается на фоне усиления противостояния между ведущими мировыми и региональными державами, которое в геополитическом и геоэкономическом отношении **проявляется особенно остро на пространстве Евразии.** Именно последняя сегодня является ареной борьбы за влияние, площадкой соперничества моделей социального конструирования, геополитического противостояния. Она также является важнейшим макрорегионом, с точки зрения конкуренции, успех в которой позволяет обеспечить наиболее выгодные позиции как внутрирегиональным, так и прежде всего внерегиональным акторам, в плане ресурсов, логистики, развития инфраструктуры, военного влияния.

По прошествии 30 лет с момента распада СССР постсоветское пространство стало безусловно иным, чем то, которое было в 90-х. Какие же процессы происходят на нём? Конечно, в рамках одного лекционного материала трудно осветить все процессы, которые происходят на постсоветском пространстве. На первый взгляд разбираться с этим вопросом, а также с вопросом – существует ли постсоветское пространство как таковое, не имеет эвристического смысла. Однако без понимания с каким пространством мы имеем дело и осознанием адекватности терминов, трудно решать более серьёзные аналитические задачи, в том числе и прогностического характера.

Однако, можно выделить некоторые, с моей точки зрения, наиболее важные моменты.

В первую очередь, в отличие от многих российских экспертов я склоняюсь к тому, что употребление термина «постсоветское пространство» в известной мере не соответствует реальному содержанию этого пространства.

Конечно, постсоветские черты присутствуют в жизни всех стран, ранее бывших республиками Союза ССР. Это касается даже таких стран, которые в институциональном плане далеко уже ушли от советского прошлого и являются членами таких организаций и союзов как ЕС и НАТО. Среди таких факторов и общее культурное наследие от сохранения позиций русского языка как языка общения и вплоть до типовой архитектуры и организации ландшафта, в политическом и социально-экономическом плане – стремление ряда стран образовать и развивать интеграционные объединения. И главный фактор центристических тенденций – то, что **Россия остается важнейшим актором на пространстве бывшего СССР, и в частичном виде, и на новой основе реинтегратором, а также важным инфорсером.**

Однако, достаточно ли этих факторов для того, чтобы говорить о постсоветском пространстве как о каком-то едином сообществе и тем более субъекте? Думается, что не вполне. Более того, **само по себе усиление влияния России – это не синоним постсоветскости.** Если исходить из критерия того, что постсоветскость определяется только степенью влияния России, то это значит игнорировать многие факторы внутригосударственного социального, поколенческого характера, совокупность которых говорит о том, что постсоветское пространство – это пространство распадающееся. Даже красивые и в общем относительно верные схемы, в рамках которых говорится об отличиях в системе власть-собственность на пространстве бывшего СССР от стран Центральной Европы, не могут обосновать его единства. При относительной общности постсоветской системы «власть – собственность» её действительного отличия от Европы, как и справедливости того, что на рубеже 80-х и 90-х на постсоветском пространстве не произошло ценностной революции, аналогичной той, которая случилась в странах Центральной Европы.

Даже если рассуждать в этих категориях, то **отличия Туркменистана и Таджикистана от Молдовы и Беларуси слишком разительны** для того, чтобы определять их как единый регион. И это, не говоря о наличии большого конфликтного потенциала постсоветской Евразии, который выражается не только в уже ставших застарелыми конфликтах, связанных с образованием де-факто государств, но и с конфликтами межгосударственного характера, которые находятся в тлеющем состоянии, с периодическими эскалациями, примером чего служит ситуация на таджико-кыргызской границе.

Постепенному распаду некогда общего и объединенного в советском государственном организме пространства способствуют такие факторы как активизация влияния на пространство бывшего СССР внерегиональных акторов и курс самих постсоветских государств, который направлен на поиск новых внешнеполитических партнёров и желание построить свою национальную государственность на балансе внешних влияний, либо на полном уходе под влияние коллективного Запада, как это произошло со странами Балтии или сегодня происходит с Украиной.

Среди примеров такой деятельности внешних акторов можно отметить не только деятельность США, Китая, ЕС, но и польские проекты Трехморья и Люблинского треугольника, активность Турции, эксплуатирующей концепты тюркского единства и стремящейся активизировать свое присутствие не только на Южном Кавказе, но и в Центральной Азии, Молдавии, Украине. Естественно, что подобная активность, в случае Польши, не обходится без стоящим за Варшавой Вашингтоном, но в любом случае необходимо констатировать, что Евразия – сфера конкуренции и сфера интересов не только России, коллективного Запада и Китая, но и средних держав.

Центробежные тенденции были связаны и с развитием новой национальной государственности как таковой, которая опирается практически во всех странах на разные, но

свои национальные нарративы, которые зачастую прямо оппозиционны не только советским, но и тем, которые сегодня существуют в современной России.

Серьезное значение играет **проблема социальной арханизации некоторых стран**, деиндустриализации, демографических и экологических проблем, факторов, способствующих росту религиозного радикализма.

Сегодня то, что мы по инерции называем постсоветским пространством и то, что с большим основанием можно называть постсоветской Евразией, переживает, помимо влияния общемировых кризисных тенденций, **свой региональный перелом**, который вызван изменением традиционных для постсоветских отношений власти – собственности, отношений поколений, вызовами со стороны новых инструментариев коммуникации.

Однако наличие центробежных тенденций только лишней раз делает постсоветскую Евразию приоритетной для России с точки зрения обеспечения ее безопасности как евразийской державы, страны, которая, проецируя свое влияние в мире через двусторонние отношения и региональные союзы, обеспечивает стабильность и безопасность в регионе. Все разговоры о том, что постсоветское или евразийское – это не приоритетное направление, были абсолютно зачеркнуты опытом последних лет и особенно прошлого года.

Безальтернативность приоритетного отношения к евразийской проблематике в целом и к внешней политике на евразийском направлении – в частности, сегодня во многом определяется тем фактом, что проигрыш в конкуренции за место в Евразии обуславливает придвижение рисков к границам России, что хорошо видно на примере Украины.

Сегодня предстоит многое сделать в смысле **развития связности стран постсоветской Евразии**, интенсификации внутренней торговли в ЕАЭС, усиления инвестиций в инфраструктуру, развития не только двусторонних инфраструктурных проектов стран – партнёров по ЕАЭС, но и более активной реализации многосторонних евразийских

проектов, развития промышленной кооперации, в том числе в высокотехнологичной сфере IT–индустрии. Это является актуальным не только для решения задач экономического развития и развития ЕАЭС как интеграционного союза, но и с позиции обеспечения широкого комплекса проблем экономической, социальной, информационной и технологической безопасности стран ЕАЭС.

При этом, учитывая, что Россия сегодня – это более 85% ВВП ЕАЭС и становой хребет организации, очевидно, что именно она может и должна стать импульсом для евразийских драйверов не только экономического роста, но развития в широком смысле этого слова. Следовательно, в ближайшие годы для обеспечения комплексной безопасности России необходимо преодолеть стагнационные тенденции в экономике, увеличить показатели экономического роста, содействовать более активно развитию инфраструктурных проектов, преодолеть тенденции бюрократизации сфер общественной жизни.

В контексте глобализационного кризиса и трансформации международных отношений постсоветское пространство оказывается пространством столкновения интересов и в этой связи Россия находится в ситуации, когда эффективность применения всех мер ее внешнеполитического, внешнеэкономического и военного потенциала должна быть задействована не только для защиты «красных линий», но и для укрепления своего представительства и влияния в различных регионах Евразии с целью недопущения ее периформатирования на условиях внерегиональных акторов.

Наконец, ещё один по счету, но не по значению аспект, стоящий перед Россией в контексте ее роли в постсоветской Евразии – это **решение проблем информационной и психологической безопасности**. Современная конкуренция на международной арене носит гибридный характер и в рамках этой гибридности большое значение имеет не только обеспечение военной, политической и экономической

безопасности, но и безопасности информационно-психологической.

Последние события в Беларуси показали, что такие внутренние факторы как размытость идеологических нарративов, многовекторность, аморфность бюрократических структур, зачастую приводят к тому, что элита теряет обратную связь с значительной частью общества.

Одновременно эти внутренние процессы используются внешними силами не просто с точки зрения организации массовых беспорядков посредством новых средств коммуникации и информационных сетей, но и посредством системной работы, направленной на разрыв связи между элитой и обществом, дискредитацию элит, внедрение деструктивных для общественного порядка идеологем, дискредитацию всего позитивного, что было в прошлом. При этом активно используется поколенческий разрыв, когда, к примеру, преодоление негатива 90-х уже не воспринимается молодым поколением как заслуга и достижение. Таким образом, информационно-психологическая война является важнейшим вызовом социальной и внешнеполитической безопасности и требует очень системного и коллективного ответа, который должен быть не реактивным и архаичным, а проактивным, что напрямую зависит от более чётких идеологических векторов в самой России, от улучшения восприятия её образа в странах постсоветского пространства.

Борьба с финансированием и организацией экстремистской и террористической деятельности и с нарко-трафиком (это трансграничные наднациональные вызовы, но которые, тем не менее, могут использоваться против России целым рядом ее геополитических конкурентов, стремящихся дестабилизировать постсоветскую Евразию) – это также одно из основных перспективных направлений евразийского международного сотрудничества. Оно требует налаживания широкого международного взаимодействия и отказа от двойных стандартов в сфере борьбы с

терроризмом. В этом контексте развитие инфраструктуры ОДКБ и антитеррористической инфраструктуры ШОС является при всех существующих проблемах этих организаций, очень важным.

В условиях, когда постсоветская Евразия сегодня стоит перед лицом целого ряда вызовов, каждый из которых является в большей или меньшей степени риском для России, только активная политика нашей страны в области безопасности, экономической интеграции, гуманитарного сотрудничества, информационной политики, политики «мягкой силы» может быть эффективной.

Большое значение для выработки такой политики имеет **работа с молодёжью, прежде всего – студенчеством**. В этой связи мне особенно приятно видеть здесь в зале девушек и молодых людей, которые приехали сюда для того, чтобы не только встретиться с авторитетными экспертами, но и принять участие в самостоятельной работе в различных диалоговых и коллективных форматах. Уверен, что такая работа – залог успеха «Евразийской повестки 2030». Хотел бы ещё раз поблагодарить Сергея Пантелеева за приглашение принять участие в мероприятии проекта «Точки Роста» во Пскове и желаю нашим радушным хозяевам – псковичам, всем участникам проекта, здоровья, успехов и профессионального развития.

Стратегия опережающего развития стран ЕАЭС

Глобальные структурные изменения, обусловленные сменой технологических и мирохозяйственных укладов, привели к проявлению кризисных явлений в мировом экономическом развитии. Пандемия новой коронавирусной инфекции ещё больше усугубила ситуацию. В связи с этим кризис 2020 года называют самым глубоким со времен Великой депрессии. В период революционных технологических и институциональных изменений всегда происходит обрушение финансовых и сырьевых рынков, а также эскалация военно-политических конфликтов, которая завершается сменой мировых лидеров и переходом к новому мировому порядку¹.

Происходящие трансформационные процессы в мировом хозяйстве обусловили смещение центра развития мировой экономики в Юго-Восточную Азию и Евразию в целом. В условиях происходящих изменений ЕАЭС как интеграционное объединение безусловно может и должен найти своё место. Особенно это стало актуальным в пандемийный год. Последствия пандемии для национальных экономик Союза оказались такими же болезненными, как и для других стран мира: снижение занятости, падение потребительского спроса вследствие сокращения реальных располагаемых доходов, нарушение глобальных цепочек поставок, нестабильность финансовых рынков и т.д. Правительства стран ЕАЭС использовали схожие по своей направленности меры поддержки населения и бизнеса, но различные по инструментам, объёму финансирования и охвату секторов экономики. Резкое ухудшение внешнеторговой конъюнктуры хоть и привело к сокращению экспорта из

---

¹ Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва – долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией. Аналитический доклад ЕЭК. Москва, октябрь, 2020

государств – членов ЕАЭС, однако страны Евразийского союза оказались более устойчивыми к негативным последствиям экономического кризиса, чем, к примеру, страны Европейского союза. Чем же это обусловлено? Эксперты называют несколько факторов: расширение в предпандемийные годы взаимной торговли, наращивание экономического сотрудничества со странами ШОС, активизация сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь». Также отметим, что относительно повышенная устойчивость в период пандемии, была вызвана более низкой долей услуг в ВВП, менее жёстким локдауном и меньшим сокращением внутренней торговли стран ЕАЭС по сравнению с внешней. Так объем взаимной торговли сократился в 2020 г. на 11,0% (8,8% общего объема торговли), а внешней – на 15,4%. Отметим, что экспортная специализация стран-членов ЕАЭС резко отличается от их потребностей в импорте. В связи с чем необходимо внутри Союза акцент делать на развитии импортозамещающих производств. Что касается внешней торговли, то основными покупателями экспортируемых из ЕАЭС товаров остаются ЕС (40%) и страны АТЭС – около 30% (из них в Китай – 16,7%). Большая доля импорта, наоборот, приходится на страны АТЭС, на втором месте находится ЕС.

*Рис.1. Торговля стран-членов ЕАЭС (с третьими странами и взаимная), млрд долл.
Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ*

Несмотря на то, что у стран ЕАЭС безусловно есть потенциал роста (за счет использования недогруженных производственных мощностей и наращивания внутренней торговли), существует риск ослабления экономических позиций ЕАЭС в мире. Внутренние структурные проблемы в условиях усиления торгового соперничества в мировой экономике привели в последние годы к отставанию темпов роста ЕАЭС от мировых (рис.2). В целом при падении мирового ВВП стран Союза сократился на 2,9%.

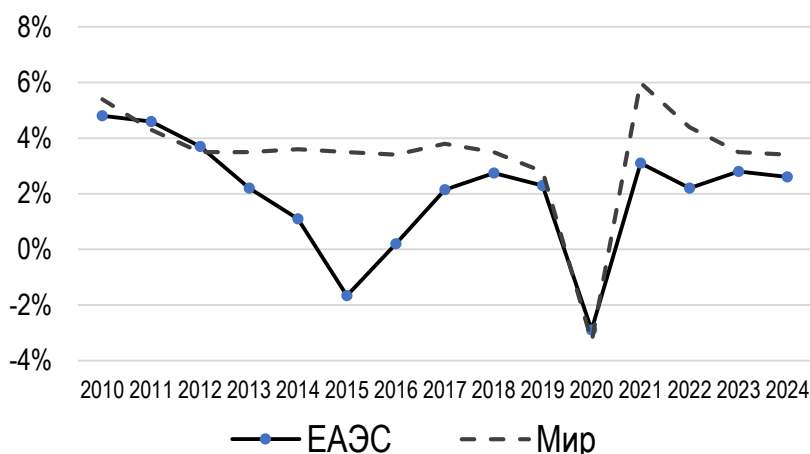

Рис.2. Динамика ВВП ЕАЭС и мира в 2010-2024 гг., в % к пред. году

Источник: МВФ, расчеты Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

Таким образом, перед странами ЕАЭС стоит непростая задача – определить путь, по которому они будут совместно идти. И мы понимаем, что для того, чтобы занять достойное место в мировом хозяйстве, нужно работать в направлении усиления интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС и от догоняющего развития переходить к опережающему. Какой может быть Стратегия опережающего развития ЕАЭС и какие механизмы реализации использовать – вот

два ключевых вопроса сейчас для руководства стран – членов ЕАЭС.

В октябре 2020 года Евразийская экономическая комиссия в своем аналитическом докладе представила несколько основных сценариев развития ЕАЭС, которые различались исходными условиями: от относительно ограниченного во времени (до 6-8 месяцев) действия карантинных ограничений и выхода из рецессии уже в следующем году, до сценария жёсткой депрессии на 2-3 года с общим падением занятости на треть, ВВП на четверть (накопленным итогом) и болезненной реструктуризацией экономики с дефолтом целых секторов и стран. Наиболее желаемой для всех членов ЕАЭС является реализация сценария «*Собственный центр силы*», который предполагает запуск процессов глубокой модернизации экономики государств – членов ЕАЭС на основе перехода на новый технологический и мирохозяйственный уклад, при выработке совместных ответов на эскалацию основных угроз. Этот (целевой) сценарий развития предполагает «научно-технологический прорыв», который был обозначен как долгосрочная цель Союза в Декларации о развитии евразийской экономической интеграции 2018 года. Важными факторами реализации данного сценария выступают высококвалифицированные кадры, инвестиции и инновации. Именно эти 3 направления нужно стимулировать, для того чтобы развивать имеющийся потенциал в странах ЕАЭС. Непрерывное образование и повышение квалификации, меры по стимулированию талантливой молодёжи и студентов, – всё это будет способствовать формированию собственного пула высококвалифицированных экспертов в странах ЕАЭС. Развитие венчурного инвестирования, создание Евразийского фонда инвестиций и преференциальных условий для инвесторов (по типу ОЭЗ, ТОЭСР, и т.д.) повысят инвестиционную привлекательность евразийского пространства. Формирование технологических платформ в уже существующих отраслях и новых,

инновационные территориальные кластеры зоны высоких технологий, хакспейсы (опыт Китая) – вот те механизмы, которые позволят совершить научно-технологический прорыв странам Союза.

Есть и другие взгляды на будущее ЕАЭС. Так, эксперты Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ предложили 4 альтернативных сценария развития ЕАЭС:

1. *Кризис интеграции и возврат к преимущественно двусторонним отношениям.* Это самый пессимистичный сценарий. При его реализации велика вероятность аннулирования договора и заключение двусторонних соглашений с нынешними членами Союза или другими странами-партнерами

2. *Стратегия малых интеграционных шагов.* Выбор приоритетных направлений – реализация общих подходов и технологий таможенного, технического и санитарного и фитосанитарного регулирования, устранение дискриминации в транспортных тарифах для резидентов ЕАЭС, уменьшение отклонений от единого таможенного тарифа

3. *Экстенсивное развитие ЕАЭС при вступлении новых государств-членов и формирование пояса стран-наблюдателей и ассоциированных членов.* Выполнение новыми странами-партнёрами требований ЕАЭС и создание института ассоциированного члена (первоочередные кандидаты – Узбекистан, Таджикистан).

4. *Достижение нового качества интеграции или ЕАЭС 2.0.* Расширение полномочий наднациональных структур (ЕЭК) в плане координации экономического развития, движение от межгосударственных к собственно наднациональным интеграционным органам. Создание общих программ, проектов и структурных фондов. Повышение роли Суда ЕАЭС как гаранта обязательности права ЕАЭС. Устранение национальных изъятий, гармонизация и унификация правового регулирования.

Проведя анализ указанных сценариев, можно сделать вывод о том, что сейчас ЕАЭС идёт по пути реализации вто-

рого и третьего сценариев, а точнее их комбинации. Но безусловно в перспективе ориентироваться мы будем на достижение нового качества интеграции и воплощения сценария ЕАЭС 2.0. Создание общих программ, проектов и структурных фондов сможет обеспечить новое качество развития евразийской интеграции. Тем самым в перспективе можно будет говорить о формировании второго в мире по численности населения и глубине интеграции Союза.

Таким образом, если мы говорим об опережающем развитии, то безусловно, нам нужно ориентироваться на реализацию 2-х сценариев: «Собственный центр силы» от ЕЭК и ЕАЭС 2.0, предложенный Институтом исследований и экспертизы ВЭБ.РФ. В таблице 1 представлены ожидаемые показатели реализации Стратегии опережающего развития, опирающейся на названные два сценария.

Таблица 1. Прогнозные показатели реализации мероприятий в рамках Стратегии опережающего развития.

Мероприятия Стратегии	Ежегодные темпы прироста	
	Производства	Инвестиций
1.Форсированный рост нового технологического уклада	35%	50%
2.Динамическое наверстывание в высокоразвитых сегментах экономики (авиа- и машиностроение, энергетика, строительство, сельское хозяйство)	10-30%	20-40%
3.Догоняющее развитие (промышленная сборка транспортных средств)	5-10%	10-15%
4.Углубленная переработка сырья	15-20%	20-40%
5.Стимулирование инновационной активности, развитие человеческого потенциала	5%	10%
В среднем по экономике	8%	16%

Для стран ЕАЭС в условиях глобальных структурных изменений мировой экономики есть все предпосылки для последующего перехода к опережающему экономическому развитию на основе нового технологического и институционального (мирохозяйственного) укладов. Ряд мер и механизмов Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции позволят перейти от инерционного сценария интеграционного развития «Продленный статус-кво», предложенного ЕЭК к прогрессивному сценарию «Собственный центр силы», определенному в Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 года. Это потребует, однако, концептуальной смены подходов к формированию и реализации политики развития¹.

---

¹ Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва – долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией. Аналитический доклад ЕЭК. Москва, октябрь, 2020

Евразийский союз: история, опрокинутая в будущее

Есть нетленная фраза основателя советской исторической науки **Михаила Николаевича Покровского**, ученика Ключевского, который говорил, что *история – это политика, опрокинутая в прошлое*. Эта фраза всегда понимается как некий детерминизм, некоторое упрощение, такая классовая политизация представления об истории. Но, между тем, свой резон там тоже был. Мы с вами попытаемся совершить нечто обратное. Если Покровский пытался, исходя из собственной партийности, из собственного марксистского сознания, просветить всю человеческую историю, и даже всю историю планеты Земля, с классового подхода, мы попытаемся сделать наоборот: исходя из определённых представлений об истории, посмотреть в будущее, опрокинуть историю в будущее в перспективе нашей основной темы – Евразийского союза. Соответственно, исторических перспектив его развития.

Я прекрасно понимаю, что это не очень благодарный заход, потому что любые опыты прогнозирования со стороны историков обычно достаточно печальны по своему характеру. Как правило, они неудачны. Историк – это такой интересный человек, который всё знает про прошлое, знает, почему происходило вот так, а не иначе. Потом начинаешь его спрашивать, ну, раз ты такой умный, то в таком случае выстрой прогноз на год вперёд. И тут случается полный швах. Почему так? Потому что историк имеет дело с очень разноплановой и разнокачественной информацией, как правило старается выбирать максимально возможную информацию. Он собирает всё, что можно, об одной эпохе, и это всё очень сложно соединить. Отсюда возникает очень большое искушение не очень обращать внимание на разноплановость информации, а просто выстроить какие-то такие

интересные самому историку связи между теми или иными фактами, придать этой куче некое единство и далее рассуждать.

Историк очень склонен к ретроспективности. Это базовое качество исторической науки. Но общий взгляд историка где-то оправдан, а где-то несёт за собой угрозы. Если мы выстраиваем факторы вглубь из настоящего, неизбежно мы перебрасываем туда свои некоторые представления, взятые из настоящего. И причинно-следственные связи, получается, выстраиваются в обратную сторону. Мы начинаем на следствие во многом смотреть как на причину. В результате историк становится самым умным из всех тех, с кем он имеет дело. Все его герои оказываются в той или иной степени глупыми, потому что они не знают, как всё развивается. А как всё развивается, понимает историк, который всё изучает.

Отсюда возникает серьёзное искушение рассматривать всё в такой прямой линии, отсекал всё лишнее, то, что мешает. В результате получается прямая линия между двумя точками, но проблема этой линии в том, что одна точка «А» – кончик носа историка. Он отстраивается от своего взгляда. А точка «В» может быть абсолютно любая, в зависимости от того, насколько вглубь веков историк пытается прозреть.

В этом смысле мой любимый классический пример таков. Был такой деятель науки по имени Михаил Сергеевич Г., но это не Горбачёв, а другой мечтатель. Это **Михаил Сергеевич Грушевский**, основатель украинской исторической науки. Человек, которого сейчас на Украине критиковать нельзя, потому что представления Украины об истории таковы, что неважно, как там на самом деле было, а важно, как Грушевский об этом написал. Это основа национального мифа. В результате Грушевский пытался определить ту точку, с которой начинается украинская история. По его мнению, она начинается со времён **Антского славянского союза** где-то в V веке нашей эры. А мы помним, что это точка «В», потому что точка «А» – это сам Грушевский.

Можно вести прямую линию, всё прекрасно выстраивается. От древних антов идёт формирование славянской общности, она такая расово чистая, потом возникают всякие ответвления. Грушевский употреблял название «русины», потом под влиянием модного тогда «бренда» у него появились «украинцы». Впрочем, как у него это слово появилось – это отдельная история... Русские у Грушевского происходят в результате метисации. Как пошутил один украинский историк по поводу Грушевского, русские, в отличие от украинцев, произошли в результате полового отбора, а украинцы – вегетативно, поскольку ни с кем не смешивались. Выросли, как растение. Всё это в качестве примера дурной ретроспективности. Хотя я не имею в виду, что такое происходит только на родной моему сердцу Украине, это везде, сплошь и рядом встречается. Просто иногда это доводится до полного абсурда.

Как от этого спастись? Вот я, специалист по политической истории России начала XX века, в своих построениях прибегал к методам политической науки. Хотя, политология – наука разношёрстная. Методы свои она берёт из самых разных наук – применяет социологические методы, многое позаимствовала из самой истории, из политической философии много чего берёт... Но у неё есть и свои подходы. В своих исторических исследованиях я старался использовать **метод ситуационного анализа**, и, как мне кажется, весьма плодотворно. Он хорош тем, что позволяет уходить от этой дурной ретроспективности, которая не позволяет видеть альтернативности. Альтернативность неизбежно присутствует. Потому что мы с вами имеем дело всё-таки с процессами и явлениями, которые интерсубъективны.

В истории нет единого субъекта. В истории этих субъектов множество. Все общности в той или иной степени условны. Потому что единственное, что присутствует в истории абсолютно, это человеческие личности. Их поведение, которые они выстраивают по обстоятельствам, а

иногда и вопреки. Этих субъектов множество, и между ними в конечном счёте выстроится какой-то определённый общий вектор. Но не просто и не сразу выстраивается. И, в конечном счёте, выстраивается не прямая линия. Это что-то ломаное, подвижное и далеко не всегда прогнозируемое. Это всё я говорю, чтобы заранее оправдаться за ошибки, которые я допущу в прогнозе нашей ситуации.

Имея в виду альтернативность, мы должны иметь в виду и «вероятность». Это второй базовый принцип ситуационного анализа. Потому что далеко не всё, что нам бы хотелось, можно вложить в ситуацию. Далеко не всё, что происходит из наших игр ума, можно рассматривать как серьёзную возможность. **Альтернативность частично компенсируется вероятностью.** Мы всё равно существуем в определенных рамках, которые не то что бы детерминируют наше поведение, но создают некоторые флажки, за которые мы можем выходить. Но чтобы выходить за флажки, нужно осознать такую возможность, применить соответствующие ресурсы, надо обладать определённым героизмом, осознать своё желание как очень значимое. И наша с вами история полна преодолений. Но все они не на пустом месте возникают. Они естественно связаны с определёнными жертвами. Это всегда цена вопроса. Это всегда разговор о том, чем мы готовы пожертвовать, чтобы вот такая альтернатива стала реалистичной, вероятной и доминирующей, и чтобы мы в конечном счёте пошли в этом направлении.

Ещё в качестве вводной я хотел бы заявить, что **мы должны различать прогнозирование и планирование.** Потому что очень часто планирование связано с некими постулатами, декларативностью, определёнными идеологиями, позиционированием себя, вопросом борьбы за власть и захвата власти. Поэтому планирование является ширмой для неких интересов. И к нормальному прогнозированию это никакого отношения не имеет. Это имеет отношение к статусу, как говорилось в рекламе, к «количеству перьев».

Может быть, разговор о будущем как о нашем статусе, поигрывание мускулами, роспуск перьев, но это не есть прогнозирование. А прогнозирование связано с обсуждением некоторых альтернатив и вероятностей.

А теперь разговор о наших с вами фреймах (рамках), наших ресурсах, как это развивалось в исторической перспективе, что нас может ожидать в будущем.

Мы должны прекрасно понимать, что, когда мы рассуждаем о Евразийском союзе, мы рассуждаем не о чём-то, что замкнуто само на себе, не о некой рамочной структуре, которая живёт своей жизнью, ставит некоторые задачи и старается эти задачи решить. Мы живём с вами в очень сложном окружении, и так было всегда. Мы находимся на пространстве с условным названием **Северная Евразия**. Я не пытаюсь это пространство сузить, потому что испокон веков никаких естественных преград у этого пространства не было. Оно всегда было динамичным, там происходило перемещение, происходил обмен технологиями и так далее. Если мы начнём искать естественные рамки этого пространства, мы увидим, что... Кстати, вы ведь сейчас находитесь в Пскове.

И когда я смотрел, **насколько соответствует граница Российской Федерации историческим границам того, что мы называем Русью, старинным Российским государством**, до Российской империи, то я понял, что чуть ли не единственным вековечным пределом сухопутных границ можно считать **Чудское озеро**.

Появление Российской империи связано с преодолением этого рубежа, с борьбой Петра за масштабный выход в Балтику. Хотя, на самом деле, если мы вспомним, то изначально он просто хотел выйти в Балтику, боролся за исконные русские земли. А получилось, что он перепрыгнул эти пределы. Ещё есть у нас лесные и болотистые массивы. Беловежская Пуца от них сохранилась. По этой границе восточнославянская общность отделилась от западнославянской. Есть **Карпаты**, есть **Кавказ**. И, хотя это естественное ограничение для Северной Евразии,

мы с вами понимаем, что на самом деле Кавказ как естественная граница для России – это очень условно.

Мы понимаем, что население **Северного Кавказа** находится в противоречивом взаимодействии с русским ядром, веками отношения были разными, и вопрос присоединения Северного Кавказа к России поставлен не в связи с тем, что там есть горный хребет и можно закрепить, столбы поставить пограничные, а после того, как Россия выходит в Закавказье, на Южный Кавказ. И когда встаёт вопрос о защите, протекторате тех политических образований, которые были в **Закавказье**, а эти политические образования часто апеллировали к России (речь о грузинах в первую очередь), речь шла о помощи, о защите единоверцев – и встал вопрос о контроле над Северным Кавказом. Пришлось связывать один регион с другим, и весь регион в целом с русским ядром, центральной Россией. И, когда Россия выходит в Закавказье, она начинает решать двойную задачу. Кроме того, что она пытается там укрепиться, она решает вопрос обретения там уже естественных границ. Перепрыгнув Кавказ, не подчинив его, не включив в русское пространство...

Видите, я смешиваю термины «русский» и «российский» как синонимы, будучи историком, простите мне это, потому что до 1917 года эти термины никто не различал.

Так или иначе употреблялось понятие «русский» и имелся в виду политический термин, а не этнический. Русский – это российский, а российский – это русский. Так что извините, что я так говорю, спишите это на мою историческую локацию.

Встаёт вопрос, а где та естественная граница в Закавказье? Этот вопрос решается через соприкосновение с теми державами, которые в Закавказье развивают свою активность, которые исторически там присутствовали, и речь идёт, собственно говоря, об Османской империи и о Персии, которые сейчас по-другому называются, но никуда не делись, и с ними всё равно необходимо выстраивать отношения в том же самом Закавказье. И, в конечном счёте, это

всё равно вопрос границ в широком понимании этого слова. Назовите это «зоной влияния», «контактной зоной», как угодно – речь идёт об определённых линиях, «заштрихованных» зонах. Таким образом, вопрос выстраивания границ в Закавказье – это вопрос выстраивания границ в обратном направлении. То есть это вопрос контроля в отношении Северного Кавказа, который, повторюсь, по большому счёту, никаких преференций для России в экономическом смысле не давал. Это вопрос логистики, обеспечения контакта центральной России и Закавказья. И Закавказье изначально – это не вопрос каких-либо экономических преференций, потому что если вспомнить, например, те же проекты экономического развития Закавказья, скажем, в первой половине XIX века, можно вспомнить того же Грибоедова, то все эти проекты воспринимались из области буйной фантазии, некое такое «горе от ума», и очень долго и Закавказье, и Северный Кавказ воспринимались как неизбежный регион, который нужно контролировать, потому что если его не контролируешь ты, то его будут контролировать турки или персы, а за их спиной – англичане. И только потом речь идёт об экономической интеграции и так далее.

В этой связи также можно вспомнить **реку Амур** как естественную границу, но на самом деле это тоже очень условно. Посмотрите на плотность населения, который в этом регионе всегда имелась, на многолюдный северный Китай и безлюдный российский **Дальний Восток**, и понятно, что Амур является большой преградой для миграции населения. По большому счёту, всё определяется тем, где зимой залегают снег. Там, где он несколько месяцев в году лежит, а иногда и по полгода, никакого населения толком не будет. А там, где это не так, где южнее, там будут проживать миллионы. И мы видим, что в начале 20-го века, перед столыпинским переселением на Дальний Восток, в Маньчжурии проживают 17 млн человек, а на всём российском Дальнем Востоке (до Чукотки) – полмиллиона. Как можно сдерживать эту массу? Никак. Вы можете создавать на этой границе казачьи войска, что и делалось,

но никакие казачьи войска не смогли бы сдержать эту массу, если бы эта граница не определялась бы климатически. И даже не просто рекой. Какая бы река ни была большая, сдерживать она бы не смогла ничего.

Вот такая ситуация. Все эти естественные границы очень условны. Чтобы упереться в естественные границы, нужно сильно постараться.

Если вспомнить, что **между Закавказьем и Амуром** находится – здесь вообще, как известно, была граница очень неопределенная. В конечном счёте, продвижение на Юг происходило в силу противостояния с Британской империей. И в конечном счёте во второй половине XIX века вопрос стоял как? Россия политически освоит эти территории или это сделает Британская империя. Непонятно когда, непонятно как. Ведь это белые пятна на карте. И вплоть до конца XIX века этот регион до конца непонятен географически. Зона Памира... Там есть ущелья, которые ведут в Афганистан и дальше в Индию? Там казаки могут пройти в Индию, чтобы взбунтовать местные племена против британцев, местных раджей, или нет? И когда в конце XIX века выясняется, что нет, то англичане признают эту территорию российской, и **в 1895 году** Россия получает окончательно определённую сухопутную границу на всей её протяжённости. Это впервые происходит в нашей истории.

Потому что обычно наша история – это история неопределённых границ. К этому нужно привыкнуть, это нормально. И когда в 1895 году граница была нанесена на карту, остался вопрос морской границы, который, по большому счёту, не решён до сих пор.

Недавно я с большим душевным удовлетворением узнал, что **Россия подала дополнение к заявке в ООН относительно своих северных границ**, где заявила свои претензии на морские территории в западном полушарии по той причине, что хребты идут за Северный полюс. На основании этого можно выстраивать свои претензии. А там,

предполагаем, полно полезных ископаемых. Понятное дело, что здесь будет большой спор, и понятно, что он будет неизвестно сколько длиться, но эти неопределённые границы – это наше привычное состояние, это нормально.

Здесь же встаёт вопрос непризнанных границ. И здесь я задаю себе вопрос: а когда мы существовали в условиях международно-признанных границ на всём их протяжении? И я тоже не могу назвать такого времени. Можно условно говорить о начале 20-го века, и тут будет много всяких «но». Ну, и не надо по этому поводу нервничать. Мы так живём. Мы занимаем такое пространство, что всегда найдутся внешние силы, которые будут оспаривать наши права на это пространство. Тем более с учётом того, что на этом пространстве полезные ископаемые присутствуют в большом количестве – и лес, и пресная вода, и так далее.

Возвращаясь к этому глобальному пространству, я скажу, что оно – естественно сложившееся, оно существует с... Мой коллега по историческому факультету сказал бы, что оно ещё в палеолите присутствовало. И никто из людей это пространство не создавал. Оно просто есть, оно есть изначально. Мы бы могли сказать, что оно на самом деле упирается в естественные рубежи, но его можно и на Китай, и на юго-восточную Азию распространить, потому что **естественные рубежи очень условны**. Другое дело, что китайцы построили **Великую китайскую стену** 2000 лет назад, тем самым разграничили это огромное пространство, разделили его на Китай и ту самую **Северную Евразию**, о которой мы с вами говорим. Это самое большое естественное пространство мира. Эта Северная Евразия изначально выступает глобальным мировым коридором. Конечно, это понятие можно по-разному трактовать.

«**Коридор**» – понятие вроде бы периферийное. Есть Северная Евразия, Старый свет, вся она разделена на такие «комнатки коммунальной квартиры», и есть «коридор». По нему происходят все основные перемещения испокон веков. Этот коридор – наша степь, которая идёт **от Китая до**

нижнего Дуная. Она едина, нет никаких препятствий. Можно что-нибудь сказать про **Урал**, но когда и кого он останавливал? Это такая мысленная преграда, не более того. Всегда по Южному Приуралью все проходили. Образование такого замечательного народа, как башкирский, говорит о том, что в Южном Приуралье всё динамично. Когда башкиры рассказывают, как образовывался башкирский народ, они говорят: эти кланы – тюркского происхождения, а вот эти – угро-финского. И, так как тюрки с уграми соединялись, появился башкирский народ. И много кого ещё появилось, просто они разошлись в разных направлениях – **от Венгрии до Казахстана и Восточного Туркестана.**

Так что это, периферия? Можно сказать, что это находится вдалеке от древнейших человеческих цивилизаций. Можно сказать, что коридор – это периферия коммунальной квартиры. Но в коммунальной квартире где основные события происходят? В коридоре. Выход на общую кухню где? Где холодильник находится и разные удобства, если они в квартире есть? Если даже их в квартире нет, то выходить вы к ним будете на улицу – всё равно через коридор. И все наиболее значимые в мировой истории перемещения происходят именно через это наше пространство. Главное базовое перемещение, создавшее мировую историю – это расселение индоевропейцев. **Арии** как единая общность обозначились на нашей территории – той, которая называется Южно-русскими степями – от Дуная до Восточного Туркестана, до запада Китая.

Та общность, о которой мы говорим, тоже естественна. Мы имеем определённые проекты, которые пытаемся реализовать. Сама история нас к этому подталкивает. Если мы отказываемся от нашего взаимодействия в рамках глобального коридора, то в конечном счёте появятся те самые люди из комнат «коммунальной квартиры», которые будут «коридор» приватизировать. Они будут ставить шлагбаумы, взимать плату за прохождение по коридору, и те, кто являются хозяевами этого коридора, окажутся разъединёнными

и присвоенными кем-то. На самом деле они перестанут быть хозяевами собственной судьбы и будут поглощены, абсорбированы. Им расскажут: «с кем вы пытаетесь конкурировать?», «вас же мало», «есть другие – более успешные в каких-то сферах...». А ведь это тоже отдельный вопрос.

Если мы посмотрим на любую мировую цивилизацию, мы увидим, что на самом деле нет ни одной цивилизации, которая была бы преуспевающей во всём. Так или иначе, где-то есть какие-то прорывы, и в эти прорывы устремляются. А мы с вами тоже кое-чего можем. И не только в военной сфере, и не только в плане создания крупных политических пространств. В конце концов, есть сферы экономики, в которых мы давным-давно доказываем свои возможности, серьёзные возможности, иногда уникальные. Можно вспомнить атомную промышленность, в конце концов, **транспорт** можно вспомнить, имея в виду то главное, что у нас есть – **железнодорожное строительство**, которое, конечно же, у нас приоритетное, если говорить про транспортную сферу. Я, когда со студентами общаюсь, задаю вопрос, какие у нас самые главные эпохи в истории развития транспорта? И, в конечном счёте, мы приходим к выводу, что у нас две такие эпохи. Одна началась в эпоху неолита, когда отступил ледник – и появилось большое количество водоёмов, и водный транспорт стал на нашем пространстве доминирующим, все перемещения шли по рекам, и весь грузооборот до конца XIX века в России осуществлялся по рекам. А с конца XIX века – по железным дорогам.

И железные дороги позволили связать это пространство не так, как оно естественным образом связано реками, а так, как мы желаем его связать: вдоль этого мирового коридора был построен **Транссиб**, а потом много чего ещё – и в результате эта система заработала. До XX века если вставал вопрос, как попасть из Санкт-Петербурга во Владивосток, то становилось понятно, что по суше очень сложно. И соответственно, можно использовать Северный морской путь,

если повезёт и будет навигация, а можно и остаться на зимовку где-то посреди него, а самый простой способ – огибая Старый свет или с 1869 года по Суэцкому каналу. Получается, что из Санкт-Петербурга проще до Буэнос-Айреса добраться, чем до Владивостока. Но когда появляется Транссиб, всё меняется.

Соответственно, логистическое овладение этим коридором является очень мощной амбицией. Она реализуемая, она реализуется больше века – и у неё большие перспективы. К этому коридору подстраивается всё остальное наше большое пространство. Он является становым хребтом этого большого пространства. Он историчен. Что было до Транссиба? Был Великий чайный путь. А до этого Великий шёлковый путь, хотя он шёл южнее. Но так или иначе, этот коридор работал. Это не означает, что не должно быть других коридоров. Опять же есть Северный Морской путь, который сейчас по идее должен начать активно развиваться в силу определённых климатических изменений. А если они не произойдут, а это бабушка надвое сказала... Как историк могу сказать, что в Евразии существуют определённые **климатические колебания** последние тысячи лет, 15 тысяч лет. Колебания такие: 350 лет теплеет, 350 лет холодает. И такие 700-летние циклы почти неизменно присутствуют, отклоняясь туда-сюда в разные стороны. Как бы то ни было, мы сейчас находимся на пике тепла. Предыдущий такой пик тепла был в 13-м веке, который, кстати говоря, спровоцировал и крестовые походы, и монголов, и так далее.

Дальше вопрос, а что будет происходить, включится **антропогенный фактор**? Об этом особенно много будут рассказывать люди, так или иначе заинтересованные в тех или иных грантах. Или будет работать преимущественно природный цикл – если природный будет работать, мы с вами постепенно будем оказываться в ситуации похолодания. Если будут работать оба фактора – как-то накладываться один на другой, то мы будем находиться в зоне турбулентности. Но, как бы то

ни было, **Северный морской путь** будет развиваться, так или иначе или в силу того, что Северный Ледовитый океан будет становиться всё более доступным, или в силу того, что у России будет развиваться **атомный ледокольный флот**, который, как известно, есть только у России пока что, и его развивать надо очень активно.

Сам по себе Северный Морской путь для Евразии из всех морских путей – самый короткий путь, связывающий основные центры Евразии друг с другом. Обратите внимание, я всё время говорю, Евразия, в том числе потому что я лично считаю, что Европа – это полуостров Евразии. Древние греки нам пытались объяснять, что есть Европа и есть Азия, но они много чего ещё рассказывали, например, что атом неделим – атом оказался делимым, а Евразия оказалась единой и неделимой. У них, конечно, разъединение происходило, потому что у них были проливы Босфор и Дарданеллы – и они понимали, что вот здесь Европа, а вот здесь Азия. Но мы с вами живём севернее, и для нас Евразия едина.

Итак, далее я бы просто тезисно отметил, что для нас с вами экономический фактор всегда был определённым вызовом, и тогда, когда наше пространство было традиционно аграрным, и тогда, когда у нас началась **глобальная модернизация** во второй половине XIX века, и я бы сказал, мы прошли её максимально быстро, потому что условные рамки этой модернизации – с 1861 года, с отмены крепостного права, по 1961 год, до Гагарина в космосе. И представьте себе, от манифеста 1861 года до Гагарина – всего только 100 лет! По историческим меркам это ничто...

Но, как бы то ни было, за эти сто лет мы с вами очень сильно поменялись – стали индустриальными, городскими, грамотными, оказались в секулярном мире, и с этим надо иметь дело. И встаёт вопрос: мы сами-то где сейчас? Мы учитываем эту глобальную модернизацию и от неё исходим, или мы желаем от неё отвернуться и оказываемся в ситуации, когда у нас «садок вишнёвый коло хаты» – и мы,

радостно надевая вышиванку, ломаем какую-то сложную конструкцию на дрова. А дальше будем думать, что делать, что, собственно, проедать? Мы с вами должны иметь в виду, что в нашей истории выработался **мобилизационный путь поведения**, что мы склонны и к прорывам, и к инерционности, и в этом смысле не хотелось бы повторить монгольскую историю, когда происходит прорыв, а потом начинаются целые века инерционности с последующим сходом с исторической сцены. А ведь монголы когда-то контролировали этот глобальный коридор. Как бы нам не оказаться в таком вот тренде.

Мы с вами не должны забывать про **наши традиционные ценности**. Именно традиционные. Отметим, что здесь, на нашем пространстве, люди любят только те ценности, которые кто-то когда-то защищал даже ценой своей жизни. А, может быть, и нам придётся чем-то ради этого жертвовать. Никакие ценности, порожденные игрой ума, здесь не работают, к ним никто серьезно не относится. Мы должны исходить из того, что мы принципиально **полиэтничны** и есть **традиция уважения чужой этничности и чужих конфессий**. Это не означает, что мы должны их принимать, просто мы уважаем то, что проверено временем и за что другие боролись, а не из пальца высосали.

И последнее. Рано или поздно нам придётся создавать **политическую надстройку** для нашего экономического пространства: просто потому что это позволяет мобильно действовать, защищать интересы и учитывать интересы тех, кто экономически не очень активен или экономически не очень большой. Но во имя общего блага эти интересы в рамках тех или иных политических механизмов вполне можно учитывать. И именно поэтому нам эти **политические механизмы** нужны. И мы будем утверждать это **братство**, которое и является нашей главной традиционной ценностью.

Метафора «Евразийской Атлантиды» в прошлом, настоящем и будущем

Впервые я столкнулся с выражением «евразийская Атлантида» в 1999 году, когда мой учитель **Вадим Леонидович Цымбурский** – известный филолог, философ, геополитик, создатель концепции «**Острова России**» – написал статью, которая называлась «**Геополитика для евразийской Атлантиды**». В этом тексте он сослался на выступление моего отца, который в 1996 году говорил о том, что Россия напоминает Атлантиду конца XX века.

Первый смысл метафоры был самым простым. Россия – Атлантида в том смысле, что она так же, как и та Атлантида, которая была описана Платоном в двух диалогах, в диалоге «Тимей» и в диалоге «Критий», потерпела катастрофу, затонула, то есть погибла. Вот этот печальный подтекст был изначально заложен в том образе евразийской Атлантиды, который использовал **Вадим Межуев**.

Цымбурский спорил с моим отцом, отстаивая мысль, что **распад Советского Союза не представлял собой катастрофы для исторической России**. По его мнению, распад не был именно геополитической катастрофой, хотя и представлял собой драматическое историческое событие. Цымбурский – первый из известных социальных мыслителей – сказал, что в возникновении новой России, России, которая в тот момент выглядела просто обломком старой империи, есть исторический смысл. В чём он видел этот смысл?

С его точки зрения, с распадом СССР завершился определенный путь развития имперской России, идеальная, предельная цель существования которой состояла в усилении присоединиться к западной цивилизации, войти в Европу. По мнению Цымбурского, в 1991 году мы потеряли те территории, которые соединяли нас с Европой. Объективно, с

геополитической точки зрения, это не могло не означать фрустрацию нашего европоцентризма. Тут важный момент – Цымбурский отнюдь не радовался распаду Союза, наоборот. Он переживал за Крым, за Приднестровье, за родную и любимую им Белоруссию, которую отказывался считать лимитрофным государством, подобным Украине или Молдове. Но он полагал, что вне зависимости от того, чего хотят и чего не хотят элиты новой России, наша страна уже не сможет впредь считать себя частью Европы. В этом смысле геополитика будет действительно определять нашу идеологию, но не в том смысле, в каком об этом говорят евразийцы всех мастей. Перестав контролировать лимитрофные территории, территории-проливы, мы как бы обнулили три столетия нашей имперской экспансии и фактически вернулись в XVII век. В этом смысле мы не перестали существовать как геополитическое целое, но в то же время погиб наш европоцентризм, наше страстное желание воссоединиться с той цивилизацией, которую российский интеллектуальный класс считает своей «второй Родиной», духовной метрополией. Теперь придётся привыкать жить в своего рода цивилизационной изоляции от Европы, тем более что последняя, с одной стороны, осуществляет экспансию своих структур к российским границам, а с другой – не испытывает желания даже в будущем принимать в свой состав Россию.

Наша задача теперь – обратиться на Сибирь, на Северо-Восток, поднять и развивать, как он говорил, трудные пространства, которые были не освоены Россией именно потому, что она была прикована к Европе и стремилась в Европу. И для неё, по этой причине, земли на Западе имели большее значение, чем весь наш огромный Северо-Восток, и так далее. В этом смысле Цымбурский следовал Солженицыну, который в «Письме вождям Советского Союза» говорил о том же самом Северо-Востоке как пространстве русской внутренней экспансии.

Цымбурский оказался пророком в главном: несмотря на всю позднесоветскую, горбачевскую, и постсоветскую, ельцинскую, риторику присоединения к Европе, которая в это время господствовала в российских масс-медиа, в политической элите, в дискурсе всех действующих политиков, несмотря на всё это, **геополитический смысл распада Советского Союза состоял в отделении России от Европы.**

Цымбурский действительно предрёк сегодняшней виток цивилизационного противостояния почти в точности, но в чём он оказался не совсем прав – в том, что он глядел на ситуацию после 1991 года чересчур оптимистично, он не считал возможным, не допускал расширения НАТО на Восток, считая, что Запад не сможет переварить даже ГДР, уж тем более вот эти новые государства, новые демократии, которые возникли тогда на восточной периферии Европы: Польшу, Венгрию, Прибалтику и особенно Украину. Он был убежден в том, что Европейский союз надорвется, пытаясь взять эти территории под свой контроль и удержать их в едином миграционном и экономическом пространстве.

В принципе, он оказался прав и в этом. Европейский союз, собственно, и сломался на этом безудержном расширении, но для того, чтобы это стало фактом, потребовалось какое-то время, а до этого времени экспансия западных структур на эти территории шла с нарастающей силой. Поэтому, когда Цымбурский писал «Геополитику для евразийской Атлантиды», было видно, что он не знает ответа на вопрос, как следует вести себя России – в контексте «островной» геополитики – в ситуации поглощения Лимитрофа Евро-Атлантикой.

«Геополитика для евразийской Атлантиды» была написана в период **трагедии Югославии**, он очень сильно переживал за ее судьбу, в первый раз реально испытал чувство негодования к тому, что всегда пренебрежительно именовал «мировым цивилизованным». В 1999 году он никакого дру-

гого направления российского внешнеполитического продвижения, кроме как в Азию, не видел. Поэтому слово «евразийский» появляется у него, прямо скажем, для того, чтобы закрыть эту геополитическую тему.

Однако в конце жизни он приходит к явному намерению пересмотреть основания собственной концепции. Для него был важный момент – признание Россией **независимости Абхазии и Южной Осетии** по итогам грузинской войны 2008 года. Он увидел в этом событии решение проблемы, как может мыслиться «Остров Россия» в контексте экспансии Евро-Атлантики на Восток. Он посчитал, что нужно ввести в аппарат собственной концепции такую категорию, как **шельф «Острова России»** – обозначив этим выражением те территории, которые в случае продолжения экспансии Запада выберут не его, а Россию, будучи связанными с ней культурными, историческими или же этническими связями. По сути дела, в этот период Цымбурский приближается к пониманию фактической неизбежности того, что случится с Россией в 2014 году. Он даже будет писать, что нельзя исключить, что границы России изменятся, полагая, однако, что это изменение не разрушит логику его «островной концепции». Собственно, из вот этих предсмертных догадок ученого (который ушел из жизни в 52 года, в марте 2009) и родилась уже моя собственная концепция «цивилизационного реализма».

Но всё это для меня имеет вторичное значение, потому что с определённого момента образ евразийской Атлантиды для меня стал наполняться какими-то другими смыслами и тоже в связи с Цымбурским. Дело в том, что с конца 1990-х годов он стал разрабатывать свою какую-то очень странную, никем при его жизни не осмысленную **идею хронополитики**. В этой хронополитике он опирался на работу, которую очень не любят современные философы – на **«Закат Европы» Освальда Шпенглера**. Причём не на первый знаменитый том этой работы, а как раз на **второй**, который

переведён на русский язык не так давно, как раз где-то в 90-е годы, и он называется «**Всемирно-исторические перспективы**». Он вышел, кажется, в 1922 году.

Шпенглер в этом томе доказывает, что в каждой из высоких культур есть два начала. Говоря языком Фрейда, которого Шпенглер, возможно, читал, – это «тотем» и «табу». Шпенглер исходил из того, что тотем – это родовое начало, можно сказать рыцарское начало рода и потомства. Второе начало – духовное. Речь идёт о противостоянии кшатриев и брахманов, духовенства и дворянства, рыцарства и монашества. Эти два начала существуют в каждой цивилизации и их относительно бесконфликтное сосуществование определяет собой ту фазу развития каждой, которая называется **феодализмом**.

Но вот дальше что-то происходит в истории человечества, в истории каждой из цивилизаций, в истории каждой из культур. Второе начало существует в отдалении от власти – **духовенство**. Они же живут в монастырях, они живут сосредоточенно на своей духовной, интеллектуальной, созерцательной жизни, как и брахманы в Индии или как пифагорейские кружки в Древней Греции, или как монахи в Средневековой Европе. Они никак, собственно, не влияют на общество. Более того – они даже не борются за женщин и политическую власть в том смысле, что они, как правило, соблюдают обеты безбрачия и, тем самым они утверждают свою автономию от власти, которая позволяет им свободно заниматься созерцательной жизнью и сохранять отстраненность от социума. И так это всё длится до какого-то времени, пока не наступает своего рода «час икс» истории. Шпенглер называет этот «час икс» «временем Пифагора, Мухаммеда, Кромвеля». Цымбурский прибавлял и Ленина, давая этому событию название «**городской революции**». В этот момент «духовное сословие» пытается перестроить общество по своим принципам, нормам и представлениям о жизни, при этом претерпевает изменения и религиозная традиция. И Цымбурский считал, что русская большевистская

революция – это выход секуляризированных потомков духовенства на историческую сцену, чтобы создать общество в соответствии со своими приоритетами. Но когда они это делают, они перестают быть духовенством и становятся теми, кого, по нашим категориям, можно обозначить понятием «интеллигенция», а ещё лучше термином «интеллектуальный класс», то есть учёным сословием, классом производителей и распространителей нового знания.

На мой взгляд, современное общество отличается от традиционного, назовем его аграрно-сословным, тем, что открывает для себя социальную роль научного знания. Современное общество отличается тем, что учитывает приоритетную роль знания и, соответственно, роль производителя знания – интеллектуального класса – в развитии общества и его конкурентном успехе. Общество оказывается тем сильнее, чем на более передовых рубежах науки находятся его цеха производства научного знания, чем быстрее оно оказывается способно воспользоваться плодами их деятельности. Изначально интеллектуальный класс занимает не самое высокое место в системе сословной иерархии. Но рано или поздно он обретает социальную и политическую субъектность и начинает претендовать на лидерство.

Ранним свидетельством этой социальной претензии может считаться незавершенная утопия **Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида»**. Рукопись этой повести была найдена в бумагах великого английского учёного XVI–XVII веков и опубликована посмертно в 1627 году. Утопию эту не очень любили в СССР, поскольку, в отличие от Мора и Кампанеллы, Бэкон не призывал ни к общности имущества, ни к насильственному установлению социального равенства. Не найти у Бэкона ни призывов к общности жен, ни борьбы с церковью. Его утопия не претендовала на полномасштабную и коренную перестройку всего человеческого общежития. Смысл ее состоял в подчинении общества, его

политической и социальной инфраструктуры, тому сегменту интеллектуального класса, который был вовлечен в производство научных инноваций в разных направлениях.

Хотя в повести Бэкона подробно не описывается политическое устройство острова Бенсалем, но в ходе рассказа о таинственном **Доме Соломона**, своего рода Академии наук, расположенной на этом острове, выясняется, что члены дома обладают такими правами, которых лишены остальные островитяне. Им, например, позволено вступать в контакт с иностранцами, что строжайше запрещено другим жителям Бенсалема:

«Запретив своим подданным плавание во все края, не подвластные его короне, государь, однако ж, постановил, чтобы каждые двенадцать лет из королевства нашего отплывало в разных направлениях два корабля; чтобы на каждом из них отправлялось по три члена Соломонова дома для ознакомления с делами тех стран, куда они направляются, в особенности с науками, искусствами, производствами и изобретениями всего мира, и для доставки нам всевозможных книг, инструментов и образцов; и чтобы привезшие их корабли возвращались, сами же они оставались в чужой земле до следующей такой поездки».

Из этого и других замечаний Бэкона можно сделать вывод, что Дом Соломона если и не представляет собой в прямом смысле тайного правительства острова, то является как бы идеальной целью, «энтелехией» его существования: остров в целом служит интересам Дома, обеспечивая успех его деятельности. И в то же самое время плоды достижений Дома Соломона, то есть научно-исследовательской корпорации, возвращаются островитянам в виде конкретных материальных благ.

«Новая Атлантида» – это та социальная утопия, на которую во все века сознательно или бессознательно ориентировался интеллектуальный класс: в таком обществе все классы работали бы на благо ученых, а те, в свою очередь,

будучи освобождены от физической работы и занимаясь любимым делом, выведывали у природы ее сокровенные тайны и платили бы другим классам за их «отчужденный» труд приоритетным доступом к плодам самых передовых технических и научных открытий. По сути, это общество, хотя и не является в строгом смысле эгалитарным, на самом деле и представляет собой первый вариант того общественного устройства, которую ранний большевизм считал переходной формой к будущей коммунистической утопии. Революционные марксисты обозначили фактически диктатуру инженерно-технического и научно-исследовательского сословия понятием «диктатуры пролетариата». Феномен интеллектуального класса был скрыт за многозначным понятием «пролетариат», которым можно было объединить фабрично-заводской люд и инженерно-техническую интеллигенцию в явной надежде, что инженеры (в том случае, если они примут марксизм как программу действий) поведут за собой рабочих, а рабочие своим протестным массовым давлением освободят инженеров от господства частных собственников, заставив работать на общество в целом.

В конце 1890-х годов внутри интеллектуального сообщества Петербурга состоялся небезынтересный спор между либеральным публицистом Людвигом Слонимским и марксистом Марком Ратнером. Слонимский критиковал теорию прибавочной стоимости, изложенную в «Капитале» Маркса, в том числе и по той причине, что эта теория якобы не подчеркивает важную роль интеллектуального труда, то есть науки, в производстве капитала, оседающего затем в кошельке предпринимателя. Ратнер отвечал с цитатами из «Капитала» в руках, что Маркс прекрасно учитывал роль интеллектуального труда, и даже настаивал на том, что выражением «рабочий класс» он описывает не только человека физического, мускульного труда, но также и участвующего в производстве наемного интеллектуала.

Но если это так, то почему «пролетариями» мы должны называть обязательно людей, стоящих у станка, а не людей, разрабатывающих эти самые станки? И в этом случае разве не должны мы совсем иными глазами взглянуть на идею «диктатуры пролетариата»? Совсем не абсурдной должна показаться мысль, что она должна была быть отнюдь не диктатурой промышленных низов, но авторитарной властью научно-технической интеллигенции, опирающейся действительно на эти самые рабочие низы, но при удержании в сознании только им понятной высшей цели.

А высшая цель – это общество, в котором постоянный и неуклонный прогресс науки, не отягощенный ни корыстными экономическими расчетами, ни заботами о социальном равновесии, ни религиозными табу, будет обеспечивать постоянный и неуклонный переток людей из низшей, «рабочей», то есть мускульной, страты в страту высшую, интеллектуальную. В том числе за счет автоматизации производства, расширения сферы массового образования, переподготовки кадров и т. д.

Переводя этот идеал на наши сегодняшние реалии, можно сказать, что самым близким аналогом «диктатуры пролетариата» казалась бы диктатура Академии наук над остальным обществом, при условии, что, освобождаясь от бремени отчужденного труда, ряды этой Академии наук в союзе, скажем, с Академией художеств расширялись бы до бесконечности, пополняясь новыми и новыми кадрами. Братья Стругацкие в своих ранних повестях попытались художественно запечатлеть этот идеал в виде Мира Полдня, и советские интеллигенты буквально влюбились в него, не сознавая, что перед ними – та самая «диктатура пролетариата», которая с кровью и болью пробивала себе дорогу в 1920-е годы.

Как следует к этому относиться с консервативной точки зрения?

В фильме «Сталкер» Андрея Тарковского есть момент, когда герой Кайдановского предостерегает Писателя в исполнении Солоницына от того, чтобы пойти в заветную комнату простым коротким путём. Понятно, что это метафора религиозного отношения к истории – с христианской точки зрения простым путём в истории не ходят. Попытка воссоздать Новую Атлантиду в виде «диктатуры» якобы пролетариата за счет установления советской власти с одной стороны и электрификации с другой привела к безжалостному уничтожению как бы лишних, не нужных этой утопии, групп населения: военной аристократии, казачества, купечества, почти полному истреблению духовенства. Уже после смерти Ленина лишним и мешающим достижению социального рая оказалось крупное крестьянство. И кончилось всё это тем, что в 1930-е годы самая идеологизированная часть марксистской интеллигенции наконец с ужасом для себя обнаружила, что в отсутствие вот этих якобы лишних сословий она осталась в одиноком противостоянии с хищной и безжалостной новой номенклатурой, выходцами, как правило, из мелкого крестьянства, которая в этих интеллигентах небезосновательно усматривала причину своих несчастий.

Вот к чему приводит в истории прямой путь к социальной мечте, вот чем оборачивается каждый новый рывок к столь, казалось бы, прекрасной (и в самом деле прекрасной) Новой Атлантиде. И оказывается, что этой утопии не хватает дворянской чести (она ушла вместе с самим дворянством), не хватает экономической смекалки (она погибла вместе с купечеством), ей явно недостает чувства трансцендентной истины (она загнана в подполье вместе с духовенством). И каждое истребленное этой утопией сословие мстит за себя классу-гегемону, которым, как мы уже говорили, на самом деле является этот самый «мыслящий пролетариат».

Повторится ли попытка возрождения этой утопии? Она повторится обязательно, ибо она и есть движущая сила

всего социального прогресса. Только слова будут какие-то новые. Не «диктатура пролетариата», но, скажем, «матриархат». Появятся новые философы, которые скажут, что победе социальной утопии мешают сильные, здоровые, властные и сексуально активные мужчины. И если их всех отправить в гости к Харви Вайнштейну, то в этом случае лишенным воли к власти, обращенным к познанию и культуре интеллектуалам обоих полов будет легко и просто жить на этом свете, без риска оказаться в подчинении у очередных «неприятных классов» – финансистов, силовиков, теневиков, каких-нибудь братков и т. д. и т. п.

Но вспомним снова «Сталкера»: короткий путь в истории – самый опасный. В прошлый раз, в XX веке, Зона, то есть та сила, что управляет историей, нас остановила. Но далеко не факт, что она захочет остановить нас снова, в веке XXI.

Однако мы не сможем называть себя в полном смысле цивилизацией, если всё-таки окажемся совсем отделены от идеи Новой Атлантиды. В этом и состоит задача консерватизма, или как говорил Цымбурский, задача русского викторианства. Нужно попытаться вписать Новую Атлантиду в существующее общество с его реальными действующими лицами, всеми этими «неприятными классами» – силовиками, чиновниками, финансистами, деклассированным пролетариатом и трудовыми мигрантами. Если мы начнем действовать по-большевистски, мы снова создадим себе могильщика в виде какого-нибудь очередного авторитарного монстра, если совсем откажемся от Бэкона и Новой Атлантиды, признаем, что интеллектуального класса не было и нет, а есть лишь оплаченные тем или иным заказчиком «говорящие головы», не будем бороться за свое право и свою на самом деле обязанность говорить истину (а это очень и очень неочевидное для современного мира право), то распишемся в собственном историческом фиаско. Поэтому, если мы хотим, чтобы идея евразийской Атлантиды обрела свой

позитивный смысл, нам, конечно, необходимо, чтобы интеллектуальный класс России обрел свою субъектность, смог бы выдвинуть к власти и к другим классам свой набор требований, но при этом нужно, чтобы этот класс связывал себя именно с Россией, чтобы видел в ней реализацию своих исторических перспектив. Если мы хотим, дерзаем называть себя «цивилизацией», нам, как и любой иной цивилизации, нужно быть немного «Атлантидой», то есть обществом, способным не только использовать науку, но и подчинить себя науке, то есть подчинить свои властные, имущественные и культурные установки бескорыстному служению объективной истине.

Каким должно быть евразийство в XXI веке?

Хотел бы оттолкнуться от тезиса. **Что же евразийство представляло из себя в XX веке? Почему оно должно быть иным, и если иным, то каким?**

Споры ведутся до сих пор. Евразийству в этом году 100 лет. Для идеи это небольшой возраст, мы все понимаем, что были предшественники, мы видели **предтеч евразийства** в идеях Достоевского, известного русского писателя, в идеях географа Ломанского, в идеях элиты российских промышленников, царедворцев, которые обращали свой взор на восток и развивали территорию Российской Империи, хотели идти через Афганистан на Индию. Евразийство возникло не на пустом месте – это логичное развитие исторического пути России с XIII по XX век, когда евразийство появилось как некая оформленная идеология. Поэтому в истории идей ничего не бывает случайного, они появляются не на пустом месте, они вырастают из предшествующего культурного слоя, или гумуса, и эти деревья идей растут дальше ввысь, плодятся и плодят разные ветви, и богатство этих идей представляет некую вариацию развития политики и культуры.

Понятно, что **в XX веке у евразийцев не было шансов реализоваться**, потому что существовали мощные, подпитанные геополитической субъектностью идеологии, которые задвинули его на периферию. Это был коммунизм, западный либерализм. Эти идеи сражались между собой весь XX век, и это сражение закончилось поражением красного проекта, или коммунизма.

Это дало истории шанс для развития евразийцев. В XX веке **марксистская ортодоксия не принимала в евразийстве его ориентированности на геополитику**, это считалось грехом географического детерминизма – то есть

объяснения событий через географию, плюс внимание добавлялось к этнографии и традициям народов. Считалось, что для марксизма исторические события, существование в большом пространстве народов, объясняется хозяйственным укладом, наличием материальной базы средств производства, но никак не метафизическими идеями о сочетаемости православия с исламом. Методологический марксизм не мог принять евразийство, потому что там очень много апокрифических для марксизма идей.

Если ортодоксию марксизма убрать, оставить здоровое ядро политэкономическое, то есть анализ реальности материальный в конкретных исторических, географических условиях, то окажется, что особых противоречий с евразийством нет. Если мы будем понимать евразийство приближённо к факторам производства, экономики.

Сегодня, в XXI веке мне кажется, что наиболее перспективным путём развития евразийства как раз и будет сочетание евразийской методологии, то есть через географию, геополитику, этнологию, с неким марксистским подходом – с политэкономическим анализом географических условий, анализом того, как может развиваться логистика, каким образом выстраивать там промышленную кооперацию.

Есть ряд работ, которые так и называются – «Евразийская политэкономия». Это один из факторов, который позволит евразийству в XXI веке быть живым и достаточно прогрессивным течением мысли.

Каким евразийство может быть ещё? Я сейчас показал одну из перспектив, то есть сочетание евразийского метода и частично марксизма в политэкономическом смысле. Это важно, особенно если мы говорим о необходимости собирать наше пространство именно на какой-то материально реальной базе, то есть не на уровне чисто умозрительных идей и метафизики, а на основе того, что, например, происходит в Евразийском экономическом союзе. То есть мы хотим создать единый народнохозяйственный комплекс, но

как это сделать? Возникает вопрос, потому что **чистые законы рынка и капитализма в Евразии не работают**. А почему они не работают?

В силу того, что у нас достаточно сложные климатические условия для, например, сельского хозяйства, у нас нет выхода к тёплым морям, что затрудняет торговый оборот, и мы все понимаем, что, например, взлёт капитализма в Британии, в Голландии был обусловлен именно морской торговлей, наличием капитала, предпринимателей, которые отправлялись в море в качестве колонизаторов, операторов, торговцев – и они таким образом прокладывали путь к глобальному капитализму через свою деятельность.

В Евразии всё происходит по-другому. Даже **освоение пространства** – Сибири, Средней Азии – проводилось не купцами, торговцами, пиратами, а **через военный бюрократический механизм**. То есть централизованный либо с привлечением, условно говоря, элементов социально-маргинальных, вроде казачества, которые формально служили верховному государю, но действовали во многом автономно, находились на расстоянии от центральной власти, но при этом аффилировали себя с русским государством. Но это другой тип освоения пространства, который склонен в экономическом смысле порождать не рыночно-капиталистические отношения, а отношения распределения имущества и собственности.

К западной морской атлантической модели наиболее идеально подходит рынок, свободное море, пространство, где каждый может что-то себе выторговать, заработать капитал. Государство – как бы такой сторож, который просто определяет правила игры среди этих свободных индивидов, капиталистов, предпринимателей. Оно просто создает им некую среду, но не особо вмешивается в их дела, а если это необходимо, то часто выступает не само, а, например, под видом Ост-Индийской компании, то есть создается некая корпорация, которая завоёвывает территории Индии.

В Евразии всё по-другому. Существует либо военно-бюрократическая машина в виде имперской власти – то есть вертикальная централизованная система во главе с авторитарным лидером. Двигается эта машина по направлению к расширению границ. Либо участвуют такие формирования, как казаки, когда военно-бюрократическая машина не всегда способна подчинить либо захватить отдельные территории. И здесь действует фактор распределения имущества, богатства не в силу рыночной логики, а в силу того, как ты служишь государству. Тебе определяется кусок собственности, даётся какое-то право владения чем-то, тебя пускают на социальную лестницу.

Соответственно в этом плане сама логика Евразии говорит о том, что здесь не работают классические рыночные механизмы, и **евразийство вполне сочетается с марксистским политэкономическим анализом.** Примерно то же, мы можем наблюдать в Китае, где, поняв логику своей цивилизации, китайцы, у которых тоже укорена система централистского авторитарного толка, построили гибридную модель, то есть сочетание элементов социализма с элементами рынка, но только теми, которые им выгодны для собственного развития. То есть, отрицая либеральную западную догматику, они выстроили ту модель, которая им кажется адекватной для себя и для своего существования в этом мире, в мире глобального капитализма.

Вот и в Евразии, конечно, мы тоже наблюдаем эти **гибридные формы.** Мы все видим, что государство в наших странах – это всё равно самый главный собственник. Мы видим, что собственность и **капитал распределяется, прежде всего, среди приближенных к власти элит.** У этой модели есть плюсы и минусы. Евразийство вполне органично может сочетаться с различными идеями, в том числе вот такого левого марксистского толка, особенно в современном мире, который распадается на блоки, где протекционизм будет господствовать над логикой глобального рынка.

Второй тезис. Евразийство XX века утверждало, что **Евразию создал союз Руси и тюрков**, восточных славян, русских славян и тюрков, леса и степи, и что из этого союза родилась Россия, прежде всего Великороссия, Московское государство, и затем уже Российская Империя. То есть это сочетание различных ландшафтов, различных этнических стихий – славянской и тюркской.

Это произошло в результате перенимания многих форм организации государства у монголов, это такой краеугольный камень Евразийства XX века. То есть Россия возникла из адаптации практик монгольской империи к своей реальности – управления большим пространством посредством сбора налогов, организации почтовой службы, организации системы наместников.

И знаменитый такой тезис, от которого коробит многих противников евразийцев, произнесенный **Николаем Трубецким** звучал так: «Суровый отец наш Чингисхан». Для того времени тезис был весьма эпатажный, потому что он вводил элемент истории, связанной с монголами, немножко с другим знаком, он вводился скорее уже со знаком плюс, а не так, как это было ранее, когда монгольское нашествие воспринималось однозначно негативно. Дальше эту идею уже развил в таком этническом плане **Лев Гумилёв**, где он показывал эти этнические основания для подобного синтеза.

Действительно, если мы говорим о том, что на самом деле в основе Евразии лежит некое единство, то без анализа этнических отношений, межнациональных отношений, обойтись невозможно. В нашем плавильном тигле получается достаточно неплохо сосуществовать различным этносам, причём **основа этого существования – русская культура и русский язык**. Именно они становятся универсальным фактором взаимопонимания, взаимопроникновения высокой культуры и науки, где-то даже фактором модернизации. И это принимается большинством народов, которые вовлекаются в орбиту русского влияния.

Это не вызывает такого радикального отторжения. Конечно, никакие отношения не могут быть идеальными, бывают войны и конфликты. Но это далеко не та модель, которая, например, была организована англосаксами в Индии, Юго-Восточной Азии, или французами в Африке, где реально идёт отторжение, где было сопротивление западному колониализму. То есть в пространстве Евразии русская культура не воспринималась, как нечто чужеродное, которое требует искоренения по отношению к своим национальным культурам, и во многом это остается до сих пор так, несмотря на существование национальных государств.

В Евразийстве XXI века мы выйдем, скорее всего, за пределы этой схемы. То есть эта схема, скорее всего, реальна, она как теория уже существует в сознании, она оспаривается или подтверждается, но, тем не менее, **в XXI веке нам понадобится нечто иное.** И это будет связано с тем, что России, её союзникам, людям, кто себя отождествляет с русской культурой и цивилизацией, придётся искать **пути сосуществования взаимопонимания и интеграции с другими мирами, этническими, религиозными, географическими.**

Этот конфликт с Европой, который происходит сейчас, который мы наблюдаем – весьма долгосрочный. И он не закончится, как он заканчивался обычно, то есть если проанализировать фазы исторического развития отношений России и Запада, то там идёт конфликтная фаза, потом поиск неких путей взаимопонимания, а затем интеграция. То есть последний такой период фазовой интеграции России с Западом был в конце 70-80-х, когда в результате идеи конвергенции советская элита приходит к необходимости интеграции с Европейским союзом. И только сейчас мы видим, как **идея объединиться с Германией рухнула.**

Но сейчас произойдёт то, чего раньше не было. Раньше идея объединения с Европой для России имела фундаментальное основание: России для модернизации своей централизованной бюрократической империи, для контроля над

пространствами нужна была технологическая база, и всегда эта база последние 500 лет находилась на западе – в Германии, во Франции, в Великобритании, в Соединённых Штатах – и поэтому ориентация после паузы конфликта на Запад была неизбежной. Это была логика исторического процесса. Для того, чтобы **Россия технологически модернизировалась**.

Но сейчас с ростом в Азии крупнейших центров силы в виде и технологий, и финансовых ресурсов, **Запад, и особенно Западная Европа, теряют монополию на технологическое лидерство в мире** впервые за 500 лет. Сегодня, по некоторым секторам будущего, в технологическом смысле, например, связь 5G и 6G, **Китай** многократно превосходит ту же Западную Европу. А именно в цифровой сфере, в сфере технологий будет происходить некий рывок в развитии. Соответственно, возникает понимание, что России для развития Европа перестаёт быть необходимой, а необходимыми становятся иные доноры, сегодня таким донором скорее всего будет выступать Китай. Но не только Китай. Такие же, в общем-то, центры силы растут практически по всей территории Евразии, которые окружают Россию: это Турция, Индия, Юго-Восточная Азия. Серьёзные шансы имеет Иран. России придётся выстраивать отношения с каждым из этих миров, при том, что у центров этих миров, например, у Турции или у Китая, есть собственные проекты развития. Их нельзя назвать евразийскими в классическом смысле, но они, так или иначе, вбирают в себя значительную часть Евразии и территории, на которые одновременно претендуют и они, и Россия. Соответственно, евразийство XXI века – это своеобразная идеология перевода на понятный и приемлемый друг для друга язык сосуществования этих проектов.

Евразийство должно стать мета-идеологией, которая позволит не просто заниматься империализмом. В России у нас пока не хватает сил, чтобы напрямую навязывать Китаю

или Турции какие-то решения. Необходимо искать **точки взаимопонимания и взаимопроникновения** для того, чтобы убирать конфликт – это то, на что евразийство способно в интеллектуальном плане.

Структура ОБСЕ, которая была создана в результате фазы сближения России и Европы, контролирует соблюдение Хельсинских соглашений, а также реализацию программы интеграции постсоветского союза в некое общеевропейское пространство: правовое, образовательное, гуманитарное пространство безопасности.

Задача Евразийства в XXI веке – полное исключение подобных структур, будь то ОБСЕ или НАТО.

Почему это необходимо? Потому что, когда вы допускаете либо ОБСЕ, либо принимаете Болонскую систему, нужно учитывать, что эти стандарты работают на западную цивилизацию, а все подходы, которые реализует ОБСЕ, в конечном итоге, продвигает интересы ключевых западных государств внутри этого объединения.

Соответственно, такие организации, как ШОС, которые могут возникнуть в Евразии, которые урегулировали бы евразийские конфликты, должны получить приоритет.

Ни один евразийский вопрос не должен решаться с участием Запада. Это достаточно острый тезис, но для будущего Евразии он необходим.

ОБСЕ и западные структуры не разрешают конфликты. В лучшем случае они их замораживают или усугубляют, усиливая западное политическое влияние в тех государствах, куда они приходят. Соответственно, если мы исключаем внешних заинтересованных изнутри евразийских дел, увеличиваются шансы на разрешение самых застарелых конфликтов в Евразии и их недопущения.

Это пока идеальная модель, но она демонстрирует логику, в которой я говорю о том, каким должно быть евразийство XXI века.

Мы должны искать в евразийстве мета-систему, мета-идеологию, которая позволяет основным ключевым силам в

Евразии находить общий язык и выстраивать некую общую архитектуру.

Начинать можно с этих вопросов урегулирования конфликтов, например, в рамках ШОС, далее можно говорить о некоем гуманитарном пространстве.

Почему только Болонская система является неким эталоном образования на значительной части Евразии? Кто, зачем и почему навязал нам эту модель?

На мой взгляд, наша советская была не худшей. А Китай вообще не принимает эту систему, не говоря уже про Иран. То есть мы должны находить точки соприкосновения, и здесь никакой иной идеи, кроме евразийства – нет.

Другое дело, что **подобный подход не исключает конкуренции проектов**. У Турции будет естественно Великий Туран – они захотят через евразийство присоединять тюрков в России. У Китая будет своё видение развития Средней Азии и продвижение Пояса и Пути так, как видят они. Но тут самый главный и проблемный вопрос к нам: **если у этих лидеров Евразии будущего и лидеров будущего есть свои акценты и проекты, то почему их нет у нас?**

Например, для проекта **Великого Турана** проблемы Средней Азии не существует, это их единокровные братья-тюрки, которым нужно привить пантюркское мировоззрение, сознание – и главным выгодополучателем становится Турция. Она привлекает к себе интеллектуальные, демографические силы всех тюркских народов и, соответственно, становится главной силой в этом проекте.

Проект **Пояса и Пути** – это продвижение через логистические хабы, промышленные центры по всей Евразии китайского капитала и подключение их к своим рынкам, технологическим платформам.

У России даже в отношении Средней Азии подобного проекта нет. Сегодня я услышал тезис о том, что евразийская интеграция в отношении Средней Азии должна строиться не на многосторонней интеграции равных, а на

двухсторонних договоренностях. При этом должны исключаться миграционные потоки из этих стран в Россию. Россия через бизнес должна вкладываться в эти территории, развивать там производство, чтобы мигранты оставались на родине, и чтобы эти территории не впадали в архаику, а развивались, но при этом были обязаны и благодарны за это России. Эта идея весьма популярна в российских консервативных и околонационалистических кругах, но она утопична. Она утопична по нескольким причинам.

Во-первых, евразийский проект уже запущен и основан на договорной базе, где есть равные возможности. Если этот проект вдруг оказывается не нужен, он почему-то не получается, то это говорит о непоследовательности, непродуманности шагов по его реализации, отсутствии должной компетенции у тех, кто им занимается.

Во-вторых, нужно учитывать, что эти люди, мигранты, не просто приезжают в Россию, не просто работают, они в том числе обучаются русскому языку, погружаются в русскую культуру. Это всё происходит в рамках капитализма, они как бы наёмные рабочие, которым можно меньше платить, но, тем не менее, это всё равно механизм вбрасывания зёрен русской культуры в эти сообщества.

Если мы эту взаимосвязь убираем, с ними-то что останется? Я сомневаюсь, что российский бизнес реально сможет изнутри эти страны стабилизировать. Потому действие происходит по логике капитализма – это не централизованное планирование, когда можно, реализуя конкретные планы, реально развивать социальные страты, слои в этих государствах. То есть госплана СССР нет – соответственно, не будет никакой модернизации и контроля в логике капиталистического рынка, это будет только логика изъятия и прибыли ресурсов из этих государств. Они не смогут модернизироваться и остаться при этом в российской орбите влияния, если действовать через только бизнес и не оставляя связи демографические, культурные, семейные.

Нужно учитывать, что у того же Китая или у Турции возможностей для инвестирования и вложения денег в эти государства, пожалуй, не меньше, а может быть и больше, чем у России. То есть это высоко конкурентная среда, а это означает, что эти государства неизбежно должны быть в интеграционных проектах с Россией. Но остаётся открытым вопрос: кто и как с ними объединяется? Каким образом это происходит?

На сегодняшний день это некая развилка, где мы увидим, в какую сторону пойдёт интеграция. Если преобладает такой евразийский скептицизм, особенно в отношении Средней Азии, тогда эти проекты будут постепенно захлопываться, в России будет преобладать консервативно изоляционистский тренд, который ничем хорошим не закончится.

Если мы продолжаем эти проекты развивать, то туда, конечно, нужно вводить элементы не только экономики, но уже и политики, и гуманитарного влияния.

Чтобы оставлять эти государства в сфере влияния России, чтобы они не впадали в архаику, и чтобы там происходило какое-то развитие, одного бизнеса мало, мало одной экономики – нужны структуры гораздо более мощные. А это, естественно, политические, военные и гуманитарные структуры, то есть всё то, что более-менее держит проект Евросоюза в силе. Но это **задача на будущее**.

Евразийство XXI века должно искать ответы на эти вопросы. Как не потерять и интегрировать эти государства, при этом понимая, что в России тоже есть граждане, которые, в общем-то, не хотели бы этой интеграции, а хотели бы иного проекта – либо национальной автаркии, либо всё-таки ориентации на Запад.

Исходя из этого перед нами возникает некая перспектива развилки развития евразийства в XXI веке. Я обозначил некую модель парадигмы, в которой евразийство может развиваться. Получится ли это? Но то, что евразийство – это

ключик к будущей конфигурации в Евразии, мне представляется интересной и продуктивной идеей. Без этого мы не поймём, что происходит в Евразии. А если будем ориентироваться на европейскую интеграцию, то с ними мы упустим то, что будет серьезно менять конфигурацию будущего в этом веке. А это рост именно азиатских стран.

Евразийская политическая аналитика: опыт глобального прогнозирования

Если вы хотите найти применение своим знаниям, касающимся геополитики, надо понять, что **вам надо уметь работать с государством**, в каком бы качестве вы ни пребывали: госслужащий, преподаватель университета, наёмный рабочий или предприниматель. Наша система так устроена.

Принятие решений и всё остальное на постсоветском пространстве происходит, в конечном счёте, через государство.

А в государстве своя психология. У госслужащих свои механизмы принятия решений. И вы должны уметь переводить свои представления о богатом духовном мире и философии на язык практически понятных предложений для государственной машины.

Вы не задумывались, откуда, с какого момента можно отсчитывать начало нынешней исторической эпохи, в которую живёт человечество? Я хочу предложить вам такую точку отсчета – это **2009 год**.

Во-первых, в этом году Китай достиг положения второй по объёму экономики планеты после Соединенных Штатов. Во-вторых, в 2009 году в ходе предвыборной кампании в США шедший к власти президент Барак Обама стал выдавать вовне огромное количество утечек **о предложении со стороны Соединенных Штатов Китаю о создании так называемой группы G2**.

Это означает, что Китаю было предложено разделить с Соединенными Штатами управление планетой. А именно – взять на себя оплату значительной части американских долгов, отправлять войска воевать туда, где воюют американцы, ревальвировать свою валюту так, чтобы конкурентоспособность китайских товаров на американском рынке

была пониже. Американцы эту политику тестировали на Японии как раз тогда, когда она достигла в капиталистическом мире того же статуса второй экономики планеты, только в 1969 году. И теперь они предложили ту же модель Китаю.

Китай отказался, аргументируя это тем, что у них большой объём экономики, их много, и в пересчёте экономических показателей на душу населения у них уровень слаборазвитой страны. И вот с этого момента **начался дрейф двух стран друг от друга**. И этот дрейф определяет всю нашу существующую эпоху.

В чём он выражался? Во-первых, Соединенные Штаты с пришедшим к власти президентом Бараком Обамой объявили о начале новой индустриализации, т.е. о переносе рабочих мест на базе новых технологий из Китая, где они размещались до того на протяжении нескольких десятилетий, назад на территорию США. Позднее эту политику в радикальных формах продолжил Дональд Трамп.

Новая индустриализация – это колоссальный по значению процесс в масштабе планеты. Он означает: кто не успеет, тот опоздает.

И успешную **новую индустриализацию развернули американцы**. Она потребовала и от других планетарных игроков, которые хоть на что-то претендуют в мире, прилагать усилия по улучшению своей конкурентоспособности, т.е. заявлять о переходе к новой индустриализации на базе своих экономик.

Китай объявил, отказываясь в 2009 году от группы G2, о том, что он также разворачивает в качестве нового драйвера своей экономики новую модель. То есть основным драйвером, основным источником экономической мощи Китая должен был стать внутренний рынок, а не экспортоориентированная приморская провинция. И с 2009 года Китай стал инвестировать средства в развитие инфраструктуры своих центральных западных провинций, а также в подъем уровня жизни и доходов своего населения.

И китайцы своего добились. Они превратили внутренний рынок в основной драйвер своей экономики, подняли уровень жизни населения. Если сегодня у них доход около 1000 долларов или чуть меньше на душу населения, то в 2009 году было 200-300 долларов. **Китай пришел к интенсивному, очень быстрому развитию науки и технологий.** Это означало, в частности для нас, уже для постсоветского пространства, что мы теперь получили не развивающиеся вместе США и Китай, а привычную нам модель. Китай развивается как огромная региональная сверхдержава, может быть, глобальная. Таким образом, **потребности рынка Китая и продиктовали по-новому его геополитику.** И это стало понятно в 2009 году.

Были проведены **переговоры на разных уровнях с Россией**, и было объявлено о резком наращивании самого разнопланового сотрудничества двух стран. Именно в рамках этих договоренностей был задействован потенциал Сибири и другие сырьевые и нецелевые проекты, связывающие экономику России с Китаем.

После 2009 года ожил и превратился в нечто существенное китайский проект **Нового Великого шёлкового пути**, ибо теперь у этих проектов был потребитель – бурно развивающейся внутренней китайский рынок. Этот фактор мы также должны учесть, думая о нашей судьбе и о дальнейшем развитии Евразийского союза.

Третий результат отказа Китая от группы G2 – это **переход Европейского союза к новой модели развития.**

Со времён своего возникновения в начале 90-х годов и до **2009** года или даже немножко позднее, Европейский союз развивался на базе философии построения экономики, которая будет обеспечивать **европейские ценности.** Хорошо это или плохо, нравится нам это или не нравится, но там **был принят принцип выравнивания уровня развития** всех слаборазвитых стран к относительно высокоразвитой части «леса». Были выделены громадные средства на

это, и восточные европейцы, и другие страны имели перед собой очень привлекательный путь развития. Стоило выполнить некие правила – и вас заваливали деньгами. **С начала 2010-х годов ЕС отказался от этой модели.**

Уже в 2015 году в Европейском союзе была принята программа, так называемый **План Юнкера**.

Он реализовывался три года, и в течение этих трёх лет было привлечено примерно 400 миллиардов долларов, или 360 миллиардов евро. Они поддерживали развитие высоких технологий не в виде прямых дотаций каким-то проектам, а в виде банковских гарантий, которые предоставляли тем фирмам, структурам, компаниям, которые доказывали способность реально развивать высокие технологии. Но уровень культуры и условия для бизнеса оказались таковы, что около 90% этих средств были инвестированы на территории старой Европы – это Бенилюкс, Германия, Франция, северная Италия, Британия, Скандинавия. С этого момента, какая бы установка по поводу дотаций бедным странам ни провозглашалась в ЕС официально, у поляков и других народов навсегда исчезла надежда, что они когда-либо станут равны по уровню развития Франции, Германии и прочим. Далее эта тенденция только усиливалась.

И сегодня мы видим, что Европейский союз перешел к модели, где есть ярко выраженный центр и навсегда слабо развитая периферия.

Например, стоило **Украине** обратиться на европейский путь развития – её вовсе не забросали деньгами, её довели до такой ручки, до какой довела бы не всякая оккупация. Это следствие перехода ЕС к новой модели.

И вот на этом фоне **посмотрим на Россию и на евразийское пространство**. В этот же период произошло несколько событий, которые являются, я бы сказал, ключевыми для прогнозирования развития России. В России пока ещё процветает борьба разных школ между собой и предла-

гаются разные идеологические трактовки, люди ищут счастье от публичной полемики, и она доступно здесь обществу, хотя, по большому счёту, бессмысленна.

В 2015 году в России было официально объявлено о переходе к очень быстрому перевооружению армии. И, прогнозируя развитие России, дальше мы должны отталкиваться, прежде всего, от этой программы перевооружения. О чём идёт речь и на какие вызовы ответила эта программа?

В 2015 году по официальным данным новая техника и вооружение составляли в России, в армии и флоте, около 30%. Сегодня – более 70%. То есть **за пять лет было проведено фактически тотальное перевооружение.** Подобные темпы перевооружения готовятся долго, и они радикально меняют место страны в мире. Это значит, что, либо страна готовится к войне, либо страна в какой-то иной форме будет использовать новое качество своих вооруженных сил в качестве инструмента своей внешней политики, а может и внутренней. Значит, пятилетка перевооружения успешно прошла, она готовилась около десяти лет.

Примерно в середине нулевых годов, как только поднялись мировые цены на углеводороды, эти ресурсы в России были, в общем-то, потихоньку перекачаны в значительной мере именно вот в этот оборонительный сектор. **И перевооружение российской армии осуществляется не за счёт покупки иностранных образцов военной техники, а за счёт собственных ресурсов.** Это означает, что перед нами тоже новая индустриализация, но просто в других формах, которые характерны для русской цивилизации.

У нас всегда всё шло, отталкиваясь от военщины, будь то времена Киевской Руси, Московского государства, СССР, какие угодно... Такова специфика цивилизации. То есть, говоря терминами геополитики, сегодня перед нами – российская цивилизация, находящаяся в восходящий фазе имперского цикла.

На какие вызовы, предметные и конкретные, ответила программа перевооружения?

Первый вызов. В начале 2000-х годов было очевидно, что Россия может потерять ядерный паритет с Соединенными Штатами. Советские ракеты выходили из строя в силу времени, и было необходимо избрать новую доктрину, как у Китая, Франции или ещё какой-нибудь ядерной державы. То есть иметь небольшое количество ядерного оружия и всё. Пойти на то, чтобы считать себя, максимум, региональной державой. **Но в России было принято иное решение – сохранить глобальный ядерный паритет.** И это удалось. По официальным данным, новая техника вооружения в стратегических ядерных силах составляет сейчас более 70%, даже около 90%.

Следующий вызов, на которой ответила программа перевооружения, – это создание вдоль южных границ России, там, где американцы определяют регион как большой Ближний Восток, от Синьцзян до Марокко, такого пространства, где все новые и новые страны попадают в то, что **американцы называют «Каменный век».**

В начале нулевых годов в этом «**каменном веке**» пребывали Афганистан и Ирак. Сегодня в таком же положении оказались Ливия, Сирия, Йемен, Египет – и мы видим угрозы ещё для нескольких стран. Каждое такое падение в «каменный век» порождает самые ужасные структуры, как бы восстают демоны истории. Если в начале нулевых такими демонами были **Аль-Каида** и **Талибан** в Афганистане, то позднее мы увидели **ИГИЛ**¹. В 90-е годы такую проблему устроили для России **ваххабиты**, взявшие власть в Чечне. Там миллиона полтора населения в Чечне тогда было, но проблем устроили не дай бог сколько.

Так вот, ИГИЛ на стыке границ Сирии и Ирака контролировало около 20 миллионов человек. **В 2015 году Россия**

---

¹ Деятельность указанных организаций запрещена в России.

ввела войска в Сирию – и удалось международными усилиями, при ведущей роли России, разгромить вот такую государственность. А если бы это не удалось? Ведь чем больше «каменного века», тем больше таких структур.

Вторая угроза, которая должна была быть решена за счёт программы перевооружения – это **создание конвенциональных вооруженных сил, которые могут отразить угрозы с юга**. Война в Сирии показала, что **Россия создала такие вооружённые силы**.

Третья угроза требует большего объяснения, и она часто вылетает у нас из ума. Это **защита Арктики**. Защита Арктики напрямую связана с проблемой глобального потепления. В чём заключается **проблема глобального потепления** для анализа и прогнозирования развития России и евразийского пространства лет на десять вперед?

Здесь можно по-разному расписывать. Я расскажу на примере случая из жизни. Мне пришлось оказаться в Западной Сахаре. Возле Мавритании есть такое пространство, которое занято Марокко, и король Марокко там проводит огромный форум экспертов, президентов, политиков (Африка и Европа). Меня пригласили россияне войти в их делегацию, и я участвовал в этом форуме. Кто там оказался самым востребованным и самым интересным? Один российский ученый – **Сергей Афанасьевич Зимов**. Это человек, который имеет один из самых высоких, а может, и самый высокий индивидуальный рейтинг цитируемости в мире. Он занят исследованием в области так называемых наук о Земле. Он постоянно живёт, в основном, в устье Колымы в Якутии, и там создал механизм тестирования того, что будет в Арктике чуть-чуть позднее. Некоторыми методами он немножко ускоряет на локальном пространстве процесс глобального потепления, смотрит, что произойдёт, и дальше экстраполирует на другие пространства. Он обнёс огромное пространство, сотни и сотни гектаров заборами. Туда запустили животных в определенных пропорциях, которые он насчитал, и создали системы управляемых

биоценозов, которые позволяют планировать, как можно развивать освобождающиеся ото льда, от вечной мерзлоты громадные пространства российской Арктики.

По некоторым оценкам, глобальное потепление обеспечит **увеличение продуктивности гектара** земли в баллах – от 4 до 20 к 2030 году. Показатель ближе к 20 означает, что в Арктике, в зоне вечной мерзлоты, становится возможно продуктивное сельское хозяйство определённого типа. Это не выращивание зерна. Он делает ставку на скотоводство. Чем больше растёт травы, тем больше животных могут с этого жить. Чем дольше вегетативный сезон, тем большее многообразие животных видов может прожить на данной территории.

Далее он рассчитал ещё множество параметров последствий глобального потепления для разных стран и регионов. Вы бы видели очередь из вот этих президентов, каких-то таинственных людей, которые стояли, чтобы просто задать ему какой-нибудь вопрос. Потому что и для Африки, и для Евразии, и для Европейского союза **проблема глобального потепления стоит крайне серьезно.**

Скажем, из бюджета ЕС на преодоление последствия глобального потепления сейчас в той или иной форме уходит примерно 24%. Почему я так акцентирую на этом внимание? **Для разных стран глобальное потепление влечёт за собой разные последствия.** Для большинства стран планеты они катастрофичны, ибо изменение климата приводит, например, к увеличению количества тайфунов, ураганов, каких-то иных природных явлений, которые приходится, прежде всего, на приморские районы. А так вышло исторически, что современная западная цивилизация, и вообще мировая, в основном, развила приморские районы. В Соединенных Штатах, Европе, Китае и Японии основные экономические регионы расположены возле моря. Вы видели на примере Фукусимы, что это такое, когда цунами разбивает только одну атомную электростанцию. Вообразите, что подобные угрозы сегодня являются актуальными для мировой экономики.

Например, считается, что все три крупных урагана, которые ударили по побережью США в прошлом году, являются последствиями глобального потепления, по крайней мере, в том масштабе, в котором они произошли. Так сложилось исторически, но это значит, что **под угрозой геологического явления находится сердцевина экономики планеты**, прежде всего – Запада.

А вот если посмотреть на Россию, то здесь последствия совершенно иные, менее катастрофичные. Какие проблемы? Надо дороги по-новому прокладывать в Арктике, надо с трубопроводами разбираться, чтобы под ними болота не возникали. Но это несравнимо с тем, что надо делать, например, Японии, Китаю или США. В России исторически основные экономические регионы расположены внутри континента: Москва, Урал, Южная Сибирь – это всё внутри.

Негативные последствия от глобального потепления в России – ниже, чем на Западе, а геополитические последствия таковы, что геология работает в пользу геополитического веса России.

Следующий момент. **Глобальное потепление в разных регионах идёт по-разному.** В России, Канаде, США существует такой феномен как тундра. **Тундра** – это замерзшая степь. Сегодня оттаивание тундры идёт сверху. Оттаивают не все 10-15 метров плодородного слоя, а только верхние полтора-два. Тем не менее, тундра оттаивает. Это означает, что просыпаются бактерии, они выделяют в воздух метан (газ). Так как оттаивает верхняя часть вечной мерзлоты, то **резко расширяется зона болот.** Вместе с расширением зоны болот **увеличивается испарение влаги**, а это, в свою очередь, пар, метан. Последствия от человеческой жизнедеятельности в виде разных газов и прочего приводят к созданию дополнительной «плёночки», которая выполняет функцию отражателя тепла и усиливает этот эффект глобального потепления. В разных регионах планеты

вот эта «плёночка» имеет разные последствия. Скажем, **резкий рост Васюганских болот** в междуречье Оби и Иртыша приводит к тому, что местные розы ветров разносят поднимающуюся оттуда влагу в район, скажем, Таджикистана, а не во Францию. Это значит, что обычные хозяйственные мероприятия на Оби могут усилить или уменьшить образование влаги где-нибудь в Узбекистане и Таджикистане. Это значит, что в странах на южных склонах Гималаев, Гиндукуша, на северных склонах Тянь-Шаня может жить в два раза больше или меньше населения, потому что для них вода очень важна. И сегодня это во многом зависит от хозяйственных мероприятий на территории России.

Например, можно уменьшить сток воды по Оби за счёт возобновления старой советской программы переброски части стока северных вод в Среднюю Азию, а можно этого не делать. От того, какое будет принято политическое решение в России, касающееся не климатического оружия, а обычных хозяйственных работ, зависит судьба таких взрывоопасных регионов, как Афганистан, Таджикистан, Узбекистан и так далее. Эта закономерность рассчитана по всей Евразии.

В распоряжении России впервые в истории находится такой грандиозный инструмент влияния на планету, как климат.

Это не значит, что Россия может затормозить глобальное потепление, но можно просто влиять. Немножко усилить, немножко уменьшить, не сильно, но вот этих нескольких процентов и градусов, учитывая глобальность последствий, достаточно для того, чтобы занимать новое геополитическое положение. И потому программа защиты Арктики – это не просто программа защиты нового Северного морского пути. Он теперь пропускает больше судов, чем раньше. Это не просто программа, которая обеспечивает гарантию доступа России к тем сырьевым источникам, которые раньше было тяжело разрабатывать из-за вечной

мерзлоты. Нефть и газ на шельфе арктических морей – это второстепенно. Главное – это то, что сегодня в распоряжении России есть инструменты глобального регулирования климата. Это должно быть защищено. Именно это защищается стратегическими ядерными силами России.

Затем, есть такая нехорошая для геополитического противника вещь, как тундра. С той точки зрения, что у США и Канады на их обширной территории вечной мерзлоты не так уж много тундры. Это Аляска и некоторые прилегающие районы Канады. А если вы помните карту Канады – это, прежде всего, скалистые арктические острова. Тундра – это гектары земли, наполненные окаменелостями мамонтов и прочих животных, которые замёрзли. У них не было таких степей на арктических островах, поэтому у них меньше этих бактерий, которые оживают. И это ещё один показатель их геополитических проблем. Они не могут рассчитывать за счет своих хозяйственных мероприятий на такую степень влияния на климат, на который может рассчитывать Россия. У них тундры меньше. Кроме того, в Соединенных Штатах и Канаде, по сравнению с Китаем, не так уж много населения. Не говоря уже про всю Евразию. И потому нельзя сравнивать геополитические последствия от возможного для России регулирования климата с масштабами последствий от хозяйственных действий США, например, на Аляске.

Поэтому мы видим совсем иную реальность, нежели ту, что нам часто рисуют в интеллектуальных спорах. Нужно спорить и развивать философию. Но при этом следует понимать, что нам надо будет решать геополитические проблемы нового типа. Это значит, что, скорее всего, все философские рассуждения, или почти все, придётся очень сильно корректировать. И, в частности, те технологии, которые сегодня вынуждена развивать и может развивать Россия. Они сами по себе формируют другую технологическую пирамиду, нежели та, которая формируется и развивается в Китае, Европейском союзе или США.

Скажем, всё, что связано с Арктикой и глобальным климатическим регулированием в России осуществляется на базе других инструментов, чем в Европейском союзе. ЕС требует уменьшить выбросы разных газов в атмосферу, изменить структуру производства. В России инструментом являются, условно говоря, каналы, отводящие воду от Оби. Это совсем другие инструменты, а значит, с этим связан геополитический вес России. Он связан не с развитием зеркальным технологий, которые развивает Запад. Нам не стать более влиятельными, чем Запад, по информационным технологиям. Вес России связан с той пирамидой и с теми технологиями, которые вырастают здесь из земли, являются естественными для России, но которые не вырастают так же где-нибудь во Франции. Потому я советую вам рассматривать геополитику не через идеологические компоненты, а через практику, через понимание того, какие надо предпринять российскому государству практические меры для обеспечения своих жизненных интересов, и дальше делать ставку на них, отталкиваясь от них, додумывая идеологию.

Далее. Вот этот «щит и меч», созданный в России за 15-20 лет, защищает не только тот комплекс технологий, который возникает на базе российской формы влияния на последствия глобального потепления. Есть ещё несколько моментов. Один из них – это то, что в тени этого «щита и меча» в России развивается несколько очень перспективных технологических проектов глобального масштаба.

Я не во всех из них разбираюсь, но я вам назову один. Есть такое изделие, называется **реактор на быстрых нейтронах**. В 15 странах, где их строили, как-то так получилось в силу разных причин, что сегодня реально действующим промышленным реактором, включённым в реальную энергосистему, является только **русский реактор БН-800 на Белоярской атомной электростанции**, введённый в строй в 2015 году. Заметьте, именно в том году, в котором

началось тотальное перевооружение армии. Итак, что такое реактор на быстрых нейтронах? Это тот тип реактора, который использует топливо, изготавливаемое фактически из всей линейки изотопов урана, добываемых из земли. Обычные реакторы используют топливо, на изготовление которого идёт 1-1,5% изотопов урана, извлекаемых из земли, а здесь почти 100%.

Это означает, что в распоряжении России оказалась возможность получения источника энергии, который обеспечивает грандиозный технологический прорыв планетарного масштаба.

Помимо всего прочего, этот реактор позволяет получать топливо, изготавливаемое из отходов традиционных атомных электростанций. Тем самым решается ещё одна проблема, которая очень остро стоит на планете – это захоронение ядерных отходов. И значит, сегодня только Россия обладает возможностью создания проекта замкнутого цикла безотходного производства атомной энергии. Условно говоря, три или два традиционных реактора плюс один реактор на быстрых нейтронах – и на этой АЭС будет безотходное производство. Тот реактор, который стоит и работает на Белоярской АЭС, уже не экспериментальный. Это не термоядерный реактор в фазе фундаментальных исследований. Он работает, но он производит ещё достаточно дорогую энергию. Она дороже той, которая производится на обычных АЭС.

К концу 20-х годов Россия должна получить **реактор БН-1200**, который будет давать конкурентоспособную энергию. И вот с этого момента появится возможность создания безотходной атомной энергетики. Вы только вообразите, какой прорыв зреет в России!

Вы видели, как китайцы крутятся вокруг этого реактора и пытаются заполучить себе? Ибо, если они собираются выйти на уровень потребления, сопоставимый с Соединенными Штатами, появление такого реактора позволяет Китаю думать о жизнеспособности своей новой модели развития.

И вот таких проектов, как реактор на быстрых нейтронах, в России зреет сразу несколько.

Таким образом, я подвожу итог. Мы видим, что **у нас идёт обычная фаза подъёма русской цивилизации**, это всегда было так. В рамках этой восходящей фазы мы видим перспективы. «Щит и меч» создан не просто для того, чтобы махать мечом и защищаться щитом. Уже через самое скорое время он должен обеспечить очень высокую геополитическую роль России на планете: от влияния на климат и до самых прорывных энергетических проектов.

Поэтому в нашей ситуации, на мой взгляд, вам надо себя готовить к работе в контексте жизнеспособного российского государственного аппарата, сильного Российского государства, со всеми его плюсами и минусами, и надеяться на лучшее. Вы получаете великолепное наследство!

К результатам форсайт-сессии «Евразийская повестка 2030»

28 апреля 2021 г. в г. Псков в рамках работы Международного форума «Евразия: «Точки Роста» и вызовы будущего – повестка 2030» специалистами АНО «Институт приграничного сотрудничества и интеграции» (г. Белгород) была проведена форсайт-сессия, на которой 24 участникам – молодым лидерам, ученым и представителям студенчества России, Белоруссии и ЛНР было предложено сделать прогноз развития ЕАЭС до 2030 г.

1. Определение ценностей ЕАЭС и ЕС

Перед форсайт-сессией молодые люди приняли участие в экспресс-исследовании, проведенном методом экспертных оценок для определения понимания евразийских и европейских ценностей, схожести и отличия между ними.

На первом этапе исследования участникам опроса было предложено самостоятельно определить набор ценностей, присущих, соответственно, ЕАЭС и ЕС.

На втором этапе путём сопоставления был произведен анализ полученных результатов, представленный в Таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ ценностей ЕАЭС и ЕС

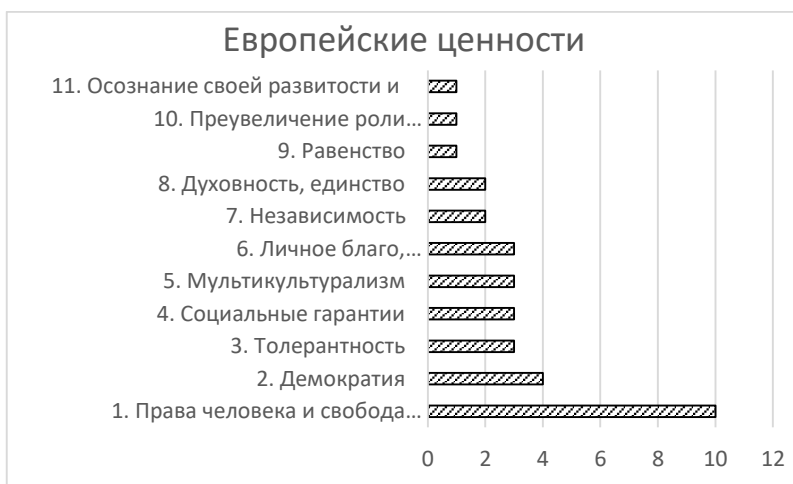
Сравнительный анализ ценностей Европейского экономического союза и Европейского союза				
№ п/п	Ценности ЕАЭС	Упомянется участниками	Ценности ЕС	Упомянется участниками
1.	Семья, преемственность поколений, дружба	11 раз	Права человека и свобода слова	10 раз

2.	Духовность, религия культура, целостность	8 раз	Демократия	4 раза
3.	Традиционные ценности, тяготение к «общим смыслам»	7 раз	Толерантность	3 раза
4.	Общий исторический путь развития	7 раз	Социальные гарантии	3 раза
5.	Взаимовыгодное сотрудничество	3 раза	Мультикультурализм	3 раза
6.	Межкультурное развитие, многонациональность	3 раза	Личное благо, индивидуализм, приоритет собственных интересов, выгода	3 раза
7.	Коллективизм, как форма менталитета	1 раз	Независимость	2 раза
8.	Патриотизм, сплоченный дух, справедливость	1 раз	Духовность, единство	2 раза
9.	Толерантность	1 раз	Равенство	1 раз
10.	Рыночная экономика	1 раз	Преувеличение роли собственного государства	1 раз
11.	Права человека	1 раз	Осознание своей развитости и исключительности	1 раз

Путём шкалирования выявленных ценностей были получены наглядные результаты отличия понимания участниками проекта «Точки Роста» евразийских и европейских ценностей, представленные в диаграммах 1 и 2.

Диаграмма 1. Евразийские ценности

Диаграмма 2. Европейские ценности

Прежде всего обращает на себя внимание то, что ценность, обозначенная как «Права человека и свобода слова» является самой весомой среди европейских ценностей (10),

но при этом аналогичная ценность «Права человека» в Евразии, хотя и обозначена, но имеет наименьший вес (1).

Наряду с «Правами человека» среди евразийских ценностей участники опроса отметили «Толерантность» (1), обозначенную среди основных европейских ценностей, «Межкультурное развитие, многонациональность» (3), перекликающиеся с европейским «Мультикультурализмом» (3), хотя и не идентичные ему, «Рыночную экономику» (1), не обозначенную среди европейских ценностей, но явно к ним относящуюся и тяготеющую и к европейской «Демократии» (4), и к «Личное благо, индивидуализм, приоритет собственных интересов, выгода» (3).

Таким образом, можно говорить о том, что в восприятии молодёжи ряд базовых европейских ценностей может уже восприниматься как ценности одновременно и евразийские, что может свидетельствовать о восприятии их в качестве общечеловеческих, универсальных ценностей.

Однако наличие этих условно «общих» ценностей не отменяет общую картину различия между набравшими наибольший вес евразийскими ценностями, которые можно обозначить как «традиционные» – «Семья, преемственность поколений, дружба» (11), «Духовность, религия культура, целостность» (8), «Традиционные ценности, тяготение к «общим смыслам» (7) и европейскими уже упоминавшимися ценностями «Права человека и свобода слова» (10), ««Личное благо, индивидуализм, приоритет собственных интересов, выгода» (3).

В качестве евразийских ценностей, свидетельствующих о сохраняющемся потенциале гуманитарного начала евразийской интеграции, говорят такие выделенные ценности как «Общий исторический путь развития» (7), «Взаимовыгодное сотрудничество» (3), «Межкультурное развитие, многонациональность» (3).

При этом обращает на себя внимание, что такие «традиционные» ценности как «Патриотизм, сплоченный дух,

справедливость» и «Коллективизм как форма менталитета», хотя и были обозначены среди евразийских, но набрали небольшой вес (по 1).

Одновременно среди европейских ценностей респонденты выделили такие, как «Социальные гарантии» (3), «Независимость» (2), «Духовность, единство» (2), «Равенство» (1), свидетельствующие, скорее, о восприятии европейского образа жизни как привлекательного образца. Но выделение таких европейских ценностей как «Преувеличение роли собственного государства» и «Осознание своей развитости и исключительности» (по 1) может говорить об определенных сомнениях в доступности этого образца для других.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Участники опроса в своем большинстве считают евразийскими ценностями ценности традиционные – семью, преемственность поколений, дружбу, духовность, культуру, общие смыслы и коллективизм.

2. В их восприятии европейские ценности носят более личностный, индивидуалистичный характер, связаны с правами человеком, свободой слова, демократией.

3. Ряд ценностей обозначены и как европейские и как евразийские, но по весу и по содержанию скорее являются европейскими, претендующими на универсальность.

4. Можно говорить о том, что ряд обозначенных европейских ценностей, связанных с социальными гарантиями, равенством, единством и духовностью воспринимаются как привлекательный образец, хотя в этом может и не быть уверенности.

5. У респондентов есть стремление видеть в евразийских ценностях то, что может объединить евразийское пространство.

2. Форсайт-сессия

В рамках форсайт-сессии из участников были сформированы 3 команды по 8 человек, которым было предложено

определить вектор развития ЕАЭС до 2030 г. по одному из 3 направлений – экономика, общество и политика (поэтапно: 2021, 2025, 2030 гг.).

В каждом из направлений необходимо было выделить 4 основных тренда, определяющих наиболее важные направления развития.

Участниками сессии были выделены следующие тренды:

В экономическом блоке:

- Цифровизация;
- Неоиндустриализация;
- Кризис либеральной модели экономического развития;
- «Зеленая» экономика

В общественном блоке:

- Утрата языкового единства;
- Разная степень демографического развития и рост миграции;
- Усиление националистических настроений;
- Рост общих гражданских и инициатив

В политическом блоке:

- Активизация межпарламентского сотрудничества;
- Интернационализм политических процессов;
- Усиление военно-политического сотрудничества;
- Усиление противоречий между государствами на национальном уровне

Указанные направления рассматривались по трем основным позициям: **ожидаемый результат, проблемные вопросы и пути решения для достижения ожидаемого результата.**

По итогам рассмотрения вопросов участники сессии выделили следующие основные составляющие, влияющие на ход развития интеграционного пространства ЕАЭС:

В экономическом блоке:

Тренд «Цифровизация»:

Результатом в **2021 году** участники сессии видят увеличение добавленной стоимости и прибыли, а также сокращение издержек. Проблемными на этом направлении ЕАЭС выступают: социальный цифровой разрыв, недостаток бюджета, неравномерное развитие по регионам и странам, а также недостаток квалифицированных кадров для успешной реализации цели. Для достижения цели выделяют необходимость установления или расширения льгот.

К **2025 году** прогнозируется ускорение товарооборота и сокращение доли теневого сектора. При этом возможно усиление технологической зависимости от иностранных государств. На этом направлении участники считают важным создавать цифровые платформы на базе ЕАЭС в сфере цифровизации и субсидирование ряда проектов. К **2030 году** предлагается принятие законодательных актов о сокращении рабочего дня с достижением в 2030 г. соответствующего желаемого результата.

Тренд «Неоиндустриализация»:

В 2021 году на этом направлении участники сессии ожидают увеличение добавленной стоимости в прибыли и сокращение издержек. Для этого предлагается снижение налогов и создание особых экономических зон. К **2025 году** прогнозируется увеличение рабочих мест, в том числе путём субсидирования малых предприятий, общий рост экономики. К **2030 году** – формирование новых отраслей экономики, изменение модели потребления, предлагается введение новых биржевых правил и введение программ по переквалификации кадров, что позволит бороться с возможным ростом безработицы.

Тренд «Кризис либеральной модели экономического развития»:

В 2021 году, на взгляд молодых участников сессии, актуальной выступит проблема выбора новой экономической

модели развития, будут формироваться экономические центры силы, обозначится недостаток бюджета. На этом этапе представляется важным формирование евразийских институтов развития. **К 2025 году** ожидается усиление региональной дифференциации, необходимым видится принятие единой экономической стратегии и формирование новых торговых отношений с близкими по духу странами. К 2030 году проблемным моментом может выступить формирование т.н. «экономических пузырей», прогнозируется демонополизация, сокращение дифференциации доходов населения, предлагается формирование резервных фондов.

Тренд «Зеленая экономика»:

В 2021 году сохранится проблема недостатка бюджета и его дефицит. На этом этапе важно формирование особых экономических зон. **К 2025 году** обозначится проблема обеспечения инфраструктуры для развития «зеленой экономики», участниками прогнозируется рост экономики, они считают важным понижение налогов. **К 2030 году**, как результат, видится повышение продолжительности жизни населения.

В общественном блоке одним из важных трендов интеграционных процессов в рамках ЕАЭС указана «**Утрата языкового единства**».

В этом аспекте ожидаемым результатом молодым участникам видится развитие национальных культур. Достижению этой цели в **2021 году** должно способствовать увеличение квот на обучение студентов ЕАЭС и активизация деятельности Россотрудничества на этом направлении. Проблемным моментом выделяется «негативное отношение коренного населения к мигрантам». **К 2025 году** ребята считают важным увеличение проектов популяризации русского языка. К 2030 прогнозируют увеличение интереса к изучению иностранных языков. При этом проблемным моментом останется усиливающееся влияние национальных диаспор и увеличение языкового барьера. При дальнейшей

утрате языкового единства к 2030 г. прогнозируется рост бытовых конфликтов и разрушение межкультурных связей.

Следующий тренд – **«Разная степень демографического развития. Рост миграции в рамках ЕАЭС»**. По состоянию на **2021 год** проблемными моментами видятся рост этнической преступности и негативное отношение к мигрантам, что предлагается решать за счет обустройства границы и активизации деятельности миграционных служб. В дальнейшем прогнозируется, что эти меры приведут к повышению благосостояния соотечественников-мигрантов, но могут обернуться потерей квалифицированных рабочих в странах исхода.

К **2025 году** для достижения положительного результата представляется важным повысить требования к мигрантам, в том числе, к уровню их образования. Прогнозируемый результат ребята видят в повышении качества трудовой силы из-за наличия конкуренции на рынке труда, а также защиту соотечественников за рубежом. Проблемным вопросом выделяется, в целом, возможное понижение темпов интеграции, а в дальнейшем – возрастание регионального неравенства.

К **2030 году** для достижения целей интеграции молодые участники считают необходимым развитие отраслей в странах с высокой эмиграцией населения, полагают необходимым активнее развивать **межкультурный диалог** на пространстве ЕАЭС, чему будет содействовать создание евразийских университетов.

Тренд **«Усиление националистических настроений»**:

В **2021 году** в этой сфере выделяется такая проблема как «рост кумовства» и дальнейшее усиление общественной напряженности. Задачи сохранения культурной идентичности и общественного объединения на основе исторического единства предлагается решать путём создания общих учебников истории и развития механизмов обратных связей власти и общества. К **2025 году** выделяется дальнейшее нарастание общественной напряженности и дискриминация

на выборных должностях. В этой связи участники считают важным продолжать развитие программ по историческому просвещению молодёжи и проведение обучения для лидеров неправительственных коммерческих организаций.

К 2030 году участниками сессии прогнозируется возможное усиление радикализма. Важным моментом здесь выступает необходимость ужесточения законодательства по отношению к радикальным элементам. Благотворную роль в просвещении и создании социальных лифтов для молодёжи также сыграют упоминавшиеся ранее евразийские университеты.

Тренд «Рост общественных гражданских инициатив»:

По состоянию на **2021 г.** участники форсайт-сессии связывают данный тренд с задачей повышения грамотности населения всех стран. При этом негативным моментом могут послужить попытки лоббирования маргинальных инициатив в т.ч. законодательных. В этой связи решение задачи и минимизация рисков связывается с развитием и укреплением обратных связей власти и общества, а также с реализацией таких проектов, как «Точки Роста» в Белоруссии, Армении, Казахстане и Киргизии. **К 2025 году** актуальной темой выступает участие общества в жизни государства и тяготение к «общим смыслам». Эти меры могут привести к активизации «мягкой силы» Запада в Евразии в целях недопущения реальной интеграции, и связанный с этим рост общественного напряжения. На этом направлении участникам представляется актуальным создание единой информационной системы ЕАЭС, продолжение выстраивания собственной евразийской системы школ для лидеров НКО. В перспективе, к **2030 году** (до этого поэтапно) продолжение активного вовлечения молодёжи в общественную деятельность по направлениям евразийской интеграции, развитие «народной дипломатии» и практическая реализация межгосударственных проектов в различных областях станут желаемым и достижимым позитивным результатом на данном тренде.

В политическом блоке:

Тренд «Активизация межпарламентского сотрудничества»:

В **2021** году важным моментом будет выступать опыт, полученный в ходе межпарламентских встреч представителей государств-участников ЕАЭС. Проблемным моментом на данном этапе видится предстоящие выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. В дальнейшем считают необходимым активизацию работы региональных парламентариев.

Как особая проблема выделяется «Транзит власти» в России в 2024 г. Также в дальнейшем обозначаются риски политической нестабильности в Киргизии, Армении, Беларуси.

К **2025** году необходимо рассмотреть вопрос о создании единого избирательного кодекса и верховного органа управления ЕАЭС.

К **2030** году представляется важным создание Единого евразийского парламента и единой законодательной системы. Проблемным моментом видится возможное преобладание политической элиты одного государства в едином парламенте.

Тренд «Интернационализм политических процессов»:

По состоянию на **2021** год участникам представляется необходимым разработать и принять единые требования (регламент и «порог») вхождения стран в ЕАЭС и проведение в дальнейшем единой внешней политики государств-участников. Проблемным моментом на данном этапе видится наличие неравенства в принятии решений между представителями стран-участниц ЕАЭС, споры между странами по поводу совершенствования политической системы, а также усиление миграции из бедных районов в богатые, ещё большее обеднение регионов исхода. К **2025** году представляется необходимым осуществить объединение ведущих политических партий стран ЕАЭС, а к **2030** году прогнозируется формирование наднациональных евразийских элит.

Тренд «Усиление военно-политического сотрудничества»:

Участники сессии считают, что в 2021 году ориентир в сфере безопасности государств-участников ЕАЭС будет направлен на повышение обороноспособности и создание высокотехнологичного оружия. На данном этапе проблемным выступает вопрос организации подготовки объединённых вооружённых сил. Необходимо рассмотрение вопроса о создании единого миротворческого контингента. К **2025 году** важным моментом, на взгляд участников, выступит безопасность Союза на международной арене. В этой связи важно создание к 2030 г. объединённой многонациональной союзной армии. При этом прогнозируется усиление напряжённости вплоть до возникновения конфликтов между союзными государствами на приграничных территориях.

Тренд «Усиление противоречий между государствами на национальном уровне»:

По состоянию на **2021 год** участники проекта считают проблемой преобладание в руководстве (евразийской интеграцией) политической элиты одного государства. В этом плане предлагается выработка политических решений по поддержке и защите меньшинств. Создание к **2025 году** единого миротворческого контингента станет стабилизирующим фактором по решению застарелых конфликтов на евразийском пространстве и недопущению новых. В это же время предлагается принять общую программу поддержки национальных меньшинств. Участники считают, что между 2025-2030 гг. может обостриться вопрос «спорных территорий», а к **2030 году** – развернутся споры о суверенитете некоторых стран в составе ЕАЭС. Решение вопроса «спорных территорий» видится путём совместных усилий государств-участников Евразийского Союза.

3. Общие выводы

Участники форсайт-сессии продемонстрировали системное видение проблем евразийской интеграции, умение анализировать, применять ранее полученные в ходе проекта «Точки Роста» знания, высокие способности к командной интеллектуальной игре.

По результатам проведенной форсайт-сессии как метода коллективного формирования перспектив развития экономики, общества, и политической сферы Евразийского союза, основанной на экспертных исследованиях и оценках, ее участники сформировали общую картину Евразийской интеграции к 2030 году, обозначенную организаторами как «Евразийская повестка – 2030». В этом образе желаемого молодёжью позитивного будущего Евразии выделяются следующие основные черты.

В экономике:

Развитие общей согласованной политики на тренде **«цифровизация»** позволит преодолеть социальный цифровой разрыв в странах ЕАЭС, решить проблемы с недостатком бюджета, неравномерным развитием цифровизации по регионам и странам, а также с недостатком квалифицированных кадров. За счет создания цифровой платформы на базе ЕАЭС и субсидирования реализации перспективных проектов будут также решены проблемы теневого сектора в цифровой экономике и технологической зависимости от иностранных государств. К 2030 году за счет развития цифровизации в Евразийском союзе прогнозируется сокращение рабочего дня.

Общие усилия на тренде **«неоиндустриализация»** позволят добиться общего роста экономики, увеличить количество рабочих мест, в том числе путём субсидирования малых предприятий. К 2030 году будут созданы новые отрасли экономики, изменится модель потребления.

В условиях развития тренда **«кризис либеральной модели экономического развития»** будет выбрана новая экономическая модель развития, в которой государства ЕАЭС

станут одним из экономических центров силы, будут формироваться евразийские институты развития. Усиление региональной дифференциации будет преодолено путём реализации единой экономической стратегии и формирования новых торговых отношений с близкими по духу странами. К 2030 году прогнозируется демонополизация, сокращение дифференциации доходов населения, предлагается формирование евразийских резервных фондов.

На тренде «зеленая экономика» за счет согласованной политики, формирования особых экономических зон будет обеспечена необходимая инфраструктура, которая позволит выйти на рост экономики, снижение налогов и к 2030 году добиться повышения продолжительности жизни населения.

В общественной сфере:

Негативный тренд «утрата языкового единства», по мнению участников, имеет свой временный позитивный эффект в виде развития национальных культур, что нужно использовать для восстановления языкового единства на новой основе за счет увеличения квот на обучение студентов ЕАЭС и активизация деятельности Россотрудничества. Увеличение проектов популяризации и развития русского языка на Евразийском пространстве к 2030 должны дать позитивный эффект, иначе прогнозируется увеличение языкового барьера и разрушение межкультурных связей.

Тренд «разная степень демографического развития. Рост миграции в рамках ЕАЭС» решается целым комплексом мер, прежде всего в сфере образования, управления, экономики и права, которые позволят повысить качество трудовой силы из-за наличия конкуренции на рынке труда, а также эффективность защиты соотечественников за рубежом. К 2030 прогнозируется достижение высокого уровня межкультурного диалога на пространстве ЕАЭС, чему будет содействовать создание евразийских университетов.

Соответственно проблемы тренда «усиление националистических настроений», связанные с задачей сохранения культурной идентичности и общественного объединения на

основе исторического единства, к 2030 г. решаются путём создания общих учебников истории и развития механизмов обратных связей власти и общества, ужесточения законодательства по отношению к радикальным элементам, просвещения и создания социальных лифтов для молодёжи.

Позитивный тренд **«рост общественных гражданских инициатив»** связан с развитием и укреплением обратных связей власти и общества, а также с реализацией таких проектов, как «Точки Роста» (что особенно было приятно отметить организаторам). Участники проекта объективно оценивают возможные меры противодействия интеграционным усилиям в этой сфере со стороны геополитических конкурентов и делают ставку на создание единой информационной системы ЕАЭС, выстраивание собственной евразийской системы школ для лидеров НКО, активного вовлечения к 2030 году молодёжи в общественную деятельность по направлениям евразийской интеграции.

В политической сфере:

В тренде **«активизация межпарламентского сотрудничества»** создание единого избирательного кодекса и верховного органа управления ЕАЭС, а к 2030 году – создание Единого евразийского парламента и единой законодательной системы.

По направлению **«интернационализм политических процессов»** предлагаются меры по «выравниванию» и «стандартизации» разных политических систем Евразии, объединение ведущих политических партий стран ЕАЭС, а к 2030 – формирование наднациональных евразийских элит.

К 2030 году на тренде **«усиление военно-политического сотрудничества»** прогнозируется создание объединённой многонациональной союзной армии, которая станет важным фактором международной и региональной безопасности, гарантом мира в Евразии.

Наконец, в тренде **«усиление противоречий между государствами на национальном уровне»** молодые участники форсайт-сессии особо отмечают такую проблему как

преобладание в руководстве (евразийской интеграцией) политической элиты одного государства, что свидетельствует о том, что они считают необходимым нахождения баланса в сфере делегирования суверенитета на наднациональный уровень между «большими» и «малыми» государствами Евразии. На это же направлены их предложения в сфере поддержки национальных меньшинств. Все противоречия в Евразийском союзе, считает молодёжь, к 2030 г. должны решаться путём совместных усилий государств-участников.

Таким образом Евразийский союз к 2030 году видится как государственное образование с политическими наднациональными органами и общевразийской армией, общей современной, умной социально ориентированной экономикой (новая модель которой сделает Союз одним из экономических центров силы), развитым обществом, находящимся в партнёрских отношениях с властью, поддерживающей общественный диалог, обеспечивающей систему социальных лифтов для молодёжи, которая через систему воспитания, образования и социальной активности имеет возможность участия в формировании общевразийской элиты.

Так молодые участники форсайт-сессии, проведенной в рамках проекта «Точки Роста», видят «Евразийскую повестку 2030».

VI. «ТОЧКИ РОСТА»:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА,
ЦЕННОСТНЫЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
Материалы Международного форума, состоявшегося
26-29 июля 2021 г. в г. Минске

Сергей Пантелеев

Общее дело против ложного национализма.
К 100-летию Евразийства

Я хотел бы поделиться с вами некоторыми соображениями и по проекту, и по проблематике нашего Форума. Ценностная парадигма у нас присутствовала изначально – и на наших прошлогодних онлайн-мероприятиях, и на онлайн-марафоне, который прошёл по всем странам ЕАЭС. В Пскове мы попытались проектировать будущее, тоже основываясь на наших общих ценностях, в Минске мы продолжим этот опыт, попробуем его развить.

Изначально мне было понятно, что будет большое противоречие между тем, что нас объединяет в большой перспективе, в том числе и в перспективе исторической (почти по называнию лекции Ф.А.Гайды в Пскове «Евразийский союз: история, опрокинутая в будущее») и тем, что нас разъединяет в современности. Причём точка начала нашего современного раздробления, не только некогда единой страны, но одного цивилизационного пространства – это, конечно, события, связанные с распадом СССР, которым в этом году исполняется 30 лет. Возникает вопрос, как преодолеть те ценностные вещи, а они тоже ценностные, которые нам мешают выйти на общую ценностную повестку, восстановить ее. Противоречие здесь ещё и в том, что кто-то считает, что эти, мешающие вроде бы объединению ценности, вовсе не являются какими-то плохими, а наоборот, являются крайне важными. И часто это, действительно, так.

Речь идёт о противоречии между наднациональными, цивилизационными и универсальными ценностями с ценностями национальными. При этом для кого-то добрый, а для кого-то злой советский период нашей истории начинался, ведь, как абсолютно наднациональный, интернациональный и даже глобалистский проект, в какой-то мере продолжая традиции русского надэтнического универсализма, правда в очень радикальной форме, а с другой стороны коммунистический режим неосознанно всё сделал для того, чтобы те национальные начала и национальные противоречия, которые были заложены в основу советской государственности, привели к той катастрофе, которая случилась в 1991 году. Именно об этом, в том числе, писал в своей недавней статье «Об историческом единстве русских и украинцев» В.В. Путин, подчеркивая, что, если бы не было бы этих противоречий, не было бы и нынешнего трагического разделения.

Оговорюсь по поводу оценки советского периода в дихотомии «добрый-злой». В действительности такой подход ни к чему хорошему не ведет, поскольку крайне упрощает сложный исторический процесс и содействует углублению идеологических противоречий в нашем обществе, берущих начало в послереволюционной гражданской войне, в делении на «красных» и «белых». На мой взгляд единственно верная оценка этого периода нашей тысячелетней истории будет заключаться в констатации того, что он был сложным и очень разным, несмотря на свой относительно короткий временной отрезок – всего-то 70 лет. Там было много и плохого, но много и хорошего, были страшные преступления, но были и величайшие достижения. Но именно из таких противоречий и состоит история. Эти великие противоречия скорее говорят о том, что это – великая история, история великой страны и великого народа, с великим дерзновением человеческого духа, великими жертвами ради великой идеи. А на это способны ох как немногие. Как среди отдельных людей, так и среди народов. И это ли не повод для гордости?

Но вернемся к последствиям распада СССР. Фактом является то, что мы сейчас находимся в столице независимой Республики Беларусь, у которой есть свой флаг, герб, своя отдельная политическая система во главе с сильным президентом и свои национальные интересы. Правда, что касается национальных интересов, кто-то их видит здесь в союзе с Россией, кто-то, напротив, в союзе с Западом, а кто-то – выступает за многовекторность, например. Но, находясь здесь, в Минске, фактически не чувствуем никаких отличий между нами, говорим на одном языке и чувствуем себя, фактически, одним народом. Что, по моему убеждению, так и есть.

Это не отменяет наличия противоречий и здесь между национальным и наднациональным, проявляющихся, в том числе, и в рамках нашей российско-белорусской союзной интеграции. Не говоря уже о тех, кто выступает здесь против неё.

Возникает вопрос – а что нам делать с этими противоречиями? И нужно ли нам с ними что-то делать? Я, вот, убежден в том, что – нужно. И постараюсь объяснить, почему я так считаю.

Есть слово, которое некоторые – боятся, некоторые вообще стараются его не называть, а некоторые, напротив, бьют себя в грудь и называют себя «националистами». Есть русские националисты, белорусские националисты, казахские, киргизские, армянские и т.д. Есть в этих государствах и у наших народов свои национальные идеи, которые, как было сказано выше, могут, конечно, по-разному трактоваться.

В принципе национальное чувство – это очень хорошее чувство. Это чувство сопричастности к своим корням, к истории, к традиции. Тот, кто выступает против национального начала, за его сглаживание, унификацию, зачастую даже – в той или иной мере – насильственную, покушается, на мой взгляд, на человеческое в человеке. Ведь мы знаем разные формы такой борьбы с национальным. От геноцида, направленного на уничтожение конкретных народов и даже рас,

практиковавшихся, например, в нацистской Германии, где политическая система была построена на радикальной интерпретации идеи нации. До, на первый взгляд, ее антипода – глобалистской унификации, где все должны забыть о своих корнях, думать в примате унифицированных «общечеловеческих ценностей», в которых, почему-то, всё чаще и громче начинают звучать нотки, направленные не на воспроизведение человека и человечества, а скорее – на его изживание, потому как дети рождаются только от союза мужчины и женщины, а эта унификация направлена на нечто совсем иное.

Другой вопрос, что, как вы помните, в интернациональном Советском Союзе это национальное начало в определенной степени постулировалось, где-то даже искусственно создавалось, практиковалось социалистическое нациестроительство, где-то фактически с нуля создавалась не только национальная письменность, литература, кинематограф и т.д., но и целые нации, закладывались де-факто и де-юре основания для государственности этих наций. Причём потом удивительным образом некоторые из таких народов стали убеждать сначала себя, а потом и всех остальных, в том, что Советский Союз был истребителем ада, колонизатором, оккупантом и от этого проклятого прошлого нужно избавиться путём массовой десоветизации. Сегодняшняя Украина – типичный пример такого парадокса, хотя это происходит не только на Украине, фактически везде есть подобные тенденции. И это при том, что в реальности под «десоветизацией» на практике происходит дерусификация, а советская национальная политика, есть такое авторитетное мнение, постулировала национальное начало для всех народов, входящих в СССР, кроме русского. А РСФСР являлась самой обделенной с этой точки зрения республикой. Парадокс на парадоксе.

Так что с одной стороны, бесспорно, национальное начало – это хорошо, правильно, это нужно уважать, поддерживать, на этом базируются этносы как исторически

сформировавшиеся человеческие сообщества, а с другой – национализм является той силой, которая всё чаще и агрессивней начинает разрушать большие и более сложные человеческие общности, которые можно назвать суперэтнотами, империями, многонациональными государствами, цивилизациями. Начинаются национальные конфликты, страшные вещи, вплоть до этнических чисток. Вот, наши ребята из Луганска, которые были в Пскове, в Минск, к сожалению, не смогли приехать, они бы рассказали, до чего это приводит – и это фактически внутри одного народа, часть которого себя уже не считает частью этого одного народа.

Вот, как это преодолеть? Как это ни прозвучит скучно, я считаю, что это преодолевается только путём культуры, образования, коммуникации, прямых человеческих контактов, общения, смотря друг другу в глаза, а не через придуманные кем-то искусственные идеи, раздуваемые искусственно фобии. Эта прямая человеческая коммуникация, основанная на знании и взаимоуважении, позволяет преодолеть главное – непонимание друг друга.

Поэтому те проекты, которые мы реализуем по линии общественной дипломатии, в частности – проект «Точки Роста», направлены на то, чтобы мы общались помимо того национального фактора, который присутствует, который важен, который мы уважаем, но при этом понимаем, что если каждый из нас – русский, белорус, казах и т.д. будет отстаивать свою национальную идею без учета того, что есть национальные идеи других и есть сумма национальных идей других, мы неизбежно придем не просто к непониманию друг друга, но и к национальному конфликту. Тем более есть другая сила, которая очень активно использует в своих интересах эти противоречия. А они, ведь, базируются на очень простых, бытовых вещах. Начинается с отличия между вышиванкой и косовороткой, а заканчивается тем, о чем бы нам могли рассказать ребята из Донбасса. А уж, когда эти отличия связаны с антропологией – с цветом кожи и с разрезом глаз...

Преодолевается это, как сказано, через знания, опыт, коммуникацию и культуру, которая связана с объяснением прежде всего – самому себе, а потом и другим, того, что только тогда, когда мы вместе, когда мы понимаем ценность нашего взаимопонимания и общего дела, мы имеем возможность выйти на уровень большого общего пространства, на уровень больших исторических свершений, больших перспектив и великих дерзаний. Тогда, когда огромное Евразийское пространство, которое нам досталось благодаря ходу истории и Господу Богу, благодаря нашей совместной позитивной творческой энергии преобразуется и укрепляется настолько, что становится просто опасной для тех сил, которые не хотят иметь здесь геополитического конкурента. Не хотят потому, что следуют старому принципу «разделяй и властвуй». Из-за этого и идёт такое сопротивление евразийской интеграции, в которой национальные противоречия используются как средство недопущения нашего совместного евразийского общего творческого дела.

В этом году, мы об этом с вами уже неоднократно говорили, евразийству как оригинальной русской геополитической доктрине и политической идеологии исполняется 100 лет. Напомню, как евразийство возникло. 100 лет назад в столице Болгарии Софии группа русских эмигрантов, можно сказать – белоэмигрантов, вынужденно оказавших за пределами России, выдвинула идею евразийства как идеологическую, философскую концепцию, которая попыталась прежде всего ответить на вопрос о том, что же произошло с Россией, сорвавшейся в хаос революции и гражданской войны, из-за чего они, собственно, и оказались в вынужденной эмиграции. Я подчеркну, что основатели евразийства – лингвист Николай Трубецкой, географ и экономист Пётр Савицкий, историк и религиозный мыслитель Георгий Флоровский и музыкальный писатель Пётр Сувчинский – были глубоко европейски образованными людьми. У многих из них были малороссийские корни, то есть сейчас их вполне

можно было бы назвать «украинцами», хотя это, конечно, некорректно – они были прежде всего русскими, как и все малороссы тогда. Они исходили из того, что Российская империя, их любимая Россия, после революции 1917 г. перестала существовать, произошла огромная геополитическая катастрофа, которая стала результатом такой застарелой русской интеллектуальной (а может и псевдоинтеллектуальной) болезни, как «европейничанье». В своё время об этой болезни, заключающейся в увлечении европейскими идеями и принятии европейских ценностей как своих собственных в ущерб национальным идеям России и русского народа, говорил в книге «Россия и Европа» один из предтеч евразийства и основатель цивилизационной теории Н.Я. Данилевский. Собственно, евразийцы и считали себя наследниками славянофилов, полагая, что славянофилы заблуждались в том, что видели миссию России в объединении славянства, а в действительности, как сказал другой русский философ, который тоже может считаться предтечей евразийства – К.Н.Леонтьев, «славяне есть, а славянства нет» – то есть отдельные народы есть, но идея их объединения – химерна, так как большинство из них интегрированы в Европу. В основе же евразийской теории – представление о союзе русских как основного и объединяющего народа Евразии с финно-уграми и тюрками, связанными с восточными славянами общей исторической судьбой.

Как и для Н.Я.Данилевского, для евразийцев было очевидным то, что использование России как инструмента решения внутриевропейских проблем и увлечение русским интеллектуальным классом европейскими идеями ни к чему хорошему не приводят. Откуда взялся марксизм? Это – левое гегельянство. И большевики, да и другие революционеры, конечно, выступали как радикальные западники, пытавшиеся по искусственным западным теориям, рожденным не у нас, не нами, и не для нас, лечить наши болезни. В результате – гражданская война, голод, лишения, эмиграция

ок. 2 млн. самых образованных людей, среди которых были и будущие евразийцы.

Но парадоксально развивается наша история. Через некоторое время, когда движение стало расширяться, к нему стали подключаться другие интеллектуалы, в частности – философ Л.П.Карсавин, который возглавил т.н. «левое евразийство». Представители этой евразийской фракции стали считать, что с большевиками надо сотрудничать, т.к. сам ход истории их заставляет собирать и укреплять распавшееся в результате революции российское государство и таким образом они где-то даже вопреки своей воле начинают выступать не как антинациональная, а как национальная русская сила.

Сразу скажу, что философы, которые себя посчитали политиками, скоро узнали, что такое реальная политика – евразийцы, решившие вступить в эту игру с большевиками, преимущественно плохо кончили, вплоть до лагерей и расстрела. Но такова история, она делается на увлечениях, на ошибках, на страстях и трагедиях. Вообще человеческая жизнь трагична – она заканчивается смертью, вопрос ради чего ты живешь. Но здесь я хотел бы подчеркнуть очередной наш парадокс – на момент возникновения евразийство представляло собой антибольшевистскую идею, через некоторое время оно пришло к мысли о сотрудничестве с большевиками.

Там, на самом деле, ещё интересней – евразийцы в своих планах даже хотели со временем, внедрившись в советские госструктуры, власть большевиков заменить на евразийскую власть, а вместо ложной, как они считали, коммунистической идеологии, установить евразийство с православием как, фактически, государственной религией. «Влить новое вино евразийства в старые мехи марксизма», – примерно так звучала эта идея у главного теоретика евразийства Петра Савицкого. Учитывая, что ради этого они шли не только на сотрудничество с советской властью,

но и на политическую игру со спецслужбами некоторых стран, то история евразийства выглядит как авантюрный политический детектив, и я уверен, что со временем об этом будут написаны книги и сняты фильмы.

Евразийское движение к концу 30-х гг., фактически, сошло на нет. Но продолжил свою деятельность Пётр Савицкий, который после войны, пройдя через арест и лагеря, познакомился и был в переписке со Львом Гумилевым, сыном знаменитых поэтов «серебряного века» Анны Ахматовой и Николая Гумилёва. Таким образом продолжилась интеллектуальная традиция евразийства – Лев Гумилев считается основателем «неоевразийства», в основе которой – его оригинальная теория «пассионарности». Потом появились новые авторы, новые ответвления евразийства. Вам, конечно, известны такие имена как Александр Дугин, например... Но есть и целый ряд других авторов, есть т.н. «прагматическое евразийство», под которым подразумевают наш евразийский интеграционный проект и основателем которого обычно называют Нурсултана Назарбаева. Наконец, я рад отметить, что благодаря нашему другу, партнёру и одному из ведущих экспертов «Точек Роста» Алексею Дзерманту в Белоруссии появилась своя школа евразийства.

Я сейчас вспомнил про т.н. «прагматическое евразийство» как основу наших интеграционных процессов, приведших к созданию ЕАЭС. Прагматика здесь сводится к тому, что речь идёт, прежде всего – об экономике, не затрагивая идейную, мировоззренческую сферу. Очередной парадокс – евразийство рождалось как идеократическая теория. Но суть даже не в этом, а том, что очевидно без гуманитарной составляющей, без понимания людьми во всех странах ради чего и почему это делается, без красивой «легенды», если угодно, способной привлечь молодёжь и пробудить творческую энергию – двигаться вперед, на мой взгляд, нереально.

Каким образом это всё может двигаться дальше и как преодолевается на практике противоречие между национальным и наднациональным? Куковую методологию положить в основу того стремления к взаимопониманию и общему делу, о котором я говорил выше? Здесь вновь нам на выручку придут идеи классических евразийцев. Во время одной из наших предыдущих встреч я уже ссылаясь на статью Николая Трубецкого «Об истинном и ложном национализме». В ней он называет «ложным национализмом» стремление отдельных евразийских народов стать такими же, как западные, европейские народы, что всегда и неизбежно под видом борьбы за «национальное самоопределение» заканчивается потерей своей национальной самобытности и в лучшем случае – ролью обслуги чужих интересов.

Истинный же путь заключается в том, чтобы быть собой, быть самостоятельным – он требует самопознания, осознания своих возможностей, то есть – не подражательства, а самостоятельного исторического действия. При этом такой подход будет чужд национальному обособлению, так как, зная и уважая себя, таким же образом ты будешь относиться к другим народам, заимствуя друг у друга те ценности, которые являются полезными для развития.

При таком подходе, как пишет Николай Трубецкой, *«два близкие по своим национальным характеристикам народа, живущие в общении друг с другом... непременно будут иметь культуры весьма сходные друг с другом, именно благодаря такому свободному обмену приемлемыми для обеих сторон культурными ценностями»*. Подчеркивая при этом, что *«это культурное единство... принципиально отличается от того искусственного единства, которое является результатом порабощительских стремлений одного из сожительствующих друг с другом народов»*.

Применяя этот подход к нашей евразийской современности, можно сказать, что он снимает проблему национальных эгоизмов, формирует идею евразийского братства,

позволяет создать общую гуманитарную и идеологическую основу нашей интеграции, а на следующем этапе – выйти на уровень формирования общей евразийской элиты, имеющей чёткую ценностно-мировоззренческую основу, одновременно и национальную, и наднациональную, где одна гармонично дополняет другую.

Ценностная повестка проекта «Точки Роста» – именно об этом. Как, оставаясь русскими, армянами, казахами, киргизами и т.д., найти общее, что нас объединяет и делает нас всех сильнее. Как сформулировать смысл нашего евразийского объединяющего «Общего дела».

В своем выступлении я попытался широкими мазками показать наличие теоретической базы ценностных и мировоззренческих оснований Евразийской интеграции, которую предоставляет русская философская, политическая, геополитическая мысль и наша общая история. На самом деле мы обладаем очень мощным фундаментом, на котором можно строить прочное здание нашего общего Евразийского дома. В год 200-летия Ф.М.Достоевского, который так же может считаться одним из предтеч Евразийства, я хотел бы в очередной раз напомнить и об идее использования его образа, истории его дружбы с великим казахом Чоканом Валихановым, как одного из ярких символов евразийской интеграции.

Я уверен, что если это гуманитарное начало дополнит нашу экономическую интеграцию, то мы преодолеем все препятствия, включая ковид-ограничения, происки геополитических конкурентов, инерционность и косность наших политических институтов и т.д. А залогом этого – молодые умные и прекрасные лица, которые я перед собой вижу.

«Основными драйверами роста будут являться люди»

Кто бы нам ни говорил, что Евросоюз развивался через союз угля и стали, через какие-то центры роста в виде Франции, Германии, всё это – полная чушь. Самые глубокие исследования основ для экономического роста ЕС были связаны с вопросами миграции, а не с вопросами экономического роста. Поверьте, все при всём неуважении читают «Капитал» и изучают Карла Маркса. Потому что в нём изложены основы создания прибавочной стоимости. И там чётрым по белому сказано, что только человек, то есть наёмный труд, преобразовывает сырьё в товары и услуги. И миграция обеспечивает самые высокие темпы экономического роста.

В действительности в 90-х годах, когда проводили исследование почему темпы роста экономики у Китая и США выше, чем в ЕС, был один ответ: только миграция, трудовая миграция, может обеспечить высокие темпы роста экономики ЕС и дать сильный толчок. Поэтому были созданы специальные программы, которые были ориентированы на усиление миграции, в т.ч. из стран Балтии, Украины, постсоветского пространства.

Поэтому сейчас, когда мы говорим об экономическом развитии ЕАЭС, мы должны смотреть с точки зрения жёсткого капиталиста. Потому что суть любой экономики заключается в такой, условно сказать, жёсткой эксплуатации наёмного труда. Вы как управленцы выйдете через пару лет и станете уже дипломированными специалистами в той или иной области, будете занимать руководящие должности. Под вами будет штат работников, штат тех трудовых ресурсов, которыми вы будете управлять. Именно они будут формировать прибавочную стоимость. Именно ваша задача как

управленца заключается в перераспределении этой прибавочной стоимости. Можно перераспределить так, чтобы купить, условно, яхты, красивые дома, коттеджи где-нибудь в Европе. И тогда, почему вы, условно, будете делать так? Потому что у вас смысл потерян.

Когда мы говорим о том, что первично, экономика или идея, вы можете рассматривать этот вопрос с точки зрения простой математики. Вы можете как управленцы заработать значительное количество денежных средств, потому что ваши рабочие будут создавать прибавочную стоимость, условно сто единиц, вы ему будете за сто единиц платить только одну единицу в день, а все остальные присваивать себе или аккумулировать через какие-то другие активы. После этой математики вступают следующие смыслы. Вы чем будете больше заряжены? Чтобы эти 99 единиц вложить в ЕАЭС и создать новые точки роста? Или купить какие-то активы, которые никакой ценности не создадут? Всё зависит от вас как от руководителей. Поэтому, когда говорят, какими будут точки роста или какие будут драйверы, в первую очередь драйвером роста будут являться сами управленцы. Те, которых мы сейчас готовим. Если мы готовим их, почему наше мероприятие важно? Оно важно, в первую очередь для молодёжи, потому что мы эти смыслы все прекрасно понимаем. Мы все прекрасно знаем, как создаётся капитал, как делается компания, как она развивается. Но вы, войдя сейчас в жёсткую конкуренцию, должны будете почти каждый день принимать решения. Или вы действуете во благо общества, через развитие культуры, через развитие коммуникации, гуманитарного сектора и дальше, дальше, либо вы ориентируетесь на какие-то сугубо материальные ценности личностные. Тогда встаёт вопрос о том, будем ли мы сильными, как некое единство, либо мы будем разрозненные, потому что каждый будет преследовать какие-то личностные цели.

Мы с условиями развитого капитализма столкнулись в 90-х годах. Резкий всплеск индивидуализма привёл к сегментации всех активов на определённые группы, как-то: сегментация через жёсткую борьбу, через конкуренцию, через убийства, насилие. Как бы то ни было, это было деление активов. Поэтому, если развивать евразийство, развивать тему экономики, смыслов, идей и всего остального, во-первых, надо для самих себя, в первую очередь, определить, что для вас важно. Либо вы ориентируетесь на развитие этого социума, который вас взрастил, который вас воспитывал, смыслы и ценности которого вы приняли, либо вы ориентируетесь на ценности западной цивилизации. Вот это выбор, который надо сделать.

У меня уже аудитория и взрослых бизнесменов, и начинающих бизнесменов, и управленцев больших – и мы начинаем с самого простого, с понимания, что такое сознание, как оно работает и почему сознание должно находиться в постоянном выборе. Вот этот выбор, который вы делаете каждый день, он и будет определять развитие. Но если говорить о том, что же будет являться экономическим финансовым драйвером, надо всегда смотреть публикации зарубежных фабрик мысли, которые в принципе определяют философию современных крупных компаний. Они сейчас очень чётко делают сегментацию. Сегментация так называемых пяти колец – суть их предельно проста и строится сугубо на Карле Марксе. Вся научно-техническая составляющая – та, которая генерирует максимальную прибавочную стоимость, будет сконцентрирована в так называемой зелёной зоне, или в зоне благоденствия. Остальные зоны – это обслуживание этой зелёной зоны: производство, потребление и красная зона – это зона, где нет ни науки, никакого-то государства, это некая «эрозия государства», как они любят использовать в терминологии.

Поэтому основными драйверами роста будут являться не какие-то отдельные территории, а будут являться люди.

Они генерируют научно-технический потенциал и способны создавать новые знания, новые технологии и продавать эти новые знания и новые технологии, а не потреблять те товары, которые произведены с помощью чужих технологий, которые давно уже аккумулировали прибавочную стоимость у себя, а мы являемся конечными потребителями в этой цепочке питания.

Если брать в пример хорошие западные компании, они буквально год-полтора назад начали менять основные принципы оценки компаний. То есть вы как экономисты знаете, что конечной целью любой экономической деятельности является чистая прибыль – вложил рубль, а получил два, три, а то и больше. Основной результат – это всё равно некая математическая формула, которая, бывает, даёт плюс. Но в действительности самый плюс даёт не чистая прибыль, не такая отчётность квартальная, которую вы публикуете, а ваши акции растут, а то благо, которое создаётся этими экозонами, а паттерновые корпорации уже пришли к экозонам, которые они создают вокруг себя. То есть развитие общности, малого региона, крупного региона, дальше, дальше, дальше... То есть развитие разное – инфраструктурное, культурное, гуманитарное и так далее. Что мы сейчас здесь делаем в «Точках Роста»? Мы фактически те ресурсы, которые позволили нам сегодня собраться здесь – вам приехать, нам приехать к вам сюда... Мы с помощью ресурсной базы экономики создаём новые, неосознанные, латентные скрытые смыслы, которые должны погрузиться в ваше сознание. И в последующем при принятии решений тех или иных вы уже будете действовать по-другому. Вот это называется «экозона».

Любая экозона строится, в первую очередь, на информации. Если вы как управленцы не умеете управлять информацией, если ваша информационная инфраструктура подвержена каким-то воздействиям, влияниям, ударам, вы, естественно, будете подвержены очень большим рискам.

Поэтому ещё одна тема, которую мы хотели бы тоже затронуть на «Точках Роста», это вопросы безопасности, информационной безопасности и защиты инфраструктуры, притом инфраструктуры именно смысловой, потому что мы сегодня говорили, что какие-то знания наших предыдущих поколений передаются через книги, через какие-то произведения искусства, но сейчас это всё аккумулируется у нас в информационную систему. Мы видим, как активно идёт борьба одних зон против других за счёт уничтожения или атак на инфраструктуру.

**«Мы должны научиться принимать решения
на наднациональном уровне»**

Договор ЕАЭС ограничивается экономической составляющей. Однако в самом начале его реализации стало понятно, что одной экономической составляющей ограничиться не получится. Приведу в пример пенсионную систему. Кто будет платить пенсию гражданину Кыргызстана, который работает в другой стране ЕАЭС, к примеру, в Казахстане. И страны ЕАЭС уже на определённом этапе пришли к такому заключению, что одной экономикой, четырьмя экономическими свободами экономического союза дело обойтись не может. При экономической интеграции параллельно возникают взаимные социальные обязательства. Если у нас есть свобода перемещения рабочей силы, то должны быть общие принципы социального обеспечения этой рабочей силы. А это прямой выход за границы чисто экономической сферы.

Второй момент немаловажный – квалификация наёмного работника. Нужны унифицированные стандарты, чтобы условный инженер из Казахстана и условный инженер из России имели хоть приближённый стандарт подготовки. Если этого не будет, то мы не сможем реализовать те экономические свободы, которые мы заложили в основу ЕАЭС.

Это, на мой взгляд, базовые вещи. Но когда мы посмотрим в общем на евразийскую интеграцию, то увидим, что она состоит не только из ЕАЭС. Имеется ещё ОДКБ, куда входят все страны ЕАЭС плюс Таджикистан.

У нас имеется СНГ, где сделана ставка на гуманитарной интеграции – это политика исторической памяти и диалог культур. Насколько эффективно они работают, это вопрос.

И третий момент – это Союзное государство, которое включает в себя политическую составляющую, кроме обороны и безопасности. Здесь и координация, и взаимодействие по международной повестке дня, совместное принятие решений. У нас имеется Парламентское собрание Союзного государства, коллегии министерств и ведомств. То есть имеются институты, но насколько они наполнены?

Коллеги много говорили о том, что, если мы хотим евразийскую интеграцию, то мы должны договориться об общих основах и стратегии – правилах, по которым мы будем интегрироваться. К сожалению, видно, что все стороны обоюдно где-то чего-то недоговаривают, и каждая хочет использовать евразийскую интеграцию в своих эгоистических целях.

Когда создавался Европейский союз, перед этим были долгие дискуссии вокруг будущего объединенной Европы, какая философия должна лежать в ее основе. Было определено, что европейские ценности – это либерализм. И на основе этого стали создаваться общие европейские правила и институты.

Мы пошли, к сожалению, от другого. Наши страны образовались после распада СССР, из-за разрыва экономических связей которого понесли огромные потери и хотят их восполнить. Чисто политэкономическая идея. Но, к сожалению, на том огрызке, а ЕАЭС – это, по большому счёту, огрызок СССР, получить подобный эффект невозможно. 500 млн – рынок ЕС, 187 млн – рынок ЕАЭС. По подсчётам экономистов, для получения самостоятельного рынка необходимо, как минимум, 350 млн. Вот и вся арифметика.

Многие тут говорили про евразийство, я советую почитать про современное евразийство – «Евразийскую политическую экономию». Это исследование Санкт-Петербургского государственного университета, которое демонстрирует глубокое влияние объективных географических факторов:

сложных климатических условий, низкой плотности населения, что приводит к удорожанию инфраструктуры. Здесь же дефицит выхода к незамерзающим портам... Фактически из всех стран ЕАЭС к морям имеет выход только одна страна – Российская Федерация. И то, выход к незамерзающим портам – это Краснодарский край и Крым, составляет фактически процентов пять от её общих границ по морю.

Поэтому следует пересмотреть принципы формирования ЕАЭС, учитывая первичную ценность общественных связей над индивидуальной атомизацией: не конкуренция, а кооперация и разделение труда.

Тут поднимался вопрос: Россия является донором, все страны получают от неё. Немного, на мой взгляд, неправильный подход. Каждая страна должна найти свою нишу. Например, Белоруссия. В Белоруссии есть уникальные технологии: оптика, электроника (хоть и устаревшая, но это единственная страна, которая производит на постсоветском пространстве) и продукция МЗКТ. Никто такие технологии больше не производит на постсоветском пространстве.

Кыргызстан имеет климатические условия для исследований в области космоса в горной местности, редкие металлы. Мы должны создавать точки роста, инвестиционный фон для этого.

Нужно создавать союзную собственность для того, чтобы формировать совместные предприятия и компании на справедливых условиях.

Следует преодолеть штамп постсоветского пространства. Его больше нет. Нужно выходить за его рамки.

Вот, Сербия является страной, которая была кандидатом в Союзное государство, в ОДКБ, а ее будущее в ЕАЭС туманно и непонятно.

В Сирии сложная политическая ситуация. На территории страны имеются террористы. В ней есть российская военная база. Почему бы не разработать дорожную карту для

этой страны на вступление в ОДКБ и ЕАЭС. А это, с точки зрения геостратегической, хороший плацдарм для развития. Более того – полезные ископаемые плюс наши технологии – точка роста на Ближнем Востоке как пример для многих других стран.

Я уже не говорю про Турцию, Иран, с которыми нужно решать вопрос создания единого экономического пространства. А Иран – это самый близкий путь из Сибири к незамерзающим портам. Плюс 80 млн рынка Ирана и 80 млн рынка Турции.

Мы должны научиться принимать решения на наднациональном уровне. Если этого не будет, то интеграция окажется под угрозой.

«Важно уметь доносить до людей информацию о плюсах евразийской интеграции»

В ходе прошедшей дискуссии была затронута интересная тема – что важнее, идея или экономика? Если один из наших спикеров сказал, что он не согласен с обоими точками зрения, то я с обоими согласен. Но есть очень интересный момент, который я хотел бы отметить как журналист: экономика важна, но надо суметь эту информацию донести обычному человеку – что дают ему эти общие экономические связи, это общее экономическое пространство. Вот с этим у нас большая проблема.

Надо также отметить вопрос, какие идеологические ценности несет Евразийский союз... Мы должны развивать экономику, чтобы становились богаче наши народы, наши страны. Но, в любом случае, нам нужно какое-то идеологическое содержание.

Иногда приходится изучать, что предлагают наши западные конкуренты (можно по-разному назвать – партнёры, соперники, противники, но желательно не враги). Вот, у них есть определенный набор ценностей, которые принято называть либеральными. Я не хочу углубляться в обсуждения, хорошие они или плохие, но, когда они что-то предлагают, ты примерно понимаешь, какие ценности, идеология с той стороны предлагается.

А во имя чего страны ЕАЭС должны быть вместе? Вот с этим большая проблема. Одна из главных проблем, которые мешают евразийской интеграции – отсутствие общих идеологических ценностей, которые мы должны до своих стран донести. И вообще, донести информацию о евразийской интеграции. К сожалению, при освещении евразийской интеграции слишком много официоза. В целом

проблема журналистики, что плохие новости легче продаются, и рыночные отношения вынуждают их искать в евразийской интеграции, те новости, которые интересны читателям, завлекут их и обеспечит клики и просмотры. А этого легче добиться, к сожалению, с помощью негативной информации. Или вообще не писать.

Хотя, к примеру, в период пандемии именно благодаря ЕАЭС граждане стран-участниц, в частности трудовые мигранты, могут путешествовать внутри стран Союза. Например, только благодаря приложению «Путешествую без COVID-19», разработанному для стран ЕАЭС, я – гражданин Армении, смог попасть в Белоруссию, в Россию, и принять участие в мероприятии.

То, что мы в экономическом союзе, вынуждает находить какие-то решения, которые помогут гражданам этих стран.

Есть проблемы, которые позже решаются. Как проблема QR-кодов с вакцинацией. Получается, что если ты вакцинировался в Армении или в какой-то другой стране ЕАЭС, то в России эту вакцинацию не признают. Этот и другие вопросы нужно поскорее решить, и они решаются. Быстрее надо решать, чтобы поменьше негатива было у обычного человека. Нужно, чтобы можно было сказать: только благодаря тому, что мы в ЕАЭС, эта проблема решилась.

Или другая проблема – водительские удостоверения стран ЕАЭС, по которым жителям этих стран нельзя было работать водителями такси в Москве. Вопрос этот в итоге был решён. И он тоже показал, что положительных примеров много, и нам нужно уметь доносить их до обычных людей.

А что касается общих ценностей, я скажу, что надо ориентироваться на традиционные ценности, и это должно быть нашей фишкой. Потому что в той же Западной Европе я вижу много людей, которые сейчас не согласны со многими вещами, как мы видим по акциям в Венгрии, во Франции, как люди протестуют против некоторых вещей. Традиционные ценности близки нам, нашему менталитету.

Многие страны ЕАЭС только недавно обрели независимость, государственность, им приятен этот вкус свободы. Но нужно людям объяснить, что поодиночке невозможно добиться успеха. Нужно объяснить, что, если ты немножко поделился суверенитетом, а без этого невозможно ни один интеграционный проект реализовать, это не означает, что ты его полностью теряешь, теряешь свою независимость. Что, передавая некоторые функции на наднациональный уровень, как это уже сделали в Европейском союзе, ты можешь более эффективно решать те проблемы, которые стоят перед тобой и мешают твоему социальному и экономическому развитию.

Кстати, это ещё один феномен стран постсоветского пространства, их обществ: они боятся поделиться своим суверенитетом, пойти на некоторые уступки в рамках ЕАЭС, но при этом готовы пойти на гораздо большие уступки при евроинтеграции, что ярко показывает пример Украины и Грузии.

Поэтому надо с людьми говорить о евразийской интеграции, Евразийском союзе на том языке, который им ближе и понятнее. И я уверен, что тогда будет результат, и он будет хороший.

Нам нужна визуализация «Евразийской Мечты»

Ещё до ликвидации Советского Союза его территория стала лабораторией по конструированию различных «воображаемых сообществ». Опыты, которые ставились геополитическими оппонентами над населением СССР, основывались на научных работах западноевропейских теоретиков, придерживающихся идеи о нации как сконструированном сообществе.

Появление пятнадцати независимых государств, признанных мировым сообществом, и ряда частично признанных и непризнанных вовсе государственных образований на месте советской сверхдержавы есть один из промежуточных итогов такой лабораторной работы. Основная цель, правда, экспериментаторами ещё не достигнута – добиться стойкого антагонизма между народами, населяющими постсоветскую Евразию, тем самым сделать необратимыми центробежные процессы, начавшиеся ещё на заре перестройки.

Основная идея конструктивистских концепций заключается в том, что, при наличии определенных условий, происходит становление нации как политического сообщества с его определенными идентификационными признаками, ценностями и условными границами.

Так, автор книги «Воображаемые сообщества» Бенедикт Андерсон считал, что предтечей национализма – социально-политического феномена, создающего нации, стали романы и газеты. Эти формы воображения позволили создать нарративы национальной истории, современного бытия, утвердили базовые морально-этические нормы, описали стереотипы и модели поведения, ставшие эталонными для представителей конкретной нации. То есть позволили людям, не знающим друг друга, вообразить себя единым сообществом. И важным, необходимым условием

здесь был язык, понимаемый одинаково всеми представителями такого «воображаемого сообщества». Именно в образно-символическом пространстве языка и происходит осмысление единства нации, формируется нарратив ее истории. Поэтому, чтобы не допустить возможности восстания чего-то похожего на «советский народ», сразу с ликвидацией СССР были запущены процессы вытеснения русского языка из постсоветских республик.

Накопленные конструктивистами знания о процессах формирования нации и других формах идентичностей позволили разработать социально-политические технологии, оказывающие воздействие на самоидентификацию человека с тем или иным сообществом. На Западе, возглавляемом США, исходили из предположения, что если мы знаем, как происходит конструирование нации естественным путём, то мы можем создать условия для того, чтобы нацию разобрать, создать из ее частей враждебные друг с другом идентичности.

Здесь прослеживается некое созвучие с идеями французского мыслителя Эрнеста Ренана. В своей лекции «Что такое нация?» он отметил, что «существование нации – это повседневный плебисцит!» или, в другом переводе, «каждодневный референдум». Мысль этого тезиса заключается в том, что человек делает каждодневный выбор: соответствовать ему той или иной идентичности или нет: признавать ли ему ценности этой идентичности, придерживаться ли ему существующей в данном сообществе трактовки ее истории. То есть самоидентификация с «воображаемым сообществом» – это не раз и навсегда совершенный акт, а постоянный процесс, который подвержен влиянию определенных факторов.

Э. Ренан, а позднее и чешский конструктивист Мирослав Хрох большую роль в формировании нации, как формы идентичности, отводили исторической памяти. Ренан полагал, что объединяющим, скрепляющим нацию фактором является память об общей трагедии и общем

триумфе. Важную роль он также отводил забвению некоторых неблагоприятных фактов прошлого, в которых запечатлелись события агрессии, принуждения, насилия одной части сообщества над другой. Память о таком, по мнению ученого, разрушает нацию изнутри. Мирослав Хрох вторил ему, утверждая, что нация начинает создаваться с сентиментальных воспоминаний о прошлом, из чего потом и формируется нарратив об общей исторической судьбе, воображается единая память сообщества. Эти выводы легли в основу политических технологий, конструирующих память.

Именно такие технологии были использованы при демонстрации такого «воображаемого сообщества» как советский народ, когда за довольно короткий срок люди, построившие великую сверхдержаву, не захотели себя с ней соотносить. Произошло это по разным мотивам. Кто-то стал стыдиться, что он поверил в утопию коммунизма. Кто-то решил себя соотносить с другим, придуманным извне, нарративом о том, что он потомок нации, вырывшей Черное или Каспийское моря, что можно говорить уже о формировании не «воображаемого», а «вымышленного сообщества», не имеющего опоры на факты исторической действительности. А кому-то смогли внушить, что настоящие герои, действовавшие в интересах истинно его «воображаемого сообщества», те, кто воевал против советской власти в составе бандформирований или частей гитлеровских оккупационных войск.

Понятно, что это делалось не из благих побуждений. Запад решал свои прагматичные задачи: устранял геополитического конкурента, разрушал его экономику, внутреннюю промышленную кооперацию и обеспечивал себе беспрепятственный доступ к природным ресурсам. Хотя делалось это всё под лозунгом защиты якобы поработанных советской властью народов.

С ликвидацией СССР перестал существовать самостоятельный центр силы, а возникшие вместо него новые государства стали объектом влияния тех, кто считал себя

победителем в Холодной войне. Коллективный Запад стал настойчиво втягивать побежденных в разные геополитические проекты.

Но с началом реинтеграции постсоветской Евразии сама победа в Холодной войне становилась всё менее очевидной. На Западе увидели, что вместо поверженного Советского Союза происходит реальное становление союза евразийских государств, что за восстановлением экономической кооперации на постсоветском пространстве может сформироваться сложное в своей структуре, наднациональное, но всё же общее «воображаемое сообщество» – новый, самостоятельный центр силы. Мы практически в одном шаге от этого. Нам не хватает одного – политической воли элиты евразийских государств к созданию, назовем это так, «сообщества евразийской мечты».

Причём для его создания мы можем использовать те же технологии, с помощью которых демонтировали СССР. Опираясь на выводы Б.Андерсона о газетах и романах, как формах воображения, мы можем использовать уже новые их аналоги – цифровые СМИ, кино, телевидение для формирования общего для евразийских народов исторического нарратива, который бы опирался на объективные факты прошлого, а не на вымысел. Сохранить для этого русский язык как основное коммуникационное средство в Евразии, так как его образно-смысловое пространство ещё понятно большей части населения стран ЕАЭС.

Используя идеи Э.Ренана и М.Хроха, формировать память об общих победах в прошлом, благо у нас на это есть обширное героическое прошлое, как и не забывать об общих трагедиях в истории наших народов. Именно так мы сможем сформировать общий и понятный для народов Евразии пантеон героев, поступки которых будут эталоном, практической визуализацией ценностей евразийского сообщества наций.

При этом каждая политическая нация, вступившая в Евразийский Союз, несомненно, должна сохранить свою самобытность. Поэтому наднациональное «воображаемое сообщество» Евразии должно опираться на «воображаемые сообщества» стран, участвующих в общих процессах евразийской интеграции. Должно быть обеспечено органичное взаимодействие двух уровней «воображаемых сообществ», где положительный герой национального уровня мог бы выноситься на уровень наднациональный. Этого можно достичь через создание историй успехов, описания достижений в различных сферах того или иного жителя евразийских государств, который смог построить бизнес, карьеру, совершить научное открытие или спортивную победу благодаря интеграционным процессам в Евразии. Говоря языком маркетолога – нам нужен привлекательный бренд нашей Евразии. Нам нужна визуализация на примере жизни среднестатистического человека «Евразийской Мечты», воплощение которой на практике хотело бы подавляющее большинство жителей стран постсоветской Евразии.

Исторические основания евразийской интеграции

Отреагирую на уже сказанное. Если вносить историческую нотку в тему евразийской интеграции, то обычно, когда все говорят, обсуждают животрепещущее, историк замечает: «Ну это уже всё было!». Ужас с драниками заключается в том, что драники появились 150 лет назад, когда Павел Дмитриевич Киселёв, министр госимуществ Российской империи, начал высаживать картофель в западных губерниях, именно для того, чтобы крестьяне отъелись. Потому что это была огромная проблема, был голод и в Ирландии, и в Белоруссии, и там и там отъелись как известно, картофелем.

Я некоторых наших организаторов знаю очень давно, и знаю их как людей добрых, конечно, очень радушных, открытых, но очень хитрых... И у них всё очень непросто. И я вот, например, уверен, что мы собрались, сегодня здесь, потому что сейчас как раз празднуется 1033-я годовщина Крещения Руси. Что нам следует в связи с этим вспомнить? Про тот интеграционный проект, который возник 1033 года назад как раз на этой самой территории, когда появилась та самая Русь, которая, как известно, в первую очередь была духовно-культурным интеграционным проектом. Но она была и экономическим интеграционным проектом, потому что выход на Царьград – это выход не только на главный культурный центр Европы того времени. Европы в широком смысле, естественно, включая Ближний Восток и так далее, тогдашней Европы. Это выход на главный экономический и технологический центр очень немаленькой по территории Европы, которая на тот момент подверстывала и Ближний Восток, и Северную Африку, между прочим.

И организаторы нашего мероприятия, естественно, это имеют в виду, просто не признаются. Говоря о Руси как ин-

теграционном проекте, я не имею в виду просто государство, потому что ну что там было за государство?! Все эти государственные структуры, простите меня, это смешно совсем. Несколько десятков князей – вот, собственно говоря, и всё государство. Это предполагало действительно очень мощную культурно-религиозную линию, это предполагало развитие экономики, это огромное пространство. Ведь Русь очень быстро превращается по территории в крупнейшее государство тогдашней Европы. Причём государство с открытыми границами. Где там были закреплены какие границы? Предполагалось, что эта Русь будет распространяться куда получится, как и произошло.

У Российской империи чётко закреплённые границы, на всех ее участках, появились, как известно, только в конце XIX века. Вот когда Памир присоединили – всё уже нанесли на карту. Про морскую границу молчу, она до сих пор не слишком понятная у нас. Месяц назад Россия внесла дополнения к своей заявке в ООН по поводу российской акватории Северного Ледовитого океана. Часть акватории в западном полушарии – она тоже наша, потому что там хребет Ломоносова продолжается, примерно до Канады, и вот все эти нефтеносные районы потенциальные. Это же хребет Ломоносова, вы же понимаете, что тут ещё обсуждать? Ясно же. Понятно, что это другие не признают, они – наши конкуренты, «партнёры» – ну и что? А у них есть атомный ледокольный флот? У них есть атомные подводные лодки, которые там всплывают? По-моему, нет пока ещё.

Возвращаясь к Руси, действительно нам нет смысла слишком долго спорить на предмет того, что выступает триггером. Экономика, культурная сфера, гуманитарная – они очень тесно взаимосвязаны. Очень часто одно цепляет другое и наоборот. Это как курица или яйцо. Но мы сами прекрасно понимаем, что вот эта самая курочка экономической интеграции, которая несет яйца, она периодически может снести золотое яичко – духовных ценностей, а из этого золотого яичка

вылупиться новая курочка Ряба. Соглашусь с Андреем Ростиславовичем, что эти сферы – экономическая и духовная – каждая из них создает что-то, они производят! Одна производит материальные ценности, другая производит нематериальные ценности, но тем не менее это производственные сферы.

Но между ними есть некая сфера, которая на самом деле ничего не производит, но она принципиально важна, потому что она всё это связывает. Она всё это в конечном счете регулирует. И если этой сферы не будет, тогда в таком случае всё это будет расплзаться. Причём бесполезно объяснять, что это выгодно, а вот это не выгодно, вместе быть выгодно, а на Кипр не выгодно, всё равно будут уезжать на Кипр. Ну просто взбрдет в голову, понимаете? Это как у какого-нибудь купца, вот у него есть «идея-фикс», что он должен разбогатеть, и в конечном счете наполнить ванную шампанским и в ней искупаться. А он в ней утонет, а его дети разбазарят капитал. Потому что у детей «идея-фикс» вообще картинную галерею где-нибудь открыть, причём не в Москве, обратите внимание, а в каком-нибудь Монако.

Иными словами, нужна эта сфера регулирующая, в каком-то смысле можно сказать, сковывающая, политическая, где естественно главным институтом будет выступать государство. Конечно, это только один из институтов, пускай и самый главный в этой сфере. Да, это институт, имеющий монополию на насилие, что принципиально важно, и он обязательно должен иметь эту монополию на насилие, потому что если он её не имеет, то насилие будет у всех, а это будет гораздо-гораздо хуже.

Поэтому мы здесь должны обсуждать по всем направлениям, как должна развиваться наша интеграция в будущем – и по экономическому направлению, и по культурному, и по политическому. Это моя «идея-фикс», которую я постоянно озвучиваю и буду продолжать озвучивать, потому что пока никакого эффекта. А пока не будет эффекта, я буду озвучивать.

Смысл в том, что, как раз, в рамках этой нашей евразийской экономической интеграции, где явно присутствует определённый дисбаланс действий, субъекты по своему объёму не совсем равнозначны. Политическая сфера существует для того, чтобы соблюсти здесь баланс. Для того, чтобы те субъекты экономической интеграции, которые не слишком крупные, смогли, опираясь на политическую сферу, отстаивать свое место – вот в этом разделении, вот в этой кооперации, чтобы они смогли сохранить свою субъектность – для этого существует политическая интеграция.

Сейчас в мире явно доминирует такая тенденция, что крупные игроки активно стали выживать за счет мелких. Слияние-поглощение. Это нормально для любого экономического кризиса, так было всегда, и с Кипром произойдет такое в конечном счете. Я просто как историк вам скажу. Шизофрения современной цивилизации заключается в том, что существует вот этот самый офшор и этих офшоров существует десятки, и с ними ничего не поделаешь. В обычной любой другой ситуации, на протяжении всей мировой истории, этот офшор был бы оккупирован за одни сутки и на этом бы всё закончилось для этого офшора. Сейчас, конечно, всё можно сделать иначе, можно нажать на какую-нибудь кнопку и офшор вдруг поймет, что у него там вдруг с транзакциями какие-то проблемы возникли. Думаю, у каждого сейчас есть кнопка, как у электроника, помните? Но у него кнопку не нашли, потому что он из робота превратился в советского гражданина. Отсюда, вывод: что должно произойти с гражданами Кипра? Интегрироваться надо в евразийское пространство. Ну ладно, это такая шутка, в которой есть доля шутки.

Следующий тезис. У нас возникает определенное представление, что мы, создавая некий евразийский проект, начинаем несколько в сторону востока закашивать. Мне кажется, можно преодолеть эту аберрацию сознания, но она преодолевается каким образом? Всё-таки, когда мы говорим

о Евразии, мы с вами имеем в виду малую Евразию. Нам пора уже отказываться от понятия «постсоветское пространство». Я, конечно, понимаю, что у нас огромное количество людей существует советских. Я сам советский, я это время застал. Но это понятие «пост» – не творческое.

Смотрите, 30 лет прошло от Советского Союза. Давайте представим себе СССР образца 1947 года, который называли бы «постромановский». Так сказать, «постромановское пространство». Ну это дико бы звучало на самом деле. Поэтому мы действительно должны уходить от этого «пост» – как не творческого, не содержательного. И действительно уже надо переходить к таким словам, которые будут содержательны. Пускай в них будет заложен советский смысл и до-советский, но эти слова нам тоже надо придумывать. А лучше конечно не придумывать, а находить.

Так вот, мы малая Евразия. Есть большая Евразия и она как известно включает в себя и Европу тоже. И вообще если так посмотреть, что такое Европа – это полуостров Евразии, географически, ну плюс отдельно полуостров Скандинавия. По сравнению с евразийским пространством не так чтобы очень много, хотя, конечно, безусловно важная часть Евразии. И в этом смысле, когда мы вот говорим о кооперации с Китаем, то мы точно так же должны говорить о кооперации с Германией, и это принципиально важно. Немецкие технологии нам не нужны? Нужны. При этом, я считаю, ну это конечно ужасная мысль, но нам надо работать над дезинтеграцией Евросоюза. Это очень важно. Посмотрите, что Лавров сказал недавно: мы не будем работать с Евросоюзом, мы будем работать с отдельными европейскими странами. И правильно! А Германия что, не страна Евразии? Она же не из Америки. Она евразийская страна. И в этом смысле с ней нужно активно дружить. У нас с ней огромное количество общих экономических интересов. У нас с ней на самом деле огромное количество разных общих политических интересов. У нас с Германией есть общие соседи. С которыми надо

как-то взаимодействовать. С которыми и у нас есть некоторые маленькие проблемы, и у Германии они есть, как не странно. И соответственно можно как-то договариваться на самом деле. Это и происходит, просто это не всегда на поверхности, но тем не менее, процесс идёт. Это тоже интеграция.

В этой связи очень важный вопрос – вопрос общих ценностей. Какой у нас проект будущего? Я здесь не собираюсь доказывать, что экономика не важна. Безусловно важна. Но она теснейшим образом с этими ценностями связана. И в таком случае мы с вами неизбежно приходим к обсуждению того, что такое, например, европейские ценности. Почему те ценности, которые они проповедуют, они вдруг называются европейскими? С какой стати? Когда они проповедуют европейские ценности, они имеют в виду что только они являются Европой, а мы Европой не являемся? А мы, действительно, цивилизация, претендующая на прямую культурную преемственность по отношению к Византии, а точнее – к Восточно-Римской империи, к римскому наследию. И мы что, не имеем отношения к европейским ценностям? Мы что, не являемся Европой?

На самом деле, мы являемся такой же Европой, только другой. С не меньшими основаниями мы тоже Европа. Соответственно, они что имеют в виду под европейскими ценностями? То, что они проповедуют, это только им принадлежит? Они монополией на это владеют? Ну, вообще-то нет. Или, например, что они имеют в виду, что именно эти ценности всегда были европейскими? Простите меня, до 1945 года европейские ценности были какие-то немножко другие, если я правильно помню. Там была какая-то ведущая страна Европы, я сейчас не буду вспоминать как она называлась, но она проповедовала нечто иное вообще. Она, например, проповедовала идею расового превосходства. Где взялась идея расового превосходства? Не в Европе? Это не европейские ценности? Где взялась расовая

теория? Не в Европе? Это точно не европейские ценности? Нет, они, конечно, сейчас говорят, если обобщать, то европейские ценности – это лозунги Великой Французской революции: свобода, равенство и братство. Вопрос сразу, свобода – это что, исключительно европейская ценность? А у нас этого не было? А, простите, у нас вся русская, российская, восточно-христианская, как угодно можно назвать – цивилизация, она не причастна к такой ценности, как свобода? Вообще христианство замешано на свободе. Кроме того, давайте посмотрим, само слово «свобода» что означает? Свобода – это «быть собой». И в этой связи возникает одна очень интересная вещь. Потому что когда современный европеец, который проповедует европейские ценности, говорит, что выше свободы быть ничего не может, что это означает? Что он говорит: «оставьте меня все, пожалуйста, в покое, у меня должна быть некая сфера моей личной свободы, и что хочу, то и делаю». Что говорила нам идеология Просвещения? Моя личная свобода ограничена свободой других. Классический такой подход. Но потом в XIX веке, возникает иной подход, классическо-либеральный уже подход, который предполагает, что если я терпимо отношусь к другому, толерантно, то это означает, что сфера моей свободы начинает постепенно расширяться. И если мы становимся толерантными, то мы в конечном счете все в этой свободе вырастем.

Но что это означает в духовном смысле слова? Это действительно некий личностный рост? Я что-то, честно говоря, не очень уверен в этом. В рамках той же современной Европы я не наблюдаю личностного роста. Может, я обладаю каким-то тоталитарным мышлением, но я этого роста не заметил. А как свобода осмысливается в рамках нашей традиции? Свобода воспринимается, прежде всего, не как ценность, а скорее, как крайне важное средство. Как то, что обязательно присутствует во мне, и на самом деле меня невозможно лишить свободы просто потому, что я постоянно каждую секунду,

нахожусь в ситуации выбора, я всё время выбор делаю, причём этот выбор очень часто не слишком обусловленный. Опять же: вот мне создают условия, а я на Кипр бегу. И мне будут говорить: ты не рационально поступаешь. А я буду говорить: ну и что? И это тоже будет мой выбор, и он будет не очень рациональный, но вот в том-то и дело, что свобода – это то, что до конца нельзя отнять. Но очень важно, что это средство для личностного роста, чтобы выбор делать как можно более осознанный, приводящий к тому, чтобы я и люди вокруг меня имели возможность развиваться, вот о чем речь. Вот это наше понимание свободы.

Достоевский после первой поездки в Западную Европу написал чудеснейшую вещь «Зимние заметки о летних впечатлениях». Он описывает своё путешествие и рассуждает о том, на чём может быть построено человеческое общество. Если это общество эгоистов, то в конечном счёте это общество будет деградировать. Развитие общества возможно только в той ситуации, когда я осознанно готов чем-то жертвовать ради других. А другие, в конечном итоге, мне скажут: да мы не можем принять твою жертву, мы ради тебя сами готовы пожертвовать! И вот тогда возникает синергия. Это не общественный договор по Жан-Жаку Руссо. Потому что там как раз предполагается, что все эгоисты решили сохранить свой эгоизм и рационально договориться, чтоб никто никого не трогал. Нет, у нас общественный договор другой предполагается, хотя бы в какой-то мере, но построенный на идее самопожертвования.

В конечном счёте это всё называется – любовь. Эта христианская ценность, которая, как написано у апостола Павла – является высшей ценностью. Не свобода, свобода – это условие, любовь – высшая ценность. У апостола Иоанна, вообще, сказано: «Бог есть Любовь». И точка.

Отсюда, соответственно, идея братства. Как она присутствует в европейском обществе? Это хороший вопрос. Французская революция сказала: «братство». А что это такое? А не понятно. Масонское братство? Сбивайтесь в кучки, по гендерному принципу? Гендер – вот братство. Сколько их сейчас

этих гендеров? 64? Явно больше двух. Когда больше двух, это уже проблема. Если возникает 3, то после этого будет 333. Сразу открывается ящик Пандоры и пошло-поехало. На самом деле, нет понимания того, что такое братство. Постулируется, но никак не объясняется. Говорится: социальная солидарность, но это тоже с большим скрипом.

Равенство? Но идея равенства у нас даже больше проявлялась на протяжении всей нашей истории. У нас всегда присутствовало понятие «правда», т.е. справедливость и равенство. Это очень близкие понятия, и без «правды» всё было совсем плохо. Если мы посмотрим любые духовные учения, всегда говорится о том, что государство без правды вообще существовать не может. Главная задача государства заключается в том, чтобы эту правду утверждать.

Таким образом, получается, что те европейские ценности, которые мы воспринимаем как правильные, в нашей собственной трактовке, мы всегда имели. Мы их не просто декларируем, вся наша культура из них изначально и по сию пору растет. Другое дело, что у нас не рождается в ходе нашего исторического развития тех ценностей, которые рождаются у них и их доводят до ручки. И когда они их доводят до ручки, нам потом приходится вмешиваться в стройное течение европейской истории и освобождать Париж от Бонапарта, или Берлин от Гитлера. Приходится корректировать их устойчивое европейское развитие. Представьте только, что реализовалась мечта нормального европейца и оказалось, что за Вислой находится океан, и никакой России не существует. Существует так называемая идеальная Европа, и Польша находится у побережья восточного океана. В XIX-XX веках она бы просто себя уничтожила и много кого другого бы ещё уничтожила вокруг себя. Она, как известно, довела дело до знаменитого «самоубийства Европы», до мировых войн, которые начались на почве противоречия внутриевропейского и которые практически чуть не закончились ликвидацией земного шара. К счастью, ядерное оружие европейцы не успели изобрести. А если бы успели? Устроили бы мировое самоубийство.

Современное евразийство: взгляд из Крыма

Предыдущие дни нашей работы наталкивают меня на вывод: интерес к экономической теории, точнее – к политэкономии, возвращается. Когда-то её изучение входило в обязательный комплекс предметов на всех факультетах всех ВУЗов и даже средних специальных учреждений. Советские люди должны были быть экономически подкованными. Но когда грянула перестройка с её инвестиционными фондами, финансовыми пирамидами, биржами и коммерческими банками, оказалось, что советский человек перед всем этим очень незащищен. Его экономические знания к реальной экономике никакого отношения не имеют. И людей бессовестно ограбили.

Здесь важно вот что ещё. Экономический детерминизм, который был одной из базовых основ советской доктрины, официальной идеологии СССР, обанкротился вместе с этой идеологией и рухнул вместе с СССР.

Прошлая идеология не привела нас к глобальной победе – на свалку её! Это примерно, как до принятия христианства на Руси, когда культ Перуна начали внедрять, но он оказался неэффективным... И свежеставленные идола Перуна стали валить, сжигать, топить в воде. Их как бы наказывали за то, что они не выполнили свои функции, не оправдали ожиданий. Примерно через тысячу лет нечто подобное наши люди проделывали и с экономическим детерминизмом. Это когда у вас нет туалетной бумаги, но при этом в ход идёт газетка «Правда»... Кстати, это ещё одно свидетельство того, что экономический детерминизм не гарантировал элементарные бытовые потребности населения.

Прежняя идеология не только не обеспечила нам мирового лидерства, она оказалась не способна прогнозировать будущее. Нигде в официальной советской экономической

теории не было предусмотрено, что после социализма может наступить такая страшноватенькая форма капитализма, который более всего походит на описанное у Маркса первоначальное накопление капитала. А ведь должен был наступить коммунизм. Одним словом, прогноз не оправдался.

При этом для многих, в том числе и для меня, крушение СССР – катастрофа, предопределившая траекторию последующей жизни. Можно уже сказать, всей последующей жизни. Не то, чтобы я хотел назад, поскольку в советской действительности было много такого, от чего необходимо было избавляться. Но одно дело – избавляться от частных, выдавливать из себя по капле раба, а совсем другое – в одночасье потерять Родину. Вот этому необходимо было жёстче противодействовать до наступления часа «Ч». Не получилось, во многом потому, что наше поколение в тот момент ещё не заняло такого места в обществе, с которого можно было бы эффективно этому сопротивляться. Но впереди были годы, за которые можно было попробовать взять реванш, хотя бы локально что-то из потерянного отыграть назад.

Я хорошо помню, как Верховная Рада Украины 24 августа 1991 года приняла Акт государственной независимости. Эта дата отмечается сегодня на Украине как День независимости. Хотя в тот момент было подано всё таким образом, что независимость наступит только если акт будет подтвержден на Всеукраинском референдуме 1 декабря 1991 года. Сейчас же готовятся как раз к 30-летию именно этого события – Украина боится лишний раз упоминать о референдуме.

Тогда, 30 лет назад, 24 августа, для меня было понятно, что принятие Акта – приговор Советскому Союзу. Хотя люди в своей массе не были настроены на то, чтобы разбежаться. И распад Союза, создание СНГ, ещё долго подавали как реформирование союзного государства. Параллельно апеллируя к национальному, этническому эгоизму.

Есть быстро растущая демографически, но хозяйственно отсталая Средняя Азия, которая тянет экономические показатели назад. Есть кипящий, беспокойный Кавказ, вернее Закавказье. Прибалтика, по всей видимости, уходит. И эту потерю нужно чем-то компенсировать, сбросить оставшийся балласт, с другой стороны. Со стороны Средней Азии и Закавказья. А вот оставшееся от СССР будет более целостным, более непротиворечивым. И Беловежские соглашения подавали именно как новый союз, создание нового государства, причём те, кто это делали, знали, что это не так.

В том числе и поэтому люди не протестовали. Они были сбиты с толку, не были приучены к такому геополитическому шторму. Отсюда – общая дезориентация.

Это всё – прелюдия к заявленной теме. Она была нужна мне для того, чтобы объяснить, почему в своё время от экономического детерминизма люди отворачивались, приступали к поискам других мировоззренческих основ. Не только чтобы ориентироваться в происходящем, а для того, чтобы вернуть себе утраченную Родину. Меня эти поиски привели к географическому детерминизму.

Кстати, евразийцы оказались в аналогичном положении, только сто лет назад. Они наблюдали, как страна гибнет. Причём гибнет не просто политическая система, а цивилизация, в которой они сформировались, к которой принадлежали. Не пассивно наблюдали, поскольку были активными белогвардейцами. Но на фронтах гражданской войны они борьбу за свою Россию проиграли.

Отличие евразийцев от их соратников по Белому делу было в том, что они заявили о необходимости разобраться в том, почему так случилось. А для этого понадобилось ответить на вопрос, что такое Россия. Выяснилось, что на протяжении тысячи лет Россия существует, а на этот вопрос ответа у интеллектуального класса этой страны нет. Были подходы, но не было сформировано некое концептуальное

знание, понимание того, а что это? И раз так, непонятно, что охранять, какие основы, где самые уязвимые места, которые надо прикрыть в первую очередь, что есть те самые неразменные рубли, которые никому нельзя сдавать. Евразийцы сумели значительно продвинуться в понимании России и подготовили хороший плацдарм для дальнейших поисков ответов на все эти вопросы.

Конечно, представители этого интеллектуального движения дискутировали между собой. Всё это были люди достаточно свободные в интеллектуальном плане, кто-то отходил от движения и развивался в выбранном им самим направлении, кто-то, уходя в оппозицию пресловутому «европейничанью», фактически начинал «азиатствовать», кто-то приходил к признанию Советской власти. Кстати, не помню, чтобы последнее касалось Льва Платоновича Карсавина, о чём здесь говорилось. Но даже если Карсавин признал целесообразность Советской власти, то Советская власть не признала целесообразности Льва Платоновича Карсавина. В 1922 году он был выдворен из страны с запретом возвращаться в Советскую Россию. Но в период Второй мировой войны он жил в Вильнюсе. Сам он в Советскую Россию не возвращался, а Советская Россия вернулась к нему: в 1939 году Вильнюс стал советским (кстати, первоначально оказался в составе Белорусской ССР). В итоге Карсавина законопатили в лагерь, откуда он уже не вернулся.

Время от времени становится модно модернизировать евразийское учение, дополняя его тем, чего, с точки зрения модернизаторов, ему не хватает. Например, экономическим учением. Особенно это видится актуальным сейчас, когда рассуждения на тему экономики становятся более интересны молодёжи, чем, скажем, 10 лет назад.

Но штука в том, что в евразийском учении есть своя экономическая составляющая. Создателем евразийской экономической теории, является, в первую очередь, Пётр Николаевич Савицкий. В его экономических работах имеются положения,

вполне пригодные для понимания того, как строить евразийскую интеграцию сегодня, то есть чего ей не хватает и что нужно для повышения её эффективности.

Главная его мысль в чём? В том, что Россия – не такая, как Европа, как Запад в целом. Во-первых, это более холодная страна, хотя и не всегда более северная. Критики этого тезиса любят ссылаться на благополучную Швецию. При этом забывая, что эта страна находится недалеко от «парового отопления» Гольфстрима, которое делает это государство более благоприятным для жизни, чем те же окрестности Санкт-Петербурга. Широты одни и те же, а климат разный. И чем дальше на Восток, тем сложнее будет на одних и тех же широтах хозяйствовать.

Ведь не просто так наши предки «растеклись» по всей этой огромной территории, которую вчера Фёдор Александрович Гайда назвал Малой Евразией (хотя она большая), а я обычно обозначаю как совокупность Восточной Европы и Северной Азии. И они не просто «растеклись», а научились хозяйствовать, культивировать в этих местах такие виды деятельности, которые до этого там не практиковались. За столетия упорного труда созданы условия, которые сделали эти территории пригодными для жизни. Это итог работы причём не одного и не двух, и не трёх поколений. И это как раз проявление того самого географического детерминизма, когда на Запад нельзя, потому что оттуда и сбежали, на Юг нельзя, потому что там и так тесно. Вот мы и занимаем эту территорию и обучаемся хозяйству, причём совместно с местными народами, создавая с ними единый комплекс.

Но условия хозяйствования – тяжёлые, его продуктивность – значительно ниже, чем на Западе и Юге, чтобы собрать необходимые полезные ископаемые как раз и приходится «растечься» на одну шестую часть земной суши. Но отсюда – следующая особенность: люди живут не тесно, коммуникации оказываются сверхдорогими, потому

что от человека до человека не то, что не докричишься, а иногда и не доберёшься.

Имеются и просто издевательские обстоятельства. Скажем, вчера говорили, что Россия имеет самую протяжённую береговую линию в мире. Но при этом имеется и бешеный дефицит выходов к судоходным морям. С этим столкнулся в своё время Пётр I, у которого была мания сделать из России морскую державу. Мания имела и положительные последствия. По всей видимости, если бы её не было, не стартовала бы Сибирская экспедиция во главе с Берингом, в ходе которой была сделана масса открытий, Россия перемаршрутировала через Тихий океан. Ей мало было Евразии, надо было ещё и север Северной Америки взять. Причём не Калифорнию, хотя туда просачивались, а посевнее. Нам простых решений не надо, надо бы каких-то трудностей попреодолевать...

Но морских путей традиционно не хватало. Это приводит к тому, что выход на мировой рынок любой товарной продукции достаточно затруднён. Тот же Савицкий в своих экономических статьях обращает внимание, что среднеазиатский хлопок ничем не хуже, чем, скажем, египетский. Но египетский находится рядом с портами, поэтому – вези его куда хочешь. А для среднеазиатского – более-менее близко только Каспийское море, которое не совсем море. Точнее – совсем не море. До любого другого морского побережья этот хлопок надо сотни километров тянуть. А это увеличивает его стоимость, что и делает его неконкурентоспособным. То есть мировому рынку он вообще-то не нужен. Но нужен предприятиям внутри страны, на тех же предприятиях в Иваново, например.

Вот, кстати, в чём сущность и необходимость евразийской интеграции. Но в этом же примере можно разглядеть необходимое условие, при котором она заработает. Это когда наш общий рынок если не закрыт, то хотя бы как-то защищён от мирового рынка. Ведь там, на мировом рынке,

есть всё то, что мы можем производить на нашем внутреннем рынке. И взять там товары вместо того, чтобы их производить самим – проще и дешевле. Чем, собственно, на протяжении последних 30 лет мы и занимаемся.

С одной стороны, это нормально, советский человек этого был лишён. Но он не знал и того, что импортный ширпотреб может быть хуже качеством, чем отечественный. В Советском Союзе очень неплохо работал Внешторг, и товар, который попадал в страну, отбирался очень высокого качества. Потому у советского человека была сформирована иллюзия, что там всё такое. А вот когда своё производство схлопнулось, мы обнаружили, что те же торговые марки по своим потребительским качествам могут выглядеть несколько иначе. Но деваться было уже некуда, своего производства ведь уже не осталось.

Ещё одна проблема: мы можем всё это брать, но в обмен на что? Пока можно было грабить Советский Союз, его технологии и уникальные природные ресурсы, баланс более-менее выравнивался. Затем всё скатилось на нефть, газ и некоторые другие сырьевые товары. Вы видите сейчас, что происходит на рынке нефти, как сдерживают себя нефтедобывающие страны. Если бы не было нефти российской, то её бы прекрасно заместили. Я не знаю, как газ... Но газ прекрасно замещается самой нефтью. Получается, что мировому рынку мы не очень нужны.

Мы вообще появились на 1/6 части суши вопреки развитию этого мирового рынка. Они не знают, что с нами делать, они несколько раз пытались нас завоевать, но не получается. Получается совершенно наоборот. Они пытались нас реформировать, но мы начинаем рассыпаться. Или эти реформы приводят не к тем результатам, которые изначально планировались. В общем, время от времени появляются идеи о том, чтобы «закрыть Россию» (причём имеется в виду пространство большее, чем РФ). Эта идея периодически воспроизводится. Причём как с одной, так и с другой стороны российской границы.

При этом я вовсе не намерен агитировать за искусственное отсечение Евразии от мирового рынка. Мало того, считаю это невозможным и вредным. Но он сам как-то очень быстро сдувается. Не вообще, а как проект экономической глобализации. В итоге не удивлюсь, если уже в обозримой перспективе мы окажемся перед необходимостью глубокой евразийской (ре)интеграции. И тогда дело пойдёт куда веселее, чем сейчас. И вновь станет востребованным евразийское учение, его экономическая составляющая, которую в него вовсе не надо добавлять, поскольку она ему присуща изначально.

Теперь, собственно, о новом в евразийской теории. А то вы заманили меня на своё поле. Хотя, замечу, что и об экономике я говорил с позиций географического детерминизма. А новое в евразийстве за последние 30 лет это, несомненно, теория Новороссии. Она базируется на учении об этногенезе, сформулированном Л.Н.Гумилёвым – своего рода мостиком между евразийцами первой половины прошлого века и их современными последователями.

Не вдаваясь во все нюансы гумилёвской концепции, остановлюсь на двух её аспектах. Первый – это положение о том, что этносы состоят из структурных элементов. На первом уровне это – субэтносы, которые относятся к этносу примерно так же, как к биологическому виду относятся популяции. Второй – это введённый Гумилёвым термин для обозначения этнической энергии – пассионарность.

Похоже, что наша цивилизация выработала систему вечного двигателя, который позволяет подпитываться этой пассионарностью. Если считать русский народ этносом, то в ходе его пространственного расширения (процесса переселенческой колонизации Евразии), он постоянно создавал новые субэтносы – специализированные для существования в том или ином виде ландшафта. Скажем, тысячу лет назад ядро нашей цивилизации располагалось в Среднем Приднепровье, а сама цивилизация развивалась в речных долинах в четырёхугольнике между Балтийским, Белым, Каспийским

и Чёрным морями. Центральное положение в этой системе занимал субэтнос, который несколько позже получил название малороссов. Затем, в Волго-Окском междуречье, возник новый субэтнос, известный нам как великороссы. Прежде всего его усилиями было организовано движение русского этноса от Балтики и Северного моря до Тихого океана – в рамках лесного ландшафта. А вот поворот великорусской экспансии на юг привёл к зарождению нового русского субэтноса – новороссов, складывающегося в зонах славянской колонизации Великой Степи.

Как видим, русская этническая система питается этнической энергией субэтноса-лидера, которой хватает лет на 700-800. Затем на место пассионарно истощившегося субэтноса приходит молодой сменщик. И жизнь русского народа продолжается.

Наш кризис на рубеже веков и тысячелетий имеет, таким образом, и этническое измерение. Это период передачи лидерских полномочий от великороссов новороссам. Такие периоды всегда болезненны, а система в этот момент более уязвима. Но затем это компенсируется тем, что этносом обретается новая динамика на сотни лет.

На этой оптимистической ноте разрешите закончить и перейти к ответам на вопросы.

Вопрос: 1. Разделяете ли вы позицию, что русский народ существует в двух фазах мобилизации и демобилизации, не имея третьей; 2. Разделяете ли вы позицию, что мнение жителей окраин государства отличается от мнения людей, которые живут спокойной жизнью в срединной части страны. 3. И хочу, чтобы вы прокомментировали немножко радикальную мысль о том, что, если бы не было Майдана, не было бы Крыма.

1. Я согласен с тем, что средней переходной фазы нет. Есть мобилизация (зачастую – сверхмобилизация) и демо-

биллизация. Последнее имеет место крайне редко. После поражения в Крымской войне Россия приступила к активному освоению модели государственного устройства, которое называется национальное государство, смысл которого как раз в мобилизации. То есть оно даёт дополнительные рычаги для мобилизации людей, экономики, общественной жизни на решение каких-то общих (обшенациональных) задач. Эти возможности обеспечили невиданную ранее интенсивность двух мировых войн. Для России Первая мировая война стала геополитическим разгромом, нанесённым стране без военного поражения как такового. Это привело к травме, которой воспользовались большевики, которыми была создана система сверхмобилизации – т.н. «тоталитарная». Нечто подобное случилось и в других странах, посчитавших, себя обиженными по итогам войны.

То есть на протяжении, как минимум, ста лет после Крымской войны народ пребывал не просто в условиях мобилизации, а уровень её постоянно повышался. И только после смерти Сталина, случившейся как-то уж очень вовремя, в разгар подготовки и Третьем мировой войне, его политические наследники приступили к аккуратному демонтажу системы, но аккуратно не получилось. Ну и, собственно, наш народ ушёл в демобилизацию, из которой не торопится куда-либо возвращаться, и я его прекрасно понимаю. Это последствия длительного перенапряжения сил, которые брались как бы в долг у последующих поколений. После перегрузки идёт перезагрузка.

2. По поводу пограничников. Классный вопрос! Я воспринимаю границу в духе классика геополитики Карла Хаусхофера и его учителя Фридриха Ратцеля. В этой трактовке граница – не некая линия на карте, а как особая ткань организма. Когда я на курсе геополитики студентам объясняю, посчитайте отверстия своего организма – и увидите, что все они особо организованы для определённых контактов с внешней средой, чтобы мы получали из этой среды то, что нам нужно,

и что не нужно в эту среду отправляли. У нас нет ни одной лишней дырочки, все они имеют чётко обозначенные функции. Граница – такой же набор пространственных порталов, некоторые из которых являются точками роста. Это те места, в которых может происходить дальнейшее расширение.

Если государство проводит целенаправленную политику в этом плане, то граница адекватно организуется. Но даже если этого не происходит, особая ткань государства складывается спонтанно. И в нашем случае есть такая спонтанная ситуация, когда на границах русским себя ощущать более ответственно. У нас в Крыму ходило такое выражение: «Легко Россию любить между берёзками». Труднее, когда ты находишься в другом, менее комфортном ландшафте, но ты эту свою русскость отстаиваешь и это вырабатывает определённые черты национального, лучше сказать, регионального характера, какие-то формы самоорганизации. Пример тому казачество – тоже такая самодеятельная пограничная общность, которая изначально возникала самотёком, а потом государство понаштопало казачьих войск по всем пограничным регионам Российской империи.

3. По поводу Майдана. Пожалуй, да. Дело в том, что Крым имел несколько вариантов борьбы за сохранение своей идентичности. По сути – русской идентичности. Мы долгое время не просто были готовы на компромисс с Киевом, мы на него шли. Первый компромисс был достигнут в 1991-1992 гг., когда была восстановлена республика. Через референдум в январе 1991 года. Согласно этому референдуму, Крым – это автономная республика, субъект СССР и участник Союзного договора. Тогда это была довольно распространённая вещь, когда заигрывали с автономиями, в какой-то степени противопоставляя их союзным республикам. Скажем, все автономные республики должны были участвовать в подписании обновлённого Союзного договора. Поэтому не скажу, что мы совсем ноу-хау предложили, но мы постарались вписаться в этот процесс. Заметьте, в то время, когда общая тенденция была

разбежаться, здесь речь шла о том, чтобы сохранить себя как часть этого большого целого единого пространства.

Результаты этого референдума были более 90% за восстановление крымской автономии. Почему я обращаю на это внимание? В 2014-м году Общекрымский референдум дал такие же результаты. То есть сменилось поколение, а этот выбор остался прежним. Это, кстати, любопытная тема и о ней можно отдельно поговорить.

В 1992-м году была принята Конституция республики, согласно которой Крым строит свои отношения с Украиной на основании договоров и соглашений. По сути, речь шла даже не о федерации, а о конфедерации с Украиной. Всё это было Киевом уничтожено. Вне каких-либо правовых принципов, что для Украины характерно.

И вот, второе десятилетие XXI века. Украина в течение полутора лет на всех парах летит к евроинтеграции. И только за пару недель до подписания договора от Ассоциации с ЕС те же самые люди, которые этот процесс организовали, решили почитать, что же в этом договоре написано. Это ещё одна украинская традиция – не читать подписываемых документов. А зачем? Всё равно они их выполнять не собираются. Но главное – к власти прорвались те политические силы, с которыми у крымчан никакого диалога быть не могло. Они хотели по отношению к нам только одного – уничтожить.

До 2014 года с нашей стороны проходили глухие формы сопротивления украинизации. Но мы шли на определённую адаптацию к украинской действительности, на некие формы соглашательства. Однако, как только возникла реальная возможность вернуться в Россию, даже люди, которые уже согласились постепенно украинизироваться, быстро смахнули этот налёт украинизации и оказались под российским флагом.

***Вопрос:** На форуме в Пскове звучал тезис о том, что сам факт наличия постсоветского пространства это такой объ-*

единающий фактор, как память об общем историческом прошлом. Вчера прозвучали тезисы наоборот – о необходимости отказа не только от термина, а в целом, необходимо переориентироваться. И отсюда вопрос: всё-таки существует ещё постсоветское пространство и нужно ли на него опираться? И в этом же контексте можно ли сейчас назвать Крым постукраинским или уже нет?

Здесь, конечно, можно спорить о терминах, но если мы говорим о реальности, то постсоветское пространство, конечно, существует. Существуют и проблемы, оставшиеся в наследство от Советского Союза, и даже там, где, казалось бы, уже развод произошёл, развестись никак не могут – имущество поделить, выяснить какие-то отношения до конца. Возьмите, скажем, Армению или Азербайджан. Это в семье так бывает. Кто-то с кем-то поссорился, и уже забыли причину, а проблема есть. Проблема в Приднестровье – она не рассосалась. Если мы возьмём все конфликты, возникающие на постсоветском пространстве, то ни один из них разрешён окончательно не был. То есть они все сейчас в подмороженном состоянии, и не исключено, что в какой-то час X произойдёт разморозка. Ну и масса других моментов гуманитарных, которые формируют это пространство. Та же Прибалтика – их удерживает это прошлое. То есть мы с ними полностью не расстались. Как можно было бы это преодолеть? По всей видимости, какими-то новыми интеграционными процессами, как внутри этого постсоветского пространства, так и за его пределами.

Но тот же пример Прибалтики, вошедшей в Евросоюз, показывает, что окончательно своё прошлое не отряхнёшь.

По поводу Постукраины. Уж как-то очень легко и непринуждённо мы интегрировались в российское пространство. Иногда украинское прошлое представляется чем-то вроде кошмарного сна. Это всё очень быстро произошло. Конечно, очень много всего пришлось поменять в плане каких-то стандартов, законодательства, юридического статуса. Здесь совсем без издержек не обошлось и не

могло обойтись, хотя и это всё стремительно на российские рельсы было переведено. А в плане психологическом было достаточно просто, комфортно. И не только потому что это наш свободный выбор, а ещё и потому, что это наша родная среда. Когда после развала СССР мы оказались в составе независимой Украины, мы долго приживались. И полностью так и не прижились. А вот когда вернулись домой, это произошло очень быстро.

Постукраина? Какие-то остаточные явления мы можем найти при желании. Скажем, некоторые крымчане оформляют украинские загранпаспорта, поскольку крымчане по российским визам в те же страны ЕС не получают. Насколько это Постукраина? Скорее, это мимикрия в той дискриминационной ситуации, которую создаёт Украина. В плане дискриминации, да, некоторая Постукраина ощущается. Не все возможности Украины портить жизнь крымчанам пресечены.

***Вопрос:** Мы находимся в Белоруссии, где есть проблема признания политического статуса Крыма, и просто признания. Насколько для крымчан это является проблемой?*

Признание или непризнание со стороны Белоруссии не очень что-то для нас изменит. Есть, конечно, определённая обида, что братья-белорусы не торопятся поддержать нас, несмотря на нашу правоту и на то, что мы всё делаем почестному. А всякого рода «западные партнёры» это пытаются оспаривать, не давая нам возможности высказаться, не желая ознакомиться с нашими аргументами. В Крыму очень активно принимают любые зарубежные делегации, приезжают из Германии – и украинский МИД устраивает очередную истерику. Не знаю, как им это аукается, когда они возвращаются к себе... То есть это отслеживается очень бдительно. Но дело не в этом.

Всё, что мы получаем от Запада – это в какой-то степени наш выбор. Мы расплачиваемся санкциями за мирный характер нашего перехода в Россию. Наверное, это того стоит.

Но почувствовать некую солидарность со стороны Белоруссии было бы приятно. Для Белоруссии не надо признавать российский статус официальными заявлениями, документами, а вот вести себя в отношении Крыма или в рамках российско-белорусских соглашений как к части Российской Федерации, демонстрировать свою солидарность с нами – вот это было бы воспринято в Крыму очень позитивно. Мы не торопим, но хотелось бы.

***Вопрос:** Сейчас принято говорить, что Крым остаётся за рамками ЕАЭС, уже был сказано, что Белоруссия и Казахстан не спешат налаживать транспортное сообщение с этим регионом, отсутствуют консульства. Как, на ваш взгляд, будут развиваться эти отношения в перспективе?*

Я заметил, что белорусы обижаются, когда им напоминают о том, что они Крым не признают, и ссылаются на то, что по всем крымским резолюциям Белоруссия и Казахстан голосуют согласованно с РФ. Если говорить о том, что какие-то компании не заходят, то и российские компании не заходят. У нас, по сути, полтора мобильных оператора. Сетевые торговые компании достаточно ограниченно присутствуют, авиарейсы совершают российские авиакомпании из особого списка. Понятно, почему это происходит. Евразийская интеграция пойдёт очень быстро если завершится проект глобализации. Но это вопросы международные. А пока Сбербанк имеет свои филиалы в ряде европейских стран и на Украине, а в Крыму Сбербанк владеет только санаторием «Мрия». Ему так можно и выгодно.

Судя по всему, мы без Сбербанка проживём, и он без нас тоже. Корней Чуковский по этому поводу говорил примерно так: в России надо жить долго, тогда доживёшь до всего. Поэтому доживём и до того, что будем со Сбербанком и с прочими плюшками.

Евразийская интеграция: потенциал развития и точки роста

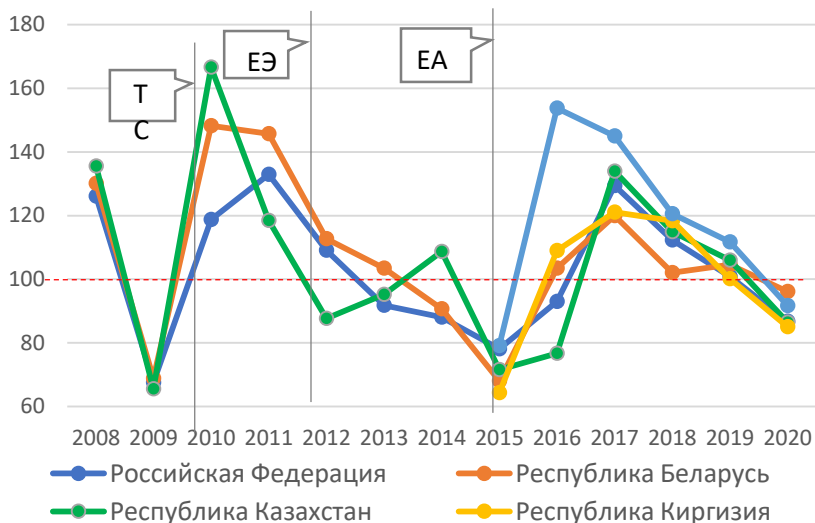
Любая интеграция – это способ развития экономических процессов, который может быть использован странами как шанс развития, это общий рынок и скоординированная экономика, торговая и инвестиционная открытость, это один из наиболее эффективных средств для достижения собственных экономических интересов. Таким образом, страны, участвующие в интеграционных процессах, имеют определенные преимущества перед государствами, которые не вступают в какие-либо объединения.

Примером наиболее удачного и перспективного объединения на евразийском пространстве является Евразийский экономический союз, созданный в 2015 году. Так, с момента создания ЕАЭС можно наблюдать положительную динамику в развитии экономик стран-участниц Союза. С 2015 наметился значительный рост взаимной торговли (рис.1). Очевидно, что Россия является страной-лидером в ЕАЭС. И поэтому, если во внешнеполитических приоритетах России акцент будет сделан на евразийскую интеграцию, то можно надеяться на значительные эффекты для всех участников Союза.

Обратимся теперь к приоритетам развития ЕАЭС до 2025 года, обозначенным в нормативных документах Союза:

- обеспечение максимальной эффективности единого рынка ЕАЭС и реализация его возможностей для бизнеса и потребителей;
- формирование «территории инноваций» и стимулирование научно-технических прорывов;
- раскрытие потенциала интеграции для людей, повышение их благосостояния и качества жизни;

- формирование ЕАЭС как одного из наиболее значимых центров развития современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнёрами и выстраивания новых форматов взаимодействия¹.

Рис. 1. Взаимная торговля отдельных стран ЕАЭС, стоимостные объемы, в % 2/2

Перечисленные приоритетные направления могут быть реализованы только посредством скоординированных действий всех стран Союза. Для этого необходимо определить точки роста ЕАЭС на основе имеющегося потенциала. Но, прежде чем это сделать, нужно обозначить уязвимые звенья в развитии Союза.

¹ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (утв. распоряжением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 9).

Во-первых, это дифференциация в уровне развития и слабая экономическая связанность. Экономике одних стран более развиты, других – менее. В связи с этим нужно «подтягивать» отстающие страны, помогать им в поиске потенциала роста и его реализации.

Во-вторых, отсутствуют серьезные долгосрочные цели совместного развития, которые поддерживаются населением и бизнесом стран-членов ЕАЭС. Обязательно нужна поддержка населения, которое должно понимать для чего им евразийская интеграция, какие преимущества они получают от нее.

Ещё одним уязвимым звеном является отсутствие крупных трансевразийских корпораций и общих мощных евразийских проектов. Речь идёт именно о многосторонних проектах и корпорациях, в структуре которых присутствуют национальные капиталы всех стран-участниц ЕАЭС. Как правило, у нас либо российские корпорации, которые имеют филиалы в странах ЕАЭС, либо компании совместного капитала максимум 2-х стран.

Зная слабые звенья, теперь можно говорить и о точках роста евразийской интеграции. Нужно ли искать их только в экономике? Или в каких-то других сферах? Если в других, то в каких? На чем сделать акцент? Какие совместные проекты могут стать драйверами роста? Вот это большое количество вопросов возникает при проектировании будущего Евразийского союза.

И всё-таки начнем с экономики, так как ЕАЭС изначально экономическое объединение. Тут можно выделить 3 основных «точки роста»: промышленная кооперация, цифровизация и развитие инфраструктуры. Кооперация видится перспективной в таких сферах, как космические и авиационные технологии, аэрокосмические сервисы, электродвижение, батареи и водород, редкие и редкоземельные элементы, и др. Использование цифровых технологий в торговле, таможенном регулировании, передвижении людей, энергетике, а также реализация инфраструктурных и логистических проектов, таких как ВСМ «Евразия», Байтерек и др., позволят странам

ЕАЭС не только усилить внутреннее взаимодействие, но и выйти на новый уровень на мировых рынках.

Безусловно важной сферой, о чем свидетельствует экономический кризис, вызванный пандемией, является здравоохранение. В этой сфере можно использовать российский потенциал и накопленный опыт разработки и применения медицинских технологий (например, производство вакцин «Спутник V», «ЭпиВакКорона», «КовиВак»), создавать евразийские медицинские центры и технологические платформы, позволяющие специалистам из разных стран ЕАЭС коммуницировать друг с другом, проводить научные исследования и совместно создавать новые препараты.

Мы не можем не отметить такие важные сферы, в которых заложен огромный потенциал развития ЕАЭС, как образование и культура. Необходимо сохранять и развивать общее культурное и образовательное пространство, укреплять общие исторические и социальные ценности, поддерживать русский язык как язык межгосударственного, межнационального общения, осуществлять информационную поддержку позитивного образа евразийской интеграции. Этому может способствовать реализация проектов, направленных на популяризацию евразийской интеграции и объединяющих разные поколения в рамках одной большой цели – трансляции евразийских ценностей.

Отдельно бы хотелось остановиться на цифровой повестке ЕАЭС. Сейчас это наиболее важное направление в рамках Союза, на которое возлагаются большие надежды и ожидается мультипликационный эффект: повышение экономического роста, увеличение количества рабочих мест, улучшение качеств услуг и т.д., это так называемые цифровые дивиденды которые могут быть получены гражданами при реализации цифровой повестки ЕАЭС.

В контексте цифровой повестки ЕАЭС хотелось бы остановиться на 2 примерах. Недавно были запущены 2 цифровых проекта: «Работа без границ» и «Карта агроиндустрии ЕАЭС». Первый проект позволяет найти вакансии

гражданам ЕАЭС в любой стране Союза. Это очень важный и нужный проект. Если подобные проекты будут появляться в тех сферах, о которых мы говорили ранее, это действительно даст толчок развитию стран и будет способствовать более быстрой интеграции.

Второй проект «Карта агроиндустрии ЕАЭС» представляет собой информационный ресурс, состоящий из более чем 70 крупных инвестпроектов в сфере агропромышленного комплекса на общую сумму более 6,5 млрд долларов США. Наиболее значимы проекты карты, направленные на реализацию импортозамещающего и экспортного потенциала, в том числе в сферах растениеводства, животноводства, переработки и агрологистики.

Аналогичные проекты нужно создавать и в других отраслях, так как они являются важным инструментом для координации действий стран ЕАЭС по импортозамещению и будут отражать импортозависимые технологические направления, потенциал производителей государств-членов, сложившиеся кооперационные связи в Союзе. Это позволит странам ЕАЭС избежать дублирования производств и начать работу по отраслевой специализации

В заключении хотелось бы отметить, что в рамках ЕАЭС у нас стоят большие задачи и большие планы по дальнейшему развитию. В перспективе мы можем рассматривать ЕАЭС как опорный центр собирания большого евразийского пространства или большого евразийского партнёрства. Если удастся создать из ЕАЭС такой центр силы, то к нам будут притягиваться другие страны и в перспективе центром евразийской интеграции может стать ШОС или ШОС+ со странами Юго-Восточной Азии что приведет к формированию достаточно большого, глобального рынка – «Большая Евразия» с численностью населения 4 млрд. человек (более 1/2 населения всего мира) и совокупным объемом ВВП по ППС в размере 51 трлн. долл. (более 40% мирового ВВП). Но начинать нужно с укрепления интеграции в рамках ЕАЭС посредством реализации имеющегося потенциала в странах Союза и поиска «точек роста».

Ценностные и мировоззренческие основания Евразийской интеграции (результаты исследования методом фокус-группы)

1. Введение

Исследование проведено АНО «Институт приграничного сотрудничества и интеграции» 28 июля 2021 г. в г. Минск в рамках работы Международного форума «Точки роста: историческая политика, ценностные и мировоззренческие основания Евразийской интеграции» методом фокус-группы для определения ценностных и мировоззренческих оснований Евразийской интеграции.

В фокус-группе приняли участие молодые лидеры, ученые и представители студенчества России и Белоруссии.

Евразийская интеграция должна быть соотнесена с духовно-нравственными ценностями и культурно-историческими традициями народов ЕАЭС, отражающими их глубинные представления о справедливом обществе, в котором и отдельная личность, и целые народы имели бы возможность для духовного, интеллектуального и материального развития¹.

В этой связи необходимо проведение социологической диагностики ценностей у представителей молодёжи ЕАЭС, которая может стать активными субъектами интеграционных процессов.

---

¹ Тома А. Ю. Роль гражданского общества в стратегии развития ЕАЭС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество, по. 2-2, 2019, С. 508-510.

2. Результаты опроса

Таблица 1. Что является основой для Евразийской интеграции на Ваш взгляд? (укажите не более трех вариантов ответа).

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Историческое наследие	10	100%
2.	Высокий уровень культуры	0	0%
3.	Научно-технические достижения	6	60%
4.	Морально-нравственные качества ее жителей	0	0%
5.	Общие ценности	10	100%
6.	Победа в Великой Отечественной войне	0	0%
7.	Знаменитые люди	0	0%
8.	Предметов гордости не вижу	0	0%
9.	Другое	2	20%
10.	Затрудняюсь ответить	0	0%

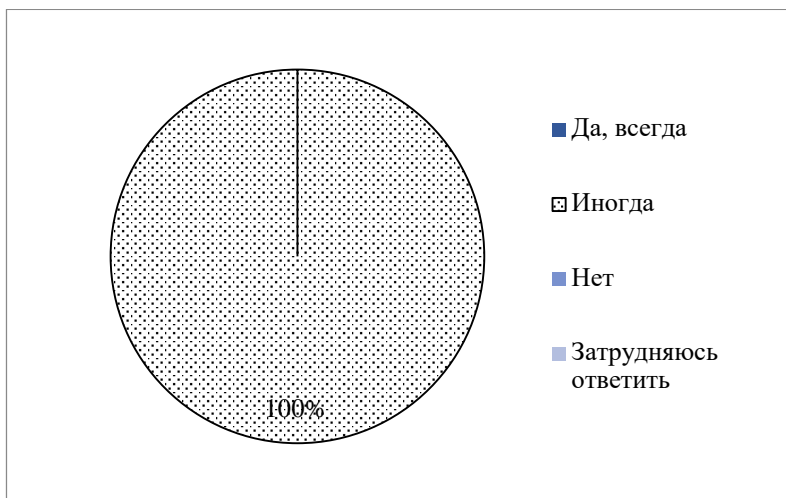

Диаграмма 1. Распределение ответов на вопрос: «Что является основой для Евразийской интеграции на Ваш взгляд?»

По мнению респондентов, основой для Евразийской интеграции в наибольшей степени является историческое наследие и общие ценности государств. В этом мнении сошлись все респонденты. При этом ещё 60% из них считают, что важной основой для данной интеграции служат современные научно-технические достижения, а 20% экспертов назвали другие основы, не представленные в перечне. Остальных же факторов, служащих основами Евразийской интеграции, выявлено не было.

Таблица 2. Как Вы думаете, находят ли жители стран ЕАЭС взаимопонимание?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Да, всегда	0	0%
2.	Иногда	10	100%
3.	Нет	0	0%
4.	Затрудняюсь ответить	0	0%

Диаграмма 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, находят ли жители стран ЕАЭС взаимопонимание?»

Все респонденты единогласно сошлись во мнении, что жители стран ЕАЭС находят взаимопонимание, но «иногда». Остальные варианты ответа на вопрос о взаимопонимании между жителями стран ЕАЭС не удовлетворили участников опроса, выбраны не были.

Таблица 3. Если не всегда, то в чем Вы видите главные причины?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Различие культур	3	30%
2.	Разный образ жизни	2	20%
3.	Влияние внешних сил, разжигающих вражду	4	40%
4.	Недостаток общения	4	40%
5.	Разные ценности	2	20%
6.	Разные вероисповедания	2	20%
7.	Другое	2	20%
8.	Затрудняюсь ответить	0	0%

Диаграмма 3. Распределение ответов на вопрос: «Если не всегда, то в чем Вы видите главные причины?»

Отсутствие абсолютно полного взаимопонимания между жителями стран, входящих в ЕАЭС, обусловлено, по мнению участников исследования, по большей мере влиянием внешних сил, разжигающих вражду, и недостатком

общения (40% голосов). В равной мере были отмечены другие причины, разные вероисповедания, разные ценности и разный образ жизни (20% ответов). Наряду со всем вышеперечисленным, особой причиной отсутствия полного взаимопонимания было отмечено различие культур стран, входящих в ЕАЭС (30% респондентов).

Таблица 4. Как Вы думаете, находят ли правительства стран ЕАЭС взаимопонимание?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Да, всегда	0	0%
2.	Иногда	10	100%
3.	Нет	0	0%
4.	Затрудняюсь ответить	0	0%

Диаграмма 4. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, находят ли правительства стран ЕАЭС взаимопонимание?».

Участники опроса так же, как и в предыдущем вопросе были единогласны: как и население, правительства стран, входящих в ЕАЭС находят взаимопонимание, но не постоянно, а «иногда».

Таблица 5. К представителям, какой культуры Вы себя относите?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Своего государства	3	30%
2.	Европейской	3	30%
3.	Евразийской	0	0%
4.	Мировой	1	10%
5.	Другое	3	30%
6.	Затрудняюсь ответить	0	0%

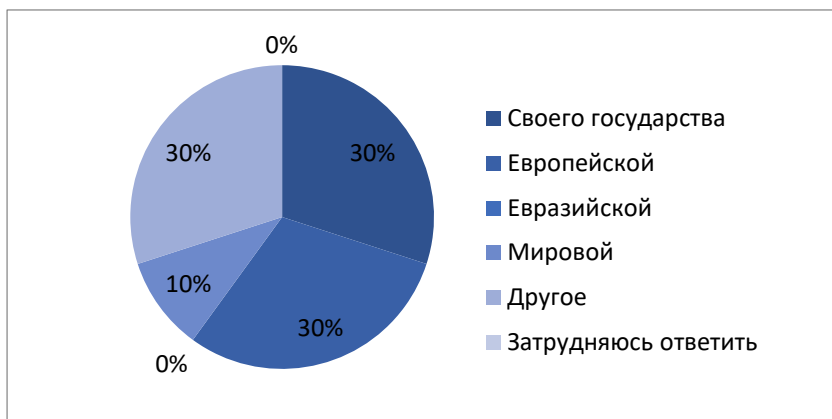

Диаграмма 5. Распределение ответов на вопрос:
«К представителям, какой культуры Вы себя относите?»

Участовавшие в опросе респонденты относят себя к представителям различных культур. Так в равной мере были участниками те, кто относит себя к культуре своего государства (30%), к Европейской культуре (30%), и к другим культурам, не представленным в опросе. Меньше всего опрошенных (10%) отнесли себя к мировой культуре. Тех, кто бы затруднился ответить, не оказалось.

Таблица 6. Оцените в баллах значимость лично для Вас следующих ценностей (оценка дается в пределах от 1 до 10, 10 – наиболее значимая ценность)

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Безопасность	8,88	88,75%
2.	Доверие к людям	8,25	82,5%
3.	Благожелательность, готовность помочь другим	7,75	77,5%
4.	Причастность к коллективу, подчинение общим нормам	7,25	72,5%
5.	Самостоятельность, инициатива	7,63	76,25%
6.	Традиция, сохранение привычного образа жизни	6,13	61,25%
7.	Власть	6,00	60%
8.	Богатство	6,75	67,5%
9.	Личный успех	7,75	77,5%
10.	Жизнь в свое удовольствие	8,13	81,25%
11.	Риск, конкуренция	6,75	67,5%
12.	Стремление к переменам	7,25	72,5%

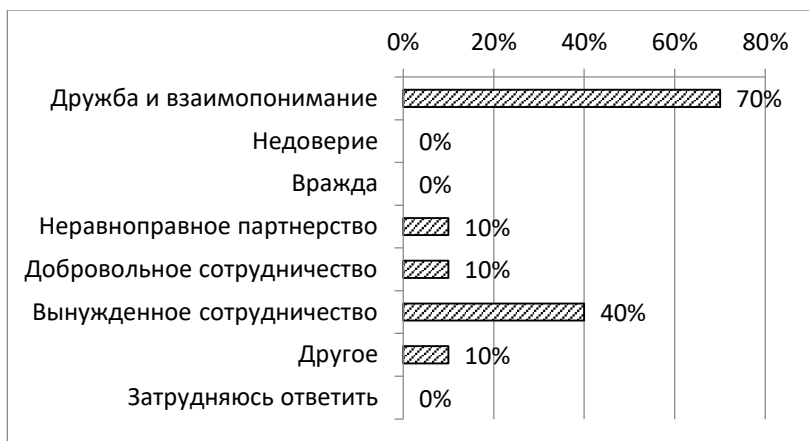

Диаграмма 6. Распределение ответов на вопрос: «Оцените в баллах значимость лично для Вас следующих ценностей (оценка дается в пределах от 1 до 10, 10 – наиболее значимая ценность)»

Оценивая значимость различных ценностей, респонденты показали, что самой значимой для них является безопасность (88,75%). Выше 80 % так же были оценены такие ценности, как доверие к людям (82,50%) и жизнь в свое удовольствие (81,25%). Весьма значимы и ценности, набравшие более 70% баллов: благожелательность и готовность помочь другим (77,50%), причастность к коллективу с подчинением общим нормам (72,50%), самостоятельность и инициатива (76,25%), личный успех (77,50%) и стремление к переменам (72,50%). Меньше прочего набрали такие ценности, как традиции и сохранение привычного образа жизни (61, 25%), риск и конкуренция (67,50%), а также власть, набравшая наименьшее количество баллов (60%).

Таблица 7. Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую часть истории взаимоотношений России и Беларуси?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Дружба и взаимопонимание	7	70%
2.	Недоверие	0	0%
3.	Вражда	0	0%
4.	Неравноправное партнёрство	1	10%
5.	Добровольное сотрудничество	1	10%
6.	Вынужденное сотрудничество	4	40%
7.	Другое	1	10%
8.	Затрудняюсь ответить	0	0%

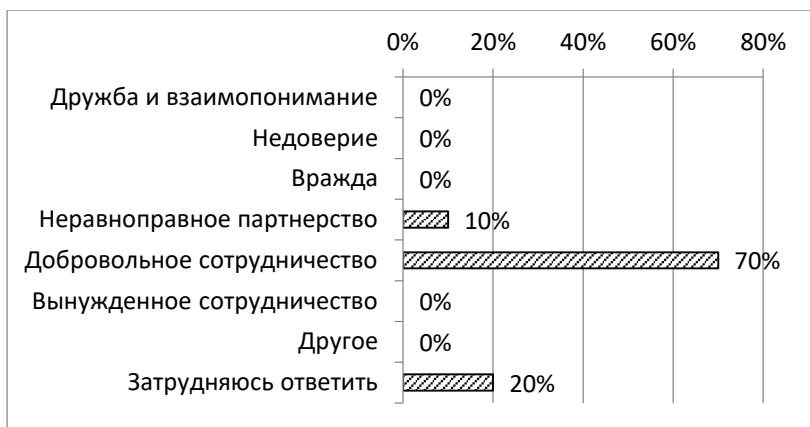

*Диаграмма 7. Распределение ответов на вопрос:
«Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую
часть истории взаимоотношений России и Беларуси?»*

Большая часть респондентов (70%) были убеждены в том, что в наибольшей мере историю взаимоотношений России и Беларуси определили дружба и взаимопонимание. Однако при этом 40% участников исследования отметили то, что определяющим фактором во взаимоотношениях России и Беларуси стало вынужденное сотрудничество. Меньше всего опрошенных (10%) говорило о неравноправном партнёрстве, добровольном сотрудничестве и других обстоятельствах, определивших взаимоотношения стран.

*Таблица 8. Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую
часть истории взаимоотношений России и Казахстана?*

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Дружба и взаимопонимание	0	0%
2.	Недоверие	0	0%
3.	Вражда	0	0%
4.	Неравноправное партнёрство	1	10%
5.	Добровольное сотрудничество	7	70%
6.	Вынужденное сотрудничество	0	0%
7.	Другое	0	0%
8.	Затрудняюсь ответить	2	20%

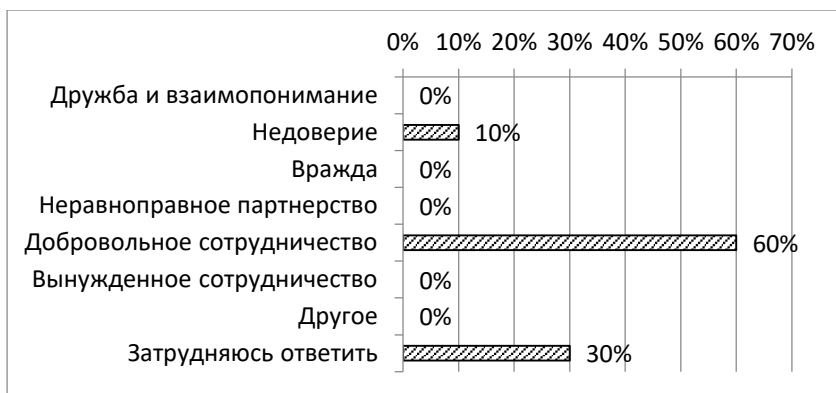

*Диаграмма 8. Распределение ответов на вопрос:
«Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую часть истории взаимоотношений России и Казахстана?»*

По мнению участников исследования, большую часть истории взаимоотношений России и Казахстана более всего определило добровольное сотрудничество, об этом высказались 70% респондентов. Наряду с этим было отмечено и неравноправное партнёрство (всего 10% голосов). Остальные же факторы влияния и определения истории взаимоотношений России и Казахстана участники исследования сочли не значимыми.

Таблица 9. Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую часть истории взаимоотношений России и Кыргызстана?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Дружба и взаимопонимание	0	0%
2.	Недоверие	1	10%
3.	Вражда	0	0%
4.	Неравноправное партнёрство	0	0%
5.	Добровольное сотрудничество	6	60%
6.	Вынужденное сотрудничество	0	0%
7.	Другое	0	0%
8.	Затрудняюсь ответить	3	30%

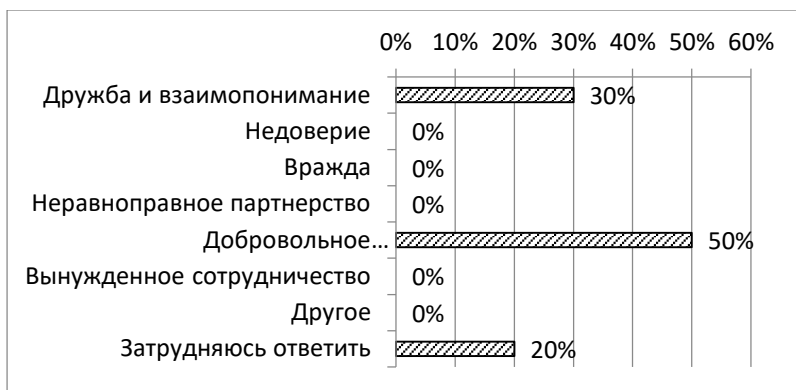
Диаграмма 9. Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую часть истории взаимоотношений России и Кыргызстана?»

Добровольное сотрудничество в наибольшей мере явилось определяющим большую часть взаимоотношений России и Кыргызстана фактором, как отметила основная часть опрошенных (60%). Остальные же факторы, по результатам опроса, оказались не играющими определяющей роли. Лишь за недоверие было оставлено 10% голосов.

Таблица 10. Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую часть истории взаимоотношений России и Армении?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Дружба и взаимопонимание	3	30%
2.	Недоверие	0	0%
3.	Вражда	0	0%
4.	Неравноправное партнёрство	0	0%
5.	Добровольное сотрудничество	5	50%
6.	Вынужденное сотрудничество	0	0%
7.	Другое	0	0%
8.	Затрудняюсь ответить	2	20%

Диаграмма 10. Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую часть истории взаимоотношений России и Армении?»

По мнению участников опроса, в наибольшей мере отношения России и Армении определило добровольное сотрудничество (50% голосов). Наряду с ним важную роль играли дружба и взаимопонимание (30% голосов). Остальные же факторы, по результатам опроса, не играли определяющей роли в истории взаимоотношений России и Армении.

Таблица 11. Кем Вы себя ощущаете, прежде всего?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Гражданином своей страны	5	50%
2.	Представителем своего региона	0	0%
3.	Жителем своего города, района	2	20%
4.	Гражданином мира	0	0%
5.	Евразийцем	0	0%
6.	Европейцем	2	20%
7.	Другое	3	30%
8.	Затрудняюсь ответить	0	0%

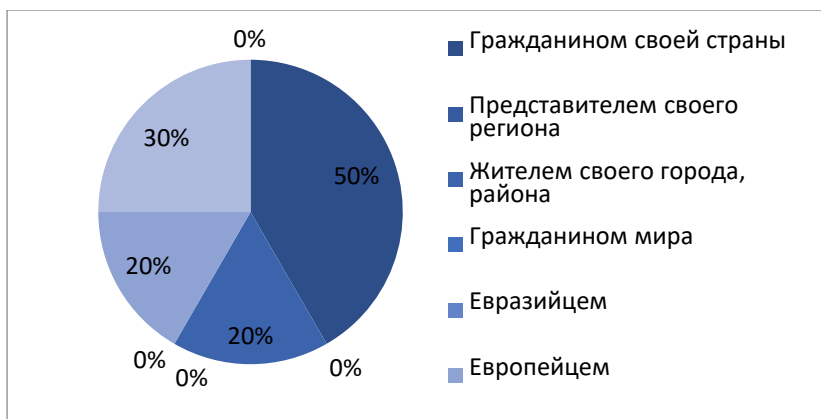
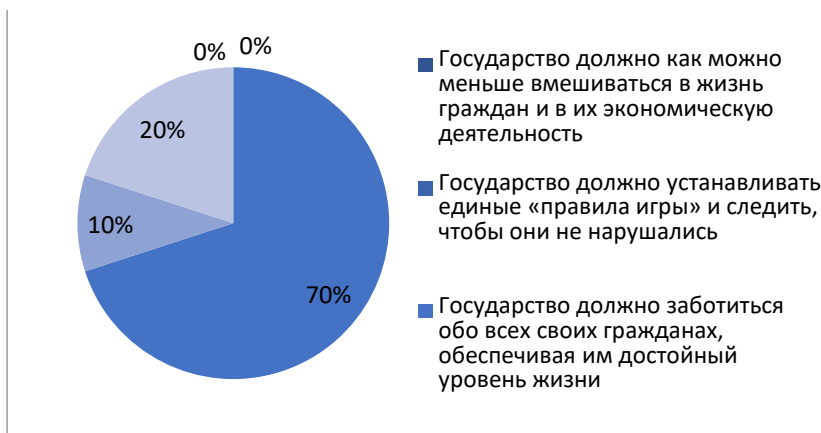

Диаграмма 11. Распределение ответов на вопрос:
«Кем Вы себя ощущаете, прежде всего?»

Половина опрошенных участников ответили, что ощущают себя гражданами своей страны в первую очередь. 20% респондентов прежде всего ощущают себя жителями своего города, района, тогда как другие 20% экспертов ощущают себя в первую очередь европейцами. Около трети опрошенных в качестве ответа выбрали другие варианты, не представленные в предоставленном списке.

Таблица 12. Как, по Вашему мнению, должны складываться отношения между государством и гражданами?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь граждан и в их экономическую деятельность	0	0%
2.	Государство должно устанавливать единые «правила игры» и следить, чтобы они не нарушались	0	0%
3.	Государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни	7	70%
4.	Другое	1	10%
5.	Затрудняюсь ответить	2	20%

Диаграмма 12. Распределение ответов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, должны складываться отношения между государством и гражданами?»

По мнению большинства участников исследования (70%) отношения между государством и гражданами должны складываться так, что государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни. При этом 10% опрошенных все же склонялись к другому мнению, не представленному в опросе.

Таблица 13. Как Вы считаете, какой тип государственного устройства наиболее подходит нашей стране – с максимально широкими полномочиями регионов и местных властей, действия которых координирует центральная власть, или же централизованное государство с ограниченными правами местных властей?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	С максимально широкими полномочиями регионов и местных властей, действия которых координирует центральная власть	5	50%
2.	Централизованное государство с ограниченными правами местных властей	1	10%
3.	Другое	1	10%
4.	Затрудняюсь ответить	3	30%

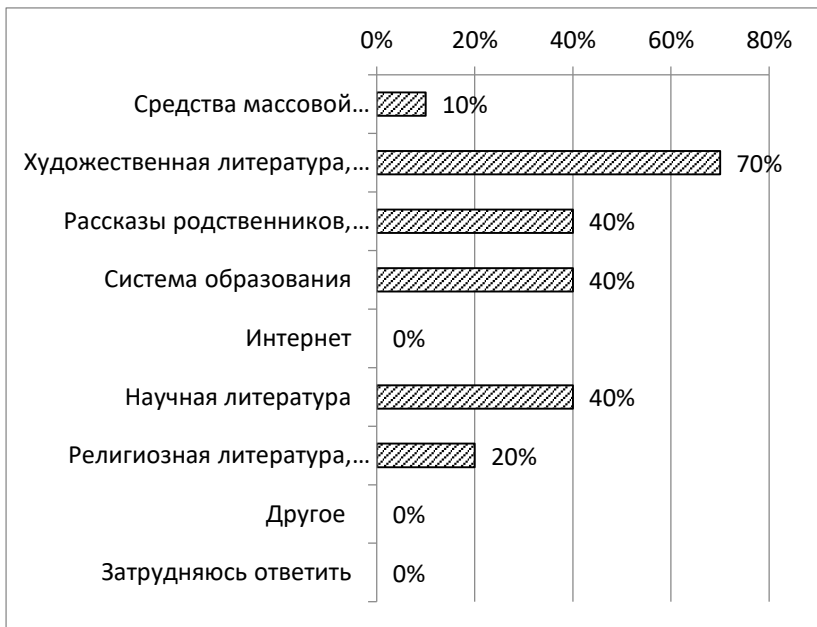
Диаграмма 13. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какой тип государственного устройства наиболее подходит нашей стране – с максимально широкими полномочиями регионов и местных властей, действия которых координирует центральная власть, или же централизованное государство с ограниченными правами местных властей?»

Половина опрошенных считают, что нашей стране более других подходит тип государственного устройства с максимально широкими полномочиями регионов и местных властей, действия которых координирует центральная власть. 10% респондентов посчитали, что более подходящим будет тип, при котором государство строго централизовано, права местных властей ограничены. При этом другие 10% оказались теми, кто затрудняется ответить на поставленный вопрос.

Таблица 14. Как Вы думаете, на основании чего, главным образом, сформировались Ваши представления о своей национальной культуре?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Средства массовой информации	1	10%
2.	Художественная литература, искусство	7	70%
3.	Рассказы родственников, знакомых	4	40%

4.	Система образования	4	40%
5.	Интернет	0	0%
6.	Научная литература	4	40%
7.	Религиозная литература, священнослужители, проповедники	2	20%
8.	Другое	0	0%
9.	Затрудняюсь ответить	0	0%

Диаграмма 14. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, на основании чего, главным образом, сформировались Ваши представления о своей национальной культуре?»

В ходе исследования выяснилось, что в основном представления о своей национальной культуре формировались на основании художественной литературы, искусства (об этом высказались 70% респондентов). О том, что на представление о своей национальной культуре важное влияние оказали рассказы родственников и знакомых, система обра-

зования и научная литература высказались по 40% респондентов. Религиозная литература, священнослужители и проповедники стали основанием для формирования представления о своей национальной культуре у 20% участников исследования. Самый же малый процент голосов набрали средства массовой информации, не оказывающие масштабного влияния (10%).

Таблица 15. Кто наиболее последовательно в настоящее время защищает и развивает Вашу национальную культуру?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Государство	3	30%
2.	Политические партии	1	10%
3.	Церковь	1	10%
4.	Общественные объединения	4	40%
5.	Средства массовой информации	2	20%
6.	Творческая интеллигенция	3	30%
7.	Националистические организации	0	0%
8.	Никто	0	0%
9.	Другое	2	20%

Диаграмма 15. Распределение ответов на вопрос: «Кто наиболее последовательно в настоящее время защищает и развивает Вашу национальную культуру?»

Исследование показало, что нет единого мнения среди экспертов по поводу того, кто наиболее последовательно в настоящее время защищает и развивает национальную культуру. Так, по мнению 40% респондентов это общественные объединения, по мнению 30% это творческая интеллигенция или государство, а средства массовой информации и другие организации набрали по 20% голосов. Наименьший вклад в защиту и развитие национальной культуры, по мнению опрошенных, вносят политические партии (10%) и церковь (10%).

Таблица 16. Какими Вы хотели бы видеть страны ЕАЭС в будущем?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Независимыми союзными государствами	7	70%
2.	Независимыми нейтральными государствами	0	0%
3.	Единым государством	0	0%
4.	Другое	1	10%
5.	Затрудняюсь ответить	2	20%

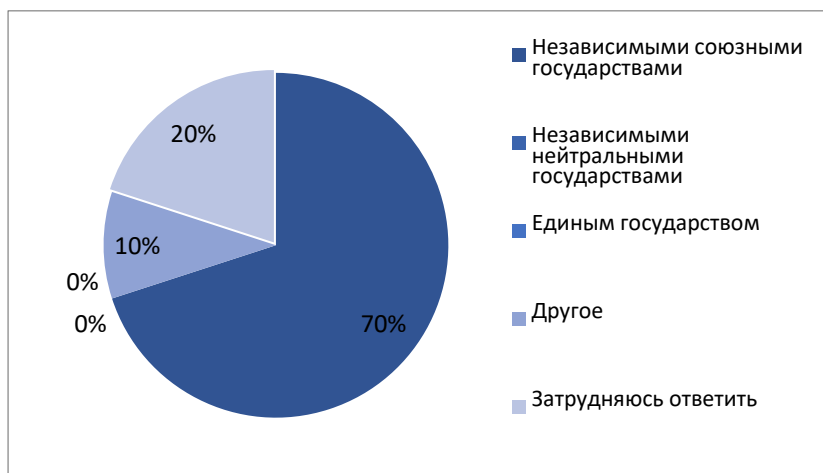

Диаграмма 16. Распределение ответов на вопрос: «Какими Вы хотели бы видеть страны ЕАЭС в будущем?»

Большая часть опрошенных в ходе исследования хотят видеть в будущем страны, входящие в ЕАЭС, как независимые союзные государства (70% опрошенных). Среди респондентов было и 10% тех, кто выбрал другой варианта развития событий в будущем, не представленный в анкетировании.

Таблица 17. В чем, по Вашему мнению, выражается изменение в культурном поведении граждан стран ЕАЭС?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Снижение общего уровня нравственности и морали в бывших регионах СССР.	2	20%
2.	Снижение посещаемости учреждений культуры (библиотеки, театры, музеи, филармонии).	2	20%
3.	Снижение ценности человеческой жизни.	3	30%
4.	Снижение посещения традиционных религиозных учреждений и духовно-просветительских центров.	4	40%
5.	Развитие духовного экстремизма.	3	30%
6.	Утрата культурной самобытности.	3	30%
7.	Снижение значимых семейных ценностей и института брака.	4	40%
8.	Другое (ВПИСАТЬ)	0	0%
9.	Затрудняюсь ответить	0	0%

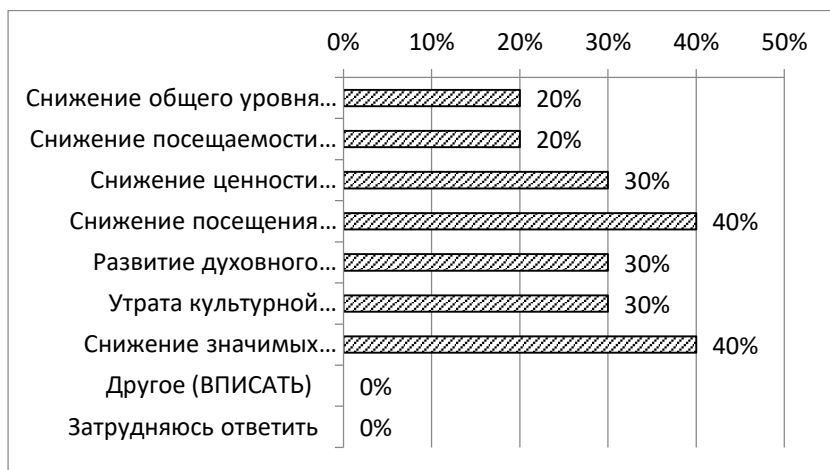

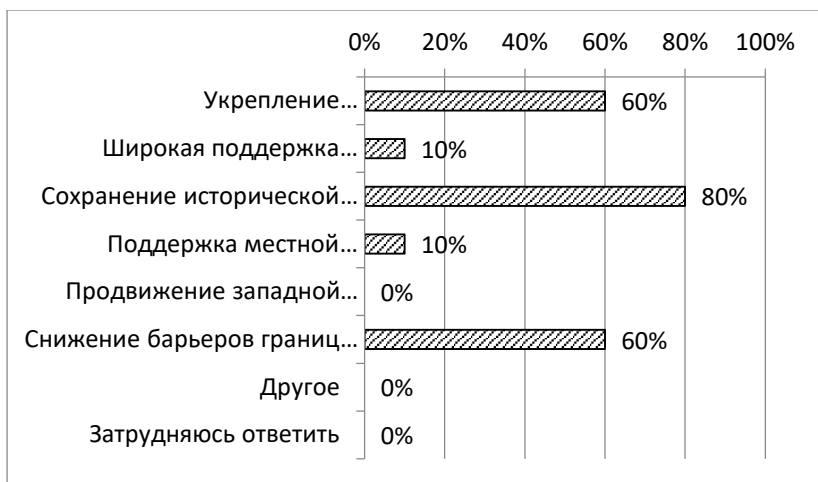
Диаграмма 17. Распределение ответов на вопрос: «В чем, по Вашему мнению, выражается изменение в культурном поведении граждан стран ЕАЭС?»

В результате опроса было выявлено, что наибольшим образом изменение в культурном поведении граждан стран ЕАЭС выражается в снижении посещения традиционных религиозных учреждений и духовно-просветительских центров (40%) а так же в снижении значимых семейных ценностей и института брака (40%). Особо выражаются изменения и через утрату культурной самобытности, развитие духовного экстремизма и снижение ценности человеческой жизни: эти позиции набрали по 30% голосов. Меньше всего (20% опрошенных) изменение в культурном поведении граждан стран ЕАЭС проявляется через снижение общего уровня нравственности и морали в бывших регионах СССР и через снижение посещаемости учреждений культуры (библиотеки, театры, музеи).

Таблица 18. Что, по Вашему мнению, имеет наибольшее значение для развития социально-культурного пространства стран ЕАЭС?

№	Вариант ответа	Абс.	%
1.	Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия.	6	60%
2.	Широкая поддержка традиционных ценностей.	1	10%
3.	Сохранение исторической памяти.	8	80%
4.	Поддержка местной культуры и традиций	1	10%
5.	Продвижение западной культуры и западных ценностей.	0	0%
6.	Снижение барьеров границ для культурного обмена и добрососедства.	6	60%
7.	Другое	0	0%
8.	Затрудняюсь ответить	0	0%

*Диаграмма 18. Распределение ответов на вопрос:
«Что, по Вашему мнению, имеет наибольшее значение для развития
социально-культурного пространства стран ЕАЭС?»*

Большинство респондентов (80%) сошлись во мнении, что сохранение исторической памяти имеет наибольшее значение для развития социально-культурного пространства стран ЕАЭС. Наряду с сохранением исторической памяти, весомыми в плане развития социально-культурного пространства являются: снижение барьеров границ для культурного обмена и добрососедства (60%), укрепление межнационального и межрелигиозного согласия (60%). Наименьшее значение, по мнению участников исследования, имеет широкая поддержка традиционных ценностей (10%) и поддержка местной культуры и традиций (10%).

3. Выводы

1. Опрос позволил выявить основные проблемы в процессах интеграции ЕАЭС. Так, по мнению молодых участников проекта «Точки Роста», жители ЕАЭС не всегда находят взаимопонимание в ходе транскультурной комму-

никации. К числу основных причин недопонимания респонденты отнесли влияние внешних сил, разжигающих вражду, а также культурные различия в странах евразийского пространства. К числу факторов, которые, напротив, упрощают взаимопонимание народов ЕАЭС, были отнесены историческое прошлое и общие ценности.

2. К числу основных базовых ценностей респонденты отнесли безопасность, доверие к людям, а также жизнь в свое удовольствие. Стоит отметить, что безопасность, как базовая ценность, уже три десятилетия занимают лидирующие позиции на постсоветском и евразийском пространстве. Настоящее исследование только подтверждает данную тенденцию. В этой связи, несмотря на все имеющиеся противоречия, коллективная безопасность (в т.ч. экономическая, социальная, экологическая и т.д.) может стать отправной точкой для формирования программ и проектов для последующей интеграции.

3. Исследование позволило выявить тот факт, что молодёжь не склонна относить себя к представителям евразийской культуры. Более того, учитывая культурные различия народов ЕАЭС, которые отмечали участники исследования, в настоящее время нельзя говорить о полноценном формировании евразийской культуры, по крайней мере в сознании большинства населения. В этой связи, одной из первоочередных задач становится выявление общих культурных объектов, кодов и источников, которые могут выступить связующим элементом для всего социокультурного разнообразия ЕАЭС.

4. Основные источники формирования представлений о собственной культуре представители молодёжи отнесли художественную литературу и искусство, рассказы родственников и систему образования. Исходя из этого, нельзя не подчеркнуть значимость включения общих евразийских объектов культуры в процессы гуманитарного сотрудниче-

ства ЕАЭС и образовательные системы стран-членов интеграционного проекта. По меньшей мере, сам конструкт «евразийская культура» должен быть привнесен в социокультурное пространство Евразии.

5. К основным приоритетам для дальнейшей интеграции социокультурного пространства представители молодежи отнесли сохранение общей исторической памяти, которая вот уже многие годы объединяет всё постсоветское пространство. Кроме того, респонденты подчеркивали значимость снижения уровня барьерности государственных границ, который в настоящее время затрудняет транскультурную коммуникацию и обмен. Больше внимание было уделено также укреплению межнационального и межкультурного согласия.

**Анкета респондента!
фокус-группы по теме «Ценностные и
мировоззренческие основания Евразийской интеграции»**

1. Как Вы относитесь к Евразийской интеграции?

1 Положительно	4 Скорее отрицательно
2 Скорее положительно	5 Отрицательно

2. Что является основой для Евразийской интеграции на Ваш взгляд? (укажите не более трех вариантов ответа)

1 Историческое наследие	6 Победа в Великой Отечественной войне
2 Высокий уровень культуры	7 Знаменитые люди
3 Научно-технические достижения	8 Предметов гордости не вижу
4 Морально-нравственные качества ее жителей	9 Другое (укажите)_____
5 Общие ценности	10 Затрудняюсь ответить

3. Как Вы думаете находят ли жители стран ЕАЭС взаимопонимание?

1 Да, всегда	4 Нет
2 Иногда	5 Затрудняюсь ответить

4. Если не всегда, то в чем Вы видите главные причины? (укажите не более трех вариантов ответа)

1 Различие культур	5 Разные ценности
2 Разный образ жизни	6 Разные вероисповедания
3 Влияние внешних сил, разжигающих вражду	7 Другое (укажите)_____
4 Недостаток общения	8 Затрудняюсь ответить

5. Как Вы думаете находят ли правительства стран ЕАЭС взаимопонимание?

1 Да, всегда	4 Нет
2 Иногда	5 Затрудняюсь ответить

**6. Если не всегда, то в чем Вы видите главные причины?
(укажите не более трех вариантов ответа)**

1	Геополитические разно- гласия	5	Разные ценности
2	Экономическая конкуренция	6	Отстаивание суверенитета
3	Политическая нестабильность	7	Другое (укажите)_____
4	Отсутствие интеграцион- ных политических сил	8	Затрудняюсь ответить

7. К представителям какой культуры Вы себя относите?

1	Своего государства	4	Мировой
2	Европейской	5	Другое (укажите)_____
3	Евразийской	6	Затрудняюсь ответить

8. Существуют ли, по Вашему мнению, типичные положительные и отрицательные человеческие качества, свойственные большинству представителей русской культуры?

1	Да, только положительные	4	Нет
2	Да, только отрицательные	5	Затрудняюсь ответить
3	Есть и те, и другие		

9. Если Вы признаете наличие таких качеств, то какие из них наиболее присущи представителям русской культуры:

Положительные (укажите не более трех вариантов)		Отрицательные (укажите не более трех вариантов ответа)	
Трудолюбие	1	Лень	1
Дружелюбность	2	Агрессивность	2
Щедрость	3	Скупость	3
Терпимость	4	Нетерпимость	4
Радушие	5	Замкнутость	5
Ум, сообразительность	6	Тугоумие	6
Приверженность традициям	7	Отрицание традиций	7
Взаимовыручка	8	Отсутствие взаимовыручки	8
Свободолюбие	9	Раболепие	9

Духовность	10	Бездуховность	10
Другое (укажите) _____	11	Другое (укажите) _____	11
Никакие	12	Никакие	12

10. Существуют ли, по Вашему мнению, типичные положительные и отрицательные человеческие качества, свойственные большинству представителей белорусской культуры?

1 Да, только положительные	4 Нет
2 Да, только отрицательные	5 Затрудняюсь ответить
3 Есть и те, и другие	

11. Если Вы признаете наличие таких качеств, то какие из них наиболее присущи представителям белорусской культуры:

Положительные (укажите не более трех вариантов)		Отрицательные (укажите не более трех вариантов ответа)	
Трудолюбие	1	Лень	1
Дружелюбность	2	Агрессивность	2
Щедрость	3	Скупость	3
Терпимость	4	Нетерпимость	4
Радушие	5	Замкнутость	5
Ум, сообразительность	6	Тугоумие	6
Приверженность традициям	7	Отрицание традиций	7
Взаимовыручка	8	Отсутствие взаимовыручки	8
Свободолюбие	9	Раболепие	9
Духовность	10	Бездуховность	10
Другое (укажите) _____	11	Другое (укажите) _____	11
Никакие	12	Никакие	12

12. Существуют ли, по Вашему мнению, типичные положительные и отрицательные человеческие качества, свойственные большинству представителей казахской культуры?

1 Да, только положительные	4 Нет
2 Да, только отрицательные	5 Затрудняюсь ответить
3 Есть и те, и другие	

13. Если Вы признаете наличие таких качеств, то какие из них наиболее присущи представителям казахской культуры:

Положительные (укажите не более трех вариантов)		Отрицательные (укажите не более трех вариантов ответа)	
Трудолюбие	1	Лень	1
Дружелюбность	2	Агрессивность	2
Щедрость	3	Скупость	3
Терпимость	4	Нетерпимость	4
Радушие	5	Замкнутость	5
Ум, сообразительность	6	Тугоумие	6
Приверженность традициям	7	Отрицание традиций	7
Взаимовыручка	8	Отсутствие взаимовыручки	8
Свободолюбие	9	Раболепие	9
Духовность	10	Бездуховность	10
Другое (укажите) _____	11	Другое (укажите) _____	11
Никакие	12	Никакие	12

14. Существуют ли, по Вашему мнению, типичные положительные и отрицательные человеческие качества, свойственные большинству представителей киргизской культуры?

1 Да, только положительные	4 Нет
2 Да, только отрицательные	5 Затрудняюсь ответить
3 Есть и те, и другие	

15. Если Вы признаете наличие таких качеств, то какие из них наиболее присущи представителям киргизской культуры:

Положительные (укажите не более трех вариантов)		Отрицательные (укажите не более трех вариантов ответа)	
Трудолюбие	1	Лень	1
Дружелюбность	2	Агрессивность	2
Щедрость	3	Скупость	3
Терпимость	4	Нетерпимость	4
Радушие	5	Замкнутость	5
Ум, сообразительность	6	Тугоумие	6

Приверженность традициям	7	Отрицание традиций	7
Взаимовыручка	8	Отсутствие взаимовыручки	8
Свободолюбие	9	Раболепие	9
Духовность	10	Бездуховность	10
Другое (укажите) _____	11	Другое (укажите) _____	11
Никакие	12	Никакие	12

16. Существуют ли, по Вашему мнению, типичные положительные и отрицательные человеческие качества, свойственные большинству представителей армянской культуры?

1 Да, только положительные	4 Нет
2 Да, только отрицательные	5 Затрудняюсь ответить
3 Есть и те, и другие	

17. Если Вы признаете наличие таких качеств, то какие из них наиболее присущи представителям армянской культуры:

Положительные (укажите не более трех вариантов)		Отрицательные (укажите не более трех вариантов ответа)	
Трудолюбие	1	Лень	1
Дружелюбность	2	Агрессивность	2
Щедрость	3	Скупость	3
Терпимость	4	Нетерпимость	4
Радущие	5	Замкнутость	5
Ум, сообразительность	6	Тугоумие	6
Приверженность традициям	7	Отрицание традиций	7
Взаимовыручка	8	Отсутствие взаимовыручки	8
Свободолюбие	9	Раболепие	9
Духовность	10	Бездуховность	10
Другое (укажите) _____	11	Другое (укажите) _____	11
Никакие	12	Никакие	12

18. Оцените в баллах значимость лично для Вас следующих ценностей (оценка дается в пределах от 1 до 10, 10 – наиболее значимая ценность):

	Ценность	Балл
1	Безопасность	
2	Доверие к людям	
3	Благожелательность, готовность помочь другим	
4	Причастность к коллективу, подчинение общим нормам	
5	Самостоятельность, инициатива	
6	Традиция, сохранение привычного образа жизни	
7	Власть	
8	Богатство	
9	Личный успех	
10	Жизнь в свое удовольствие	
11	Риск, конкуренция	
12	Стремление к переменам	

19. Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую часть истории взаимоотношений России и Беларуси?

1 Дружба взаимопонимание	и	5 Добровольное сотрудничество
2 Недоверие		6 Вынужденное сотрудничество
3 Вражда		7 Другое (укажите) _____
4 Неравноправное партнёр- ство		8 Затрудняюсь ответить

20. Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую часть истории взаимоотношений России и Казахстана?

1 Дружба взаимопонимание	и	5 Добровольное сотрудничество
2 Недоверие		6 Вынужденное сотрудничество
3 Вражда		7 Другое (укажите) _____
4 Неравноправное партнёрство		8 Затрудняюсь ответить

21. Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую часть истории взаимоотношений России и Кыргызстана?

1 Дружба взаимопонимание	и	5 Добровольное сотрудничество
2 Недоверие		6 Вынужденное сотрудничество
3 Вражда		7 Другое (укажите)_____
4 Неравноправное партнёрство		8 Затрудняюсь ответить

22. Что, по Вашему мнению, более всего определяло большую часть истории взаимоотношений России и Армении?

1 Дружба и взаимопонимание	5 Добровольное сотрудниче- ство
2 Недоверие	6 Вынужденное сотрудничество
3 Вражда	7 Другое (укажите)___ _____
4 Неравноправное партнёрство	8 Затрудняюсь ответить

23. Назовите три символа, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают сущность белорусской культуры?

---

24. Назовите три символа, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают сущность русской культуры?

---

25. Назовите три символа, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают сущность казахской культуры?

---

26. Назовите три символа, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают сущность киргизской культуры?

---

27. Назовите три символа, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают сущность армянской культуры?

---

28. Назовите три символа, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают сущность евразийской культуры?

---

29. Кем Вы себя ощущаете, прежде всего?

1 Гражданином своей страны	5 Евразийцем
2 Представителем своего региона	6 Европейцем
3 Жителем своего города, района	7 Другое (укажите) _____
4 Гражданином мира	8 Затрудняюсь ответить

30. Как, по Вашему мнению, должны складываться отношения между государством и гражданами?

1 Государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь граждан и в их экономическую деятельность	3 Государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни
2 Государство должно устанавливать единые «правила игры» и следить, чтобы они не нарушались	4 Другое (укажите) _____
	5 Затрудняюсь ответить

31. Как Вы считаете, что важнее для таких людей, как Вы – политические и личные права и свободы или материальное благополучие?

1	Политические и личные права и свободы	3	Другое (укажите)
2	Материальное благополучие	4	Затрудняюсь ответить

32. Как Вы считаете, какой тип государственного устройства наиболее подходит нашей стране – с максимально широкими полномочиями регионов и местных властей, действия которых координирует центральная власть, или же централизованное государство с ограниченными правами местных властей?

1	С максимально широкими полномочиями регионов и местных властей, действия которых координирует центральная власть	3	Другое (укажите)
2	Централизованное государство с ограниченными правами местных властей	4	Затрудняюсь ответить

33. Как Вы считаете, какая экономическая система наиболее эффективна?

1	Рыночная, максимально свободная от государственного регулирования	3	Сочетающая государственное регулирование и рыночные свободы
2	С ведущей ролью государства – по советскому образцу	4	Затрудняюсь ответить

34. Как Вы считаете, нужна ли нашему обществу единая идеология, чётко отвечающая на все вопросы, касающиеся развития нашего общества?

1	Нужна	3	Затрудняюсь ответить
2	Не нужна		

35. Как Вы считаете, в чем должна состоять роль церкви, религии вообще в жизни общества?

1 В заботе о нравственном совершенствовании людей	3 В решении совместно с государством вопросов политического и экономического устройства страны
2 В установлении норм поведения людей и в контроле за их соблюдением	4 Другое (укажите) _____
	5 Затрудняюсь ответить

36. Какой страной Вы хотели бы видеть в будущем?

1 Социалистической, как СССР	3 Обществом, непохожим по устройству ни на советское, ни на западное, а идущим совершенно самобытным путем
2 Подобной странам Запада, с рыночной экономикой и демократическим устройством	4 Другое (укажите) _____
	5 Затрудняюсь ответить

37. Как Вы думаете, на основании чего, главным образом, сформировались Ваши представления о своей национальной культуре?

1 Средства массовой информации	6 Научная литература
2 Художественная литература, искусство	7 Религиозная литература, священнослужители, проповедники
3 Рассказы родственников, знакомых	8 Другое (укажите) _____
4 Система образования	9 Затрудняюсь ответить
5 Интернет	

38. Кто наиболее последовательно в настоящее время защищает и развивает Вашу национальную культуру?

1 Государство	6 Творческая интеллигенция
2 Политические партии	7 Националистические организации
3 Церковь	8 Никто
4 Общественные объединения	9 Другое (укажите) _____

- 5 Средства массовой информации 10 Затрудняюсь ответить

39. На кого Вы в первую очередь рассчитываете в трудной ситуации? (укажите не более трех вариантов ответа)

- 1 Государственные органы 8 Единоверцы
2 Органы местного самоуправления 9 Общественные организации
3 Друзья 10 Участники социальных сетей
4 Родственники 11 Полиция
5 Земляки 12 Ни на чью
6 Волонтеры 13 Другое (укажите) _____
7 Средства массовой информации 14 Затрудняюсь ответить

40. Какими Вы хотели бы видеть страны ЕАЭС в будущем?

- 1 Независимыми союзами государствами 3 Единым государством
2 Независимыми нейтральными государствами 4 Другое (укажите) _____
5 Затрудняюсь ответить

41. Как, по Вашему мнению, общее советское прошлое сказывается на взаимоотношениях стран ЕАЭС?

- 1 Служит объединению 4 Никак не сказывается
2 Разъединяет 5 Другое (укажите) _____
3 В чем-то объединяет, в чем-то разъединяет 6 Затрудняюсь ответить

42. В чем, по Вашему мнению, выражается изменение в культурном поведении граждан стран ЕАЭС? (ОТМЕТЬТЕ НЕ БОЛЕЕ 3 ВАРИАНТОВ ОТВЕТА)

1. Снижение общего уровня нравственности и морали в бывших регионах СССР.
2. Развитие духовного экстремизма.
3. Утрата культурной самобытности.
4. Снижение значимых семейных ценностей и института брака.

2. Снижение посещаемости учреждений культуры (библиотеки, театры, музеи, филармонии).
3. Снижение ценности человеческой жизни.
4. Снижение посещения традиционных религиозных учреждений и духовно-просветительских центров.
8. Другое
9. (ВПИСАТЬ) _____
10. Затрудняюсь ответить

43. Что, по Вашему мнению, имеет наибольшее значение для развития социально-культурного пространства стран ЕАЭС? (ОТМЕТЬТЕ НЕ БОЛЕЕ 3 ВАРИАНТОВ ОТВЕТА)

1. Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия.
2. Широкая поддержка традиционных ценностей.
3. Сохранение исторической памяти.
4. Поддержка местной культуры и традиций.
5. Продвижение западной культуры и западных ценностей.
6. Снижение барьеров границ для культурного обмена и добрососедства.
7. Другое
8. (ВПИСАТЬ) _____
9. Затрудняюсь ответить

Благодарим Вас за участие в исследовании!

VII. ТОЧКИ РОСТА: ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОВЕСТКА 2030

*Доклад-отчёт по итогам ситуационного анализа,
проведённого экспертами проекта «Точки Роста»
в г. Коломна 17 августа 2021 г.*

1. Ситуационный анализ – план и тематика

17 августа 2021 г. в г. Коломне в рамках международной экспертной сессии «Точки Роста – Коломна» **при грантовой поддержке Фонда Горчакова** состоялся ситуационный анализ «Точки Роста: Евразийская повестка 2030».

Анализ, ставший итоговым экспертным мероприятием проекта в 2021 г., был проведён силами ведущих экспертов проекта «Точки Роста», которые представили своё видение современных международных, экономических, социальных, научно-образовательных и культурных процессов на евразийском пространстве, места и роли России в этих процессах. Они рассмотрели сценарии развития ситуации и набор мер, позволяющий, с их точки зрения, системно укрепить позиции России в постсоветской Евразии.

Организатором и модератором ситанализа выступил директор АНО «Институт Русского зарубежья» и руководитель проекта «Точки Роста» **Пантелеев Сергей Юрьевич**.

В работе ситанализа и подготовке настоящего доклада приняли участие: **Братушков Николай Владимирович**, заместитель председателя Совета депутатов Коломенского городского округа, спецпредставитель Фонда Русский мир; **Гайда Фёдор Александрович**, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России XIX-начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; **Горбунов Андрей Олегович**, представитель Фонда Горчакова; **Гущин Александр Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент РГГУ, эксперт Российского совета по международным делам; **Дзер-**

мант Алексей Валерьевич, директор центра изучения и развития континентальной интеграции «Северная Евразия», научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Республики Беларусь; **Зинковская Дарья Эльбертовна**, федеральный эксперт грантовых конкурсов, председатель Международного союза Ораторов, директор АНО «Институт социально-креативного развития актива»; **Ковалёнок Сергей Сергеевич**, проректор по научно-педагогической, социальной и воспитательной работе Луганского государственного университета им. Владимира Даля; **Лапенко Марина Владимировна**, директор Некоммерческого партнёрства «Информационно-аналитический центр Евразия-Поволжье», доцент Саратовского национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского, приглашенный профессор Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилёва; **Луц Сергей Сергеевич**, председатель правления Ассоциации «Содействие развитию интеграции, международному социально-культурному и деловому сотрудничеству», председатель белорусской политической партии «Союз»; **Никифоров Андрей Ростиславович**, кандидат исторических наук доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; **Синицын Михаил Владимирович**, эксперт по международным отношениям; **Харитоновна Наталья Ивановна**, доктор политических наук, профессор Института права и национальной безопасности России РАН-ХиГС; **Халатян Айк Грантович**, редактор Dalma News, политический обозреватель EADaily.

В подготовке настоящего доклада также приняли участие эксперты проекта «Точки Роста» **Евстафьев Дмитрий Геннадиевич**, политолог, кандидат политических наук, профессор НИУ ВШЭ, **Межуев Борис Вадимович**, философ, политолог, кандидат философских наук, доцент философского факультета Московского государственного

университета им. М.В. Ломоносова и **Шавина Евгения Викторовна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии и истории экономической науки РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Руководителем редакционной группы по подготовке настоящего доклада выступил **Гущин Александр Владимирович**.

Учитывая сохранение экспертного костяка проекта на протяжении всей его работы, результаты ситуационного анализа стали своеобразным промежуточным итогом не только самого мероприятия в г. Коломне, но и всего проекта «Точки Роста», который, помимо своей образовательной и просветительской функции, был направлен на углубление, систематизацию и развитие экспертного знания о процессах евразийской интеграции и международных процессах на евразийском пространстве в целом.

Ситуационный анализ был структурно разделен на три больших блока. Вступительный из них был посвящен определению современной ситуации в рамках трех тематических групп вопросов.

Первая группа касалась общей оценки международной обстановки в контексте 30-летия распада СССР, завершения постсоветского периода истории и новой точки полифуркации, в которой находится в настоящее время всё мировое сообщество и евразийское пространство. Ситуация в мире была охарактеризована как состояние стратегической неопределенности в условиях распада универсальных моделей политического и социального развития.

Вторая касалась проблематики союзничества и видения России как страны аттрактора, регионального центра притяжения во временной перспективе до 2030 г. способной сформировать вокруг себя мощный региональный союз, который в условиях кризисных тенденций и обострения международной обстановки был бы способен обеспечить

международную и социальную стабильность в постсоветской Евразии.

Третья группа вопросов была посвящена концептуальному видению экспертами проблем молодёжи, тому, как, по их мнению, управлять энергией молодёжи на созидание не только России, но и всего евразийского пространства, в условиях не просто информационной, но и нарастающей концептуальной конкуренции, обеспечить сохранение интеллектуального, демографического, трудового и главным образом ценностного потенциала молодёжи. Эксперты высказали своё мнение о том, как проводить молодёжную политику, чтобы она стала эффективным средством сдерживания геополитических конкурентов, весомым аргументом в ходе информационной войны и конкуренции за умы, а также обеспечивала необходимые социальные лифты для молодых людей.

В рамках следующего блока вопросов рассматривалась проблематика евразийской интеграции, оценивались действия акторов, работающих на её усиление или ослабление, анализировалась роль молодёжи в евразийской интеграции. Эксперты оценили экономические аспекты интеграции, определили ее наиболее критические и рискованные проблемы и перспективы.

Наконец, третий блок был посвящен моделированию. В его рамках эксперты представили сценарии развития ситуации в Евразии, а также свои прогнозы и рекомендации, касающиеся необходимых мер по развитию социальной сферы, государственных институтов, науки и образования, инструментария «мягкой силы». По мнению экспертов, предложенные меры будут способствовать усилению как позиций России на евразийской арене, так и её комплексному развитию как технологически развитой страны, обеспеченной социальной связностью, являющейся региональным центром силы, который транслирует своё влияние не только в рамках евразийского региона, но и за его пределами.

2. Ключевые вопросы ситуационного анализа и оценки экспертов

Одним из первых вопросов, на который обратили внимание практически все эксперты, участвующие в ситуационном анализе в рамках первого проблемного блока – это вопрос о дефинициях того пространства, которое за последние 30 лет стало привычным как в научной и экспертной литературе, так и на обывательском уровне называть «постсоветским». Было отмечено, что, несмотря на кажущуюся искусственность и второстепенность этого вопроса, тем не менее, проблема определений и терминов важна по двум ключевым причинам. Во-первых, терминология является отражением нашего собственного представления об изучаемом объекте, в данном случае – социально-политическом и географическом пространстве. Во-вторых, термин, употребляемый в отношении стран – соседей России, безусловно вызывает определенную реакцию в их обществах и прежде всего в интеллектуальном и управленческом классе этих стран.

Эксперты были единодушны в том, что термин «постсоветское пространство», который был относительно адекватен процессам, происходящим в постсоветском макрорегионе в 90-е гг. прошлого века и в начале XXI века, постепенно теряет связь с реальностью. Это касается, с одной стороны, поколенческих причин: за 30 лет выросли и приступили к активной социальной деятельности поколения, которые либо не помнят советское государство и, тем более, не имеют опыта жизни в «советской» модели социально-экономического развития, или даже не родились в нем. С другой стороны, на ситуацию влияют текущие политические дискурсы и историко-гуманитарные нарративы почти во всех странах евразийского пространства, нацеленные на постепенное дистанцирование от советского прошлого.

Было отмечено и то, что в целом «советское» далеко не всегда скрепляет, а часто и работает на дезинтеграцию. К примеру, для Центральной Азии (в частности – Казахстана) термин «постсоветское пространство» нерелевантен и, более того, вызывает даже негативные ассоциации, так как вся система государственной политики в области истории и исторической памяти сосредоточена на том, чтобы объявить постсоветский период постколониальным, за редкими исключениями представить советское прошлое в негативном свете.

Кроме того, терминологически не следует вытеснять понятия «Евразия» и «Евразийский союз» как становой хребет и ядро нового интеграционного проекта России. Конечно, в социальных системах, ментальности жителей евразийского пространства, ещё много от советских кодов и нарративов, однако с течением времени эта составляющая уходит – сегодня мало что связывает жителя Гюмри, Унген и Ашгабата. Употребление именно евразийской терминологии является, с точки зрения экспертов, также важным фактором в активизации евразийской информационной повестки и в целом более оправдано.

Следует помнить, что как один из способов подчинения, растворения евразийского пространства и нейтрализации потенциала евразийской идеи стоит рассматривать и превращение её в симулякры, подмену понятий. Например, в Белоруссии работал фонд «Новая Евразия» – НКО, занимающаяся продвижением западных интересов на средства Агентства США по международному развитию (USAID). И только сейчас, после прошлогоднего мятежа, белорусские власти занялись санацией сферы НКО и поставили вопрос о ликвидации этого фонда. Американцы, британцы не зря охотно используют «евразийские» обозначения – они как бы присваивают себе эти термины или создают на их основе новые, наполняя выгодным себе смыслом. Как в случае с изобретенной ими «Центральной Азией», которая должна

заменить якобы «устаревшие» термины «Туркестан» и «Средняя Азия» (А.В. Дзермант).

Эксперты сошлись во мнении, что современный мир находится в очевидной точке полифуркации и даже если говорить об умеренных сценариях развития ситуации на ближайшие годы, то они также будут сопряжены с серьезными экономическими, социальными рисками и рисками безопасности. В этом контексте повестка, направленная на усиление позиций России в Евразии, интеграционных процессов с участием и при лидирующей роли Москвы, является безальтернативной и способной противостоять вызовам и урозам, которые сегодня исходят со стороны коллективного Запада.

Последний, теряя свои универсалистские качества, превращаясь во всего лишь в одну из мир-систем, сам по себе дробится, испытывает серьезные социальные, политические, демографические и целый ряд иных проблем и скорее трансформируется в **Постзапад**. Это, в свою очередь, в условиях кризиса современной капиталистической модели в общемировом масштабе, во многом предопределяет его более конфликтное поведение в борьбе за ресурсы и логистические пути в Евразии, стремление не допустить усиления евразийских акторов и формирования Большой Евразии как региона соразвития. При этом было высказано мнение о том, что сам термин «Постзапад» на данном этапе является преждевременным, хотя и отражает определенные кризисные тенденции в Западном мире (Д.Г. Евстафьев).

В этой связи для России крайне важным является вопрос о характере своих отношений со странами Евразийского экономического союза и шире – евразийского пространства, а именно в нахождении оптимальной диалектики этих отношений, с одной стороны учитывающей национальные интересы нашей страны, а с другой обеспечивающей развитие «союзности» в новом ее понимании, общей безопасности, политической и социальной стабильности наших соседей.

Эксперты отметили, что именно евразийская политика является для России приоритетом, именно она в условиях обострения международной ситуации способна привести к сохранению и упрочению позиций России как региональной державы. Вместе с тем, были высказаны мнения о том (М.В. Сеницын) что Россия не может, как прежде, обеспечивать в качестве донора существование политических режимов, которые в ответ проводят многовекторный курс. Скорее политика Москвы должна быть направлена на прагматизацию отношений с соседями, на то, чтобы оказанные им преференции окупались в виде политических союзов, социокультурной интеграции.

Было высказано мнение, что Россия как лидер Евразии не должна сводить всё к узко понимаемому прагматизму, так как развитие отношений с соседями – это инвестиции в стратегическое будущее, а узко понимаемый прагматизм с недалёким горизонтом оценки скорее вреден (А.В. Гуцин, А.В. Дзермант). Согласно этому подходу, ближайшее десятилетие во много определит место России и её партнёров в XXI веке – обретение полноценной субъектности, или же подчинённое положение, навязываемое им глобалистскими элитами. Кроме того, политический реализм, который сегодня торжествует, и вполне заслуженно, в условиях коренных трансформаций современной капиталистической системы так или иначе будет видоизменяться. И России, помимо прагматизма и реализма, потребуется идеологическая программа, желательна в перспективе нескольких десятилетий положенная на новую социальную посткапиталистическую систему, которая была бы привлекательна для соседей.

Некоторые эксперты пришли к единому мнению (М.В. Сеницын, А.В. Гуцин,), что развитие отношений с соседями, прежде всего на примере Центральной Азии, не может строиться на приеме мигрантов как стержневом

социально-экономическом факторе этих отношений – задача заключается в индустриализации региона, создании там рабочих мест через проникновение туда российского бизнеса, что само по себе является конкурентным китайскому влиянию, но при этом должно быть подкреплено военной силой и обеспечением безопасности центрально-азиатских стран. В этом контексте последние события в Афганистане, помимо их рисковых характеристик и последствий, открывают определенные возможности для усиления влияния в странах Центральной Азии.

Особое место в рамках первого блока было уделено экономической тематике. Эксперты охарактеризовали развитие интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Они сошлись во мнении, что ЕАЭС является наиболее успешным интеграционным проектом на евразийском пространстве, который может стать в известной степени становым хребтом евразийской интеграции на ближайшие годы. Многого в рамках ЕАЭС удалось добиться, прежде всего – продвинуться в области вопросов труда. Но при этом ЕАЭС стоит сегодня перед серьезными вызовами.

Среди таких вызовов были отмечены тревожные тенденции, связанные с отсутствием явного позитивного эффекта от создания Союза. Асинхронная девальвация валют стран ЕАЭС ведет к торговым противоречиям, росту дезинтеграционных настроений в среде предпринимателей, введению барьеров внутри интеграционного объединения. Его участники за счет рынка России добились некоторых успехов, но всё же внутриотраслевая торговля с созданием ЕАЭС интенсифицировалась незначительно. Существует проблема отсутствия единого видения Союза у его участников в долгосрочной перспективе, опасения постсоветских республик за свой суверенитет и доминирование России по общему весу своей экономики в ЕАЭС, серьезная степень дезинтеграции того, что мы по инерции называем постсоветским пространством и

большой объем неиспользуемых мощностей, что не реализует потенциал внутриотраслевой торговли.

Важным негативным фактором являются институциональные ограничения и недостаток капиталовложений, что диктует необходимость более активного финансирования через многосторонние финансовые институты развития. Внутренние структурные проблемы в условиях усиления торгового соперничества в мировой экономике привели в последние годы к отставанию темпов роста ЕАЭС от мировых и ослаблению его экономических позиций в мире. Хотя эксперты подчеркнули то, что страны ЕАЭС продемонстрировали большую устойчивость в 2020 году, чем европейские страны, в целом прирост ВВП в ЕАЭС очень невысок. Лидеры – Армения и Кыргызстан – демонстрируют заметно более высокие показатели по сравнению с другими партнерами по ЕАЭС, но их экономики очень малы, а самая большая экономика – российская, демонстрирует незначительные темпы роста.

По секторальным рынкам потенциальный прогресс также ограничен, противоречия в этих вопросах являются пока тормозом для построения из ЕАЭС реального экономического союза с общим рынком. Не очень хорошая и динамика прироста населения, только в азиатских странах Союза есть рост, особенно в Кыргызстане, но в среднем этот показатель незначителен.

Помимо этого, уязвимыми звеньями в развитии ЕАЭС являются: дифференциация в уровнях развития и слабая экономической связанность; отсутствие серьезных долгосрочных целей совместного развития, которые поддерживаются населением и бизнесом стран-членов ЕАЭС; отсутствие крупных трансевразийских корпораций и общих мощных евразийских проектов.

Эксперты в ходе дискуссии подчеркнули, что классический подход предусматривал три сценария развития

ЕАЭС – транзитно-сырьевого моста между АТР и ЕС, сценарий собственного центра силы и статус-кво. Было отмечено, что сегодня доминирует скорее стагнационный сценарий, когда все основные импульсы развития откладываются до 2025 г.

Эксперты в ходе своих выступлений подчеркнули, что страны ЕАЭС занимают лишь небольшую долю в товарообороте России, на рынке услуг ориентация также в основном на ЕС а не на ЕАЭС. Россия остается основным торговым партнёром стран ЕАЭС, но для самой России это не те партнёры, которые бы определяли большую долю в ее экспорте и импорте. Сказывается низкая связность экономик стран-членов ЕАЭС, барьеры, изъятия и ограничения в ЕАЭС, недостаточное инвестиционное обеспечение, в то время как большое количество основных фондов нуждается в обновлении.

Эксперты едины во мнении, что из всех сценариев наиболее благоприятный для ЕАЭС – это становление Союза как центра силы и притяжения. В рамках данного сценария можно выделить преимущественно три главных фактора научно-технологического прорыва Союза (Е.В. Шавина): высококвалифицированные кадры (за счет непрерывного образования и повышения квалификации, создания мер по стимулированию талантливой молодёжи и студентов), инвестиции (развитие венчурного инвестирования, создание Фонда инвестиций и преференциальных условий для инвесторов по типу ОЭЗ, ТОЭСР, и т.д.) и инновации (формирование новых и развитие уже существующих евразийских технологических платформ, создание инновационных территориальных кластеров, зон высоких технологий, хаковспейсов, возможно использовать опыт Китая).

Некоторые эксперты (М.В. Лапенко) отметили при этом, что расчеты на «мегасделку» с ЕС, при всей ее очевидной желательности в теории, вряд ли оправданы. Особенно учитывая позицию США, дипломатия которых будет

делать всё, чтобы не допустить этого. В этом контексте идеи о «Евразии от Лиссабона до Владивостока», пока остаются труднореализуемыми, а в рамках гипотетической мегасделки ЕС-ЕАЭС последний, пока не будет насыщен и сформирован его внутренний рынок, не будут запущены евразийские платформы производства товаров и услуг, останется фактически поставщиком ресурсов.

Участникам Союза необходимо разработать единую стратегию экономического развития в постпандемийный период, реализация которой позволит каждой стране максимально использовать имеющийся потенциал для достижения темпов экономического роста не ниже докризисного уровня и получить синергетический эффект от кооперации в различных секторах экономики в целом для всех стран ЕАЭС (Е.В. Шавина). Для этого есть предпосылки: экономики стран ЕАЭС оказались более устойчивыми в период пандемии, что вызвано не только более низкой долей услуг в ВВП и менее жёстким локдауном, но и тем, что взаимная торговля ЕАЭС в условиях кризиса сократилась меньше, чем внешняя.

Огромную роль в достижении успеха ЕАЭС должно стать, с точки зрения участников ситуационного анализа, будущее **Союзного государства России и Белоруссии**, актуализация которого и углубление взаимодействия в рамках созданных форматов, являются приоритетной задачей российской внешней политики.

В ходе дискуссии было особенно подчеркнуто, что все сценарии взаимосвязаны, но концепцию центра силы нельзя рассматривать только с точки зрения экономики, потому что в современном мире политика порой диктует экономические процессы. Геополитика, идеология, влияние религиозного фактора, социальные факторы в значительной мере определяют развитие и экономических процессов, которые являют собой далеко не только показатели роста или падения экономик,

но более комплексный процесс. Ценностные, политические, социальные аспекты евразийской интеграции имеют и свое экономическое измерение.

Кризисные тенденции на Западе, риски столкновения таких центров силы как КНР и США в случае верной внешнеполитической линии России, в рамках которой ни одной из сторон не удастся использовать ее в сугубо своих интересах, может в перспективе обеспечить создание своего «третьего пути», в рамках которого Россия не просто укрепит свои позиции лидера на евразийском пространстве, но и будет комплексно обеспечивать этот **третий путь**, который уберет страны региона от участия в конфликтах и будет способствовать экономической стабильности. Это особенно актуально в условиях обострения международной обстановки, которая может развиваться в сторону биполярности Китай – США (А.В. Гущин), либо же в сторону многополярности (М.В. Сеницын А.Р. Никифоров). Во втором случае ситуация будет ещё менее стабильной, ведь, как писал Миршаймер, биполярная модель гарантирует большую стабильность. Ранее соперничество СССР и США было состязанием разных проектов. Теперь же, в случае многополярности, риски нестабильности и войн резко возрастают.

Несмотря на ограниченность возможностей, именно евразийская идеология может быть базовой для России. В рамках этой идеологии, рассматривая ЕАЭС как центр притяжения, необходимо продолжать усилия по полноценному привлечению в союз Узбекистана, а также в рамках ЗСТ и ЗСТ + внешних игроков, причём желательно крупных экономик. Тем не менее, некоторые эксперты (М.В. Сеницын, С.Ю. Пантелеев) с осторожностью подходят к расширению ЕАЭС, тем более за счет стран дальнего зарубежья, имея в виду как цивилизационные различия, так и проблемы, связанные с миграцией трудовых ресурсов, большая интенсивность которой является, с их точки зрения, рискованной.

Для самого же ЕАЭС, по единодушному мнению участников мероприятия, крайне важны сегодня кооперация в промышленных проектах-драйверах, в таких областях как электродвижение, водород, редкие и редкоземельные элементы, космические и авиационные технологии, аэрокосмические сервисы, цифровые технологии торговли, таможенного регулирования, реализация потенциала в медицинских технологиях (вакцины, качество медицинской помощи) и подготовке медицинских кадров. В этой связи особенно важно сохранение и развитие общего культурного и образовательного пространства, укрепление общих исторических и социальных ценностей, а также более активная и системная информационная поддержка позитивного образа евразийской интеграции.

Важнейшей частью первого и второго этапа ситуационного анализа стала тема **молодёжной политики**. Было отмечено (А.Р. Никифоров), что молодёжная политика, безусловно, является сегодня важнейшим элементом политики безопасности, так как конкурентные внешние акторы в лице «Постзапада» делают всё, чтобы обеспечить преимущество своей ценностной картины мира. В сознание молодёжи внедряются глобалистские нарративы и дискурсы, приводящие к дисфункции суверенитета России за счет отказа молодого поколения от национально ориентированного взгляда в пользу получения сугубо личных выгод, либо же праздной жизни, мышления космополитичными категориями.

При этом эксперты (Ф.А. Гайда, А.В. Гущин и А.Р. Никифоров) отметили, что наши конкуренты, используя виртуальные технологии, технологические преимущества, умение проводить рекламные кампании, зачастую достигают больших результатов. Всё это свидетельствует о том, что помимо реактивной политики, проведения отдельных слабосвязанных друг с другом проектов, патриотическое воспитание молодёжи должно как можно больше затрагивать виртуальную сферу, видеохостинги, социальные сети,

необходимо создавать НПО, общественные проекты, которые бы были наполнены патриотическим, подлинным историческим контентом и при этом были бы современны, интерактивны, интересны молодежи, обеспечивали бы социальные лифты. В этом контексте важно также развивать деятельность организаций просветительского типа, (Общество «Знание», молодежные образовательные программы и т.д.) которые должны работать в школах, вузах, на производстве.

К сожалению, как отмечалось экспертами, в настоящее время наблюдается определенный разрыв между декларациями и практическими шагами в области патриотического воспитания, борьбы с фальсификацией истории, воспитания молодого поколения в целом. Конечно, определенные шаги предпринимаются и в области образования, и в области патриотического воспитания, но они как правило не получают должной медийной поддержки в интернете и социальных сетях, часто выполняются «для галочки», что является частью большой проблемы фасадного патриотизма, когда в публичной плоскости говорятся правильные слова, а реальную жизнь патриотическая политика захватывает мало. Более того, отдельные перформансы, мероприятия, дискуссии (к примеру, дискуссии об устойчивом развитии, ЛГБТ, феминистские форумы, установка памятников сомнительного содержания и т.д.) организуемые в России, направлены на подрыв традиционных ценностей.

Ситуация обостряется ещё и тем, что геополитические конкуренты России, прежде всего США, и глобалистский кластер ведут по линии информационно-психологической войны против России очень серьезную работу по подрыву ценностей – семейных, патриотических, нравственных, оказывают воздействие на нивелирование пола как поведенческого императива, а в элитах, в интеллектуальном классе России, идёт конкуренция между условными либералами,

глобалистами и сторонниками национально ориентированного курса. Эксперты подчеркнули, что современная Россия как суверенное государство может сохраниться и укрепить позиции только в том случае, если не станет следовать в стратегической перспективе в русле глобалистской парадигмы, которая предусматривает, в частности, размывание суверенитета через электронное и цифровое управление, через создание своеобразных внегосударственных корпоративных систем управления. При этом эксперты отметили важность эволюции нашей системы в сторону **левоориентированного традиционализма**, который бы, резко отличаясь от западного издания социал-демократии и лево-либеральных ценностей, навязывающихся в тех же США, опять же в интересах глобалистских элит (М.В. Сеницын), базировался бы с одной стороны на традиции, а с другой опирался бы на социальную справедливость, обеспечивал бы **минимизацию социального неравенства в России**, которое является одной из важнейших экзистенциальных угроз.

Реализация новой образовательной, молодёжной и просветительской политики невозможна без тесного партнёрства государства и патриотической части интеллектуалов (Ф.А. Гайда), следовательно, нужно выработать такие формы взаимодействия, при которых эти политики будут реализовываться с участием лучших умов России, знания и деятельность которых будут системно востребованы и институционально оформлены в рамках проектов, НПО, медиаструктур. Государство в этом контексте должно вести постоянный диалог и осуществлять взаимодействие с ними, стремиться через содействие их медийной активности и влияния на общество трансформировать сам «интеллектуальный класс» и общество в сторону патриотизма, осознания России как отдельной цивилизации, важности евразийской интеграции, сокращая тем самым влияние на

общество противников этих идей. Тем самым будет создаваться пространство для трансляции, а затем – и для реализации в практической жизни политических установок, соответствующих концепту суверенной евразийско-ориентированной социальной государственности.

В контексте обсуждения молодёжной политики эксперты отметили важность формирования более чётких идеологических векторов развития России и ее евразийской политики. Было подчеркнуто, что Запад ещё с середины XX века как на концептуальном уровне, так и в реальной политике стремился представить свои социальные нормы как универсалистские. Целый ряд западных социологов и философов, таких как Д. Белл, С.М. Липсет, Р. Арон, Дж. Урри, Ф. Фукуяма в контексте разработки теорий трансформации индустриального общества в постиндустриальное, стремились обосновать необходимость деидеологизации. Однако, как показал последующий ход истории, идеология не исчезла и продолжала играть важную роль в политической и общественной жизни как отдельно взятых стран, так и мирового сообщества в целом. Более того, сама борьба с чуждыми идеологиями и была идеологией – А. Макинтайр не без оснований говорил об «идеологии конца идеологий».

Мечты о грядущем либеральном рае в духе «конца истории» Фукуямы оказались призрачными. Сегодня человек ощущает очевидный недостаток в простых идеях, в которых ему категорически отказано в ситуации постмодерна и леволиберальной диктатуры всевозможных меньшинств. Нравы явно далеки от улучшения, а политическая напряженность в мире не только усиливается.

В этом плане евразийская задача, евразийская идеология и соответственно новая российская идеология, с точки зрения экспертов проекта «Точки Роста» – это новый дискурс, который может возникнуть только в преодолении проекта постмодерна. По всей видимости,

новый социал-традиционалистский дискурс должен соединить в себе экономическую программу ведущей роли государства в формировании и развитии экономики и идеи традиционализма в современной их интерпретации, которые соответствуют задачам социального и технического прогресса. Россия в XXI веке должна стать лидером нормальности, обеспечивая с одной стороны недопущение создания тотальных форм цифрового контроля по примеру Китая, а с другой стать реальным форпостом на пути наступления с Запада леволиберального проекта ультраглобалистов, приобретающего всё более деструктивные формы.

Отдельной темой дискуссии стало обсуждение положения в **сфере образования**, которая неотделима от центральной проблемы ситуационного анализа – молодёжной политики. Эксперты единодушно пришли к мнению, что, несмотря на отдельные успешные проекты в сфере образования, в целом в ней за последние годы доминируют негативные тенденции, что касается как России, так и стран-партнёров по ЕАЭС. В первую очередь школа, а зачастую вузы стали стремиться воспитывать не творческую личность, не человека, ориентированного на прорыв, а потребителя, который мыслит крайне узкими и краткосрочными в плане целеполагания категориями (А.Р. Никифоров). Это положение вызвано во многом как внедрением ЕГЭ и переходом на Болонскую систему, который не принес практически ничего позитивного в сферу образования, а также тем, что работа в школе стала практически полностью превращаться в натаскивание на тесты, а бесплатное образование – в образовании для бедных, в то время как те, кто могут нанять репетиторов, получают определенные преимущества.

Ещё одна важная проблема – это проблема качества и оплаты труда работников средней и высшей школы, где реальное положение серьезно отличается от деклараций. В реальности преподаватели вузов зачастую получают заметно

меньше, чем администрация пишет в отчетах, престиж профессии по-прежнему на низком уровне, а работа в школе и вузе, особенно для мужчины, остается в массовом сознании зачастую символом жизненной неудачи. И это при том, что развитие России как региональной и тем более мировой державы невозможно без фундаментальной науки. Все эксперты сошлись во мнении, что система образования должна быть полностью избавлена от глобалистских неолиберальных подходов. Это вовсе не означает отказа от международного сотрудничества, но отказ от западно-ориентированной наукометрии, когда ученые вынуждены ориентироваться на Scopus и WOS в условиях отсутствия национального и евразийского рейтингов, отказ от доминирования тестовой системы. Необходимо развитие евразийских образовательных платформ, в том числе – электронных. Гораздо больше внимания со стороны государства и бизнеса нужно уделять науке в целом, а в частности – требуется резкое увеличение финансирования и качества организации НИОКР.

Важной темой обсуждения экспертов стала тематика **«мягкой силы России»**. Прежде всего было отмечено, что сам термин «мягкая сила» в российских реалиях не является удачным. Скорее речь должна идти о гуманитарном влиянии России, где главное – это образы, которые экспортирует страна, причём, по большей части, направленные в будущее.

Усилия государственных учреждений должны подкрепляться деятельностью российских НПО в сфере международного развития и наших граждан в международных организациях. Кроме того, нельзя полностью отказываться от культурной дипломатии, превращая мягкую силу сугубо в институт пропаганды – вопрос в том, чтобы культурная и гуманитарная политика были грамотно организованы и профинансированы, а главное – дебюрократизированы и имели бы проекцию в будущее, а не только в сторону чествования общих исторических дат и событий, пусть и очень важных.

Необходимо отказаться от формализации и проведения мероприятий ради мероприятий. Огромное значение, по мнению экспертов, для улучшения образа России в мире играет создание и продвижение российских и евразийских брендов, авторских проектов в различных видах деятельности. Популяризация достижений современной России – огромный фронт работы, причём она должна сочетаться с блокированием мягкой силы наших конкурентов или по крайней мере серьезным контролем над ней, что, опять же, тесно связано с необходимостью новых подходов к медийному пространству, образованию, деятельности НПО, о чем было сказано выше.

Большое значение в этом плане имеет работа с соотечественниками. Российские зарубежные соотечественники как трансграничное глобальное сообщество, связанное с исторической Родиной общероссийской культурной идентичностью, могут выступать в качестве «гражданских мостов» России для диалога с обществами стран их проживания, эффективного инструмента «общественной дипломатии» по формированию ее положительного образа за рубежом, в качестве партнёров по осуществлению совместных проектов в области культуры, образования, спорта, бизнеса и пр. (С.Ю. Пантелеев).

Объективная оценка нынешнего уровня консолидации «движения российских соотечественников за рубежом» будет связана с признанием того факта, что «движение» находится всё ещё на начальном этапе своего становления и многие применяемые ранее формы работы исчерпали свой консолидирующий потенциал. Нужно очевидно переходить к выстраиванию отношений со странами, имеющими значительные русские общины, с учетом соблюдения прав и законных интересов последних вплоть до применения соответствующих санкционных действий в отношении государств, нарушающих права российских соотечественников, с другой стороны – всячески содействовать притоку в

«движение» самостоятельных, активных, молодых и имеющих потенциал влияния в странах проживания представителей русской зарубежной общины. При этом ключевым вопросом, по мнению экспертов, является создание и усиление сети российских НКО международной направленности, которые бы работали с организациями соотечественников и выступали партнёрами российского государства. Эксперты также отметили назревшую необходимость упрощения и повышения эффективности грантовой политики.

3. Сценарии развития ситуации в Евразии

По итогам работы ситуационного анализа эксперты выделили три вероятных сценария в развитии евразийской интеграции и международной ситуации в Евразии с горизонтом до 2030 г. При этом эксперты особенно подчеркнули, что в чистом виде реализация того или иного сценария представляется маловероятной. Кроме того, горизонт прогнозирования, как и сами его возможности, учитывая огромное количество рисков, которые присутствуют сегодня в мире, довольно недалёк. При этом большинство экспертов, отдавая предпочтение срединному сценарию, также отметили, что сам по себе он в чистом виде также нереализуем, так как количество вызовов, обострение конкуренции на мировой арене диктуют неизбежность серьезных перемен. В этом контексте он может быть только базовым для развития международных процессов, но вряд ли в полной мере может быть реализован, так или иначе будут наблюдаться серьезные отклонения от срединного сценария в сторону позитивных или негативных трансформаций для России и евразийского пространства.

В качестве **негативного сценария** эксперты определили развитие событий, при котором

1. Внутри России реализуются гибридные угрозы, связанные с синергией внешних рисков дестабилизации и внутренних диспропорций развития. В этом случае Евразия становится для России не просто источником рисков, в том числе и имеющих «силовое» измерение, но и плацдармом для осуществления против нее гибридных политико-манипулятивных операций, в частности – в национальных регионах.

2. Россия постепенно теряет свой потенциал евразийской державы, воспринимая Евразию уже не как дружественный регион, а как источник угрозы, теми или иными методами (в том числе и «активными») отгораживаясь от нее.

3. Экономика России растет незначительными темпами, усугубляя существующие диспропорции развития. Как следствие: политическая ситуация внутри страны обостряется, внутриэлитные отношения отличаются конфликтностью, наблюдаются тенденции регионализма и предпосылки сепаратизма.

4. Россия не выдерживает конкуренции как с глобальными центрами силы, такими как США, Китай, уступая им свои позиции, так и с региональными центрами, «средними державами», такими как Турция, которые играют всё большую роль на евразийском пространстве, но при этом Москве не удастся выстроить с ними эффективного для себя взаимодействия.

5. На евразийском пространстве происходит обострение национально-территориальных конфликтов. При этом миротворческие функции и потенциал России сокращаются, а де-факто государства, поддерживаемые Россией, реинтегрируются не на условиях Москвы, теряют свою де-факто независимость. В странах-партнёрах России по ЕАЭС и шире на евразийском пространстве происходит вытеснение наших соотечественников, в то время как Россия не в состоянии остановить этот процесс. «Мягкая сила» России остается аморфной.

6. Дезинтеграционные процессы доминируют в ЕАЭС, России не удается стать центром сборки постсоветской Евразии, в ЕАЭС не входят новые члены, он, по сути, остается узконаправленным союзом, ориентированным на обеспечение относительной свободы торговли и сохранение единого рынка труда, потенциал промышленной, интеллектуальной и социокультурной интеграции остается неиспользованным. Беларусь в результате резкого изменения внешнеполитического курса и краха контролируемого транзита попадает под всё большее влияние Запада – Союзное государство терпит крах. Экономическое пространство Евразии разрывается, в том числе и без учета фактора национального суверенитета, более сильными сопредельными геоэкономическими регионами.

7. Молодёжь России находится под тотальным влиянием псевдолиберальных ценностей, патриотизм, консервативные традиционные ценности остаются лишь фасадными и не вызывают энтузиазма в обществе в условиях экономической стагнации и социальной апатии. Образование и наука полностью подчинены зарубежным лекалам, наукометрия западного типа остается доминирующей, сфера образования и науки стремительно бюрократизируются, падает престиж работников этих сфер.

Позитивный сценарий, по мнению экспертов, предполагает

1. В условиях усиления конфронтации КНР и США наблюдается рост заинтересованности стран постсоветской Евразии в России как в факторе стабилизации и обеспечения безопасности, что приведет к серьезному военно-политическому усилению России на евразийском пространстве. Многовекторная политика ряда евразийских стран уходит в прошлое, они всё более ориентируются на Москву, в то же время прежние ориентиры прозападных политических режимов постепенно ставятся под сомнение – в этих странах происходит рост пророссийских настроений.

2. ЕАЭС постепенно превращается в центр притяжения и силы в Евразии. К союзу присоединяется ряд стран, заключается серия соглашений ЗСТ и ЗСТ +, ЕАЭС постепенно растет не только как союз торговый и направленный на развитие единого рынка труда, но и как союз промышленный, индустриальный, развиваются евразийские технологические платформы, происходит согласованная цифровизация. Страны переходят к социокультурной интеграции и стоят на пороге политической интеграции, видя пример Союзного государства, которое обретает более четкие очертания и превращается в полноценный политико-экономический союз.

3. Внутри России происходит рост патриотических настроений, изменяется экономическая политика в сторону стимулирования внутреннего спроса, развития льготного кредитования для бизнеса и производства. Сокращается неравенство. Одновременно с этим растет технологичность российской экономики, которая становится настоящим драйвером интеграционных процессов, активно развивается строительство в Сибири и на Дальнем Востоке. Западно-ориентированность элит уступает место евразийским подходам, импортозамещение позволяет запустить в производство целый ряд товаров, конкурентоспособных на внешних рынках и не уступающих зарубежным аналогам. Россия укрепляется как ведущая военная держава на евразийском пространстве.

4. «Мягкая сила» России активно развивается, гуманитарное влияние расширяется на базе новых подходов к сфере образования и культуры в самой России. Россия создает свою, суверенную образовательную систему, лишь интегрируя, но не слепо копируя зарубежные образцы, создаются свои рейтинги, евразийские образовательные платформы, которые работают на воспитание и образование специалистов, заточенных под выполнение российских и евразийских производственных задач. Престиж профессии работника образования и науки растет.

5. В медийной политике наблюдается отказ от засилья шоу-бизнеса, ценностей личных выгод и хищнического капитализма, появляются новые моральные ориентиры и критерии, которые при активном продвижении со стороны государства становятся мощным заслоном на пути ультралиберальных, левацких тенденций, проникающих с Запада.

Срединный (умеренный) сценарий в основных своих параметрах предусматривает

1. Сохранение в целом статус-кво в «Большой Евразии» (постсоветское пространство и примыкающие к нему геоэкономически несамостоятельные регионы), но с постепенным ослаблением роли России (не обвальным) как интегратора, прежде всего в вопросах экономики и социальной сферы. Китай постепенно вытесняет Россию из Центральной Азии, страны Восточной Европы остаются под влиянием Запада, кроме Беларуси.

2. ЕАЭС остается в состоянии стагнации. Вопросы с созданием отраслевых общих рынков не решаются. Внутренняя торговля растет медленными темпами. ЕАЭС не становится точкой сборки постсоветской Евразии, оставаясь скорее торговым союзом, выполняющим ряд позитивных функций, которые тем не менее непонятны каждому конкретному гражданину в странах ЕАЭС. Кроме того, в странах ЕАЭС растет под влиянием внерегиональных конкурентов оппозиция Союзу, а как минимум, принятию мер по повышению его эффективности.

3. В конфликтных зонах на постсоветском пространстве сохраняется статус-кво. Тем не менее, потенциал влияния России, ее социальная привлекательность не растут, не происходит построения образа совместного будущего стран региона на базе соразвития.

4. В самой России отмечаются невысокие темпы экономического роста. Несмотря на реализацию ряда успешных проектов в области инфраструктуры, системного развития,

реиндустриализации не происходит. Общество всё больше погружается в социальную апатию и атомизируется, идеология не формируется, напротив в области медиа и молодёжной политики наблюдается сохранение порой взаимоисключающих дискурсов и нарративов. Образовательная и научная сфера находятся в стагнации, сохраняется проблема утечки высококвалифицированных кадров. Политическая система сохраняет застойную стабильность.

4. Резюме практических рекомендаций по итогам ситуационного анализа

По итогам работы ситуационного анализа эксперты выработали следующие рекомендации.

В области молодёжной и образовательной политики

- Дебюрократизация управления молодёжными социальными проектами, развитие инициативы «снизу» в рамках управляемо формируемых векторов социального развития, которые не противоречат друг другу на национальном уровне.

- Изменение медийной повестки в сторону ослабления влияния шоу-бизнеса, изменение политики в области кино, придание медиа воспитательных функций через создание в интернете и соцсетях групп, проектов, платформ патриотического, просветительского, социального характера, способных интегрировать молодёжь.

- Пропаганда семьи, верности, технологических достижений, героев из мира спорта, военных, деятелей искусства, преодолевающих себя, в противовес «золотой молодёжи». Организация большей связи между производством, школой и ВУЗами.

- Дебюрократизация сферы образования, отказ от западноориентированной наукометрической системы, создание собственных рейтингов оценки активности научных сотрудников, перенос в центр образовательной системы фигуры учителя и преподавателя высшей школы. Сокращение

разрыва в зарплатах между ППС и высшими управленческими кадрами в высшей и средней школе, повышение престижа профессии учителя.

- Осознание на государственном уровне того, что приток мигрантов лишь относительно может задержать снижение численности населения, не говоря уже о риске изменения этнонационального состава населения. В этом контексте необходимо активное стимулирование рождаемости, заметно большая поддержка материнства, поднятие престижа статуса многодетной матери. Усиление налогового бремени на бездетных (по своей воле) граждан с одновременной серьезной грантовой поддержкой многодетной семьи. Системная поддержка семейного бизнеса в России.

В области евразийской интеграции

- Придание Евразийской повестке статуса приоритета внешней и государственной политики России. Активизация работы по созданию общих рынков ЕАЭС, создание технологических евразийских платформ, промышленная кооперация.

- Развитие внутренней торговли, создание евразийских брендов, активизация евразийской информационной повестки. Докапитализация финансовых институтов и (или) создание новых финансовых институтов союза для инвестирования в инфраструктурные проекты.

- Развитие Союзного государства, преодоление к 2025 г. разницы в его понимании между Россией и Беларусью и создание полноценного политико-экономического союза.

- Разработка концепции реинтеграции Евразии через реиндустриализацию и формирование относительно защищенных внутриевразийских технологических цепочек, как минимум, в первичных «технологических» пределах сырьевых ресурсов.

- Создание образовательных и научных евразийских платформ, систем академического обмена типа европейской

программы Erasmus, разработка и внедрение совместных образовательных и научных программ.

- Трансформация российской «мягкой силы» через совершенствование управленческой системы, ликвидации неэффективных бюрократических структур, усиление финансирования гуманитарных проектов в ближнем и дальнем зарубежье. Дальнейшее ужесточение контроля за проявлениями мягкой силы внешнеполитических конкурентов внутри страны. Трансформация мягкой силы России в сторону формирования позитивного образа будущего через совершенствование социальной системы.

В области идеологии

- Новая российская идеология, с точки зрения экспертов проекта «Точки Роста» – это новая система ценностей, новый дискурс и вектор развития, который сможет возникнуть только в преодолении проекта постиндустриального постмодерна, входящего в фазу комплексной деградации и деструкции.

- Необходим новый социалтрадиционалистский вектор развития, который должен соединить в себе ведущую социальную и экономическую роль государства с традиционализмом и развитием частной инициативы, которая бы при этом работала на «общее дело», была бы встроена в систему партнёрства государства и общества, что дало бы мощный импульс социальному прогрессу.

- Россия в XXI веке должна стать лидером классической нормальности, обеспечивая с одной стороны недопущение создания тотальных форм цифрового контроля и подавления личности, а с другой стать реальным форпостом на пути наступления с Запада леволиберального проекта глобалистов.

**Международная экспертная сессия «Точки Роста – Коломна»
(17 августа 2021 г.)
При грантовой поддержке
Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова**

**«Точки Роста: Евразийская повестка 2030»
Сценарий ситуационного анализа**

I. Определение ситуации

1. 30 лет распада СССР – завершение «постсоветского» периода истории, новая точка полифуркации?
2. Каким будет мир к 2030 г. и каким мы хотим видеть мир для России и наших союзников?
3. Как в условиях обострения «конкуренции за умы» направить энергию молодёжи на созидание мира России-Евразии?

II. Интрига

A) Акторы

1. Евразийская интеграция – как она видится различными акторами? В чем интересы ее участников? Где основные противоречия? Где предел расширения?
2. Противники евразийской интеграции – определение основных акторов, их интересов, в чем их интересы совпадают и в чем различаются? Основные пути противодействия интеграции.
3. Третья сторона – союзники, «попутчики», наблюдатели, конкуренты. В чем их интересы и где они совпадают с нашими?

Б) Молодёжь

4. Молодёжь Евразии как объект воздействия и субъект созидательного творчества:
  - что хочет молодёжь?
  - что нужно молодёжи?

- что предлагают молодёжи «здесь»?
- что предлагают молодёжи «там»?
- как вырваться из ловушки «виртуального мира» и вернуться домой?

III. Моделирование

1. Какие события определяют будущее России-Евразии к 2030 г.? – строим календарь событий
2. Как эти события повлияют на будущее России-Евразии к 2030 г.? – моделируем развитие ситуации:
  - Негативный сценарий
  - Позитивный сценарий
  - Срединный сценарий

IV. Практические часть: выводы, предложения, рекомендации

1. Методология
2. Экономика
3. Общество
4. Государство

ОСОБО: совершенствование механизмов российской «мягкой силы».

ОБ АВТОРАХ

Авдонин Алексей Алексеевич – экономист, аналитик Белорусского института стратегических исследований.

Бабурова Надежда Борисовна – доцент Московского государственного областного университета им. Н.К. Крупской; эксперт Института Русского зарубежья.

Бышок Станислав Олегович – политолог, кандидат политических наук, исполнительный директор Международной мониторинговой организации CIS-ЕМО, эксперт Фонда развития институтов гражданского общества «Народная дипломатия».

Гайда Фёдор Александрович – историк, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России XIX-начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Гришенин Роман Николаевич – заместитель исполнительного директора Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова.

Гущин Александр Владимирович – политолог, кандидат исторических наук, доцент РГГУ, эксперт Российского совета по международным делам.

Дзермант Алексей Валерьевич – философ, политолог, научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Республики Беларусь, директор Центра изучения и развития континентальной интеграции «Северная Евразия» (Беларусь).

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – политолог, кандидат политических наук, профессор НИУ ВШЭ.

Епифанцев Станислав Викторович – киргизский общественно-политический деятель, эксперт Фонда «Наследие Евразии» (Киргизия).

Зинковская Дарья Эльбертовна – федеральный эксперт грантовых конкурсов, председатель Международного

союза Ораторов, Директор АНО «Институт социально-креативного развития актива».

Ковалёнок Сергей Сергеевич – проректор по научно-педагогической, социальной и воспитательной работе Луганского государственного университета им. Владимира Даля, руководитель Русского культурно-образовательного центра (ЛНР).

Крамаренко Максим Борисович – руководитель информационно-аналитического центра «Институт Евразийской политики» (Казахстан).

Лапенко Марина Владимировна – директор Некоммерческого партнёрства «Информационно-аналитический центр Евразия-Поволжье», доцент Саратовского национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского, приглашенный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева.

Луц Сергей Сергеевич – председатель правления Ассоциации «Содействие развитию интеграции, международному социально-культурному и деловому сотрудничеству» (Беларусь).

Межуев Борис Вадимович – философ, политолог, кандидат философских наук, доцент философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Никифоров Андрей Ростиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Носович Александр Александрович – политолог, директор Балтийского исследовательского медиа-центра, обозреватель аналитического портала RuBaltic.ru.

Пантелеев Сергей Юрьевич – политолог, историк, директор Института Русского зарубежья.

Пастюк Александр Владимирович – старший преподаватель Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук, руководитель исследовательских проектов Института приграничного сотрудничества и интеграции.

Петровский Пётр Сергеевич – научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Республики Беларусь, эксперт республиканского общественного объединения «Белая Русь» (Беларусь).

Сапрыка Виктор Александрович – заведующий кафедрой социальных технологий и государственной службы Института экономики и управления Белгородского государственного национального исследовательского университета, доцент, доктор социологических наук, директор Института приграничного сотрудничества и интеграции.

Синицын Михаил Владимирович – эксперт по международным отношениям.

Сулица Олег Андреевич – советник ректора по молодёжной политике Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Тажобаев Алибек Тимитаевич – руководитель Центра аналитических исследований «Евразийский мониторинг» (Казахстан).

Халатян Айк Грантович – редактор Dalma News, Политический обозреватель EADaily (Армения).

Харитоновна Наталья Ивановна – доктор политических наук, профессор Кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России РАНХиГС.

Шавина Евгения Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Шевцов Юрий Вячеславович – политический аналитик, директор Центра по проблемам европейской интеграции (Беларусь).

ТОЧКИ РОСТА: Евразийская повестка – 2030

Сборник экспертно-аналитических материалов
Международного проекта
в сфере публичной дипломатии «Точки Роста»
2020 – 2021 гг.

Ответственный редактор С.Ю. Пантелеев

Сборник издан с использованием гранта
Президента Российской Федерации, предоставленного
Фондом президентских грантов

Материалы публикуются в авторской редакции

Вёрстка – О.А. Корвякова
Корректор – С.И. Соловьёва
Художественное оформление – П.Б. Капля

Подписано в печать 28.10.2021 г.
Объем 28,6 уч.-изд. л. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Тираж 350 экз. Заказ №6214.
Отпечатано «Новый формат».
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,
nf-kniga@yandex.ru,
сайт: типография-новый-формат.рф